

Рахман Мустафа-заде

ДВЕ РЕСПУБЛИКИ

Азербайджано-российские
отношения в 1918-1922 гг.

МОСКВА
2006

Мустафа-заде Р.С.

Две Республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. -М., 2006. 356 с.

В монографии азербайджанского политолога, кандидата исторических наук, рассматриваются актуальные вопросы становления и развития азербайджано-российских отношений в период 1918—1922 гг. В этом контексте приоритетное внимание уделяется анализу слабоизученного и малоизвестного российскому читателю периода 1918—1920 гг., в рамках которого формировались отношения между Азербайджанской Демократической Республикой (АДР) и Советской Россией (РСФСР) — двумя республиками, возникшими на политической карте России после октября 1917г.

В книге исследуется роль карабахского фактора в региональной стратегии России, анализируются международные и региональные аспекты развития азербайджано-российских отношений. На основе широкого круга архивных источников, многие из которых ранее не вводились в научный оборот, изучаются основные идеологические и политические позиции, которые в течение 1918-1922 гг. оказывали — и в той или иной мере и сегодня оказывают — ощутимое влияние на эволюцию азербайджано-российского взаимодействия.

Логическим завершением данного исследования являются выводы и рекомендации автора для практической политики Азербайджана на российском направлении. Для широкого круга специалистов (историков, политологов, дипломатов) и всех, кто интересуется историческими и политическими аспектами развития азербайджано-российских отношений.

На титульной обложке - рабочее заседание делегации АДР на Парижской мирной конференции (1919 г.). Фото из коллекции Р. Абуталыбова.

© Мустафа-заде Р.С., 2006

Издательство «МИК»

ISBN 5-87902-097-5

Отпечатано в типографии «Возрождение»

Объем 22,25 п.л., тираж 700 экз., заказ № 1921

"Не может быть никакого сомнения в том, что всё хорошее в жизни Азербайджана, все культурные начинания, все законные распоряжения, все проявления государственной, общественной и частной инициативы, направленные к пользе страны - все это для нас здесь плюс, дающий нам право выступать смелее в защиту независимости Азербайджана.

Нас еще не признают, но везде и всюду, где это приходится, мы говорим и указываем на то, что мы фактически существуем, и что вот уже полтора года, как самостоятельно живёт Азербайджан, имея свои — Парламент, Правительство, администрацию, суды, школы, войско. Тот Азербайджан, который выдержал жестокую борьбу с большевиками. Значит азербайджанцы жизнеспособны и могут образовать независимое государство. И насколько хватает сил, даже сверх сил, необходимо поддерживать это положение, это утверждение. Мы желали бы, чтобы все, весь народ наш проникся сознанием, что эти месяцы, эти дни мы хотим сдавать экзамены, чтобы доказать нашу способность на свободную политико-общественную и экономическую жизнь.

Мы уверены, что у нас хватит сил на это, ибо наш народ действительно способный, и страна наша обильна природными богатствами. Но так как у нас до сих пор не было политической школы на моральных началах, то необходимо, чтобы народные массы брали примеры с учреждений своего молодого государства и прониклись сознанием серьезности переживаемого момента испытаний. Столица, руководители — вот для них образцы примеров самоотверженного служения Азербайджану. Общий долг — организовать народ и сплотить его во имя идеи независимого существования, ибо уверены в существовании сознания, что поворота нет и не может быть, есть только один путь, ведущий к самостоятельности Азербайджана.

Чтобы благополучно пройти этот путь, прежде всего, необходимо упорядочение и укрепление внутренних дел страны, необходимы порядок и законность в самой стране, в администрации и суде, необходимы забота об общих интересах и любовное к ним отношение, необходимы организованность и сплоченность населения в отстаивании интересов государства.

Только при этих условиях внутреннего упорядочения своих дел Азербайджан может стать государством, и уже таким, которое не будет нуждаться ни в чьем признании, ибо устойчивый, сильный внутри Азербайджан сам по себе, как факт реальный, неоспоримый, будет считаться признанным. Крепкий государственно внутри, он приобретает тем самым и силу моральную и физическую, чтобы дать отпор всякому посягательству извне".

Из письма главы делегации АДР на Парижской мирной конференции А.Топчибашева премьер-министру АДР И. Усуббекову. Париж, 6—10 ноября 1919 г.

*Памяти моего отца, азербайджанского дипломата,
с благодарностью посвящая*

Введение.

Проблематика азербайджано-российских отношений традиционно является одной из наиболее востребованных тем для азербайджанских исследователей. И это вполне закономерно. С момента присоединения первого азербайджанского — Карабахского - ханства к России в начале XIX в. и вплоть до современного периода начала XXI в. отношения с Россией были и остаются не только вопросом внешней ориентации азербайджанского народа, но и одним из определяющих факторов его культурного, социально-экономического и политического развития.

Российский фактор более двух веков определял бытие и сознание азербайджанцев в исторических рамках и географических границах российско-имперского (1805-1917) и советского союзного (1922-1991) государств. В значительной степени под воздействием данного фактора осуществлялось национально-государственное строительство в Азербайджане в период 1918-1922 гг., который охватывает этапы жизнедеятельности Азербайджанской Демократической Республики (АДР или "Первой Республики", 1918-1920) и становления (до образования СССР) Азербайджанской Советской Социалистической Республики (АССР, 1920-1922).

Более того, было бы справедливым признать, что превращение "Азербайджана" из географического термина, обозначавшего стратегически важный перекресток между Западом и Востоком, Севером и Югом, между Российской, Персидской и Османской империями, в название Республики — сначала демократической (причем первой в истории всего мусульманского мира), а затем и советской — было подготовлено более чем вековым опытом пребывания азербайджанцев в составе Российской империи, их соучастия в ее экономическом, политическом и культурном развитии. В рамках вышеуказанных периодов российское влияние оказывало двустороннее, противоречивое воздействие на развитие азербайджанского общества.

В геополитическом плане российская колонизация обеспечила ему безопасность от внешней угрозы, привела к объединению веками раздробленных азербайджанских ханств и формированию территориального единства. Большая часть азербайджанских земель была теперь сосредоточена в двух губерниях — Бакинской и Елисаветпольской (получивших позже в документах АДР название Восточного Закавказья), ставших в 1918 году основой азербайджанского государства. В то же время стратегическое положение присоединенных Россией северо-азербайджанских ханств в

непосредственной близости к Османской и Персидской империям предопределило курс Петербурга на организованное изменение состава их населения за счет стабильной (в течение всего XIX в.) иммиграции конфессионально близкого армянского населения. В результате действия данной тенденции в течение прошедших двух веков заметно сузился исторический ареал жизнедеятельности азербайджанского этноса, что негативно отразилось на его демографическом развитии, произошла арменизация топонимики, памятников материальной, духовной и религиозной культуры азербайджанского народа на территориях Эриванского, отчасти Нахичеванского и Карабахского ханств.

Присоединение к России привело к формированию и развитию азербайджанской экономики, особенно после нефтяного бума 1870-ых гг., превращению Баку в крупнейший в мире нефтяной центр. Однако интеграция азербайджанской экономики в российскую происходила на основе ее одностороннего подчинения потребностям российского рынка. Подход к Азербайджану как к одной из колоний, которая, как четко сформулировал российский министр финансов Е.Ф. Канкрин в 1827 г., "должна приносить государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов", отразил суть экономических интересов России в этом регионе, которые оставались неизменными в течение длительного периода до и после провозглашения АДР (цит. по: 38, 286 — здесь и далее первая цифра означает порядковый номер источника, вторая — номер страницы).

Социальным и культурным следствием интеграции азербайджанцев в российское имперское пространство стало ускорение темпов социальной и социально-политической структуризации в азербайджанском обществе, появление национальной интеллигенции, соединившей свою конфессиональную (мусульманскую) и этническую (тюркскую) принадлежность с российской культурой, а через российское "посредничество" - и с европейским влиянием, передовыми ценностями и знаниями. С середины XIX века азербайджанская элита стала — несмотря на ограничение царизмом ее доступа к государственной службе в имперской и кавказской администрациях, учебных и научных учреждениях — катализатором роста национального самосознания, развития азербайджанской культуры и искусства, литературного языка и журналистики. Зримыми позитивными результатами внутривосточного цивилизационного развития азербайджанского этноса стало открытие в Баку первого на Востоке женского учебного заведения (1847), создание нового алфавита азербайджанского языка (1873), основание национального театра и драматургии (М.Ф.Ахундов, 1873), выход в свет первой национальной демократической газеты (Г.Зардаби, "Экинчи" - "Сеятель", 1875). В 1908 г. молодым азербайджанским композитором Узеиром Гаджибековым (будущим

автором музыки гимна независимой АДР) была создана опера "Лейли и Меджнун" (1908), которая открыла историю оперного искусства на мусульманском Востоке. А написанное им, студентом Петербургской консерватории, в 1913 г. произведение "Аршин мал алан" вышло далеко за рамки чисто национального искусства, став первой российской, и весьма популярной в Европе, опереттой. О масштабах и темпах интеллектуального бума в Азербайджане свидетельствовал и тот факт, что к 1905-1907 гг. Баку стал столицей мусульманской журналистики в России, опередив в этом смысле Казань — признанный центр российской мусульманской культурной и политической жизни.

Идейно-политическим следствием активного участия азербайджанцев в интеллектуальной, политической, партийной и парламентской жизни России стало возникновение в азербайджанском обществе в начале XX века азербайджанского либерализма и социализма, которые наряду с традиционными и ориентированными на тюркский и мусульманский миры тюркизмом и исламизмом легли в основу идеологии национальной государственности в период АДР.

Совокупное действие политических, социально-экономических и идейных факторов привело к этнической консолидации коренного азербайджанского населения и его превращению из "тюрков-мусульман" ("закавказских", а позже — "адербиджанских татар") в азербайджанскую нацию, во главе которой стала интеллектуальная элита с развитым национально-государственным самосознанием. Лидеры азербайджанского национального движения, получившие образование в лучших российских университетах, а опыт общественно-политической деятельности — в Государственной Думе и ведущих российских партиях, были подготовлены к тому, чтобы не только сформулировать идею азербайджанской независимости, но и реализовать ее в практике государственного строительства. Именно они создали и возглавили в 1918 г. АДР - первую в мусульманском мире демократическую республику с многопартийным парламентом, в работе которого принимали участие более 10 фракций, представлявших 6 ведущих политических партий республики и все ее основные национальные меньшинства (армянское, русское, немецкое, польское, грузинское и еврейское).

Иными словами, и появление "Первой Республики", и ее активная жизнедеятельность стали результатом длительного общественно-исторического развития азербайджанцев в составе Российской империи, следствием несомненных цивилизационных преимуществ российско-имперского варианта развития при всех противоречивых и неоднозначных аспектах данного процесса. Этот факт имеет настолько очевидный характер, что признается и зарубежными учеными. Подчеркивая взаимосвязь между

появлением АДР на политической карте Закавказья и предыдущим столетием российского правления, ведущий зарубежный исследователь истории Азербайджана, американский ученый польского происхождения Тадеуш Свиетоховский в своей монографии "Русский Азербайджан" отмечает в связи с этим: "Основным результатом этого правления было объединение Азербайджана путем прекращения политического дробления, оставшегося от периода, когда страна была разделена на ханства, и интегрирования его экономики. Культурным и социальным последствием связей с Россией было возникновение интеллигенции, которая впоследствии стала стремиться встать во главе образующегося общества. Усилия интеллигенции были направлены, прежде всего, на внутреннее объединение, что выразилось в устранении вражды между суннитами и шиитами, способствовании развитию образования и современных форм литературного языка" (93, №3, 59-60).

Следует отметить, что долгое время в большинстве научных работ советского периода двусторонние азербайджано-русские отношения в 1918-1920 гг. рассматривались преимущественно в контексте установления советской власти в Азербайджане и большевизации всего закавказского региона, оставляя в тени или вообще игнорируя существование АДР, которая азербайджанскими авторами упоминалась не иначе, как "слепое орудие иностранных империалистов". Закономерным следствием столь пренебрежительного подхода к национальной истории стала — помимо других и более серьезных негативных последствий — слабая изученность отношений между АДР и РСФСР — двумя республиками, возникшими в результате крушения российской империи. Между тем, именно в рамках данного периода была предпринята не только успешная попытка создания национального азербайджанского государства, но и первая (и, в силу объективных исторических причин, безуспешная) попытка построения равноправных отношений между демократическим Азербайджаном и большевистской Россией. В рамках этих отношений возрождались традиционные и закладывались новые принципы и подходы, без учета которых история Азербайджана и его отношений с Россией является лишь усеченной черно-белой копией тех реальных ярких и драматических событий, которыми был наполнен 23-месячный (28 мая 1918 — 28 апреля 1920) период жизнедеятельности АДР.

Хотелось бы в данном контексте отметить важный с научной и политической точек зрения вклад общенационального лидера азербайджанского народа Г.А. Алиева в процесс всестороннего объективного изучения наследия АДР. Подписанное им 30 января 1998 г. распоряжение "О проведении 80-летия Азербайджанской Демократической Республики" стало первым шагом на пути серьезного, подлинно научного, свободного от политической заданности и идеологической тенденциозности изучения отечественной истории. В рамках реализации данного распоряжения

азербайджанскими учеными был подготовлен и издан многотомный сборник документов и материалов, в которых отражена деятельность АДР в области государственного строительства, внутренней и внешней политики, законодательства, военного строительства и другие аспекты жизнедеятельности "Первой Республики". При этом значение подписанного Гейдаром Алиевым распоряжения не ограничивается тем, что оно открыло для ученых ранее не публиковавшиеся и систематизировало уже известные архивные документы, став незаменимым источником для научных исследований. Данный документ имеет также непреходящее политическое значение. В нем впервые периоды демократического (1918-1920 гг.), советского (1920-1991 гг.) и современного независимого (с 1991г.) периодов развития Азербайджана рассматриваются в неразрывной исторической связи и преемственности как разные этапы сложного, противоречивого, но при этом единого, неразрывного пути поступательного национально-духовного развития азербайджанского народа и эволюции азербайджанской государственности.

Анализируя сегодня азербайджано-российские отношения 1918-1920 гг. на базе доступного для исследования архивного материала, следует отметить, что они не смогли выйти на уровень полноценных дипломатических отношений между независимыми государствами. Их можно даже охарактеризовать как "отношения без признания", так как Советская Россия в течение 23-месячного срока существования АДР так и не выступила с дипломатическим признанием ее независимости.

Однако без рассмотрения этого дебютного периода в истории азербайджано-российских межгосударственных отношений невозможно создать целостное представление о независимой истории Азербайджана, этапах его национально-государственной строительства, развитии азербайджано-российских взаимоотношений. В рамках этих отношений стали формироваться идеологические ориентиры и основанные на них политические подходы как Москвы, так и Баку, которые в течение 1918-1922 гг. оказывали, и в той или иной мере и сегодня оказывают ощутимое воздействие на эволюцию азербайджано-российского взаимодействия. Поэтому в современных условиях независимого развития наших стран, когда Россия вновь стала для молодого азербайджанского государства важнейшим объектом его внешней политики, а Азербайджан - одним из приоритетных направлений закавказской стратегии России, сохраняют свою актуальность многие факты и уроки из истории отношений периода 1918-1922 гг.. В этом контексте особое значение приобретает сопоставление современных аспектов развития азербайджано-российских отношений с историческими с целью выявления преемственных факторов и их учета в интересах развития данных отношений в настоящем и будущем.

Следует отметить, что при рассмотрении отношений между Азербайджаном и Россией в 1918-1922 гг., автор ставил цель не только осветить неизвестные ранее аспекты данных отношений, но и, поместив их в региональный контекст, проследить влияние внешних факторов (международного, турецкого, персидского и армянского) на их развитие, и в этом контексте оценить место и роль Азербайджана в данном регионе и в политике России. Рассмотрение региональных аспектов двусторонних отношений позволит нам сделать вывод о том, что именно Азербайджан служил тем "ключом", с помощью которого Россия — будь то имперская или советская - "открывала двери" не только в закавказский (или южнокавказский — в зависимости от политических предпочтений), но и средне- и ближневосточный регионы.

Одним из важнейших стимулов к обращению к данной теме стала неосвоенность огромных архивных пластов по истории азербайджано-российских отношений в данный период. Действительно, многие аспекты данной проблематики получают более яркое "освещение" и более качественное "звучание" при использовании ранее не вовлекавшегося в научный оборот архивного материала. Автору удалось проработать большой объем архивных дел и документов ведущих российских фондов, прежде всего Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории, которые позволяют по-новому взглянуть на уже известные события начала XX веков и выявить ранее не вводившиеся в научный оборот факты из истории закавказского региона, Азербайджана и азербайджано-российских отношений, оценить их сквозь призму нынешних тенденций сосуществования независимых Азербайджана и России.

Важное место в данной работе занимает рассмотрение исторических аспектов зарождения карабахского вопроса, ставшего своеобразным "нервным узлом" азербайджано-российских отношений и региональной ситуации в целом. Так получилось, что центральное место карабахской проблематики в системе двусторонних отношений между Азербайджаном и Россией совпало с тем, что и в данной монографии данная тема занимает структурно центральное положение. Учитывая ее значение в двусторонних (Азербайджан и Россия, Азербайджан и Армения, Россия и Армения), многосторонних (Азербайджан, Армения и Россия) отношениях в рамках рассматриваемого периода, автор счел целесообразным проследить эволюцию этнической и политической ситуации в карабахском регионе с начала присоединения Карабахского ханства к России в начале XIX в. до 1922 г. на основе архивных источников и работ авторитетных русских историков, дипломатов и этнографов. Подобное отступление от временных рамок темы монографии важно не только для подтверждения

азербайджанской принадлежности карабахского региона. Оно позволяет понять, почему слово "Карабах", изначально символизировавшее плодородие и богатство данного региона (буквальный перевод с азербайджанского языка - "черный сад", т.е. "сад, изобилующий плодами"), стало в конце XX в. нарицательным термином для характеристики любого кровопролитного вооруженного конфликта.

Предлагаемая документально-историческая ретроспектива дает также возможность составить ясное представление о зарождении, основных этапах реализации и итогах политики России по массовому переселению армян на присоединенные северо-азербайджанские территории. В основе этно-миграционной стратегии Петербурга лежала логика колонизационного освоения закавказского пространства, обеспечения его пророссийской лояльности, организации эффективного контроля над ним, а также, защиты южных границ империи. А ее результатом стало радикальное изменение этно-демографической ситуации в тюрко-мусульманских районах Закавказья (на территории бывших Эриванского, а также, частично, Нахичеванского и Карабахского ханств), которое облегчило их включение в состав искусственно сконструированной кавказской Армении и создание — в ранний советский период — армянской автономии в нагорной части Карабаха.

В дополнение к вышеизложенным мотивам, предопределившим выбор предлагаемой темы и ее временных рамок, следует отнести также профессиональный интерес автора, бывшего сотрудника МИД СССР (затем России), который, осознавая важное значение и актуальность российского направления во внешней политике современного Азербайджана, считал необходимым предложить не только выводы, но и рекомендации по дальнейшему развитию азербайджано-российских отношений.

В целом же, "Две Республики" - это попытка по-новому взглянуть не только на отношения между первыми государственными образованиями на территории современных Азербайджана (АДР и АССР) и России (РСФСР), но и, в более широком понимании, стремление обратить внимание на те идейные принципы и взгляды, политические подходы и позиции, которые формировались у истоков азербайджано-российских отношений и сегодня продолжают оказывать существенное воздействие на их развитие.

Автор выражает признательность сотрудникам АВП, РГАСПИ и особенно ГАРФ за созданные ими благоприятные условия для работы над архивными материалами и документами. Самые добрые слова благодарности — российским предпринимателям Видади Гусейнову, Эльману Байрамову и Фуаду Абдуллаеву, которые помогли сделать эту книгу реальностью, а также Алмазу Халилову — за его неоценимую поддержку на последнем и самом ответственном этапе осуществления данного проекта.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что данная монография, несмотря на большой объем использованных при работе над ней источников и материалов, не претендует на исчерпывающую полноту раскрытия предложенной темы. Содержащиеся в ней факты было бы полезно дополнить плодами научной работы в архивах тех стран, которые в рассматриваемый период проводили активную, в той или иной степени, южно-кавказскую политику (Великобритания, Франция, Германия, США, Италия, Турция, Грузия, Армения и др.). Что же касается выводов, то их необходимо рассматривать как призыв к дальнейшему и всестороннему изучению всегда актуальной, интересной и постоянно обновляющейся проблематики азербайджано-российских отношений.

ГЛАВА 1

Азербайджано-российские отношения в 1918-1920 гг.

1.1. "Мы хотим как можно более крупного государства": вопрос о самоопределении "окраин" в идеологии большевиков

Период 1918 - середины 1920 гг. был одним из самых сложных и напряженных в истории азербайджанского народа. Именно на данном этапе в Азербайджане была предпринята и в тяжелейших внутривластных, региональных и международных условиях реализована первая в истории мусульманского мира попытка создания парламентской демократической республики.

После большевистского переворота 1917 г. закавказский регион, как и большинство регионов бывшей Российской империи, находился в переходном состоянии. 2 ноября 1917 г. в Баку — важнейшем политическом и промышленном центре региона и будущей столице независимого Азербайджана — была провозглашена советская власть, которая фактически находилась в руках Бакинского Совета. Председателем его Исполкома был избран Степан Шаумян, который наряду с этим 16 декабря 1917 г. был назначен Лениным Чрезвычайным Комиссаром по делам Кавказа.

Параллельно в регионе существовал другой, более представительный и гораздо более легитимный орган власти — Закавказский комиссариат, образованный 15 ноября 1917 г. ведущими политическими силами трех основных закавказских народов — армян, грузин и азербайджанцев, а также русскими правыми эсерами и кадетами для управления Закавказьем. Он не признал октябрьский переворот, решений большевиков и взял курс на создание в регионе органов самостоятельной власти. Политическая линия данного органа объективно отражала произошедшие в России изменения. Несмотря на захват власти большевиками после октябрьского переворота, на состоявшихся 12 ноября 1917 г. выборах в Учредительное собрание большинство получили партии буржуазно-демократической ориентации — правые эсеры (380 депутатов из 703), левые эсеры, кадеты и меньшевики. Большевики смогли провести лишь 168 своих представителей. Поражение большевиков на парламентских выборах в конечном счете привело к разгону этого представительного органа в январе 1918 г., а в марте — к переводу Лениным своего правительства из антибольшевистски настроенного Петрограда в политически лояльную Москву.

14 февраля 1918 г. члены разогнанного Собрания от Закавказья собрались в Тифлисе и образовали Закавказский Сейм, который сменил Закавказский комиссариат. 22 апреля Сейм, опираясь на легитимный статус

своих членов, которые были избраны в результате демократических выборных процедур, провозгласил Закавказье независимой демократической федеративной республикой. Закавказская федерация просуществовала чуть больше месяца и оказалась переходным этапом в процессе провозглашения независимых закавказских республик — Грузинской (26 мая), Азербайджанской и Армянской (обе — 28 мая). Независимость Азербайджана была провозглашена Национальным советом Азербайджана, который был сформирован из членов мусульманской фракции распавшегося Сейма.

В этот период руководством Советской России были провозглашены "Декларация прав народов России" (принята Советом Народных Комиссаров 15 ноября. 1917 г.), в которой в качестве одного из основных принципов большевистской национальной политики признавалось "право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства", и Обращение "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока" (принято 20 ноября 1917 г.). Как показали дальнейшие практические действия большевиков в Азербайджане и других регионах бывшей Российской империи, заявивших о своей независимости, данные акты служили для большевистского центра не более, чем пропагандистским обеспечением для проведения в сложных исторических условиях политики "собирания окраин" и укрепления власти в стране.

Следует при этом отметить, что лидер большевиков В.И. Ленин в многочисленных своих работах до и после октябрьского переворота 1917 г. подходил к вопросу самоопределения с двойственных позиций. С одной стороны, он понимал под самоопределением наций государственное отделение их от "чуженациональных коллективов" вплоть до образования самостоятельного национального государства. В работе "О праве наций на самоопределение", написанной в феврале-мае 1914 г., Ленин отмечал, что самоопределение наций в программе марксистов "не может иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства" (79 — т.25, 263). Подчеркивая, что создание самостоятельного и независимого национального государства остается в России привилегией одной только великорусской нации, он рассматривал отрицание права наций на самоопределение как поддержку привилегий господствующей нации и однозначно указывал в данной работе на несомненное право, в частности, Украины, на создание самостоятельного государства: "Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великоросса над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни было нации" (там же, 277). Только такая пропаганда гарантировала, по убеждению

Ленина, наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым национальным государством, и наиболее мирное разделение на разные государства, если встал бы вопрос о таком разделении.

Однако, рассматривая в данной работе вопрос об отделении Норвегии от Швеции, Ленин делал уже иные акценты в большевистском подходе к данному вопросу. Он отметил, что в "вопросе о самоопределении наций, как и во всяком другом вопросе, нас интересует прежде всего и более всего самоопределение пролетариата внутри наций" (там же, 292). Опираясь на данный тезис, он следующим образом сформулировал позицию российского пролетариата в данном вопросе — борьба со всяким национализмом, признание не только полного равноправия наций, но и равноправия в отношении государственного строительства, и, наряду с этим, "отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности" (там же, 319).

Эта же линия прослеживается и в другой ленинской работе - "О национальном и национально-колониальном вопросе", в которой Ленин подчеркивал следующее: "Безусловное признание борьбы за свободу самоопределение вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Социал-демократы, как партия пролетариата, ставят положительной и главной задачей содействие самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности" (цитируется по: 19, 5).

Вот так, сузив социальные рамки понятия "нация" и опираясь на свои прагматические интересы, Ленин рассматривал данный вопрос. Закономерно, что в декабре 1917, когда украинский парламент, провозгласивший 7 ноября 1917 г. образование украинского государства в составе России, в ответ на ультиматум Ленина о капитуляции попытался напомнить ему о декрете, гарантирующем право наций на самоопределение, Ленин заявил о том, что большевики "признавали право на самоопределение не украинских помещиков и буржуазии, а украинских трудящихся". А несколько позже, 18 января 1920 г., уже рассматривая вопрос признания Азербайджанской Демократической Республики, Политбюро ЦК РКП(б) поручило НКВД "вести политику величайшей сдержанности и недоверия по отношению к Азербайджанскому правительству", подчеркивая при этом все тот же тезис о "неуклонном признании права трудящихся масс каждой нации на самоопределение" (79 - т.40, 52).

Однако даже при таком прагматичном подходе лидер большевиков не рассматривал принцип самоопределения как абсолютный и считал возможным игнорировать даже его усеченную форму в случае необходимости: "Отдельные требования демократии, в том числе

самоопределение, не абсолютом, а частичка общедемократического (ныне: общесоциалистического) мирового движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее" (цит. по: 19, 5). После октября 1917 г. такие "частички" стали возникать на всей территории бывшей Российской империи, в том числе в Финляндии, Польше, Украине, Закавказье, и новая советская власть — следуя установленному Лениным принципу — последовательно "отвергала" их.

Этим она, однако, не ограничилась. Один из идеологов большевиков, "любимец партии" Николай Бухарин в мае 1918 г. в своей брошюре "Программа коммунистов (большевиков)" развил ленинский принцип "отвержения частичек" до идеологического оправдания "экспорта революции": "Здесь речь идет не о праве наций (т.е. рабочих и буржуазии вместе) на самоопределение, а о праве трудящихся классов. Это значит, что так называемая "воля нации" для нас вовсе не священна ". "Если бы мы хотели узнать волю нации, - откровенно признавал Бухарин, - нам нужно было бы созывать учредительное собрание этой нации. Вот почему мы говорим не о праве наций на самоопределение, а о праве на отделение трудящихся классов каждой нации... И если бы в каком-нибудь уголке России было создано одновременно два собрания - "Учредилка" данной нации и Съезд Советов, причем "Учредилка" стояла бы за отделение, а пролетарские съезды против, - мы тогда поддерживали бы решение пролетариата против решения "Учредилки" всеми средствами, вплоть до оружия" (цит. по: 94, 26-27). Как видно, Ленин и Бухарин, а вместе с ними Троцкий, Сталин, Зиновьев и другие большевистские лидеры фактически поддерживали не сам принцип самоопределения, а заложенную в его оригинальной трактовке возможность вмешиваться во внутренние дела других государств. Как считал сам Бухарин, "это есть путь всемирной поддержки международной революции, путь поддержки революционной пропаганды, стачек и восстаний в империалистических странах, путь поддержки возмущений и восстаний в колониях этих стран" (там же, 27).

В дальнейшем такой подход к вопросу о праве на самоопределение, который был закономерным следствием ориентации большевиков на мировую пролетарскую революцию, лег в основу их жесткой политики по отношению к попыткам провозглашения национальных государств на территориях бывшей Российской империи.

Следует также отметить, что, даже признавая право на самоопределение лишь за пролетариатом, большевики рассматривали его реализацию не как предпосылку к созданию национальных государств, а как этап к "слиянию наций" и образованию нового пролетарского государства с единым народом, возглавляемым единой коммунистической партией. "Разграничение наций в пределах одного государства вредно, и мы

марксисты, стремимся сблизить и слить их", - отмечал Ленин. В другом месте он подчеркивал, что "целью социализма является не только уничтожение раздробленности на мелкие государства..., не только сближение наций, но и слияние их" (цит. по: 19,113 и 261). Указывая на необходимость признания за бывшими окраинами России права на отделение, Ленин всегда держал в уме основную цель - сохранение всех народов бывшей империи в составе советского государства и в связи с этим откровенно подчеркивал пропагандистское значение лозунга самоопределения: "Мы, со своей стороны, вовсе отделения не хотим. **Мы хотим как можно более крупного государства...** Мы хотим свободного соединения и потому мы обязаны признать свободу отделения" (выделено нами - прим. авт., цит. по: 19, 12). На эту особенность большевистского подхода обратил внимание известный западный политолог А.Авторханов, давший в своей книге "Империя Кремля" подробный анализ большевистской теории и практики в национальном вопросе. По его мнению, "Ленин изобрел в национальной политике такой изощренный тактический прием, до которого не додумался еще ни один макиавеллист нового времени. Ленин провел своеобразное разделение труда между своими сторонниками в партии: русские большевики должны были проповедовать "право нерусских народов на самоопределение", а большевики нерусской национальности, наоборот, должны были писать и настаивать на праве нерусских народов "присоединиться" к России" (цит. по: 19, 6). Но Ленин, как уже было отмечено выше, и не скрывал "второго дна" своей политики и в работе "О национальном и национально-колониальном вопросе" открыто говорил о причинах использования именно данной тактики: "Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят "противоречивым", чтобы социал-демократы угнетающих наций настаивали на "свободе отделения", а социал-демократы угнетенных наций - на "свободе соединения". Но небольшие размышления показывают, что иного пути к интернационализму и слиянию наций, иного пути к этой цели от данного положения нет и быть не может" (цит. по: 19, 5).

На важное тактическое значение поддержки советской властью принципов "самоопределения" и "отделения" указывал позже и И.В. Сталин. В лекции "Об основах ленинизма. Национальный вопрос", прочитанной в Свердловском университете в начале апреля 1924 г., он отмечал, что без проведения в жизнь этих лозунгов и поддержки этих принципов "невозможно было бы упрочить Советскую власть, насадить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов, которая называется Союзом Советских Социалистических Республик и которая является живым прообразом будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве" (97, 49).

Но еще раньше - 10 октября 1920 г., в опубликованной в "Правде" статье "Политика Советской власти по национальному вопросу" (18, д. 1201, лл. 269-280) Сталин с присущей всем большевикам откровенностью и прагматизмом показал объективную (с точки зрения государственных советско-российских интересов) неприемлемость для советской власти признания права на самоопределение и отделение для "российских окраин". "Три года революции гражданской войны показали, - отмечал глава наркомнаца, - "что без взаимной поддержки центральной России и ее окраин невозможна победа революции, невозможно освобождение России от когтей империализма". Далее он откровенно подчеркивал, что "центральная Россия, этот очаг мировой революции, не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, топливом, продуктами продовольствия". Признав, что более развитая центральная Россия не сможет довести до конца "дело революции", а большевики не смогут удержать власть "без поддержки менее развитых, но более богатых необходимыми ресурсами окраин", Сталин ясно определил первопричины негативного отношения большевиков к вопросу "отделения" и "самоопределения". Кроме того, требование отделения окраин от России Сталин исключал не только потому, что оно противоречило, по его убеждению, самой постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами, но, прежде всего, потому, что оно в корне противоречило, как он подчеркивал, "интересам народных масс как центра, так и окраин": "Не говоря уже о том, что отделение окраин подорвало бы революционную мощь центральной России, стимулирующей освободительное движение Запада и Востока, сами отделившиеся окраины неминуемо попали бы в кабалу международного империализма". "Достаточно взглянуть, - подчеркивал далее российский нарком по делам национальностей, - на отделение от России Грузии, Армении, Польши, Финляндии и т.д., сохранившие лишь видимость независимости, а на деле превратившиеся в безусловных вассалов Антанты, достаточно, наконец, вспомнить, недавнюю историю с Украиной и Азербайджаном (Сталин имел ввиду почти двухлетний период независимости Украины и Азербайджана — прим. авт.), когда первая расхищалась немецким капиталом, а вторая — Антантой, чтобы понять всю контрреволюционность требования отделения окраин при настоящих международных условиях". По убеждению Сталина, в условиях усиливающейся борьбы между пролетарской Россией и империалистической Антантой для окраин были возможны лишь два выхода: либо вместе с Россией, и тогда - "освобождение грудящихся масс окраин от империалистического гнета", либо вместе с Антантой — и тогда "неминуемое империалистическое ярмо". Как и его товарищи по партии, Сталин лишь теоретически допускал возможность отделения "окраин": "Конечно, окраины России, нации и племена, населяющие эти окраины, как и

все другие нации, имеют неотъемлемое право на отделение от России, и если бы какая-либо из этих наций решила в своем большинстве отделиться от России, как это было с Финляндией в 1917г., то России, вероятно, пришлось бы констатировать факт и санкционировать отделение. Но речь здесь идет не о правах наций, которые неоспоримы, а об интересах народных масс как центра, так и окраин". "Ну, а интересы народных масс говорят, - считал будущий руководитель партии и государства, - что требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно". При этом следует отметить, что Сталин занимал в это вопросе еще более жесткую позицию, чем Ленин, и исключал не только отделение, но и культурно-национальную автономию, считая, что единственно целесообразной формой федеративного союза между центром и окраинами является "областная автономия".

Важно подчеркнуть, что в вышеприведенных цитатах из сталинского выступления термин "самоопределение" не случайно практически полностью был вытеснен "отделением". Столь упрощенный подход к данному вопросу облегчал обоснование более бескомпромиссной политики в национальном вопросе. Сам Сталин объяснил свою позицию, свой переход от одного лозунга к другому в своем докладе "Очередные задачи партии в национальном вопросе", сделанном 10 марта 1921 г. на открытии X съезда РКП (б). Подвергнув критике Чичерина за то, что последний, по его мнению, "слишком много говорит о национальном самоопределении, которое, действительно, превратилось в пустой лозунг, удобно используемый империалистами", Сталин отметил: "Товарищ Чичерин странным образом забыл, что мы с этим лозунгом распростились уже два года. Этого лозунга у нас больше нет в программе. У нас говорится в программе не о национальном самоопределении — лозунг совершенно расплывчатый, а о лозунге более отчетаненном и ясно определенном — о праве народов на отделение. Это две вещи разные" (18, дело 1201, лл. 318-334).

Подход Сталина к принципам самоопределения, отделения и независимого развития "окраин" как к контрреволюционным, "несовместимых" с интересами т.н. "трудящихся масс" метрополии и окраин, особенно в условиях противостояния СССР империалистическому Западу, отчетливо проявился в сентябре 1923 г. в реакции Сталина на опубликованную М.Э. Расулзаде (1884-1955, один из лидеров и идеологов АДР; с мая по декабрь 1918г. - председатель Азербайджанского национального совета, провозгласившего 28 мая 1918 г. образование независимой АДР; в июне 1918 г. по приглашению османского правительства прибыл в Стамбул во главе азербайджанской правительственной делегации для участия в планировавшейся международной конференции с целью урегулирования территориальных проблем закавказских республик; с 7 декабря —

председатель парламентской фракции партии "Мусават", с 1922 г. - в эмиграции) в турецкой эмиграции брошюру "Азербайджанская Республика: образование и нынешнее положение". В письме членам руководства Советского Азербайджана ("По поводу реакционной брошюры Расул-заде") Сталин советовал подготовить ответный "разоблачительный" пропагандистский материал и использовать в нем следующие тезисы: "Нужно прямо указать, что Расул-заде является отсталым, невежественным, средневековым утопистом, поскольку он не понимает того простого факта, что мир раскололся на два основных лагеря — лагерь советских республик и лагерь империалистических держав, что угнетенные народы должны пристать либо к одному лагерю, либо к другому, что необходимо стоять либо за советские республики против империализма, либо за империализм против советских республик...". Полемизируя с утверждениями Расулзаде о негативном воздействии большевистского правления на социально-экономическое и культурное развитие Азербайджана, о возможности мирного сосуществования независимого демократического Азербайджана с независимой демократической Россией, Сталин подчеркивал: "Только круглые идиоты могут утверждать, что при буржуазной России мыслимы свободные Турция, Персия, Азербайджан и пр. Только круглые идиоты могут забыть, что буржуазная Россия расширялась (и будет расширяться) лишь за счет Турции и Персии и лишь в союзе с Англией и прочими империалистическими державами" (18, д.746, л.9).

Признание права на самоопределение только за национальным пролетариатом имело важные последствия не только с точки зрения формирования идеологии и внутривнутриполитической стратегии большевиков, но и определения, как отмечалось выше, их внешнеполитических приоритетов. В вышеупомянутой брошюре "Программа коммунистов (большевиков)" Бухарин отмечал в связи с этим: "Положение Советской Республики есть исключительное положение. Это есть единственная в мире пролетарская государственная организация среди разбойничьих организаций буржуазии. Поэтому только она имеет право на защиту. Более того — ее нужно рассматривать как орудие борьбы всего мирового пролетариата против мировой буржуазии. Уже ясен и лозунг, боевой клич этой борьбы... Свержение империалистических правительств путем вооруженного восстания и организация международной республики Советов — таков путь к международной диктатуре рабочего класса" (цит. по: 94, 27).

Так была сформулирована внешнеполитическая цель. Что же касается тактики захвата большевиками власти в республиках (Финляндия, Азербайджан, Армения, Грузия, Украина и др.), политическая элита которых приняла декларативные лозунги большевиков за их подлинную политику и предприняла попытку отделения от Советской России, то в основе ее была

поддержка большевиками партий и движений левой, коммунистической ориентации в странах, провозгласивших свою независимость, и использование этих партий (точнее, призывов этих партий к "братской помощи") в целях вооруженного захвата власти в данных странах. Эта схема с той или иной степенью эффективности была применена в Украине в декабре 1917 г., в Финляндии в начале 1918 г., в Азербайджане в апреле 1920 г., в Армении в декабре 1920 г. и в Грузии в феврале 1921 г. Попытки осуществления "мировой пролетарской революции" были предприняты также в 1923-1924 гг. в Германии, Польше, Болгарии и Эстонии.

Неоимперский характер идеологических ориентиров большевиков и базировавшихся на них внешнеполитических подходов был столь очевиден, что на это обратили внимание даже в русской эмигрантской монархической среде. Интересную цитату в связи с этим нашел известный российский ученый-историк В.Сироткин в мемуарах российского эмигранта-державника В.В. Шульгина (по иронии судьбы, именно Шульгин, убежденный монархист, принимал 2 марта 1917г. в Пскове отречение Николая II от престола, а на следующий день — отказ великого князя Михаила Романова от принятия короны). В 1922 г. Шульгин обратил внимание на фактическую идентичность российско-имперской и российско-большевистской геополитических доктрин и сделал вывод о том, что большевики фактически подхватили "знамя Единой России": "Красным только кажется, что они сражаются во славу Интернационала. На самом же деле, хотя и бессознательно, они льют кровь только для того, чтобы восстановить "Богохранимую Державу Российскую". Они своими красными армиями (сделанными "по-белому") движутся во все стороны только до тех пор, пока не дойдут до твердых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных организмов. Это и будут естественные границы Будущей России. Интернационал "смоется", а границы останутся" (цит. по: 94, 125). "Теперь очевидно стало, - утверждал Шульгин далее, - что [тем], кто сидит в Москве, безразлично, кто это, будет ли это Ульянов или Романов (простите это гнусное сопоставление), принужден делать дело Иоанна Калиты... Если это так, то это значит, что Белая Мысль, прокатившись через фронт, покорила их подсознание... Мы заставили их красными руками делать Белое дело... Мы победили... Белая мысль победила..." (там же, 126).

Примерно в то же время один из лидеров АДР М.Э. Расулзаде сформулировал в эмиграции практически аналогичный вывод — несмотря на различие внешних идейно-политических форм, оба режима, царский и большевистский, являются "родственными". Правда, в отличие от монархиста Шульгина, один из "отцов-основателей" "Первой Республики" одинаково негативно относился и к "белой", и к "красной" России, и его оценки имели ярко выраженную антироссийскую направленность. Но в

контексте дополнения тезиса о близости "белого" и "красного дела" оценка Расулзаде представляется интересной и вполне уместной. Отвечая на вопрос корреспондента турецкой газеты "Йени Шарк" ("Новый Восток", интервью от 30 ноября 1922 г.) о том, есть ли разница между большевистской и царской Россией, он отметил: "Царизм — это диктатура, опирающаяся на дворянство. Большевизм — это диктатура, опирающаяся на рабочие слои. Идеология царской деспотии заключалась в русификации всех национальностей, населяющих Россию. Цель же большевистского абсолютизма заключается в превращении всех национальностей, населяющих Россию, в состояние безнациональной массы. Господствующая идеология диктатуры в первом случае представляет собой русский шовинизм, рождаемый дворянством. Господствующая же идеология во втором случае есть космополитизм, рожденный действительностью русского рабочего. Хотя по форме они представляют собой различные вещи, но по содержанию, в действительности — это не что иное, как тот же русский централизм и русский империализм. В этом смысле между белой Россией и красной Россией нет никакой разницы" (18, д.746, л.26).

1.2. "Их победа в Баку привела бы к потере Закавказья для России": провал попыток военного разгрома АДР (апрель-сентябрь 1918г.)

3 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял Обращение "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока", в котором были отражены подходы новой власти к остро стоявшему в стране национальному вопросу. В этом документе декларировались следующие гарантии для мусульман России, в том числе для "гурок и татар Закавказья": "Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это". Однако уже следующие тезисы и призывы не оставляли сомнений в подлинном смысле гарантий большевиков: "Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!" (32, 205).

Реальная политика советской власти в закавказском регионе, прежде всего в Азербайджане, и особенно в Баку, была закономерным отражением этой идеологической установки на "свободу в рамках большевизма". Начиная с конца 1917 г. в ней отчетливо просматривалась двойственная линия. С одной стороны — борьба с азербайджанским национально-демократическим движением, впоследствии переросшая в дипломатическое непризнание АДР, с другой — сотрудничество с армянскими политическими организациями и

партиями, которое впоследствии (в 1918-1920 гг.) вылилось в политику признания и умиротворения дашнакской Армении. Большевики и армянские политические силы ставили перед собой в Закавказье разные задачи, но в рамках рассматриваемого периода их цели совпадали в ключевом региональном вопросе — в подавлении активизировавшегося азербайджанского национально-демократического движения, которое ставило перед собой цель создания независимого государства. Рост авторитета его лидеров, укрепление социальной базы политических партий и движений, призывавших к созданию независимой Азербайджанской Республики со столицей в Баку — крупнейшем нефтяном и промышленном центре региона — не отвечали интересам ни большевиков, ни армянских националистических кругов.

В конце 1917 — начале 1918 гг. Азербайджан постепенно превращался в региональный центр активности большевистских и националистических армянских партий и политических групп, место дислокации тысяч русских и армянских солдат, вернувшихся с ближневосточного и кавказского фронтов и осевших в азербайджанских городах, прежде всего в Баку. В городе с преобладающим азербайджанским населением (по официальным российским данным на 1 января 1916 г.: армян — 75 тысяч, мусульман — 183 тысячи; 69, 177-237) явно ощущалось военное и политическое доминирование фактически сложившегося большевистско-армянского альянса. Следует в связи с этим отметить, что все функционировавшие в Баку центральные "советские" и партийные органы по своему этническому составу носили ярко выраженный "неазербайджанский" характер, что очень скоро отразилось на их практической политике в отношении коренного населения Баку и прилегающих районов. В состав избранного в начале ноября 1917 г. Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, который был объявлен высшей властью в городе, вошли лишь два азербайджанца из 20, в числе кандидатов в члены Исполкома — 2 из 16 (32, 191). Состав Бакинского комитета РСДРП (б), избранного 25 июня 1917 г., также имел минимальное азербайджанское представительство — 4 из 20 (там же, 653). Аналогичными были пропорции и в других властных органах, которые определяли политику в этом крупнейшем городе региона, а также в средних и низших слоях советских и большевистских структур. Вокруг Исполкома во главе с Шаумяном (номинальным председателем был Джапаридзе) постепенно началась консолидация боевых большевистских дружин (организатор и комиссар - С.Мартикян), иррегулярных армянских сил, включая разномастные террористические группировки и вооруженные отряды Татевоса Амирова, Степана Лалаяна, Аветисова, Казарова, Амазаспа (командир армянских военных частей в Баку).

Важно отметить, что укрепление большевистско-армянского альянса происходило при непосредственной политической поддержке Москвы. "Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики, - подчеркивал глава советско-российского правительства В. Ленин в телеграмме Шаумяну 14 февраля. - Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предписываемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, - и мы победим. Трудности необъятны. Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии" (79 — т.50, 73-74).

В этом плане следует также отметить, что с целью укрепления своего влияния в Закавказье, и, прежде всего, военных позиций Бакинского Совета, руководство Советской России пошло на нарушение Русско-турецкого дополнительного договора к Брест-Литовскому мирному договору от 3 марта 1918 г. Как известно, пункт 5 статьи 1 данного договора предусматривал, что Россия "обязуется демобилизовать и распустить армянские четы (добровольческие отряды — прим. авт.), состоящие из турецких и русских подданных, которые находятся как в России, так и в оккупированных турецких провинциях, и окончательно уволит названные четы" (119). Однако, как отмечают армянские исследователи, несмотря на то, что 15 марта Брест-Литовский договор был ратифицирован Чрезвычайным IV Всероссийским Съездом Советов, Сталин своим циркуляром № 325 от 16 марта обязал все "революционные штабы, Советы и прочие Советские учреждения" не чинить препятствий при продвижении этих отрядов, указав на то, что "армянские Революционные организации имеют право свободного формирования армянских добровольческих отрядов" (119, Предисловие к договорам Г. Азатяна).

Что касается материально-финансовой поддержки военных приготовлений большевиков и солидарных с ними армянских кругов, то ее оказывали представители крупного армянского капитала. В середине марта (15-20) наиболее влиятельная армянская партия "Дашнакцутюн" перебросила в Баку из Петровска (ныне Махачкала) большое количество боеприпасов и оружия, которые хранились на складах нефтепромышленника Манташева и других армянских предпринимателей. Известны факты крупных финансовых пожертвований, внесенных Манташевым на счета учрежденного им в Лондоне Армянского национального банка, где хранились также денежные вклады армянской церкви и партии "Дашнакцутюн".

Таким образом, весной 1918 г. в Баку под эгидой Баксовета сложился тактический союз большевиков с партией "Дашнакцутюн" и другими националистическими армянскими силами, которые при опоре на крупный армянский капитал стремились к захвату власти в Баку, а затем и во всем Азербайджане. Этот "союз" идейно непримиримых, казалось бы,

коммунистов и националистов стал символом возрождения традиционных приоритетов региональной политики Петербурга-Москвы, подтверждения геополитической закономерности и антиазербайджанской направленности российско-армянского союза. В условиях демографического преобладания азербайджанцев в данном регионе (на 1 января 1916 г. в Бакинской губернии, без г. Баку, армян — 42 тыс., мусульман — 691 тыс.; 69, 177-237) и укрепления среди них авторитета национальных партий — с одной стороны, и военно-политического доминирования в Баку большевистско-дашнакского блока (к концу марта численность вооруженных сил Баксовета составляла свыше 7 тысяч человек, армянских национальных частей - до 4 тысяч солдат и офицеров) - с другой, тактикой борьбы за власть данного "союза" неизбежно становилась политика открытого вооруженного террора против идейно нелояльного и этнически "чужого" населения, подавления азербайджанских национальных партий и их лидеров.

На состоявшемся 15 марта 1918 г. заседании Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов (Баксовет) Шаумян, чувствовавший за собой значительную военную и политическую силу, фактически призвал к превращению этого органа власти в оплот гражданской войны на Южном Кавказе. В принятой по докладу Шаумяна резолюции Баксовета "О политическом положении в Закавказье" содержался призыв превратить Баку в опорный пункт борьбы за советскую власть во всем Закавказье. Заседание проходило в условиях максимально обострившейся борьбы за власть в регионе между Закавказским сеймом, взявшим курс на отделение Закавказья от России, и большевиками. В связи с этим в резолюции Исполкому было поручено ускорить создание отрядов Красной армии, а также "принять все меры для упразднения или вывода из Баку отдельных национальных частей и подчинения всех вооруженных сил города Баку власти Совета" (32, 317). Данное решение в условиях фактического сближения между большевиками и вооруженными силами Армянского национального совета в Баку означало разоружение мусульманских вооруженных отрядов и создавало прямую угрозу безопасности азербайджанского населения. Следует при этом отметить, что численность этих отрядов была незначительной, так как в царской армии не было крупных азербайджанских воинских формирований, которые в этот ответственный период могли бы составить основу организованной воинской группировки. Кроме того, как отмечает азербайджанский ученый П.Дарабади, слабой стороной этих отрядов была малочисленность офицерского состава, объяснявшаяся тем, что в годы царизма азербайджанцев, за редким исключением, не принимали в военные учебные заведения. Фактически, в распоряжении партии "Мусават" в Баку находились нерегулярные вооруженные отряды, а также т.н. "Татарский конный полк", численность которого составляла около 400 человек (43, 103).

Это полк входил в состав т.н. "Дикой дивизии" - кавалерийской дивизии, сформированной в годы Первой мировой войны из горцев и мусульман Кавказа и расформированной после октябрьского переворота 1917 г. Офицеры-азербайджанцы "Татарского полка" воссоздали полк, ставший ядром вооруженных сил мусаватистов.

Решения Баксовета фактически дали сигнал к переходу от политических методов борьбы со сторонниками азербайджанской независимости к методам террора и этнической чистки. 29 марта отряды большевиков разоружили личный состав парохода "Эвелина", который состоял из азербайджанцев. В ответ на состоявшиеся в городе на следующий день митинги протеста против насильственного разоружения азербайджанского отряда, красноармейцами был открыт огонь по мирному мусульманскому населению. Ранним утром 31 марта начался обстрел боевых позиций мусульманских отрядов и жилых кварталов города с помощью гидроаэропланов авиационной школы и артиллерии военных кораблей, стоявших в бакинском порту. Для руководства боевыми действиями в Баку 30 марта большевики создали Комитет революционной обороны, который стал высшим военно-политическим органом, объединившим все советские организации Баку и его районов. Состав КРО был весьма показательным — С.Шаумян (Чрезвычайный комиссар по делам Кавказа, председатель), Г.Корганов (председатель Военно-революционного комитета Кавказской армии), П.Джапаридзе (председатель Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов), И.Сухарцев (левый эсер, председатель Бакинского Военно-революционного комитета). В состав Комитета были, как отмечалось в официальном сообщении, "приглашены" С.Саакян (лидер бакинских правых эсеров), С.Мелик-Еолчан (лидер бакинской организации партии "Дашнакцутюн") и Н.Нариманов, который, видимо, должен был служить "декорацией" для демонстрации псевдоинтернационального характера этого органа (32. 327). Спровоцировав вооруженный конфликт с боевыми отрядами партии "Мусават", КРО начал одновременно и открытый террор против мирного населения Баку, его пригородов и соседних районов. В течение трех дней (30 марта — 1 апреля) в Баку и его районах лишь в силу своей национальной принадлежности были убиты свыше 12 тысяч азербайджанцев; были разрушены школы, больницы, мечети, сожжены типографии и редакции азербайджанских газет ("Каспий", "Ачыг сёз"), культурные учреждения.

1 апреля "Мусават" и другие азербайджанские партии приняли ультиматум КРО со следующими условиями: открытое и безоговорочное признание власти Баксовета и полное подчинение всем его распоряжениям; вывод из Баку мусульманских воинских частей или их подчинение Баксовету; открытие железнодорожного пути Баку-Тифлис и Баку-Петровск.

Однако, несмотря на принятие данных условий, геноцид азербайджанского мирного населения продолжался до середины 1918 г., и не только в Баку и Бакинском уезде, но и в Кубинском и Шемахинском уездах, на Мугани, Ленкорани, в Карабахе, Зангезурском уезде и азербайджанских селах Эриванской губернии. Академик Зия Буниятов, который одним из первых советских ученых-историков вскрыл подлинно криминальный облик руководителя "бакинских комиссаров" и его связь с преступными действиями дашнаков, отмечал в связи с этим следующее: "После зверств и мародерства дашнакских отрядов Татевоса Амиряна и Степана Лалаяна в Баку и Шемахе, С. Шаумов (Шаумян) и Г. Корганов в мае 1918 г. отправляют в сторону Дивичи и Кубы (районы, расположенные на северо-востоке Азербайджана — прим. авт.) бригаду дашнаков под командой Амазаспа, комиссаром у которого был А.Микоян... Бригада эта совершила нападение на Кубу и Кубинский уезд, где дашнаки зверски сожгли и разгромили 122 села, зверствовали, убивали и насиловали жителей как бог на душу положит. Отряд Амазаспа похитил в Кубе 4 млн. рублей золотом, драгоценностей на 4.5 млн. рублей и съестных припасов на 25 млн. рублей". З.Буниятов подчеркивал также, что "отряд Амазаспа был отправлен в город Кубу с карательной целью, по желанию комиссара Шаумяна, без ведома и согласия других комиссаров. Подбор войск в этот отряд был сделан тогдашним комиссаром Коргановым" (34).

Единственным большевистским деятелем, который впоследствии открыто высказывал резко негативное отношение к политике Шаумяна, был Нариман Нариманов. В открытом письме Шаумяну, опубликованном 5 апреля в газете "Гуммет" - органе азербайджанских коммунистов, он писал: "эти события запятнали Советскую власть, бросив на нее черную тень. Если в ближайшее время не рассеете эту тень и не сотрете пятно, большевистская идея и Советская власть не смогут укрепиться и продержаться здесь" (41а). Эту же позицию Нариманов высказал Ленину: "гражданская война в Баку и его районах нанесла смертельный удар общему нашему святому делу" (цит. по: 43, 108).

Совсем иным было настроение в большевистском "лагере". 12 апреля А.Микоян, принимавший самое активное участие в данных событиях, опубликовал в "Известиях Бакинского Совета" статью "Одержанная победа и очередные задачи", в которой писал: "Одним мощным, неожиданным для врагов ударом Бакинский Совет раздавил голову восставшей помещичье-буржуазной контрреволюции. Славная победа рабочего правительства на улицах гор. Баку над угнетателями народа, обманывавшими большинство темных мусульманских масс, ошеломила и явных, и тайных ("нейтральных") врагов и заставила их всех беспрекословно признать силу и власть Совета и "отдать все свои силы" в распоряжение его для борьбы против контр-

революции". С цинизмом, прямо пропорциональным масштабу жертв среди азербайджанского населения, Микоян предлагал: "Необходимо сказать мусульманской бедноте, дать ей понять, что, борясь против контрреволюционных повстанцев, мы боролись за кровные интересы самой мусульманской бедноты, как и всего рабочего класса. Нужно показать ей, что власть Совета это ее власть, единственно последовательная и верная защитница ее интересов" (выделено в первоисточнике — прим. авт., 32, 343-345).

Шаумян был менее эмоционален, но политически более точен. Он не собирался, как предлагал Нариманов, "рассеивать тень" и "стирать пятна". В письме в СНК РСФСР от 13 апреля 1918 г. комиссар по делам Кавказа сообщил о том, что "результаты боев блестящие для нас, разгром противника был полнейший", и откровенно указал на подлинные мотивы "красного террора": "советская власть в Баку все время висела в воздухе, благодаря сопротивлению мусульманских националистических партий", "решалась судьба Закавказья", "мусульманские контрреволюционные элементы оказались бы хозяевами положения во всем Закавказье", "их победа в Баку привела бы к потере Закавказья для России". "Мы должны были, - подчеркивал автор, - дать отпор и мы воспользовались поводом, первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд и открыли наступление по всему фронту... у нас были уже вооруженные силы — около 6000 человек. У "Дашнакцутюн" имелось также около 3-4 тысяч национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Мусульманская беднота сильно пострадала, но она сейчас сплывается вокруг большевиков и вокруг Совета" (выделено нами — прим. авт., 32, 347-348). Как видно, Шаумян не скрывал осознанный характер своей политики и солидарную ответственность большевиков и дашнаков за совершенный в Бакинском регионе геноцид. Обратим внимание также на его слова - "мы намеренно пошли на это", т.е. понимая, какими будут последствия действий вооруженных банд против безоружного мирного населения. Однако в дальнейших оценках бакинскими правителями мартовских событий не осталось и этой притворной доли сожаления. В опубликованном 1 июня Обращении Бакинского Совета Народных Комиссаров "Ко всем рабочим и крестьянам Закавказья без различия национальности" вина возлагалась уже не только на "беков и ханов", но, фактически, и на самих пострадавших мусульман: "Правда, в Баку были жертвы из мусульманской бедноты, но это те темные массы, которых беки и ханы обманным путем вывели против рабочих, против Советской власти" (там же, 451).

Таким образом, "мартовский террор", который продолжался до середины 1918 г. и привел к гибели почти 20 тысяч азербайджанцев в Бакинской губернии, был направлен на уничтожение социальной базы и организационных структур азербайджанского национально-демократического движения, на укрепление большевистской власти в Баку, где она, по признанию самого С.Шаумяна, "все время висела в воздухе благодаря сопротивлению мусульманских националистических партий". Он закономерно вытекал из курса большевиков и армянских радикальных националистических групп на уничтожение любых попыток создания независимого азербайджанского государства и превращения Баку в его столицу. В рамках этого курса большевики ставили цель не допустить возрождения азербайджанской государственности на геополитически значимых и экономически развитых азербайджанских территориях Закавказья, а армянские партии и движения стремились создать в нефтеносном бакинском регионе выгодную для себя демографическую и политическую ситуацию. Возможно, уже на этом этапе они рассматривали возможность создания здесь в той или иной форме армянской автономии — в рамках (или вне рамок) советской российской республики. Что же касается выбранных способов практической реализации данной политики — террора, геноцида, этнической чистки, уничтожения памятников национальной культуры — то именно эти методы были в одинаковой мере органически присущи всем участникам правившей в Баку военно-политической коалиции. Как отмечает в связи с этим австрийский историк Эрих Файгл, один из немногих зарубежных ученых, который объективно подошел к исследованию проблематики армяно-азербайджанских отношений и роли армянского фактора в региональной политике великих держав в этот период, целью Шаумяна было изгнать или же истребить азербайджанцев, "арменизировать" Баку любой ценой (106, 101).

К середине апреля Баксовет уже полностью контролировал ситуацию в городе после фактически совершенного 30 марта — 1 апреля военного переворота. Перед Шаумяном и его сторонниками вставали теперь задачи по дальнейшему укреплению позиций советской власти в Баку и Бакинском уезде. 19 апреля на заседании Баксовета была рассмотрена текущая ситуация в городе и его районах и приняты следующие решения: объединение всех военных пробольшевистских сил края и создание на их основе Кавказской красной армии, проведение социально-экономических мероприятий, установление советской власти в Бакинском уезде путем усиления агитации и пропаганды среди мусульман. Баксовет выразил полное доверие КРО и считал необходимым "ввиду затяжного характера войны" заменить эту временную структуру более постоянным и широким правительственным органом — Советом Народных Комиссаров Бакинской губернии с 9 отделами и

соответствующим числом комиссаров во главе их (32, 380). Образованный 25 апреля Бакинский Совет Народных Комиссаров (далее — СНК или Бакинский Совнарком) сразу взял в свои руки всю полноту власти в городе и его районах, несмотря на то, что законодательная и исполнительная власть принадлежали Баксовету и его Исполкому, а СНК был призван лишь стать техническим органом, облегчающим задачи законодательства и управления. В состав СНК вошли Шаумян (председатель и комиссар по внешним делам), Джапаридзе (комиссар по внутренним делам, а с 18 июня — и комиссар по продовольствию), Фиолетов (по делам народного хозяйства), Сухарцев (по делам путей сообщения, почты и телеграфа), Корганов (по делам военным и морским), Колесникова (по делам народного просвещения), Габриэлян (юстиции), Киреев (финансов) и Нариманов (по делам городского хозяйства). Позднее в СНК в качестве народных комиссаров были также введены М.Везиров (комиссар земледелия), И.Цыбульский (продовольствия), Я.Зевин (труда), А.Серебрякян (театров и зрелищ, фактически нарком культуры). Как видно, в Совнаркоме лишь два комиссара представляли азербайджанское население города и уезда (причем на таких "ключевых" постах, как городское хозяйство и земледелие) - достаточно дерзкая пропорция для органа, который претендовал, как утверждал А.Микоян, на защиту интересов "мусульманской бедноты" и должен был действовать в Бакинском регионе, населенном преимущественно азербайджанцами. Дальнейшие кадровые назначения еще больше вскрыли подлинное "лицо" и политическую ориентацию большевистской власти, став откровенным вызовом местному населению. Председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией при СНК стал Саак Тер-Габриэлян (активную роль в ЧК играл также Тер-Петросов-Камо), заместителем наркома путей сообщения (де-факто наркомом) - С.Маркарян, председателем Бакинского губернского продовольственного комитета — А.Бекзаян, комендантом города Баку — Б.Авакян.

Что же касается азербайджанских коммунистов, которые группировались, в основном, вокруг большевистской организации "Туммет" ("Энергия", была создана при Бакинском комитете РСДРП в конце 1904 г. с целью вовлечения азербайджанских рабочих и крестьян в революционную борьбу), то они были лишены Бакинским СНК какого-либо значимого политического влияния. В частности, многие большевики-азербайджанцы получили комиссарские должности за пределами Баку — М.Азизбеков был назначен комиссаром Бакинской губернии (номинально занимая при этом пост заместителя П.Джапаридзе), Б.Эфендиев — Бакинского уезда, М.Исрафилбеков — Джавадского и Ленкоранского уездов, А.Юсиф-заде — Кубинского уезда, Д.Буниат-заде стал уполномоченным Бакинского уезда, а Г.Мусабеков — комиссаром по реализации урожая Бакинской губернии и

Дагестанской области. Другие были направлены в Дагестан, в помощь местному революционному комитету — К.Агасиев (чрезвычайный комиссар г. Дербента и Южного Дагестана), М.Айдынбеков, Г.Таги-заде. В их "комиссарские" функции входила, в основном, пропаганда и агитация в пользу большевиков и организация Советов в крестьянской азербайджанской среде. Единицы нашли себя в "силовых" структурах, но заняли там подчиненное положение — Б.Сардаров (с февраля — в Дагестане, с апреля — уполномоченный народного комиссариата по внутренним делам), Г.Султанов (член Военно-революционного комитета Кавказской армии), Б.Шахтахтинский (член Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией).

В основе такого "распределения" обязанностей лежала, как нам представляется, не только необходимость обеспечения агитации за советскую власть среди азербайджанских рабочих, крестьян и бедноты за пределами Баку, которую "гумметовцы" могли провести с большим успехом, чем их соратники с русскими и армянскими фамилиями. Более логичным выглядит другое объяснение. Став единоличным хозяином Бакинского уезда, Совнарком приступил к реализации своей "советской программы", которая, как повсюду в России, принимала антинациональный характер. Были распущены Городская дума и общественные организации, национализированы недра земли (22 мая), рыбные промыслы (28 мая), предприятия нефтяной промышленности (2 июня) и торгового флота (5 июня), банки, закрыты демократические газеты, введен запрет на куплю-продажу хлопка, отчуждены земли и сельскохозяйственные продукты у частных собственников. Иными словами, разрушалось все, что было связано с национальной ориентацией, традиционным национальным укладом экономики и жизни, религиозными ценностями, имущественными и личностными правами. В этой масштабной кампании по "социализации", которая своим острием была направлена против азербайджанского населения Бакинской губернии (составлявшего на 1 января 1916 г. почти 700 тыс. из ее 875-тысячного населения), не понимавшего и не принимавшего ни идеологию, ни практику большевизма, а после мартовских событий затаившего скрытую ненависть к новой власти, Шаумян мог опереться только на неазербайджанский элемент как на наиболее лояльный, решительный и последовательный. Иными словами, на "своих" против "чужих".

Глубоко символичным и в высшей степени закономерным было то, что именно в этот момент — важнейший для судьбы бакинского режима — лидер азербайджанских большевиков Н.Нариманов был вынужден покинуть Баку, пробыв на посту народного комиссара чуть больше месяца. 10 июня газета "Гуммет" сообщила о болезни "уважаемого товарища Нариманова" и

его предстоящем отъезде в Астрахань на излечение (32, 501). Самый влиятельный азербайджанский большевистский деятель действительно был болен, но, как нам представляется, покидал он Баку вследствие, прежде всего, давно зревшего политического разрыва с руководством Баксовнаркома. 5 апреля, когда азербайджанское население Баку хоронило жертв "мартовской бойни", Нариманов в открытом письме Шаумяну (фрагмент письма цитировался выше) призывал: "Вы должны приложить все старания к тому, чтобы население поняло и почувствовало, что темные силы, которые придали борьбе национальную окраску, ничего общего не имеют с Советской властью. Нужно не на словах, а на деле показать или убедить, что Вы объявили открытую войну темным силам, которые все еще не хотят отказаться от нападения на мусульман" (41а). Однако в течение апреля-июня "бакинская коммуна" не только отмежеввалась от "темных и подлых сил", но, напротив, объединившись с ними, продолжала террор против мирного азербайджанского населения в других районах Бакинской губернии (и готовилась к военному штурму Гянджи — временной столицы АДР). В этих условиях дальнейшее пребывание Нариманова в Баку в качестве члена Совнаркома стало невозможным. Нужен был лишь предлог для осуществления ультиматума, которым завершалось его открытое письмо: "если в эти дни Советская власть не покажет себя этим темным и подлым силам, я и вместе со мною все мои товарищи-социалисты уйдем от власти" ("товарищи-социалисты" данному примеру не последовали). В Астрахани Нариманов возглавил местное отделение "Гуммет", а в Баку вернулся лишь в конце апреля 1920 г. — сразу после большевистского "переворота".

В течение апреля-июня 1918 г. Совнарком занимался ликвидацией старых и созданием новых — советских — органов власти в Бакинском и других уездах. Важнейшей его задачей на данном этапе было также формирование регулярной Кавказской Красной Армии (далее — ККА). В этих целях председатель военно-революционного коми тега Красной армии Георгий Корганов был включен, как уже отмечалось выше, в состав СНК на правах комиссара по военно-морским делам. В этот ответственный период по инициативе Шаумяна происходит дальнейшее военное-политическое сближение большевиков и дашнаков. Отклонив требования дашнаков (равно как и правых эсеров и меньшевиков) о включении их в состав Бакинского СНК, он активно содействовал включению сформированных дашнаками армянских вооруженных частей и их командиров в состав ККА. Причем делал он это с присущим большевикам двуличием. В предписании КРО от 20 апреля, подписанном Шаумяном, Коргановым и Наримановым, Армянскому национальному совету запрещалось формирование новых воинских частей, предлагалось расформировать имеющиеся в наличии национальные части и слить их с ККА. 19 апреля в своей речи на заседании Баксовета Шаумян

подчеркивал, что "во имя торжества интернационализма надо не давать укрепиться национальным советам и полкам" (цит. по: 43, 114). На практике же произошло обратное — армянские части не были расформированы, сохранили свой прежний командный состав и были целиком включены в ККА. Более того, многие командиры-дашнаки, "отличившиеся" в геноциде азербайджанского населения, заняли в ней ведущие позиции — Аветисов (начальник штаба армии), Казаров (командир корпуса), Амазасп, Амирян (командир кавалерийского отряда), Джигитян (начальник контрразведки) и другие. В целом же, к середине июня 1918 г. общая численность ККА составила 12-13 тысяч солдат и командиров, при этом армянские национальные части составили 60-70% ее личного состава, т.н. около 7-8 тысяч бойцов. Наличие в составе ККА крайне националистически настроенных и имевших к тому же солидный опыт ведения боевых действий в годы первой мировой войны армянских вооруженных отрядов имело самые неблагоприятные последствия для безопасности мирного азербайджанского населения (а впоследствии и для самого Баксовета). Как признавал впоследствии очевидец тех событий Сурен Шаумян — сын Степана Шаумяна, "благодаря своим реквизициям, презрительному отношению и постоянным расстрелам под предлогом шпионажа в пользу противника, но в действительности диктуемым ненавистью к азербайджанцам, они (т.е. дашнакские командиры — прим. авт.) могли вызвать только отрицательное отношение к Советской власти" (цит. по: 43, 114).

Здесь уместно отметить, что Шаумян и раньше делал попытки наладить отношения с дашнакскими организациями и включить их в общий "антимусульманский фронт". По признанию руководителя действовавшего в Москве Комитета военной защиты Армении, именно он предлагал руководству Армянского национального совета в Тифлисе помощь и поддержку в обмен на военную и политическую поддержку дашнаками большевиков. В своем письме от 5 июля 1918 г. автор с сожалением отмечал: "в ноябре-декабре 1917 г. он (АНС — прим. авт.) отказался от помощи, которую национальные комиссары предлагали Армении через посредство Шаумяна. Эта помощь не была ненавистна для Армении. Нужно только было удержать часть русских войск, которые покидали армянский фронт, пока армяне не будут организованы. Многочисленные частные примеры показывали, что русские солдаты не были бесчувственны к призывам, которые были к ним направлены. Проект Шаумяна был вполне осуществим" (11, ф. 1235, оп. 93, д. 67, л. 129).

После провозглашения независимости Азербайджана 28 мая 1918г. важнейшей внешнеполитической задачей ее правительства было установление политического контакта с большевистским руководством. Еще в "гянджинский период" АДР (16 июня — 16 сентября 1918 г.) правительство

Фатали-хан Хойского (1875-1920; в феврале-июне 1907 г. - депутат II-ой Государственной Думы; до провозглашения АДР занимал пост министра юстиции в правительстве Закавказской федерации; первый премьер-министр АДР — с 28 мая 1918 г. до 14 апреля 1919 г., затем министр иностранных дел в правительстве Насиба Усуббекова) через своего представителя в Тифлисе заявило о желании молодой Республики установить дипломатические отношения с Советской Россией и развивать с ней взаимовыгодные связи. На необходимость установления прямых связей с большевистским правительством указывал (в письме мининдел АДР М.Г. Гаджинскому) и председатель Азербайджанского национального совета М.Э.Расулзаде, находившийся летом 1918г. в Стамбуле (43, 116).

Однако политика большевиков и Бакинского Совнаркома в отношении АДР не допускала никаких компромиссов. 24 мая в письме в СНК РСФСР с сообщением о положении в регионе и планах Бакинского СНК Шаумян так определял его стратегическую цель: "мы готовимся в ближайшее время пойти на Елизаветполь (переименован в г. Гянджу постановлением правительства АДР 30 июля 1918 г. - прим. авт.)... Нужно торопиться в Елизаветполь, чтобы там, а затем и дальше, вызвать восстание армян. Это повлияет и на грузинское крестьянство и сейм будет разогнан" (32, 424). 29 мая, то есть на следующий день после объявления независимости АДР, на созванном Шаумяном в Баку объединенном заседании Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и мусульманских крестьянских депутатов Бакинского уезда была принята резолюция, в которой была зафиксирована недвусмысленная позиция двух большевистских центров (Москвы и Баку) по отношению к АДР: "Как Бакинская демократия, так и рабочие и крестьяне всего Закавказья не примирятся с отделением Закавказья от революционной России, и будет с оружием в руках бороться против турецко-германских банд и их союзников". Резолюция не признавала никаких соглашений, подписанных азербайджанским, армянским и грузинским национальными советами в Тифлисе, и подчеркивала свое отношение к Закавказью как к части "великой Российской Федеративной Республики" (10, оп.2, д.742, л. 11).

В конце мая Шаумян информировал Сталина о политической ситуации в регионе и о подписании закавказскими республиками мирных соглашений с Турцией, сообщая, в частности, следующее: "По договору Турции предоставляется право перевозки войск по закавказской железной дороге. Турки идут по шоссе Каракилиса-Дилижан-Астафа на Баку. Согласно заключенному миру, турки начинают на днях перевозку войск по железной дороге на Баку и Джульфу. Сообщаю — наступление начато" (10, оп.2, д.810, лл. 157-158). В этих условиях Ленин, не исключавший возможности потери Баку для советской власти, предусматривал даже вариант полного сожжения

Баку. В ленинском фонде Российского государственного архива социально-политической истории сохранилось следующее распоряжение вожда большевиков от 3 июня 1918 г., адресованное председателю ЧК Бакинского Совнаркома С. Тер-Габриэлян: **"Можете ли вы еще передать Теру, чтобы он все приготовил для сожжения Баку полностью, в случае нашествия, и чтобы печатно объявил это в Баку"** (цит. по: 77, 20; выделено нами — прим. авт.).

В Гяндже к этому времени завершались последние приготовления к неизбежному столкновению с военными силами большевиков. К концу апреля — началу мая правительством АДР был сформирован Особый Азербайджанский (Мусульманский) корпус, который возглавил генерал-лейтенант Али Ага Шихлинский (с декабря 1918 г. - заместитель военного министра АДР). 25 мая в Гянджу вошли головные части турецкой 5-й Кавказской дивизии, 26 мая из Тебриза в Гянджу прибыл со своим штабом турецкий генерал Нури-паша, который с группой турецких офицеров приступил к формированию Кавказской исламской армии, в которую вошли части двух турецких дивизий — 5-й Кавказской и 15-й Чанахалинской, а также "Особый Азербайджанский корпус". Общая численность турецкого контингента составила к середине июня 15 тысяч штыков и сабель, азербайджанских частей — около 5 тысяч. В дальнейшем, во второй половине июля, на Бакинский фронт были переброшены также части 36-ой турецкой пехотной дивизии (43, 117). Процесс формирования турецко-азербайджанского военно-политического альянса, длившегося с мая по ноябрь 1918 г., был легализован заключенным между представителями двух правительств 4 июня Договором о мире и дружбе. Статья 4 Договора предусматривала, что "императорское оттоманское правительство обязуется оказывать помощь вооруженной силой правительству Азербайджанской Республики, буде таковая потребуется для обеспечения порядка и безопасности в стране" (цит. по: 22, 16).

В начале июня Баксовет окончательно утвердился в решении начать наступление в направлении Елизаветполя. Военный комиссар Бакинского СНК Г.Корганов в качестве главной задачи данной кампании считал необходимым овладеть всем плацдармом до реки Куры и евлахским мостом, рассчитывая при этом на поддержку дислоцированных в этом регионе армянских военных частей. При этом в телеграмме Сталину Корганов весьма осторожно оценивал шансы ККА на победу: "К нам могут присоединиться или мы можем координировать наши действия с армянскими частями против Елизаветполя, если к тому времени там не окажутся большие силы турок. А если так, то нам придется перейти к оборонительной борьбе, подтянуть все, что возможно из армянской провинции". "Очень нуждаемся мы, - призывал военный комиссар "бакинской коммуны", - хоть в небольшом, тысяч 2-3,

отряде из Центра, русском или латышском. Это имело бы большое моральное значение и позволило бы нам успешнее бороться с национализмом" (10, оп.2, д. 111, лл.289-291об.).

Однако Центр в этот период не мог оказать какой-либо помощи "бакинской коммуне". В связи со сложным международным и не менее напряженным внутривосточным положением Советской России Ленин в телеграмме Шаумяну от 24 мая советовал даже использовать союз с грузинским правительством для удержания Баку: "Положение Баку трудное в международном отношении. Поэтому советовал бы попытаться блок с Жордания. Если невозможно — надо лавировать и оттягивать решение, пока не укрепится в военном отношении. Трезвый учет и дипломатия для оттяжки — помните это" (79-Т.50, 82). Шаумян, наблюдая за усилением военно-политических позиций АДР, боялся упустить время и торопил военную кампанию. В письме Ленину 23 июня он оправдывал свою позицию следующим образом: "было бы лучше, если бы мы с меньшими силами двинулись туда непосредственно после гражданской войны в Баку... Сейчас, во всяком случае, уже медлить было нельзя. Положение наше в международном отношении действительно дьявольское. Независимая Грузия, независимый Азербайджан, будто бы независимая Армения, протекторат Германии, стремление Турции захватить Закавказье без азербайджанской независимости и пр. и пр., с другой стороны англичане — все это создает очень сложную комбинацию то выгодных, то опасных для нас моментов. Для нас ясно одно: нужно идти вперед!" (32, 519).

Архивные документы свидетельствуют также о том, что Баксовет располагал в этот период поддержкой образованного в Москве после октябрьского переворота Армянского национального комитета (АНК). В письме АНК в Совет Народных Комиссаров РСФСР от 1 июля 1918 г. содержалось недвусмысленное признание о том, что "после сепаратного мира, заключенного Закавказьем с Турцией, Московский национальный комитет направил все сформированные армянские части и все необходимые ресурсы в Баку в распоряжение Армянского Бакинского Национального Совета, слившегося с Бакинским Советом рабочих депутатов, и под знаменем Советской власти отдавшего все свои национальные силы на восстановление Единой Федеративной Российской Республики" (10, оп. 2, д. 973, лл. 36-38). Здесь, правда, следует отметить, что, рассматривая Баксовет как своего временного союзника, АНК рассчитывал, прежде всего, на помощь Антанты. В частности, 10 июня 1918 г. французский посол в России докладывал своему министру, что "Армянский комитет Москвы знает о критической и безнадежной ситуации на Кавказе и настойчиво просит военную помощь со стороны союзников. Как он считает, достаточно будет, если англичане смогут отправить две или три тысячи человек в Баку, 6000 в Джульфу". В

данном документе французский дипломат особо подчеркивал вынужденный, тактический характер сближения Комитета с бакинскими большевиками: "Армяне — единственный народ этой области, который был предан союзникам. Они действовали сообща с большевиками, потому что последние представляли единственные реальные русские силы в регионе, и потому что Советы всегда выступали на стороне союзников против турок" (цит. по: 106, 110).

Позже аналогичную "английскую партию" разыграют и лидеры бакинских армян. Но на начальном этапе "гянджинской экспедиции" они пока в одном ряду с большевиками. 10-12 июня армия Баксовета выступила по направлению к Кюрдамиру и после краткого боя захватила этот населенный пункт. 15 июня Шаумян сообщил Ленину и Сталину о готовности Бакинского пролетариата и советской Красной Армии "бороться до конца с наступающими германо-турецкими бандитами, отстаивать свою свободу и независимость и свою неразрывную связь с Велико-Российской Советской Республикой". 16-18 июня турецко-азербайджанские войска потерпели первое серьезное поражение в этой кампании и, потеряв свыше 800 солдат и офицеров (по данным Баксовета — до 3000 солдат), вынуждены были отступить к Геокчаю. Через неделю после начала Красной армией военных действий Чрезвычайный комиссар Шаумян, не теряя оптимизма в отношении будущего успеха военной кампании и вполне в духе ленинского распоряжения от 3 июня сообщил вождю, что "как в случае победы, так и случае поражения мы не дадим германским хищникам ни одной капли нефти, добытой народным трудом" (10, оп.2, д.742, л. 18). Смысл данного заявления Шаумяна раскрыл 25 июня в телеграмме в Москву председатель Совнаркома Астраханского края Хумарьян, откровенно заметивший, что "в случае поражения Баку несомненно превратится в пепелище" (10, оп. 2, д. 741, л. 252).

В вышецитированном письме Ленину (от 23 июня) Шаумян пока еще с гордостью сообщает, что "общее впечатление от армии людей, сведущих в военном деле, что это не обычная "советская" армия — в лучшем случае партизанские отряды, а настоящее регулярное войско. Все товарищи, приезжающие из России, выражают восторги, знакомясь с нею. И пока что эта армия ведет себя великолепно" (32, 518-519). Однако заместитель наркома по военным делам Б.Шеболдаев в своем сообщении о положении на фронтах Азербайджана (было приложено к письму Шаумяна) уже на этом раннем этапе обратил внимание Москвы на другой фактор, который вскоре окажется роковым для ККА. Указывая на то, что в штаб армии вошли "по политическим взглядам в большинстве дашнаки", он отмечал следующее: "Командный состав плох, и опорой Советской власти может быть только до тех пор, пока дашнаки имеют "русскую ориентацию", так как в громадном

большинстве армяне-офицеры — дашнаки. Возможна перемена ориентации на английскую (так в итоге и произошло — прим. авт.), и тогда, как будет реагировать армия на это — трудно сказать наверняка, но, принимая во внимание, что 60-70% армии составляют армяне, могут быть любые неожиданности. Поэтому здесь нужны чисто русские отряды, пришедшие извне и могущие быть оплотом Совета и ядром интернациональной армии". Шеболдаев сообщал также, что "сейчас мы охрану Владикавказской дороги понемногу передаем в руки частей, составленных из мусульман, причем, понимая риск этого, все-таки думаем усилить мусульманские части, создав из них противовес дашнакам" (32, 523-526).

К концу июня турецкие войска получили подкрепление, и их численность достигла почти 15 тысяч штыков и сабель. ККА же смогла лишь в незначительной степени восполнить понесенные в ходе июньских боев потери — мобилизация 30 июня дала лишь 2 тысячи человек, и общая численность вооруженных сил большевиков, учитывая их потери, практически не изменилась. В результате в ходе боев под Геокчаем 27 июня — 1 июля части ККА были разбиты, и с этого момента военная инициатива полностью перешла к турецко-азербайджанским войскам. 2 июля ККА оставила Ахсу, 10 июля — Кюрдамир. Находившийся в Царицыне (ныне — Волгоград) Сталин, еще не знавший о наступившем в борьбе за Азербайджан переломе, в письме Шаумяну 8 июля инструктирует его: "Ваши успехи радуют нас, но мы бы хотели, чтобы во избежание осложнений с немцами вы не пошли дальше Елизаветполя, т.е. не вторглись в пределы Грузии, независимость которой официально признана Германией". И далее, в ответ на просьбы Баку о дополнительной военной поддержке: "очень просим всех вас всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану, с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку" (32, 547).

В конце июля были освобождены Шемаха, Аджикабул, Аляты и Сангачалы. В течение всего июля из Баку и Астрахани, служившей мостом, соединявшем бакинских большевиков с большевистским Центром, в Москву шли телеграммы с призывами к помощи войсками, оружием, командным составом, деньгами. "Бакинцы срочно просят сто миллионов мелкими купюрами, боевая обстановка поглощает массу средств. Чем ближе к Тифлису (заметим, что к этому времени войска ККА после ряда чувствительных поражений удалились далеко от Тифлиса — прим. авт.), тем больше нужда обостряется. Шаумян просит о срочном распоряжении", - отмечалось в одной из телеграмм от 12 июля (10, оп. 2, д. 741, л. 256а). 16 июля Шаумян сообщил в Москву о том, что "положение на фронте ухудшается, одних наших сил недостаточно, необходима солидная военная помощь из России". 24 июля Хумарьян из Астрахани также информировал

Ленина и Троцкого, что Бакинскому СНК необходима помощь Москвы: "Главный контингент наших войск — армянские части, храбро сражавшиеся вначале, деморализованы благодаря трусости части командного состава и английской агитации. Необходимы свежие силы из России и надежный командный состав. Убедительно прошу торопиться" (там же, с.263). В ККА росло число дезертиров, одна часть командного состава усиливала агитацию за призыв в Баку расположенного в Энзели (северная Персия) с февраля 1918 г. британского экспедиционного корпуса генерала Денстервиля, другая — за переговоры с турецким командованием. В радиограмме Бюро печати при Бакинском СНК Ленину и Сталину (от 22 июля) отмечалось, что "в армии командным составом ведется агитация за призыв англичан", "число дезертиров велико", и следующим образом объяснялись причины неудач ККА: "Выясняется, таким образом, единая политика англофилов в тылу и на фронте. В единении с крупным дефектом снабжения армии, предательским поведением части командного состава опадала в результате нынешнее отступление" (32, 579).

В этих условиях 25 июля в Баку состоялось чрезвычайное заседание Бакинского Совета, на котором, несмотря на протесты Шаумяна, был рассмотрен вопрос об обращении за помощью к англичанам. Заслушав сообщения делегатов, прибывших с фронтов, депутаты от фракций правых эсеров, правых дашнаков и меньшевиков незначительным большинством голосов (259 против 236) приняли резолюцию о приглашении англичан с целью усиления обороны Баку, создания коалиционного правительства на основе всех партий, входящих в Баксовет. Шаумян от имени фракций большевиков, левых эсеров и левых дашнаков заявил об их отказе войти в коалиционное правительство и отказе от постов народных комиссаров. Позже с осуждением решения правых партий обратиться за помощью к англичанам выступил и Сталин, который назвал данное решение "грубым нарушением организованной воли народов России в угоду кучке англо-французских империалистов" и от имени московского руководства потребовал от Баксовета полного подчинения "воле рабочих и крестьян всей России" (11, оп. 93, д.115, л.40).

В тот же день на чрезвычайном заседании Баксовета было принято решение о проведении дополнительной мобилизации и постановление "отстаивать Баку своими революционными силами и силами революционной России" (32, 597). 26 июля Шаумян телеграммой информировал Ленина о принятой Баксоветом резолюции о приглашении английских войск, отметив при этом: "Предательство по отношению к нам совершили своим голосованием дашнаки явное". Высказав свои сомнения в приходе англичан, он признал, что резолюция за их приглашение окончательно деморализовала армию и тыл, и увеличила опасность сдачи города. "Чтобы спасти Баку для

России, необходима скорая помощь войсками из России, - обреченно призывал Чрезвычайный комиссар по делам Кавказа. - Настоятельно прошу принять все меры для немедленной переброски регулярных воинских частей" (там же, 598).

В этот момент вопросы обороны города уже контролировались не Бакинским СНК, а командирами армянских воинских частей, входивших в состав ККА, которые тесно координировали свои действия с руководством Армянского Национального Совета. Дислоцированные в Баку под командованием Аветисова части ККА численностью в 3000 солдат под предлогом отсутствия обмундирования отказались занять оборонительные позиции вокруг города. Аветисов заявил, что судьба города предрешена, и предложил выкинуть белый флаг и начать мирные переговоры с турецким командованием. 30 июля состоялось совещание командиров армянских воинских частей — Амазаспа, Казарова, Багратуни, на котором они заявили о своей поддержке позиции Аветисова. В ту же ночь решение о необходимости переговоров с турецким командованием было принято и на состоявшемся в Баку совещании руководства партии дашнаков. Была даже сформирована мирная делегация, в состав которой должен был войти шведский консул, гарантирующий неприкосновенность армянского населения в случае сдачи города. В соответствии с этим решением 31 июля Аветисов предъявил СНК требование прекратить военные действия на фронте. Отказ Шаумяна от капитуляции на данном этапе, равно как и его отказ от вхождения в широкую коалицию из партий, входящих в Баксовет, сорвал возможность мирного перехода власти в руки правительства АДР и впоследствии привел к многочисленным жертвам среди мирного (на этот раз армянского) населения в ходе штурма Баку турецко-азербайджанскими силами 14-16 сентября.

В начале августа власть в Баку перешла к правительству "Диктатуры Центрокаспия", опиравшемуся на блок правых дашнаков, правых эсеров и социал-демократов. Некоторое время в городе оставались и вооруженные силы большевиков. Как отмечает азербайджанский ученый П.Дарабади, воинские подразделения, оставшиеся верными большевикам, были стянуты на одну из площадей Баку, которая была превращена в военный лагерь. К 7 августа большевикам удалось создать целый полк численностью до 3 тысяч человек с артиллерией и броневиками (43, 122).

В первом же заявлении новой Бакинской власти прозвучала достаточно откровенная итоговая оценка политики Шаумяна и его сторонников: "Дезорганизовав армию и тем доведя Баку до падения, Бакинский Совнарком предпочел умыть руки и бежать. Он бросил город и население на волю приближающегося врага и перебрался на пароходы, чтобы бежать в Астрахань. Это бегство окончательно дезорганизовало район. В городе наступила паника, враг приближался с невероятной быстротой" (11, оп. 93,

д.115, л.41). 4 августа в Баку высадился прибывший из Энзели передовой отряд английских войск, а 17 августа прибыл командующий британскими силами в Северной Персии генерал-майор Денстервиль со своим штабом. Разочарованные ничтожным размером британской помощи (англичане высадились в Баку в начале августа силами 3 батальонов, батареи полевой артиллерии и нескольких броневиков, общая численность их войск не превышала 1 тысячи человек), новые правители Баку были вынуждены резко сменить свои политические приоритеты. В своем обращении правительство Диктатуры Центрокаспия заявило, что "своим священным долгом считает поддержание неразрывной связи с Россией и до последней капли будет защищать Баку и его нефтяной район для революционной родины" (там же). Под лозунгом сохранения нефтяного района для революционной России они продолжали отправку нефти в Астрахань, требуя от большевиков в обмен ускорить поддержку Баку людьми, оружием и снаряжением.

Таким образом, военно-политическая ситуация в Баку и вокруг него в этот период представляла собой сложную конфигурацию из внешних и внутренних сил самой разной национальной и политической принадлежности, каждая из которых стремилась установить контроль над этим важнейшим стратегическим и нефтяным центром. Многочисленность участников "большой бакинской игры" отражала остроту и драматизм переживаемого Азербайджаном момента - национальному правительству здесь противостояли интересы держав Тройственного Союза и Антанты, Германии и Англии, Турции и Советской России, армянских политических сил и самого широкого спектра оппозиционных большевикам российских партий. "Значение Баку было огромным и любой риск попытки овладеть им оправдывался безусловно", - отмечал в своих мемуарах генерал Денстервиль (цит. по: 43, 110). Что касается германского генштаба, стремившегося как можно быстрее запустить в эксплуатацию железную дорогу Батум-Тифлис-Баку, то он в качестве своей приоритетной задачи, как признавал его начальник Людендорф, ставил тот же вопрос - "как нам попасть в Баку" (там же). Но, безусловно, наиболее остро вопрос о контроле над Баку стоял перед руководством АДР, для которого этот город был не только и не столько будущей столицей, сколько политическим и экономическим фундаментом азербайджанской государственности. "Если Баку не будет взят — все кончено. Прощай Азербайджан", - откровенно писал Расулзаде 6 сентября 1918 г. в своем донесении из Стамбула главе МИД АДР М.Г.Гаджинскому, прозорливо указывая на то, что "даже после того, как будет взят, мы будем подвергаться многим дипломатическим затруднениям" (23, 69).

В конце июля-начале августа, когда турецко-азербайджанские войска вплотную подошли к Баку (5-6 августа сражения в районе Биби-Эйбата, Патамдара и Волчьих ворот приняли затяжной характер), город фактически

контролировался военно-политическим штабом, состоявшим из командующего советскими войсками Аветисова, командиров армянских воинских частей Амазаспа и Казарова, Бакинского Совнаркома и Армянского национального совета во главе с Гюльханданяном. Разные по своей политической ориентации, все эти силы были объединены общим стремлением не допустить переход города под контроль наступавшей Кавказской исламской армии и его превращение в столицу независимой АДР. Как отмечает в связи с этим Эрих Файгл, "этот абсурдный союз, сформированный из английских империалистов, русских большевиков и армянских дашнаков, пытался всеми способами помешать созданию независимого азербайджанского государства, самой "естественной" столицей которого мог быть только Баку" (106, 143).

Несмотря на свое военное и политическое поражение, бывший глава Бакинского СНК не терял надежд на скорое триумфальное возвращение советской власти в Баку. В статье "Физиономия новой власти", вышедшей в последнем (нелегальном) номере газеты "Бакинский рабочий" 11 августа, Шаумян пророчески писал: "Мы не теряем надежды, что революционная Советская Россия, если и вынуждена будет временно уйти, - она еще придет в Баку! Придет не для того, чтобы признать хозяевами Баку германо-турок или англичан, а для того, чтобы изгнать отсюда и тех, и других, для того, чтобы восстановить единство Баку с Россией и утвердить вновь и здесь, и, быть может, во всем Закавказье Советскую рабоче-крестьянскую социалистическую власть" (32, 622). В другом документе, переданном в Москву 15 августа - "Декларации представителей Российской центральной советской власти и бакинских организаций левых социалистических партий", также выражалась надежда на то, "что Рабоче-Крестьянская Россия еще придет в Баку и бакинский пролетариат вновь свяжется с родной революционной Россией и вновь станет под знамя Советской Социалистической Республики" (11, оп. 93, д. 346, лл.17-19). Не меньшим оптимизмом и верой в скорый реванш была наполнена отправленная в Баку и Москву в начале сентября телеграмма поддержки со стороны астраханских коммунистов, в которой, по сути, был описан сценарий, который позже, в апреле 1920 г., будет реализован для захвата власти в Баку: "Бакинскому пролетариату мы говорим - терпи, мученик. Дорого достался тебе временный союз с английским империализмом, но знай, что мы приходим и освободим от не менее хищного и кровавого империализма турецкого. Мы приходим, объединенные под красным пролетарским знаменем, на котором написано — мир пролетариям всего мира, война и месть беспощадная империалистам всех стран, будь они в немецкой каске, английском шлеме или турецкой феске. Терпи и куй свою волю, копи силы, чтобы в нужный момент по

нашему зову ты поднял свое знамя восстания изнутри и через окопы общего врага подач вооруженную руку своим освободителям" (11, оп.93, д.346, л.26).

15-16 сентября в Баку вошли подразделения турецких и азербайджанских частей, и в эти же дни город спешно покинули все участники "многонациональной коалиции" - дашнаки, эсеры, меньшевики и англичане. 17 сентября в столицу Азербайджана переехало национальное правительство во главе с Фатали-ханом Хойским, первые постановления которого подтвердили его демократический характер. Была восстановлена деятельность Бакинского городского общественного самоуправления (Городской Думы) в составе членов (гласных), избранных по закону Временною российскою правительства. В экономической области был возрожден принцип свободной торговли, а 1 октября принято постановление о денационализации нефтяной промышленности. В соответствии с ним были отменены все декреты о национализации нефтяной промышленности, включая предприятия и торговый флот, изданные бывшим Бакинским СНК. Промыслы, заводы со всем их имуществом, суда возвращались прежним владельцам. Была возобновлена также деятельность Бакинского окружного суда и прокуратуры (25, 233-239). Показательным в плане характеристики внутривнутриполитического курса новой власти стало и то, что одним из первых документов МИД Азербайджана стало его заявление о гарантиях безопасности в Баку для русского населения. В специальном уведомлении МИД отмечалось, что жизнь русского населения находится в полной безопасности, и что правительство АДР "ставит себе особой задачей, чтобы русское население ни в каком отношении не чувствовало ни малейшего стеснения" (22, 203).

1.3. "Мы отвергаем эти шутовские республики": политика и дипломатия Советской России по отношению к АДР в 1918-1920 гг.

Потерпев военное поражение в Азербайджане, большевистское правительство предприняло активные усилия для того, чтобы взять реванш на дипломатическом фронте. Оно никак не реагировало на призывы правительства АДР к установлению дипломатических отношений, так как надеялось восстановить свои позиции в нефтяном Баку, лишив АДР внешней военно-политической поддержки усилиями своей дипломатии. Руководство Советской России пыталось достичь этой цели через достижение сепаратного соглашения с Германией. Еще 30 июня Ленин в секретной телеграмме Сталину обозначил возможность политического "торга" с немцами по принципу "часть бакинской нефти в обмен на Баку". Ссылаясь на переговоры полпреда РСФСР в Берлине Иоффе со статс-секретарем иностранных дел Германии Рихардом Кюльманом, Ленин отмечал: "...немцы согласны

принудить турок прекратить военные операции дальше брестской границы, установивши нам точную демаркационную линию. Обещают не пускать турок в Баку, но желают получать нефть. Иоффе ответил, что мы будем строго придерживаться Бреста, но вполне согласны с принципом давать, чтобы получать. Обратите сугубое внимание на это сообщение и постарайтесь передать его Шаумяну поскорее, ибо теперь есть серьезные шансы удержать Баку. Часть нефти, конечно, мы дадим" (79 - т.50, 109). Ленинскую установку Сталин передал Шаумяну в письме из Царицына 8 июля (частично цитировалось выше). Информировав Шаумяна о том, что общая политика Москвы в Закавказье направлена на то, чтобы заставить Берлин признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы внутренним делом России, он в то же время подчеркивал: "возможно, нам придется уступить немцам в вопросе о Грузии, но уступку такую мы в конце концов дадим лишь при условии признания немцами невмешательства Германии в дела Армении и Азербайджана". Автор при этом указывал и на "нефтяную цену" компромисса: "Немцы, соглашаясь оставить за нами Баку, просят уделить им некоторое количество нефти за эквивалент. Мы эту "просьбу", конечно, могли бы удовлетворить" (32, 547).

"Серьезные шансы удержать Баку", о которых упоминал Ленин в своей телеграмме, были связаны, прежде всего, с тем, что в самой Германии также усилились позиции сторонников союза с Россией. Глава внешнеполитического ведомства Германии адмирал Гинце считал, что союз с благожелательной к Берлину партией большевиков в сочетании с развитием экономической экспансии в России на основе Брест-Литовского договора может сделать Германию неуязвимой на Западе и на Востоке. Полемизируя с представителями военных кругов в германском руководстве, выступавшими в поддержку "белой оппозиции" большевикам, Гинце следующим образом сформулировал философию германской дипломатии по отношению к Советской России: "У нас нет оснований желать быстрого конца большевизма. Большевики не вызывают симпатии и олицетворяют собой зло, но это не помешало нам подписать с ними мирный договор в Брест-Литовске, а после этого отнять у них значительные населенные территории. Мы добились от них всего, чего могли, и наше стремление к победе требует, чтобы мы следовали этой практике до тех пор, пока они находятся у власти". "Чего мы желаем на Востоке?" - спрашивал своих оппонентов Гинце и сам же отвечал: Военного паралича России. Большевики обеспечивают его лучше и более тщательно, чем любая другая русская партия без единой марки или единого человека в качестве помощи с нашей стороны. Давайте удовлетворимся бессилием России" (цит. по: 103, 141-142). Осевой линией берлинской дипломатии было сохранение России в сфере влияния Германии, недопущение появления в ней сил, ориентированных на Англию и Францию.

Отсюда и ставка германских военных и политиков на большевиков как на политическую силу, во-первых, наиболее лояльную Германии (из всего спектра российских политических сил), и, во-вторых, способную обеспечить ослабление России и ее превращение в прочный тыл Германской империи. Политика главы МИД Германии Гинце сводилась к необходимости "использовать большевиков до тех пор, пока они приносят пользу". Рассматривая большевиков как "единственную русскую партию, которая вступила в конфликт с Антантой", он подчеркивал: "Наша обязанность — разжигать этот конфликт. Большевики - единственные в России защитники Брестского мира" (цит. по: 103, 142-143).

Поддерживая московский Центр, Германия стремилась наряду с этим укрепить центробежные тенденции на границах России. Как подчеркивал император Вильгельм, "необходимо укрепить, насколько это возможно, силы сопротивления живущих на границах народов, поскольку война с восстановившим свои силы русским колоссом начнется рано или поздно" (там же, 146). Таким образом, большевистская, антиантантовская, зависимая Россия была гарантом стабильности Восточного фронта германской армии. В свою очередь, мир на Восточном фронте был фундаментом глобальной стратегии Германской империи. К этому периоду в ее состав уже входили Румыния, Болгария, Украина, Крым, Грузия (германские войска вошли в Тбилиси в середине июня 1918 г.). Последнюю Берлин считал своим главным союзником в регионе и опорной точкой в установлении контроля за обширным пространством от Турции до Ирана и далее до Центральной Азии. Как подчеркивает в связи с этим российский исследователь А. Уткин, 15 мая 1918 г. грузинские политические деятели информировали германского представителя в регионе, что "при определенных обстоятельствах Грузия обратится к германскому правительству с просьбой инкорпорировать ее в германский рейх в качестве либо федерального государства, управляемого германским принцем, либо на условиях, подобных управлению британских доминионов, которые контролируются германским вице-королем" (там же, 121). В начале июня, обосновывая необходимость присутствия германских войск в данном регионе, начальник штаба германской армии отмечал, что "если Грузия станет нашей выдвинутой вперед базой, появится надежда на умиротворение всей кавказской территории и у нас появится возможность вывоза оттуда сырьевых материалов, в которых мы так сильно нуждаемся" (там же, 119).

Что касается Азербайджана, то как самостоятельное государственное образование он (за исключением его нефтяных ресурсов) в расчет Берлином не принимался. Фактически, азербайджанские территории между Грузией и Баку на данном этапе рассматривались германским руководством как сфера влияния союзной ему Турции, а бакинская нефть (в согласованных с Россией

пропорциях) - как ресурс, призванный обеспечить экономическую устойчивость Германии и ее геополитические позиции в кавказском регионе. В дальнейшем, правда, германский генералитет планировал вытеснить Турцию из Закавказья в сторону Ирана и Ближнего Востока, включить Грузию в состав рейха в той или иной форме, оторвать от России Северный Кавказ и самостоятельно решать "кавказские дела".

27 августа, развивая свою российскую политику, Германия подписала с Россией Дополнительный договор к Брест-Литовскому мирному соглашению. С помощью данного договора германская дипломатия стремилась укрепить экономические и политические позиции своей страны в России, подтолкнуть большевиков к тому, чтобы они выступили против Антанты на севере европейской части России. В соответствии со ст. 4 данного договора Германия, которая была единственной державой, признавшей новую российскую власть, обязывалась прекратить вмешательство в отношения между советским государством и его "отдельными областями" и заверяла, что "не будет ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных организмов на этих территориях". Применительно к Азербайджану это обязательство было уточнено таким образом, что германское правительство обязалось сразу же после ратификации добавочного договора оказать на турецкое правительство воздействие в том плане, чтобы турецкие войска были отведены за пределы Баку и прилегающей к нему местности. Германия также обязалась препятствовать пересечению границ Шемахинского и Бакинского уездов какой-либо третьей державой, иными словами Турцией, и не оказывать военную поддержку какой-либо третьей стороне за пределами территории Грузии и определенных Брест-Литовским соглашением границ Турции. Советское правительство обязалось в свою очередь поставлять немцам четвертую часть добываемой в Баку нефти в обмен на уголь из Донбасса, а германское — принять меры к тому, чтобы Россия получала марганцевую руду из Грузии.

Руководство АДР заявило о неприемлемости условий данного договора как берлинскому (нота протеста от 27 августа), так и османскому правительствам, но на данном этапе не оно влияло на ситуацию в Азербайджане. Все участники "закавказской игры" недооценили роль нового фактора в мировой войне — американского. К лету 1918 г. США перебросили в Европу около 1 млн. человек, более 20 дивизий, что помогло Антанте отразить последнее наступление немецкой армии в марте-июне 1918 г. Людские и материальные ресурсы Центральных держав (Германия, Турция, Австро-Венгрия и Болгария) оказались истощены, в их войсках усилились революционные настроения. В августе союзники перехватили военную инициативу и нанесли ряд чувствительных поражений немецкой

армии. В этот период (с августа по ноябрь) Берлин был вынужден заниматься не реализацией Дополнительного договора, а поиском приемлемых условий перемирия с военными и дипломатическими представителями США, Франции и Великобритании (Соглашение о перемирии на условиях союзников было подписано 11 ноября, уже после провозглашения в Германии республики).

В начале сентября Москва, понимая, что терпящая поражения на Западном фронте Германия не в состоянии обеспечить реализацию Договора от 27 августа, предприняла новые дипломатические усилия по предотвращению перехода Баку под контроль АДР — на этот раз на турецком направлении. После "выхода из игры" Германии Турция, у которой были собственные амбициозные планы укрепления геополитического влияния в регионе и которая была главным "виновником" провала военной кампании ККА в Азербайджане в июне-августе 1918 г., стала на некоторое время ведущим "оппонентом" России в регионе. В Берлине российский полпред Адольф Иоффе провел переговоры с одним из руководителей партии "Единение и прогресс" Талаат-пашой, в ходе которых турецкой стороне было предложено отвести ее войска за линию, определенную Брестским договором, передать Баку советским властям и взять на себя обязательство не вмешиваться в "кавказские дела", которые в Москве считали внутрirosсийским вопросом. В телеграмме Раковскому в Киев Чичерин следующим образом описал позиции сторон в ходе данных переговоров: "Иоффе имел свидание с Талаат-пашой, который заявил, что Турция заключила соглашение с Арменией и Азербайджаном об их независимости и об их границах. Он предложил, чтобы Баку принадлежал Азербайджану, а промыслы нам. Об этом конечно и речи не может быть. Мы настаиваем, чтобы турецкие войска удалились за брестскую линию, а что делается по сю сторону, это турок не касается, это наш внутренний вопрос. За наступление на Баку надо требовать вознаграждение за убытки". В ходе переговоров А.Иоффе перешел рамки официальной переговорной позиции Москвы и высказал свою личную позицию в том плане, что после отвода турецких войск за "брестскую линию" возможно признание Россией независимости Армении и Азербайджана, если за это выскажется их население (хотя и в этом случае полпред РСФСР неизменно подчеркивал, что бакинский регион должен остаться российским). Чичерин подверг критике эту позицию Иоффе, охарактеризовав ее в телеграмме следующим образом: **"Мы считаем это недопустимым и продолжаем отвергать эти шутовские республики"** (выделено нами — прим. авт., 10, оп.2,д. 831,л.221б).

16 сентября, получив сообщение о захвате Баку турецко-азербайджанскими войсками, правительство РСФСР потребовало от Турции немедленного освобождения города. А 20 сентября, после отказа турков, оно

заявило Турции, что считает Брестский договор "отмененным с ее стороны и уже несуществующим между Турцией и Россией" (как было показано выше, в части, касающейся армянских иррегулярных формирований, договор был отменен Россией еще 16 марта). С этого момента начался новый этап азербайджано-российских отношений, продлившийся до падения АДР 28 апреля 1920 г. Стратегическая линия России на восстановление своих позиций в Азербайджане осталась прежней — изменились лишь подходы к ее реализации. Что касается правительства АДР, то следует отметить, что в этот период оно не было полноправным хозяином ситуации в Баку. 17 ноября, после ухода турецких войск из Азербайджана в связи с условиями Мудросского перемирия, в Баку высадились 39-я британская пехотная бригада под командованием генерал-майора, командующего британскими силами в Северной Персии В.Томсона. Еще до отбытия в Баку, английский генерал выступил с заявлением, в котором им были очерчены жесткие рамки азербайджанской независимости и требования к властям АДР (43, 124):

1. все турецкие и азербайджанские войска должны быть выведены из Баку к 10 часам 17 ноября (в результате военное министерство и войска АДР вынуждены были расположиться в Гяндже, где они находились с ноября 1918 по апрель 1919г.),

2. Баку с его нефтяными промыслами переходит под оккупацию английских войск, остальная часть страны останется под контролем азербайджанского правительства и его войск,

3. Азербайджан официально не признается, но представители Англии, Франции и США установят связи с ним де-факто,

4. генерал Томсон будет генерал-губернатором Баку, англичанин возглавит городскую полицию,

5. Азербайджан не будет исключен из дискуссии относительно принципа национального самоопределения на Парижской мирной конференции,

6. вооруженные армяне не будут допущены в Баку.

Следует также отметить, что, вступая в Баку в качестве представителя союзных держав, Томсон первоначально в своих декларациях рассматривал Азербайджан как российскую территорию и демонстрировал непризнание союзниками независимости АДР. "В момент торжества мы не забываем великих услуг, оказанных русским народом делу союзников в первые годы мировой войны, - политкорректно отмечал Томсон в своей декларации о введении в Баку военного положения. - Союзники не могут возвратиться к себе домой прежде, чем они восстановят порядок в России и доставят ей возможность занять свое место в ряду других народностей мира". Подчеркивая, что союзники не имеют намерений "оставить за собой ни одной пяди русской территории", Томсон следующим образом высказался о

будущем Баку: "внутреннее управление страной или любой частью ее — дело исключительно русского народа, в которое союзники ни в каком случае вмешиваться не будут" (23, 106-107).

В этих неблагоприятных условиях и при ограничениях (пп.1-4), которые ослабляли возможности правительства АДР в проведении самостоятельной внутренней и внешней политики, и, невзирая на враждебное отношение английского военного командования в Баку к азербайджанской независимости, новая азербайджанская власть в своих официальных декларациях и по дипломатическим каналам продолжала выступать за установление равноправных отношений с Россией, а также с другими государствами, образованными на территории бывшей Российской империи.

Правящие круги АДР трезво и реалистично оценивали ситуацию внутри Азербайджана и вокруг него, и понимали, что интересы военно-политической безопасности и экономического выживания Азербайджана, сохранения его независимости настоятельно требуют нормализации отношений с Советской Россией и восстановления товарооборота, который был основан преимущественно на вывозе азербайджанской нефти на российские рынки. Не случайно поэтому, что российские представители стали одними из первых, с кем новая бакинская власть вступила в переговоры. Через несколько дней после перемещения правительства в Баку официальные представители АДР вступили в переговоры с делегатом Московского продовольственного комитета Орловым И.П., которому была высказана просьба о передаче в НКВД России предложения об установлении постоянных дипломатических отношений с целью развития торгово-экономических отношений.

В середине сентября 1918 г. Расулзаде, опасаясь негативных последствий переговоров между Турцией, Германией и Россией для независимости АДР, отмечал в своем донесении Хойскому из Стамбула: "мы должны вступить в непосредственные сношения с большевистским правительством, а в Германии должна находиться наша сильная пропагандистская организация" (23, 81).

Вопрос об отношениях с Россией стал одной из центральных тем в работе торжественно открывшегося 7 декабря 1918 г. в Баку национального парламента. Выступая на его первом заседании, М.Э. Расулзаде следующим образом определил отношение Азербайджана к России: "Наше отделение от России не есть враждебный акт по отношению к России. Мы не чувствовали обид от русского народа, который не меньше нас страдал под гнетом деспотизма... Наша самостоятельность даст нам возможность быстро развиваться и без принуждения стать свободным членом будущей "Лиги свободных народов" (Лиги наций — прим. авт.). Мы желаем видеть в России государство, основанное на демократических началах. Деспотический

характер "Севера" нам не выгоден. Мы любим Россию, но любим и свою независимость". В контексте обсуждения "русской темы" и родилось ставшее историческим высказывание Расулзаде об основах национально-государственной ориентации молодой республики: "Поднятое нами знамя, три цвета которого являются символами тюркской национальной культуры, мусульманской цивилизации и демократических начал современной Европы, не должно опуститься" (24, 30).

10 декабря 1918 г., выступая в парламенте с заявлением о политической платформе партии "Мусават", Расулзаде вновь подчеркнул стремление руководства АДР к равноправному сосуществованию с Советской Россией, не исключая при этом даже его готовность вступить — на определенном этапе — в конфедеративный союз с ней и другими государствами, образованными на территории бывшей Российской империи. Такой подход отражал веру лидера "Мусават" и других руководителей республики в то, что на предстоящей мирной конференции в Париже возобладает объединительные тенденции, и державами-победительницами в Первой мировой войне будут созданы предпосылки для формирования мирового порядка, основанного на федеративном союзе государств. "Мы во время русской революции при выработке своей программы Россию мыслили себе демократической республикой, основанной на территориально-федеративных началах. Нам не чужда эта идея и сейчас. В будущем, при иных, более благоприятных условиях, мы могли бы опять заключить союз с демократической Россией и со всеми государствами, образованными на бывшей ее территории... Но с одним лишь условием, что подобный союз заключат не азербайджанцы, а Азербайджан", - заявлял лидер крупнейшей парламентской фракции, указывая на конфедеративную, "независимую" основу возможного союза. - Пока не выяснено наше положение, пока официально не признано наше право на свободное существование как всеми державами, так и самой Россией, пока мы не получим полного удовлетворительного решения мирной конференции, словом, пока наша свобода, свобода нации, не гарантирована международно, не может быть и речи ни о воссоединении, ни о федерации, ни о признании чьей-либо власти" (24, 38-39).

26 декабря 1918г., выступая перед парламентом с докладом о задачах правительства в области внешней политики, премьер-министр и глава МИД Ф.Хойский также достаточно конкретно определил место России в системе приоритетов национальной дипломатии, заявив, что "независимость и самостоятельность не означают, отнюдь, что следует возвести между собой какую-то китайскую стену". "Правительство полагает, - заявил он, - что свободный Азербайджан может и, наверно, вступит в теснейшую связь с

другими государствами, образовавшимися на территории России, а также и с самой центральной Россией" (23, 111).

Задача установления диалога с Советской Россией была настолько актуальна для руководителей АДР, что они пытались решить ее не только через дипломатов и представителей Советской России в европейских столицах, но даже через эмигрировавших из России высокопоставленных деятелей Временного буржуазно-демократического правительства, находившихся в оппозиции большевистской власти. Как видно из недавно опубликованного "Дневника" П.Н. Милокова - лидера самой влиятельной в России либеральной партии, министра иностранных дел Временного правительства (март-май 1917 г.) и, в целом, авторитетного российского политика, к мнению которого прислушивались правительственные и общественные круги Запада, вопрос о нормализации отношений между Азербайджаном и Россией был главным в ходе состоявшейся 7 декабря 1918 г. в Стамбуле встречи Милокова с прибывшим в османскую столицу 28 сентября А.А. Топчибашевым (Топчибашев Алимардан-бек Алекпер оглы, 1862-1934; выдающийся деятель азербайджанского национально-демократического движения; после провозглашения АДР находился в составе второго кабинета в качестве министра без портфеля; с 20 августа 1918 г. - чрезвычайный министр-посланник АДР в Стамбуле при правительствах Османской империи, представительствах центрально-европейских держав, Армении и Грузии; в октябре назначен министром иностранных дел АДР, а 7 декабря был заочно избран председателем азербайджанского парламента и стал фактическим главой государства; 28 декабря назначен председателем делегации АДР на Парижскую мирную конференцию и в этом статусе внес неоценимый вклад в борьбу азербайджанской дипломатии за признание союзными державами независимости Республики). Милоков оставил следующую запись о своей беседе с азербайджанским дипломатом: "Топчибашев... рассказывает, что был в марте арестован в Баку большевиками, присужден к смертной казни. Выбрался из России, побывал в Елизаветполе, в сентябре, с целью посетить Берлин и Вену, но уже не добрался до туда. Теперь пришел с тем, чтобы поговорить о восстановлении отношений к России. Ничего конкретного (Топчибашеву — прим. авт.) не сказал, но предложил употребить свое влияние для этой цели" (49, 280).

В плане характеристики подхода ведущего либерального деятеля России к вопросу о независимости бывших окраин Российской империи представляется интересным следующий фрагмент из его воспоминаний. Резюмируя содержание своих встреч в Стамбуле с представителями кавказских народов (Милоков находился в Турции проездом в Европу, где планировал установить контакт с союзниками и создать широкую коалицию

для борьбы с большевистской властью), автор подчеркивал: "Всем говорю одно и то же, с вариациями. Положение юга и севера России, концентр(ированное) действие против Москвы, силы наши и Добров(ольческой) армии, необходимость помощи союзников, несвоевременность вопроса о форме правления, готовность дать автономии, различные в различных местах, уничтожение независимости, в т(ом) числе и Закавказских республик..." (там же, 281).

В Баку понимали, что без установления нормальных политических отношений, возрождения традиционных торговых связей с Россией невозможно восстановить экономическую и финансовую системы молодой республики. Огромное экономическое значение России для Азербайджана было очевидным. Касаясь вопроса об объективной заинтересованности правительства АДР в восстановлении связей с Россией и российским рынком, американский исследователь истории Азербайджана Тадеуш Свиетоховский отмечает: "хотя в целом Азербайджан находился в лучшем экономическом положении, чем его ближайшие соседи, и приезжавшие сюда иностранцы находили в Баку некоторое присутствие роскоши по сравнению с суровым аскетизмом Тифлиса и бедностью Еревана, республика была охвачена кризисом, отметившим весь период независимости. Экономика страны развивалась как приросток Российской империи, и поэтому она тяжело пострадала, когда в связи с гражданской войной в России связи Азербайджана с традиционными рынками сбыта и источниками снабжения оказались перерезанными" (93 — №3, 42). Автор в связи с этим приводит следующий тезис о значении экспорта в Россию, содержащийся в одной из официальных публикаций правительства АДР: "какое бы количество нефти ни смогла у нас закупить Европа, финансы Азербайджана не будут восстановлены до тех пор, пока русский рынок останется для нас закрытым" (там же).

Однако призывы правительства АДР не находили поддержки в российском руководстве, которое рассматривало Баку с его промыслами и весь Азербайджан как неотъемлемую часть РСФСР, исключая какие-либо варианты его независимого развития. Можно упомянуть в связи с этим постановление Высшего Военного совета от 24 июля 1918 года, подписанное его председателем Троцким, в котором отмечалось, в частности, что "в состав Северного Кавказа должны входить районы Донской, Черноморо-Кубанский и Бакинский" (74, 93). Значение нефтяного фактора для Советской России было столь велико, что даже после падения советской власти в Баку и ареста "бакинских комиссаров" во главе с Шаумяном, вопрос о поставках бакинской нефти в Россию оставался одним из важнейших в закавказской политике Москвы. Показательной в этом плане является телеграмма Свердлова Сталину от 20 августа 1918 г., в которой автор указывает на необходимость

"немедленно повести разговоры с Баку об обмене Шаумяна и других на арестованных нами дашнаков, меков (видимо, меньшевиков — прим. авт.), эсеров" и тут же просит сообщить "возможность получения нефти из Баку" (10, оп.2, д.546, лл. 25-26).

В ноябре 1918 г. в своей "Речи о международном положении" на VI Всероссийском Съезде Советов Ленин подчеркнул приоритетное значение Баку для Советской России, заявив, что "Англия отняла по договору у турок Баку, чтобы душить нас, отняв у нас сырье" (79 — т.37, 163). 3 апреля 1919 г. в докладе "О внешнем и внутреннем положении Советской Республики" на Чрезвычайном заседании Пленума Московского совета рабочих и красноармейских депутатов он вновь отметил важное значение бакинской нефти для Советской России: "...в Баку нефть у нас отбили англичане. Они, захватив часть судов на Каспийском море и завладев Грозным, мешают нам воспользоваться нефтью. Без нефти же ни промышленность, ни железные дороги не могут работать. Приходится напрягать все усилия" (79 — т. 38, 248).

Но гораздо более актуальное значение имел вопрос о вывозе нефти в Россию для экономической и политической стабильности самого Азербайджана. Представляя 14 апреля 1919 г. в парламенте декларацию своего правительства, Усуббеков признавал, что дороговизна и другие кризисные тенденции в социально-экономической жизни республики являются следствием нарушенного торгового обмена с Россией. "Богатство и благополучие нашей страны — нефть, а между тем, пути сообщения с главной потребительницей нашей нефти — Россией — прерваны; это обстоятельство может поставить нас в весьма затруднительное положение", - подчеркивал премьер-министр. Заявляя о стремлении правительства к восстановлению торговых отношений с Россией, независимо от политической природы российского режима ("для нас не должно играть роли сосредоточение власти в руках той или иной партийной группы, что является внутренним делом самого русского народа"), Усуббеков рассматривал возрождение торговых связей как первый шаг на пути полномасштабной нормализации отношений с соседней страной: "Даже больше, мы будем идти дальше по пути к соглашению с демократической Россией, веря, что она не будет вмешиваться в наши внутренние дела" (24, 353).

Большевики, как уже отмечалось выше, исключали любые варианты компромисса в вопросе контроля над Баку. В качестве еще одного подтверждения данной позиции можно привести ленинский ответ на сделанное в начале октября 1918г. предложение турецкого посла в Германии Рифаат-паши подписать протокол об урегулировании военного положения на Кавказе (проект протокола предусматривал вывод турецких войск с Кавказа до границ, предусмотренных Брест-Литовским договором). В телеграмме

российскому полпреду Иоффе 7 октября Ленин отметил: "Подписать турецкий протокол не согласны, пока не будет принята передача Баку нашим властям, ибо без этого пункта есть все основания подозревать тайные соглашения с Антантой о передаче Баку в ее руки" (79 — т.50, 372). Геополитическое значение столицы АДР как важнейшего военно-политического плацдарма на границе с Турцией и Персией, незаменимого транзитного сухопутного и морского пути, связывавшего Россию с этими странами, его ключевая позиция с точки зрения влияния на среднеазиатский регион, нефтяной и экономический потенциал бакинского района и его значение для промышленности Советской России — все эти факторы предопределяли основные элементы политики Москвы на азербайджанском направлении: дипломатическое непризнание АДР, ослабление ее внешнеполитических позиций, подготовка оккупации республики силами Красной армии при внутренней поддержке бакинских коммунистов.

Отличительной особенностью развития азербайджано-российских отношений на этапе 1918-1920 гг. было то, что вокруг идеи свержения АДР формировался не только большевистско-дашнакский альянс, но и союз функционировавших в Баку армянского и русского национальных советов и ряда других реакционных сил, прикрывавшихся лозунгом "единой и неделимой России". Несмотря на провозглашение независимости и переезд руководства АДР в Баку 17 сентября, в азербайджанской столице некоторое время де-факто у власти находился триумvirат в составе правительства АДР, английского командования и правительства Бичерахова. В январе 1919 г. в Баку было создано "Кавказско-Каспийское правительство" во главе с союзником англичан Лазарем Бичераховым, который, как свидетельствуют архивные источники, в течение лета-осени 1918 г. координировал свои действия с комиссаром по делам Кавказа Шаумяном и командованием Персидского фронта Красной армии (10, оп.2, д.742, л.5). В донесении курьера российской миссии в Тегеране Геворкова, переданном в НКВД уже из Москвы 7 апреля, была дана следующая оценка внутривластной ситуации в Баку: "15 ноября вернулись в город англичане и "Кавказско-каспийское правительство" и армия Бичерахова (правительство было сострепано в Петровске съездом представителей эсеров, меньшевиков и дашнаков). Баку был под властью азербайджанского правительства, "Кавказско-каспийского правительства" и английского командования. Такая путаница продолжалась недели две, пока каспийское правительство по предложению англичан не ликвидировало себя". В докладе, который охватывал период с июля 1918г. по конец февраля 1919г., также отмечалось, что одновременно англичане потребовали от представителей Добровольческой армии, которые пытались сформировать в Баку

добровольческие части, покинуть пределы Азербайджана (10, оп. 3, д. 184, лл. 10-16).

Однако успехи правительства АДР в области стабилизации социально-экономического положения, демократизация внутривластной жизни (формирование коалиционного правительства, многопартийного парламента, свобода прессы и собраний), взвешенная внешняя политика и другие меры новой власти смогли изменить отношение англичан к АДР. 28 декабря (через два дня после формирования нового кабинета Ф. Хан-Хойского) генерал Томсон заявил о полной поддержке азербайджанского правительства как "единственной местной законной власти в пределах Азербайджана" (23, 115 и 43, 125). 22 января 1919г. главнокомандующий союзными войсками в Закавказье вновь подтвердил признание азербайджанского правительства, подчеркнув, что не будет никакого вмешательства во внутренние дела закавказских государств (там же). В развитие этой позиции и благодаря настойчивым требованиям правительства АДР в конце февраля войска Бичерахова были выведены из Баку, а армянские формирования расформированы.

Несмотря на укрепление положения правительства АДР, его суверенитет носил все же ограниченный характер. Весной 1919 г. в Баку находился военный контингент англичан численностью около трех с половиной тысяч человек, к лету он возрос до пяти тысяч (43, 124). Эта грозная военная сила обеспечивала прикрытие экономических интересов правительства и частных компаний Великобритании в Азербайджане, что, естественно, не всегда совпадало с интересами независимого экономического развития республики. В вышеуказанном докладе российского дипломатического агента в связи с этим подчеркивалось, что "бакинская буржуазия выражает явное недовольство по адресу англичан ввиду того, что последние, взяв товары на учет, планомерно вывозят их, обещав уплатить. В капиталистических кругах уныние и недоверие, ибо они полагают, что англичане стоимость вывезенною обратят в счет долгов царского правительства" (10, оп. 3, д. 184, л. 16).

Кроме того, дополнительные внутри - и внешнеполитические проблемы для азербайджанского руководства создавала политика англичан по "деникинскому вопросу". В течение всего срока своего пребывания в Азербайджане британская военная миссия открыто поддерживала деникинцев, рассматривая их как важнейший фактор сдерживания большевистской угрозы в регионе. Характеризуя политику английского командования в этом вопросе, член Кавказского краевого комитета РКП(б) Гогоберидзе сообщал из Баку 17 августа: "Повсюду заметно покровительственное отношение англичан к Деникину. Представитель Деникина при английском командовании открыто существует в Баку, в

Тифлисе, втайне вербует офицеров и руководит провокаторской работой своих агентов, которые стараются создать, в особенности среди русских, настроения в пользу прихода Деникина" (16, оп.22, д.4, лл.1-2).

Не только в Баку, но и в других крупных центрах кавказского региона британские военные и дипломаты предпринимали усилия по установлению дружественных отношений между Азербайджаном и Добровольческой армией (Вооруженные силы Юга России, ВСЮР) и формированию регионального военно-политического альянса между АДР и Деникиным, который был бы нацелен против большевиков. В частности, весьма активен в этом отношении был глава английской военной миссии в Екатеринодаре генерал Бриггс, который 7 июня 1919 г. смог даже организовать встречу между дипломатическим представителем АДР на Кубани Дж. Рустамбековым и Деникиным. В ходе данной беседы, которая носила трехсторонний характер, Бриггс выступил с инициативой обмена дипломатическими представительствами между Деникиным и правительством АДР, которая была сразу же поддержана Деникиным (23, 257).

МИД Азербайджана, опираясь на принципиальную позицию руководства страны о нейтралитете по отношению к внутрироссийской политической борьбе и гражданской войне, не поддержал данную британо-деникинскую инициативу, но в то же время не стал закрывать существовавшие каналы диалога с Деникиным, который осуществлялся через полковника Лазарева, официально называвшего себя "представителем вооруженных сил Юга России при британском командовании в Баку". 26 июня заместитель главы МИД АДР А.Зиатханов информировал Рустамбекова, что "вопрос об обмене дипломатическими представительствами между Добрармией и Азербайджаном разрешен отрицательно, но вместе с тем правительство ничего не имеет, когда будет представляться надобность, иметь переговоры по разного рода вопросам с командованием Добрармии, а также Добрармия может поручить своему представителю при английском командовании ген. Лазареву иметь в нужных случаях переговоры с азербайджанским правительством".

Для азербайджанского правительства в отношениях с Деникиным гораздо более актуальным было добиться строгого соблюдения демаркационной линии между ВСЮР и АДР, которая была установлена в начале июня британским военным командованием на Кавказе, и которая не соблюдалась Деникиным. "Позиция наша к Добрармии такова, - отмечал в связи с этим Зиатханов: окончательно и твердо решено в пределы Азербайджанской Республики не допускать частей Добрармии и настоять на удалении из Дагестана имеющихся там добровольческих частей, заняв

Дагестан до демаркационной линии азербайджанскими войсками" (23, 279-280).

Екатеринодарская встреча между Деникиным и азербайджанским дипломатом представляет особый интерес в связи с тем, что это был, практически, единственный контакт "белого генерала" с официальными представителями АДР. Несмотря на то, что эта встреча носила - по просьбе Рустамбекова - неофициальный характер, она во многом прояснила подходы сторон друг к другу. Во время данной встречи Деникин заявил об отсутствии агрессивных намерений против АДР и выразил недовольство нападениями на него в азербайджанской прессе, и, особенно, фактом ареста деникинских офицеров в Азербайджане. "Арест моих офицеров Ваше правительство объясняет наличием в пределах Азербайджана контрразведки Добрармии (правительство Азербайджана обвиняло их также в политической агитации в пользу Деникина и мобилизации оставшихся в стране русских офицеров и населения в ВСЮР — прим. авт.), между тем у меня в пределах Азербайджана, кроме официального представителя при британском командовании, никого нет и не должно быть, - заявил российский генерал Рустамбекову. - Я в курсе всех Ваших дел через приезжающих оттуда лиц. Вашим правительством арестовываются офицеры-дезертиры или же офицеры, приезжающие к Вам по своим личным делам. Можете заверить свое правительство, что у меня никаких агрессивных намерений против Азербайджана нет и не может быть. Меня интересует всецело вопрос борьбы с большевиками" (там же, 256).

Однако заявления Деникина, как и вся его политика на "азербайджанском направлении", носили условный, двойственный характер. Главком ВСЮР обещал не предпринимать никаких агрессивных шагов, если правительство АДР "само не подаст к этому повода" (там же). В предшествовавшем этой встрече заявлении его представителя (21 мая 1919 г.) также отмечалось отсутствие агрессивных намерений в отношении АДР и признание его "самостоятельности", но в то же время оговаривалось, что "когда Россия будет освобождена от большевиков, то входить в соглашение с вновь образовавшимися государствами на территории бывшей Российской империи будет делом народного собрания или той верховной власти, которой все вооруженные силы, борющиеся против большевиков, передадут свои права" (23, 225-226). В начале июня представитель Деникина при британском командовании в Баку передал главе азербайджанского правительства официальное письмо, в котором отмечалось, что командование ВСЮР "не считает Азербайджан отделившимся от России", и что "оно допускает и признает самостоятельное существование Азербайджана до решения этого вопроса верховной властью России, когда таковая будет восстановлена" (цит. по: 24, 443). В этом же духе была сформулирована позиция Деникина в

начале июля. В телеграмме "белого генерала", которую полковник Лазарев передал главе правительства АДР 4 июля, отмечалось: "Прошу еще раз подтвердить азербайджанскому правительству, что если со стороны Азербайджана не последует враждебных действий против войск Юга России, я, впредь до решения вопроса Всероссийским народным собранием, признаю самостоятельность Азербайджана и никаких враждебных намерений по отношению к нему не имею" (22, 344).

Эта дипломатическая двусмысленность отражала, с одной стороны, шаткость военных позиций Деникина, а с другой — неизбежность его великодержавных приоритетов. Тактическая заинтересованность в мире и дружбе с Азербайджаном как потенциальным союзником в борьбе с большевиками (и гарантом безопасности "деникинского тыла") не меняла его стратегической ориентации на восстановление (в случае успеха его военной кампании) российского контроля над всей территорией бывшей России и, прежде всего, над богатым нефтью бакинским регионом.

Официальные власти Баку, безусловно, понимали эту игру Деникина, учитывали ее в своей практической дипломатии, но не поддавались на призывы к военно-политическому сближению с главным врагом большевиков. В начале июля 1919 г., после захвата (в мае) Добровольческой армией территории Северного Кавказа, обнаружилась подлинная позиция Деникина в отношении АДР — дипломатическому представителю Азербайджана в т.н. "Горской Республике" (при правительстве "Союза Горских народов") А.Ахвердову было предписано выехать из Темир-Хан-Шуры, ее административного центра (23, 281-283), а в дальнейшем активизировались подрывные действия деникинской агентуры на территории самого Азербайджана.

В последние месяцы своего пребывания в Азербайджане англичане резко усилили свою военную и политическую поддержку Деникина. 11 июня они исправили в его пользу демаркационную линию таким образом, что под контроль ВСЮР попал теперь весь Дагестан, и деникинская армия расположилась в непосредственной близости от границ АДР, создавая явную угрозу ее безопасности. В конце июля англичане передали деникинцам корабли каспийской флотилии. Отвечая на протест правительства АДР по данному поводу, генерал Томсон не скрывал в своей ноте мининдел Джафарову (5 августа), что это решение было обусловлено союзническо-антибольшевистским характером британо-деникинских отношений: "Как уже Вам известно, британский Каспийский флот был создан для борьбы с большевиками. В продолжение этой политики, когда наш уход был решен, британское правительство приказало передать эти пароходы ген. Деникину" (22, 344-345).

Но англичане не ограничились лишь передачей Деникину военных кораблей. В письме командующего британскими силами в Закавказье генерал-майора Г.Кори главе правительства АДР Усуббекову (4 августа) содержалось недвусмысленное предупреждение о том, что "кавказские республики должны воздержаться от всякого нападения на Добровольческую армию и должны содействовать ген. Деникину по крайней мере в том, что касается снабжения Каспийского флота керосином и другими предметами, отказывая в то же время в этом большевистским войскам". При этом подчеркивалось, что "неподчинение этим условиям повлечет за собой злоупотребление доброй волей британцев и сделает невозможным для правительства его величества настаивать на том, чтобы войска ген. Деникина оставались к северу от этой линии" (23, 309).

Глава Кабинета Министров АДР Усуббеков, отвечая 25 августа в парламенте на депутатский запрос о мерах, предпринимаемых правительством по укреплению обороны республики в связи с угрозой со стороны ВСЮР, откровенно признавал неспособность правительства противостоять британо-деникинскому альянсу: "Большой неприятностью и угрозой для нас является и передача части Каспийской флотилии Деникину. Могут дать Деникину и остальную часть флота, но что мы можем сделать, кроме протеста? ..Когда я протестовал против передачи флотилии перед генералом Кори, то он мне ответил: "Мы дали Деникину не только эти 2-3 суденышка, а очень много других вещей, вплоть до танков, и если вес это он обратит против Азербайджана, то эти судна Каспийской флотилии будут каплей в море, но вся эта передача обусловлена неприкосновенностью закавказских республик"". "Такую колоссальную помощь Деникину они объясняют тем, - подчеркивал Усуббеков, - что Версальская конференция объявила войну большевизму и всем тем, которые идут против большевиков, они готовы помочь. И, поддерживая Деникина, мирная конференция поддерживает антибольшевистскую силу" (24, 653).

Вскоре представители Деникина предприняли очередной антиазербайджанский демарш. 21 сентября морское управление при главкоме ВСЮР предъявило правительству АДР требование о прекращении плавания азербайджанских судов под национальным флагом и замене его русским флагом. Данное требование, подкрепленное определенными угрозами, обосновывалось Туркменчайским договором 1828 г. Комитет государственной обороны Азербайджана в ответ на это заявил, что Туркменчайский договор может быть обязательным только для России и Персии, но не для новообразовавшихся государств, и что торговый флот республики будет и далее плавать под национальным флагом (23, 378).

И, наконец, последним выпадом штаба Деникина в адрес АДР стал изданный в конце 1919 г. "приказ" главкома ВСЮР о том, что офицеры

азербайджанской армии русского происхождения должны немедленно покинуть места своей службы и присоединиться к Добровольческой армии. Данный "приказ", естественно, не имел никаких последствий.

Давление на Азербайджан оказывалось даже после того, как власти республики, заинтересованные в стабильности на ее северных границах и сохранении доверительных отношений с британской миссией в Закавказье, пошли на ряд компромиссных шагов в своих взаимоотношениях с главкомом ВСЮР. 11 сентября между премьер-министром АДР Усуббековым и представителем Деникина генералом Баратовым был подписан Акт предварительного соглашения, который носил характер протокола о намерениях и предусматривал открытие телеграфного и радиосообщения между Ростовом и Баку, обмен почтой, урегулирование железнодорожного и водного сообщений, а также курьерской связи. Азербайджанское правительство выразило также готовность приступить к выработке торгового и финансового соглашений, но в ответ на вывод частей Добрармии из Дагестана и превращение этого района в нейтральную зону (23; 338, 340-341).

Но дальше этих предварительных договоренностей (которые так и остались на бумаге), обусловленных в значительной степени давлением англичан, азербайджано-деникинские отношения развиваться не стали. Баку по-прежнему категорически отказывался от настойчивых призывов англичан к поддержке Добрармии живой силой в ее борьбе против большевиков, мотивируя свою позицию прежним тезисом о неучастии во внутрirosсийской гражданской и политической борьбе. Кроме того, с осени 1919 г. актуальность этого вопроса для руководства ВСЮР заметно снизилась, так как все их внимание и силы были переключены на борьбу с Красной армией, которая в этот период начала ряд успешных военных операций, завершив зимой 1920 г. разгром "белых армий".

Помимо давления на власти АДР по "деникинскому вопросу", англичане активно использовали в своей региональной политике и армянский фактор. В середине 1919 г. они активно содействовали попыткам установления армянской администрации в Шаруро-Нахичеванском районе Азербайджана и более чем благосклонно относились к агрессивным устремлениям Армении в отношении азербайджанских территорий. 16 июня 1919г. дипломатический представитель АДР в Армении М.Х. Текинский сообщал мининдел М.Ю. Джафарову об усиленной мобилизации в Армении и отмечал в связи с этим, что армянское правительство действует с одобрения англичан и американской миссии. "Англичане, не скрывая, идут против мусульман", - подытоживал азербайджанский дипломат (22, 226).

В конце августа в силу внутривнутриполитических и экономических проблем, с которыми столкнулось британское правительство, а также из-за

разлагающего воздействия большевистской пропаганды на английских солдат и матросов, английские войска покинули территорию АДР. Помощь и поддержка, оказанные англичанами, послужила деникинцам стимулом для активизации их подрывной деятельности в Баку. Как отмечал Киров в конце сентября 1919 г. в одной из своих многочисленных телеграмм Ленину о положении в Баку, "атмосфера там в связи с уходом англичан и угрозой Деникина Закавказью накалена до крайней степени, в результате чего правительство Азербайджана, настаивавшее в парламенте на союзе с Деникиным, подало в отставку". Киров сообщал также, что "деникинцы нагло прокладывают дорогу в Азербайджан, где на днях организовали крупный заговор, во главе которого стоял Бакинский градоначальник Гулиев... Целью заговора был переворот в пользу Деникина" (10, оп.3, д.554, л.288).

В другом сообщении (от 28 сентября) в связи с активизацией на Северном Кавказе боевых столкновений между горцами и 4 полками корпуса деникинского генерала Шкуро, Киров информировал Москву о заинтересованности Азербайджана и Грузии в победе горцев, которых они, по его мнению, рассматривали как заслон против Деникина (10, оп.3, д.561, л.265). Одновременно он сообщал о наличии у правительства АДР планов по эвакуации госслужащих из Баку в Гянджу в связи с деникинской угрозой: "Баку ничем не защищен со стороны моря, где безраздельно господствуют добровольцы. Вероятно, не надеясь удержаться в Баку в случае натиска со стороны моря, Азербайджанское правительство намерено организовать оборону в Гяндже, превратив ее в базу борьбы с добровольцами, если только не удастся с ними как-нибудь столкнуться" (там же).

После ухода англичан из Баку и по мере укрепления позиций новой азербайджанской власти акценты в политике Москвы сместились в сторону усиления большевистской пропаганды во всех регионах Азербайджана, организационно-политической и военно-технической подготовки переворота в республике, саботажа попыток правительства АДР провести в жизнь необходимые социально-экономические и политические реформы. Уже в ноябре 1918 г. в Баку было образовано временное большевистское бюро, приступившее к налаживанию организационно-партийной работы среди рабочих. В феврале 1919 г. Ленин получил от А.Шляпникова, бывшего наркома труда, находившегося на партийной и хозяйственной работе в Астрахани, сведения о том, что рабочие бакинских предприятий и матросы настроены враждебно по отношению к английским войскам, и что суда, на которых еще остались русские матросы, готовы перейти на сторону Советской власти, а рабочие при наступлении Красной Армии поднимут восстание. Реакция вождя была ожидаемой: "Получил вашу телеграмму о Бакинских делах. Надеюсь, вы понимаете громадную важность вопроса и

примете энергичнейшие меры, чтобы использовать настроение бакинцев для быстрых и решающих действий. Гарантируйте безопасность переходящих к нам" (79 - т.50, 254).

В марте 1919 г. был образован Бакинский комитет РКП(б), который усилил агитационную работу большевиков не только среди бакинских рабочих и крестьян, в армии и среди матросов Каспийской флотилии, но и среди английских солдат. Комитетом была создана специальная военно-техническая комиссия, которая занималась сбором оружия, подготовкой кадров боевиков. В начале мая в Баку началась всеобщая забастовка, которую правительство расценило как политическую, "направленную против основ Азербайджанской республиканской государственности и руководимую чуждыми азербайджанской демократии большевистски настроенными элементами и агентами Российской Совдепии" (25, 308).

Наряду с этими аспектами подрывной деятельности Бакинского комитета важнейшим направлением его работы было ослабление позиций тех национальных движений и партий, которые имели наибольшее влияние на азербайджанское общество, прежде всего "Гуммет" и "Мусават". Проводимый большевиками кризис власти привел к дестабилизации положения в главной политической опоре АДР - партии "Мусават". С 22 декабря 1918 г. по 22 декабря 1919 г. в Республике сменилось три кабинета и главным содержанием этого процесса было усиление в руководстве АДР позиций левых мусаватистов и сторонников сближения с Советской Россией.

Но приоритетное внимание Москва уделяла все же усилению позиций азербайджанского левого движения. В середине июля 1919 г. специальная резолюция РКП(б) рекомендовала ускорить раскол в социал-демократической организации "Гуммет" с тем, чтобы отделить от нее и затем подчинить своему влиянию его коммунистическую фракцию. В результате произошел раскол "Гуммет" на правых — социал-демократическую группу, и левых — азербайджанских коммунистов. Последние в соответствии с рекомендациями Бакинского комитета провозгласили курс на вооруженный захват власти в республике.

Пытаясь найти ответ на вопрос, почему свержение республики оказалось настолько простым, Т.Свиетховский указывает в своей работе "Русский Азербайджан", в частности, на то, что "политическое развитие Азербайджана страдало от существования пропасти между европеизированной элитой и массами, связанными традициями, хотя элита и обладала гибкостью, умеренностью, открытостью и политическим опытом". Развивая этот тезис, он отмечает, что "идея азербайджанской государственности не укоренилась среди большей части населения; само слово национализм либо не понималось, либо, что еще хуже, воспринималось

как бранное слово", и что "коммунисты широко использовали это факт в своей пропаганде против Азербайджанской республики" (93, №3, 60).

Не углубляясь в анализ социальных и идеологических аспектов национально-государственного строительства в Азербайджане в этот период, отметим в связи с данным утверждением следующее. Идеи азербайджанской государственности, действительно, не пустили, да и не могли за столь короткий срок пустить глубоких корней в азербайджанском обществе, которое находилось на раннем этапе постколониального развития, переживало сложную социально-экономическую и социально-политическую структуризацию. Объективным отражением этого процесса было то, что в среде интеллигенции, в умах правящей элиты, происходила непростая, противоречивая эволюция от идеалов "национально-культурной автономии" и "кавказской конфедерации" до идеи независимого государства, от ориентации на принципы ислама и пантюркизма до азербайджанизма. Но, несмотря на это, идеи независимого государства и самостоятельной республики оказались все же достаточно популярны в азербайджанских массах. Во всяком случае, они укоренились настолько, что с лозунгом "независимого Азербайджана" приходилось считаться многим политическим силам внутри и вне Азербайджана. Применительно к прокоммунистическим, пророссийским силам в республике это проявилось в том, что даже левые гумметисты были против того, чтобы быть структурно поглощенными РКП(б), и стремились сохранить свой автономный, независимый статус. Активизация их организационной и военно-боевой деятельности проходила под лозунгом "За независимый Советский Азербайджан", который был выдвинут весной 1919 г. прежде всего с целью расширения социальной базы власти в рамках подготовки вооруженного переворота и установления советской власти в Баку.

Не случайно поэтому, что в рамках своего стратегического курса на свержение АДР и оккупацию страны попытки заигрывания с идеей "независимого Азербайджана" в тактическом плане предпринимались и региональными органами РКП(б), которые учитывали, что идеи независимости в достаточной степени укоренились в умах не только интеллигенции, но и тех социальных групп населения, которые были объектом их большевистской пропаганды и агитации (крестьян, рабочих, военнослужащих, чиновников государственных учреждений, а также мелкой и средней буржуазии). В начале июня 1919 г. А. Микоян в качестве члена бюро Кавказского краевого комитета и фактического руководителя Бакинского комитета РКП(б) в докладе Ленину и Сталину о положении в Азербайджане подчеркивал целесообразность тактической поддержки лозунга "независимого советского Азербайджана" в силу его популярности среди азербайджанцев и огромного консолидирующего потенциала:

"...Мусульманские массы стремятся к Советской власти, но боятся, что (эта власть — прим. авт.) будет чуждая русская. Для завоевания их доверия, устранения национальных препятствий, в целях успешности революционного движения Бакинская организация признала независимый Советский Азербайджан. Лозунг этот очень популярный, могущий спаять всех трудящихся мусульман. К сожалению, Закавказской конференцией не был признан. Бакинская организация решила не отступать, считая, что линия поведения ее сходится с программой партии и тактикой ЦК" (10,оп.3, д.596, лл.8-9).

Тактика лавирования центральных органов РКП(б) между прямым подчинением азербайджанских коммунистов и стремлением сохранить видимость их автономии с целью обеспечения "успешности революционного движения", а также давление азербайджанских коммунистов во главе с Наримановым привели к обсуждению данного вопроса 19 июля 1919 г. в Политбюро РКП(б), которое приняло резолюцию со следующим названием: "О признании партии "Гуммет" в качестве автономной коммунистической партии с правами областного комитета и о признании Азербайджана независимой советской республикой". В самом документе оба "признания" обуславливались согласием Закавказского комитета РКП(б) и лично Сталина, что стало четким указанием на "областной" статус местной компартии и будущего советского Азербайджана. Не согласившись с формулировкой резолюции, азербайджанские коммунисты в течение июля 1919 — начала 1920 гг. вели острые дискуссии с руководством РКП(б) и борьбу за сохранение "национального лица" своей организации.

К концу 1919 г. Бакинская организация РКП(б) представляла уже влиятельную политическую и организационную силу, которая действовала как в Баку, так и других районах Азербайджана. Под ее руководством действовали также левое крыло "Гуммета" и коммунистическая организация "Адалет". В самом Баку деятельность Бакинской организации РКП(б) поддерживалась коммунистами-профессионалами из Кавказского крайкома РКП(б), из числа которых было создано Бакинское Бюро крайкома. К осени 1919 г. активизировалась работа по налаживанию совместной деятельности трех коммунистических организаций, так как параллельное существование Бакинской организации РКП(б), "Гуммета" и "Адалет" уже не отвечало задачам подготовки к вооруженному перевороту и установлению советской власти в Азербайджане. К концу 1919 г. большинство членов данных организаций осознали необходимость создания на базе слияния трех организаций общей для всего Азербайджана политической структуры — Азербайджанской Коммунистической партии (АКП(б)) как составной части РКП(б).

Объединительные тенденции в азербайджанском левом движении были в итоге поддержаны на состоявшемся под председательством Ленина 3 января 1920 г. заседании Политбюро ЦК РКП(б), на котором обсуждался вопрос о партийном строительстве на Кавказе. По итогам рассмотрения данного вопроса было принято постановление, в котором, в частности, отмечалось: "Борьба с местным шовинизмом и создание благоприятных условий пропаганды социалистической революции среди наций, находившихся под игом российского царизма, делают необходимым, чтобы в фактически образовавшихся "самостоятельных" государствах в пределах бывшей Российской империи (выделено нами — прим. авт.) коммунистические организации работали в виде самостоятельных коммунистических партий. Особенно важен подобный способ организации на Востоке, ввиду того, что завоевание доверия народов, живущих в Азии или в преддверии Азии, составляет одну из основных задач Советской России и Р.К.П." (цит. по: 96а, 41). Обратим внимание на то, что большевистская партийная верхушка все же признавала фактическое образование самостоятельных государств на территории России. Соглашаясь с этим фактом в своих партийных документах в прагматических целях повышения эффективности коммунистической пропаганды, прежде всего, в Азербайджане, она, как будет показано ниже, отказывалась учитывать его в формировании своей политики по отношению к официальным властям АДР.

Получив поддержку большевистского Центра, азербайджанские коммунисты — представители Бакинского комитета РКП(б), "Гуммет" и "Адалет" - приступили к организации Учредительного съезда Азербайджанской компартии, который состоялся 11-12 февраля 1920г. при участии свыше 120 делегатов. В резолюции съезда по организационному вопросу отмечалось, что "исходя из местных условий, в интересах единства борьбы за коммунизм, съезд из тактических соображений считает необходимым объединение всех коммунистических партий под названием "Азербайджанская Коммунистическая партия (большевиков)", во главе которой должен стоять Центральный Комитет, избираемый на очередных съездах. Съезд также постановил: "Объявить Азербайджанскую Коммунистическую партию частью Общекавказской краевой коммунистической организации и считать Кавказский краевой комитет своим руководящим органом" (цит. по: 96а, 43).

Давая оценку первому съезду азербайджанских коммунистических организаций, Т. Свиетоховский отмечает, что "для получения национальной автономии гумметисты начали вести борьбу в комитетах русской партии, проявив при этом редкое упорство и единство. Русские коммунисты, для которых еще в 1918 г. даже упоминание независимого Азербайджана было равносильно проклятию, наконец, признали требования своих

азербайджанских товарищей". (93, №3, 61). Допуская консолидацию азербайджанских левых сил и образование АзКП(б), большевистский Центр шел на оправданную уступку местным коммунистам, так как речь шла о создании максимально благоприятных условий для успешного переворота в Баку и прихода "азербайджанских товарищей" к власти в этом стратегически важном регионе. В резолюции съезда "О текущем моменте" отмечалось, что "съезд Азербайджанской коммунистической партии считает необходимым практически подготовить рабочих и крестьян к выступлению для свержения существующего правительства и установления власти рабочих и крестьян" (43, 147-148).

С этого момента антиправительственная деятельность АзКП(б) пошла по нарастающей. С начала февраля особое внимание уделялось формированию рабочих отрядов, их вооружению и обучению. Усиление большевистской работы наблюдалось по всему Азербайджану. В середине мая 1919 г. в результате вооруженного восстания при поддержке частей ККА, прибывших в Ленкорань из Баку еще летом 1918 г. (численность большевистского отряда составляла 1200-1500 человек), в Мугани была провозглашена т.н. "Муганская советская республика", которая продержалась там до конца июля. Этот регион рассматривался большевиками как важный стратегический плацдарм на юго-западном побережье Каспийского моря для наступления частей ККА с юга на Баку. Летом крестьянскими волнениями была охвачена большая часть Казахского и Гянджинского уездов. Как свидетельствовал Микоян, в Казахском уезде "все мусульманское крестьянство с оружием в руках стоит против правительства, ожидается карательная экспедиция. Там руководят наши товарищи, принимаем меры революционизировать азербайджанскую армию. Загитированы нами даже английские солдаты, которые требуют ухода на родину" (10, оп.3, д.596, лл.8-9). Работа по вооружению рабочих, крестьян и организации антиправительственных восстаний проводилась большевиками также в Кедабеке, Кубинском уезде, Закатальском округе, Карабахе и Зангезуре. Оружие поступало в Баку из Средней Азии через Красноводск при содействии командования Туркестанского фронта.

Важную роль в подготовке вооруженного переворота играл также мост Астрахань-Баку, по которому обеспечивалась политическая и транспортная связь Баку с Москвой, доставлялись оружие, боеприпасы, революционная литература и инструкции по организации боевых дружин, крупные денежные средства (в начале 1920 г. ЦК РКП(б) принял решение выделить для военных нужд азербайджанских коммунистов более 50 млн.рублей), переправлялись группы боевиков. В частности, в ноябре 1919г. через Астрахань в Баку была переброшена группа боевиков во главе с Камо (Симон Тер-Петросов), которая доставила местным коммунистам большую партию оружия,

динамита, денежные средства и инструкции по организации боевых дружин (43, 151). Камо, который вошел в историю российского революционного движения как безграмотный уголовник, специализировавшийся по вооруженным ограблениям банков, почт, предприятий и богатых людей (большевики называли эти бандитские налеты и грабежи "экспроприациями" или, сокращенно, "эксами"), в дни апрельского переворота возглавлял в Баку отряд особого назначения и руководил распределением оружия по районам.

Дополнительным фактором, действовавшим в пользу усиления военно-политического давления на Азербайджан, стал провал попыток большевиков развернуть в 1918-1919 гг. мировую пролетарскую революцию в Европе. В этих условиях приоритетным направлением внешней политики России объективно становилось закавказское и азиатское, и неизбежно возрастала роль Азербайджана как плацдарма для "революционного продвижения" на этих направлениях. 5 августа 1919 года глава РВСР и наркомоборондел Троцкий в письме в ЦК РКП (б) вынужден был признать, "что большие события на Западе могут нагрянуть не скоро" и что "инкубационный, подготовительный период революции на Западе может длиться еще весьма значительное время" (цит. по: 74, 360). В развитие этой мысли был сделан следующий вывод: "Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским линиям. Дорога в Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию" (там же, 361).

Считая, что ареной ближайших восстаний может стать Азия, Троцкий призывал к изменению направления "экспорта пролетарской революции": "Во всяком случае, европейская революция как будто отодвинулась. И что уже совершенно вне сомнения — мы сами отодвинулись с запада на восток. Мы потеряли Ригу, Вильну, рискуем потерять Одессу, Петроград под ударом. Мы вернули Пермь, Екатеринбург, Златоуст и Челябинск. Из этой перемены обстановки вытекает необходимость перемены ориентации. В ближайший период — подготовка "элементов" азиатской ориентации и, в частности, подготовка военного удара на Индию..." (там же, 363). Через полтора месяца Троцкий вновь возвращается к этой теме и в письме в ЦК от 20 сентября 1919 года отмечает — в связи с усилением политической активности Лондона в регионах Южной и Центральной Азии ("на востоке Англия пытается сейчас создать цепи государств, подобно тому, как она это делала на нашей западной окраине"), что "ведя совершенно правильную политику выжидания,

приспособления, уклончивости, уступок на Западе, мы должны перейти к политике решительности и стремительности на Востоке" (там же, 364).

Успехи деникинских войск на Северном Кавказе и недостаточная военно-техническая подготовленность местных коммунистов вынудили руководство бакинских большевиков перенести начало вооруженного выступления на более поздний срок. Продвижение Добровольческой армии (в конце мая ее части заняли Петровск и Дербент) к границам АДР подтолкнуло ее руководство к тому, чтобы более серьезное внимание уделить вопросам укрепления обороноспособности республики. В связи с этим следует отметить, что большой удачей для Азербайджана было то, что процесс военного строительства в республике и укрепления ее обороноспособности с самого начала возглавили опытные военачальники российской императорской армии, прославившиеся в русско-японской и первой мировой войнах — генерал-лейтенант артиллерии Самед-бек Мехмандаров (с 25 декабря 1918 г. - военный министр АДР), генерал-лейтенант Али Ага Шихлинский (заместитель военного министра), а также генерал-лейтенант Мамед-бек Сулькевич (начальник Генерального штаба), генерал-майор Салимов (начальник Главного штаба Генштаба) и другие военачальники. Благодаря их усилиям, за предельно короткий срок (с января 1919г.) правительство добилось очевидных успехов в области военного строительства и укрепления обороноспособности республики. При этом следует учесть, что до апреля 1919г. по требованию английского военного командования военное министерство и войска АДР располагались не в столице, а в Гяндже, что не могло не сказаться на темпах, масштабах и эффективности военного строительства. В течение 1919г. практически в условиях непрерывного военного конфликта с Арменией (с января по июль военные действия с армянскими войсками велись в Зангезурском и Шаруро-Нахичеванском уездах Азербайджана), были проведены несколько призывных кампаний и подготовлены кадры командного состава для национальной армии, создана ее военно-техническая и учебная база.

К концу 1919г. азербайджанская армия состояла из 1-ой (штаб находился в Гяндже) и 2-ой (Баку) пехотных дивизий, каждая из которых состояла из трех полков (численность которых достигала, в зависимости от эффективности набора, от 1000 до 1700 человек), и одной кавалерийской дивизии, состоявшей из Татарского, Карабахского и Шекинского конных полков четырехсотенного состава, а также Курдского конного дивизиона. Кроме того, в состав армии входили две артиллерийские бригады, дивизион легкой артиллерии, полицейский резервный полк и иррегулярные части, разбросанные по всей территории республики (22, 149-150; 43, 133). Некоторые исследователи определяют ее численность цифрой в 30 тысяч человек (43, 133 и 154), которая представляется нам явно завышенной и

отражает скорее совокупную штатную численность войск, всех управлений, учреждений и заведений военного министерства. Расходы на содержание армии в 1919 г. превысили 400 млн. рублей, т.е. почти четверть расходной части государственного бюджета.

В связи с деникинской угрозой, как уже отмечалось выше, особое внимание власти АДР уделяли северному фронту — в августе-сентябре 1919г. были укреплены подступы к Баку с хачмазского направления, начались работы по инженерному оборудованию позиций национальной армии на северной границе. Были заложены основы национальной военной флотилии, приняты меры по укреплению подступов к Баку с моря. С целью централизации обороны Баку в случае войны в сентябре по инициативе военного министра был образован Бакинский укрепленный район, должность его начальника была совмещена с должностью бакинского военного генерал-губернатора с подчинением ему всей территории Бакинского района. Приводились в порядок телефонные линии и транспортные коммуникации, связывающие районы сосредоточения азербайджанских войск с тылом.

Задачам укрепления безопасности молодой республики были подчинены и внешнеполитические шаги и инициативы ее руководства. В лом плане следует, прежде всего, отметить предложенную азербайджанским руководством концепцию конфедеративного объединения закавказских республик, которая распространялась также и на т.н. "Горскую Республику". Под конфедерацией понимался союз самостоятельных и независимых государств, находящихся под защитой Лиги наций (или другой общеевропейской организации, или же отдельного влиятельного и сильного государства), и действующих солидарно в вопросах, затрагивающих их общие интересы. Глава МИД Азербайджана Ф.Хойский рассматривал конфедерацию как "основной вопрос нашей жизни, нашего независимого существования". Обосновывая ее необходимость на азербайджано-армянской мирной конференции 21 декабря 1919 г., он подчеркивал, что именно эта формула даст ту необходимую политическую связь, посредством которой можно не только добиться укрепления безопасности и независимости кавказских государств, но и установить торговые и экономические связи между ними, устранить атмосферу недоверия и отчужденности, существующую между кавказскими народами. Кроме того, руководство республики рассматривало данный проект как наилучший способ разрешения территориальных споров между странами региона, прежде всего между Азербайджаном и Арменией. Ф.Хойский отмечал в связи с этим, что "вопрос о территориальном разграничении потеряет ту остроту; ту сложность и ту болезненность, которую он имеет сейчас". "Когда несколько самостоятельных организмов в общем объединяются в нечто целое, - подчеркивал он, - то тогда, конечно, нахождение той или другой части

территории в ведении одного или другого организма, спаянного и связанного между собой, ясно ни для той, ни для другой стороны не будет иметь того болезненного и решающего значения, какое имеет сейчас" (23, 484-485).

В развитие этой инициативы в течение всего 1919г. правительство АДР пыталось мобилизовать военно-политические усилия трех закавказских республик для отражения деникинской угрозы. Несмотря на то, что в связи с фактическим военным союзом Армении с Деникиным попытки объединить весь регион в противостоянии Добровольческой армии не достигли результата, на грузинском направлении они привели к успеху — 16 июня было заключено, и 27 июня утверждено парламентом АДР военно-оборонительное соглашение между Азербайджаном и Грузией. 23 ноября 1919 г. в Тифлисе между главами правительств Армении и Азербайджана было подписано соглашение о перемирии, которое также предусматривало решение всех спорных вопросов, прежде всего территориальных, на региональной мирной конференции. Однако на Бакинской мирной конференции (14-21 декабря 1919 г.), и в ходе Тифлисской конференции (апрель 1920 г.), делегациям двух стран не удалось прийти к соглашению по данному вопросу. Армянская сторона ушла от обсуждения предложенной Азербайджаном идеи конфедеративного объединения, заявив о необходимости ее предварительного обсуждения в армянском обществе, парламенте и правительстве.

Несовпадение позиций двух республик имело объективные причины. Армянская дипломатия не была заинтересована в ослаблении напряженности на северных границах АДР. Напротив, именно постоянная угроза Деникина безопасности Азербайджана облегчала ей реализацию ее завоевательной политики в отношении Азербайджана. В течение всего периода 1918-1920 гг. сохранялась традиционная конфигурация противостояния двух республик, в рамках которого Армения делала ставку на любую антиазербайджанскую военную и политическую силу, будь то внутри Азербайджана, или же за его пределами. По сути дела, это и был ответ Армении на конфедеративный проект АДР. Она наивно полагала, что, сорвав проект закавказской конфедерации и, оставив Азербайджан и Грузию "один на один" перед лицом деникинской угрозы, она укрепит свои позиции в регионе. Следует в связи с этим отметить также, что не только на региональном уровне, но и на Парижской мирной конференции Армения отказывалась поддержать стремление делегаций Азербайджана и Грузии, а также делегаций других новообразованных республик (латвийской, литовской, эстонской и украинской) к формированию единой позиции в диалоге со странами Антанты по вопросу о признании их независимости.

Отдельно следует остановиться на политике азербайджанского правительства на северо-кавказском направлении. На ее формирование

оказывали влияние, прежде всего, интересы обеспечения безопасности молодой республики, а также факторы религиозной и этнической солидарности. М.Э.Расулзаде, выступая 10 декабря 1918 г. в парламенте с декларацией о задачах партии "Мусават", так определил значимость этого направления в региональной политике АДР: "мы должны быть в более тесном контакте с нашими братьями горцами, вследствие своего географического положения принимающими первыми удар надвигающейся с Севера опасности". "Не надо упускать из вида, - предупреждал он депутатов парламента, - что большевики, "позавтракав" у них, могут явиться к нам на "обед"" (24, 40).

С февраля 1919 г. при т.н. "правительстве Союза Горских Народов", или "Горской Республики" (другое название, встречающееся в документах — Республика Союза Горских Народов) действовал дипломатический представитель АДР А.Ахвердов. Среди некоторой части политических сил этнически неоднородной "Горской Республики", прежде всего в Дагестане, сильны были — на фоне успехов независимой мусульманской АДР и военного давления со стороны Добрармии — настроения в пользу объединения с Азербайджаном в форме федерации, конфедерации или же признания власти АДР с предоставлением областям данного региона внутреннего самоуправления с сохранением шариатских и адатских судов (23, 218).

Подобные настроения служили благоприятной почвой для формирования двух тенденций в северо-кавказской политике азербайджанского МИД. С одной стороны, оно оказывало политическую и дипломатическую поддержку "Горской Республике", прежде всего на Парижской мирной конференции, рассматривая ее — наряду с Грузией — как важного и равноправного участника будущей кавказской конфедерации. 23 июля в совместном заявлении глав азербайджанской, грузинской и северо-кавказской делегаций в Париже отмечалось в связи с этим, что "кавказские республики видят свое политическое будущее в установлении союза кавказских государств, находящегося под покровительством Лиги наций, которая оградила бы освобожденный таким образом Кавказский перешеек от всяких поползновений империализма и гарантировала бы ему связующую роль между Западом и Востоком" (там же, 300). С другой стороны, МИД не исключало возможности ее присоединения к АДР. В меморандуме азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции, представленном союзным державам 28 мая 1919 г. в первую годовщину образования Республики, отмечалось в связи с этим: "Азербайджанская Республика твердо стоит на той точке зрения, что Горская Республика, в состав которой входит Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабарда, Осетия и т.д. со сплошным мусульманским населением, по праву принципа свободного

самоопределения должна составить самостоятельную государственную единицу, на которую Азербайджан не имеет никаких притязаний. Если же вопрос о самостоятельности Горской Республики будет решен почему-либо в неблагоприятном смысле для последней, то население вышеупомянутых областей, если им будет предоставлено право свободного волеизлияния, то, несомненно, они иной власти, кроме азербайджанской, не пожелают признать" (там же, 228).

Следует также отметить, что в условиях продвижения деникинцев на Северном Кавказе правительство АДР в течение всего 1919 г. и вплоть до начала 1920 г. рассматривало вопрос об оказании военной помощи населению захваченных Деникиным территорий Северного Кавказа. 6 апреля в специальном постановлении правительства в связи с этим отмечалось: "1. Посылку регулярных войсковых частей в Горскую Республику для оказания помощи последней признать невозможной. 2. Признать целесообразной отправку неофициально в Горскую Республику добровольческих отрядов, организацию коих предоставить политическим партиям Парламента. 3. Послать в означенную республику санитарные отряды для оказания медицинской помощи" (25, 298). Однако 19 мая после вмешательства английского военного командования данное решение было отменено, и сформированный "добровольческий отряд" был распущен (там же, 315).

В качестве еще одной меры по обеспечению безопасности страны Баку рассматривал вопрос оккупации части территории Дагестана с целью создания своеобразной "зоны безопасности" на северном фронте. 16 июня 1919 г. заместитель главы МИД АДР Зиатханов информировал своего дипломатического представителя в "Горской Республике" Ахвердова о том, что правительство "предполагает временно занять после ухода добровольцев своими частями Дагестан" и рекомендовал "подготовить почву для безболезненного прибытия наших воинских частей" (23, 269). А 26 июня 1919 г. в своем рапорте главе правительства Усуббекову о предпринимаемых мерах по укреплению обороны страны военный министр Самедбек Мехмандаров отмечал в связи с этим, что в случае оккупации Дагестана "граница наша выдвинется значительно на север, что облегчит оборону подступов к Баку, но, с другой стороны, она неизбежно вызовет разброску наших незначительных сил для занятия важнейших пунктов Дагестана, Темир-Хан-Шуры и Дербента". "Вопрос об оккупации требует, - подчеркивал военный министр, - самого серьезного обсуждения Комитета государственной Обороны" (22, 340).

Но, безусловно, ключевым во внешней политике АДР оставался вопрос о нормализации отношений с Россией. Российское направление было единственным, на котором власти независимой республики не могли похвастаться какими-либо достижениями. Выступая 22 декабря в парламенте

с программой нового кабинета министров, Усуббеков, коснувшись отношений с соседней Россией, откровенно заявил следующее: "К сожалению, с ней мы не могли установить никаких отношений, и причины не в нас. Приходится сожалеть, что ни одна из борющихся в России сил не может верить или не хочет верить, что она не сможет достигнуть прежних границ России, и что установление нового великодержавного государства над самоопределившимися народами — это пустая химера. Причина расхождения между нами и Россией заключается в этом". Возложив вину на российское руководство, глава правительства в то же время выразил надежду на то, что "великий русский народ, выдвинувший великие принципы, признанные и уважаемые всей мировой демократией, признает их и по отношению к нам" (24, 812).

К середине 1919 г. правительство АДР смогло добиться стабилизации внутриполитической и экономической ситуации в республике.

Как отмечалось в правительственном Обращении к гражданам Азербайджана 28 мая 1919 г. в связи с первой годовщиной независимости, "в этот короткий срок в жизни нации азербайджанские (граждане — прим. авт.) доказали свою государственную способность к самостоятельной жизни". "Установлен удовлетворительный государственный порядок, - не без основания констатировалось в Обращении, - государственный аппарат приспособлен к новым условиям самостоятельного существования... Сохранены все главные завоевания революции, и мы стоим накануне выборов в учредительное собрание, где азербайджанский народ выразит свою свободную волю" (25, 321).

21 июля парламент утвердил Положение о выборах в Учредительное собрание, в соответствии с которыми предусматривалось — впервые на мусульманском Востоке — проведение выборов на основе всеобщего и равного избирательного права, прямого и тайного голосования. 11 августа был принят Закон об азербайджанском гражданстве, а 1 сентября — Закон об учреждении в Баку государственного университета. Почти параллельно с решением "ленкоранского вопроса" (разоружение вооруженных групп населения на Мугани было завершено к концу августа) правительству удалось также добиться временного мирного урегулирования (августовское соглашение 1919 г.) конфликтной ситуации в карабахском регионе, а также восстановить (во многом благодаря успешным партизанским действиям нахичеванцев, в частности беюк-вединского ополчения) власть правительства АДР в шаруро-нахичеванской зоне.

Успешные действия властей АДР в области внешней и внутренней политики, национально-государственного и военного строительства, укрепления законодательной базы и в других сферах жизнедеятельности

молодой республики сопровождалась, как уже отмечалось выше, их активными усилиями по сближению с Советской Россией.

С достижениями национально-демократической власти вынужден был считаться и Кавказский краевой комитет большевиков, члены которого руководили подготовкой к перевороту на местах (в Грузии и Азербайджане). Один из членов Крайкома Гогоберидзе в своем докладе Кирову о внутривластной ситуации в Азербайджане сообщал из Баку 17 августа, в частности, следующее: "О настроениях в массах при политической конъюнктуре, царящей в Закавказье, трудно сказать что-либо определенное. "Государственные" границы микроскопических республик, их дипломатическая игра, объявление войны и заключение мира, национальные войска, и, наконец, частая смена хозяев (немцы, турки, англичане, а теперь и грядущий Деникин) - все это расплыло, разъединило массы". Косвенно признавая успехи властей АДР в деле национально-государственного строительства и отмечая "явно революционное, в особенности антиденикинское" настроение азербайджанской (а также грузинской) армии, он делал вывод о том, что смена власти в АДР возможна только при помощи внешнего фактора: "В общем, почва для работы есть, но ожидать в скором будущем мощного объединенного выступления закавказских трудящихся не приходится, и политический клубок, завязавшийся в Закавказье, развяжет только Красная Армия" (16, оп.22, д.4, лл.1-2).

Восходящая линия в строительстве независимого азербайджанского государства совпала с успешными действиями Красной армии на фронтах гражданской войны. Она постепенно брала инициативу в свои руки и, как уже отмечалось выше, в осенне-зимнюю кампанию 1919-1920 гг. освободила занятые деникинскими войсками города. 20 октября она освободила Орел, затем Воронеж (24 октября), Курск (18 ноября) и Харьков (12 декабря), а к концу года уже находились на подступах к Северному Кавказу. В начале 1920 года части Красной армии добились успехов на востоке и юге страны. Войска восточного фронта разгромили Колчака, освободили Западную Сибирь и вышли к Байкалу. Что касается Деникина, то 4 апреля он покинул Россию на английском миноносце, предварительно (22 марта) утвердив генерала Врангеля новым главкомом уже недееспособных ВСЮР. В итоге, общая стабилизация положения советской власти в центральной России, успехи на основных театрах военных действий позволили большевикам перейти к более решительным действиям на среднеазиатском и закавказском направлениях.

Военные успехи большевиков двояко сказались на международном положении АДР. С одной стороны, они стимулировали процесс признания "Первой Республики", руководители которой за достаточно короткий период доказали европейским странам способность строить независимое светское

государство в соответствии с европейскими демократическими стандартами, с другой — они привели к ужесточению позиции России по отношению к независимому Азербайджану и усилению дипломатического давления на Баку. В начале 1920 г. началась дипломатическая переписка между главами внешнеполитических ведомств двух стран, главным содержанием которой было требование Москвы к Баку начать совместные действия против Деникина, и ответные заявления правительства АДР о невмешательстве во внутренние дела России и готовности начать переговоры по установлению добрососедских отношений с Советской Россией на основе безусловного признания независимости АДР.

2 января 1920 года российский наркоминдел Г. Чичерин направил главе МИД Азербайджана Ф. Хойскому радиотелеграмму, которая стала первым из 4 обращений, адресованных им руководству АДР. НКВД предложил азербайджанскому правительству вступить в немедленные переговоры с правительством РСФСР для заключения военного соглашения между обоими военными командованиями с целью "совместно ускорить и добить белогвардейские армии юга России". В этом документе подчеркивалось, что "южная контрреволюция" является смертельным врагом не только Российской Советской Республики, но и всех малых народов, входивших в состав бывшей Российской империи, а Деникин является врагом не только русского рабочего и крестьянина, но и грузинского и азербайджанского: "Мы уверены, что рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана (в этой и последующих телеграммах Чичерина сохранены особенности написания им названия "Азербайджан" - прим. авт.) чувствуют в нём своего врага. Мы уверены также, что они ждут с волнением того дня, когда белогвардейский заслон между Советской Россией и Кавказом будет сломлен, и восстановятся сношения между народами, жившими ранее в границах одного государства".

Чичерин призывал присоединить к удару, наносимыми Деникину с севера рабочими и крестьянами России, удар грузинских и азербайджанских рабочих и крестьян. Заключительный аккорд официальной ноты звучал почти как ультиматум: "Мы обращаемся, пока не поздно, к Азербайджану и азербайджанскому народу с призывом начать борьбу против Деникина. Правильно понятые интересы Азербайджанского государства и социально-политические интересы его трудящихся классов должны заставить Азербайджан ответить согласием на наше предложение" (1, оп.51, п. 321а, д. 54868, л. 1, а также д.5866, л. 118).

Очевидно, что призыв к "союзу без признания", да еще сделанный в столь ультимативной форме, не мог быть поддержан азербайджанской стороной. Но азербайджанское руководство обратило внимание не только на политические аспекты данного обращения, но и на его пропагандистский

характер, его нацеленность на дестабилизацию внутривосточной ситуации в республике. Ф.Хойский в Обзоре МИД от 17 января 1920 г. о положении в регионе и внешней политике республики (такие обзоры регулярно направлялись в Париж главе азербайджанской делегации Топчибашеву) отмечал в связи с этим: "... приближение большевистской армии к пределам Северного Кавказа и предложение Чичерина о совместных действиях против добровольцев не могло остаться без внимания на русском населении Азербайджана и на соотношении политических партий, усилив значение левых групп и изменив их взаимоотношения к остальным группам. В какую форму выльются эти взаимоотношения пока сказать трудно, что покажут события на Северном Кавказе, но из прилагаемых левых газет вы легко можете усмотреть, что тон их за последнее время чрезвычайно повысился" (сохранены стилистические особенности текста подлинника — прим авт., 23, 524). По справедливому замечанию Т.Свиетховского, эта нота "была первым залпом психологической войны против Азербайджана". "Нота прозвучала, - подчеркивает американский ученый, - скорее как призыв к местному пролетариату, чем как дипломатическое послание — она была перепечатана и широко пропагандирована коммунистической прессой в Баку" (93, №3, 52).

Важным и неожиданным результатом данного обращения стало то, что занятая НКВД позиция привела к крайне выгодному для АДР политическому эффекту. Ужесточение военного и дипломатического давления Советской России на АДР, связанная с ним угроза оккупации Азербайджана и выхода Красной армии к передовым рубежам зоны европейских интересов (Ближний и Средний Восток) - все это стало последним аргументом, склонившим заседавших в Париже западных лидеров и дипломатов к признанию Азербайджана. 11 января Верховный Совет Антанты признал АДР де-факто. Пытаясь приуменьшить значение этого исторического для азербайджанской государственности события, член Реввоенсовета XI-ой армии Киров в телеграмме Ленину и Чичерину сообщал, что в устроенных в Баку специальных торжествах по случаю признания Республики "рабочие как русские, так и мусульмане не приняли никакого участия" (1, оп.51, п.321а, д.54865). Показательной была реакция на признание и местного большевистского комитета: "Пока в Азербайджане старое правительство, - сообщалось в телеграмме Краевого комитета в штаб XI-ой армии 12 января. - Готовимся к выступлению, закупаем оружие, наше положение прочное" (16, оп.3, д.1, л. 16).

Что касается официальных властей АДР, то они расценили признание независимости республики как справедливую оценку европейскими державами успешного внутри - и внешнеполитического курса страны, признание способности народа к самоуправлению и построению

независимого государственного порядка. Как отмечалось в специальном обращении по этому поводу главы правительства Усуббекова, "вступление Азербайджана полноправным членом в семью передовых народов Запада является светлым днем в его истории, с которого начнется новый расцвет его духовных сил" (25, 395). 9 февраля парламент АДР даже принял специальный "Закон о льготах, даруемых населению по случаю международного признания независимости Азербайджана", который предусматривал освобождение от уголовного преследования и наказания по многим категориям правонарушений и налоговые льготы для граждан страны (там же, 141-146).

Закономерным результатом дипломатической поддержки республики со стороны ведущих западных держав стало укрепление бескомпромиссной линии Баку в диалоге с НКИД по вопросу о признании. 14 января Ф. Хойский направил в Москву ответную ноту Чичерину, уверенный тон которой резко контрастировал с назидательно-ультимативным содержанием радиотелеграммы НКИД. Следует отметить, что телеграмма главы МИД АДР стала первым официальным документом в области азербайджано-российских отношений, и в этом плане она представляет несомненный интерес для исследователей истории внешней политики независимой АДР и азербайджано-российских отношений. Отметив, что в основе государственного устройства Азербайджана лежит "начало демократической республики", Хойский изложил ее основной внешнеполитический принцип: "Возникшая на праве народов на самоопределение, Азербайджанская Республика неуклонно стоит на той точке зрения, что всякий народ имеет неотъемлемое право устроить свою судьбу и свою жизнь по своему усмотрению, а потому Азербайджанское правительство, никогда не допуская возможности вмешательства во внутренние дела своего народа, в свою очередь всегда придерживалось принципа невмешательства во внутреннюю жизнь другого народа". Исходя из этого Хойский подчеркнул, что азербайджанское правительство считает для себя "недопустимым вторжение в сферу борьбы русского народа в деле устройства им своей внутренней жизни". При этом он не ограничился констатацией общих принципов и конкретизировал позицию своей страны по "деникинскому вопросу", отметив, что Азербайджанская Республика, будучи нейтральным государством, "вела упорную борьбу с царским генералом Деникиным вследствие постоянных его посягательств на независимость азербайджанского народа и в целях успешности этой борьбы заключила военно-оборонительный союз с правительством соседней Грузии". Заявив о данных принципах, азербайджанский министр подчеркнул стремление своей страны к установлению добрых отношений с другими странами и, в частности, отметил, что азербайджанское правительство "готово путем

переговоров установить между русским и азербайджанским народами добрососедские отношения, вытекающие из принципа суверенности обоих государств" (16, оп.3, д.3, лл.9-10).

Учитывая факт признания АДР де-факто Парижской мирной конференцией и, стремясь избежать возможной конфронтации с европейскими державами и, прежде всего, с Англией, по "азербайджанскому вопросу", глава российского НКВД выступил с инициативой проведения более гибкой линии в вопросе дипломатического признания Азербайджана. На заседании Политбюро ЦК РКП(б), проходившем 17-18 января, Чичерин выступил с докладом, в котором обосновал необходимость мирных переговоров с АДР и признания ее независимости, которое, по мнению наркоминдел, не исключало курса на поддержку большевиков, рвавшихся к власти в Баку. Позиция Чичерина не получила поддержки в Политбюро, где доминировали сторонники жесткой линии во главе с Лениным и Троцким. В результате по предложению Ленина был принят проект постановления, в котором нежелание Политбюро признавать АДР вновь было привязано к "деникинскому" и "английскому" вопросам: "Поручить НКВД вести политику величайшей сдержанности и недоверия по отношению к Азербайджанскому правительству ввиду того, что оно отказало нам в предложении совместных военных действий против Деникина и оказывает услуги военным силам Англии, действующим против нас на Каспийском море. С полной определенностью подчеркивая наше неуклонное признание права трудящихся масс каждой нации на самоопределение, наркоминдел должен решительно протестовать против такого поведения Азербайджанского правительства" (79 - т.40, 52).

Реализуя данную линию, Чичерин вновь попытался убедить своего азербайджанского визави в изначально неприемлемой для руководства АДР формуле "сначала совместные действия — потом признание", пользуясь при этом неподтвержденными данными об антироссийских тенденциях во внешней политике Азербайджана. Исходя из сложившейся обстановки и руководствуясь резолюцией Ленина, 23 января глава НКВД направил очередную радиотелеграмму Хан-Хойскому, которая отразила заданную резолюцией Политбюро конфронтационную линию на непризнание АДР. В данном послании Чичерин пытался опровергнуть тезис азербайджанского премьера о невмешательстве АДР во внутренние дела России и обвинил правительство Азербайджана в том, что оно своими действиями прямо или косвенно содействовало планам Деникина, воздерживаясь от борьбы с царским генералом, и ссылаясь при этом на неподтвержденные факты "тесного союза" между правительством Усуббекова — с одной стороны, и английским командованием — с другой. И вновь в ноте прозвучали далеко не дипломатические намеки: "Неужели же министр Хан-Хойский полагает, что

происходящая между Деникиным и Советской властью борьба не затрагивает судьбы Азербайджана? Разве ему неизвестно, что программой Деникина и всех связанных с ним элементов является восстановление единой неделимой России в ее прежних пределах и, между прочим, полное уничтожение всякой самостоятельности Азербайджана, всякой возможности волеизъявления его населения и всяких проявлений особенностей этого края и населяющих его народностей? Разве для министра Хан-Хойского составляет тайну, что победа Деникина означала бы просто восстановление царского режима, между прочим и в пределах Азербайджана?"

Глава НКВД уклонился от ответа на призыв мининдел Ф.Хойского к переговорам с целью установления добрососедских отношений. При этом, сославшись на "принципиальное признание Россией права трудящихся масс всякого народа на национальное самоопределение", он отметил, что советское правительство в первые же дни своего существования признало независимость Финляндии и много раз заявляло о независимости Польши, первым предложило Эстонии, Латвии и Литве вступить в мирные переговоры, причём уже заключило с Эстонией соглашение о безусловном признании независимости последней. "Оно отказалось, - убеждал Чичерин, - от всех договоров и всех принадлежащих ему ранее прав, в чём-либо ограничивающих полную независимость народов Персии, Китая, Монголии. За (в первоначальном варианте письма было - "Даже за отсталыми" - прим. авт.) башкирами, киргизами и другими народностями бывшей Российской империи Советское правительство признало широкую автономию". Заявив, что Россия неуклонно будет применять и по отношению к Азербайджану "общие принципы, на которых основано её отношение ко всяким народностям", Чичерин выразил надежду на то, что сделанное им предложение о совместных действиях против генерала Деникина будет поддержано правительством АДР (1, оп. 51, п. 321а, д. 54860, лл.9-11). В то время, как Чичерин обосновывал перед мининдел АДР необходимость совместной борьбы с Деникиным, Ленин в открытой форме демонстрировал свое пренебрежительное отношение к легитимному азербайджанскому правительству, к независимой ориентации Азербайджана и его стремлению строить отношения с Россией на основе общепринятых норм межгосударственных отношений. В своем выступлении на первой сессии ВЦИК 7-ого созыва 2 февраля 1920 г. в докладе о работе ВЦИК и Совнаркома он, фактически, определил курс Советской России в отношении АДР и обозначил те силы, на которые она будет опираться при его реализации: "Мы предлагали Грузии и Азербайджану заключить соглашение против Деникина. Они отказались, ссылаясь на то, что они не вмешиваются в дела других государств. Мы посмотрим, как будут смотреть на это рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана" (79 — т.40, 96-98). В условиях

продолжавшейся дипломатической переписки между Баку и Москвой это заявление главы российского правительства прозвучало не только как грозное предупреждение, но и как отражение реальной политики Москвы, использовавшей призыв к совместной борьбе с Деникиным в качестве прикрытия своего курса на дипломатическое непризнание независимого Азербайджана и подготовку к свержению правительства АДР. Данная политика, в свою очередь, закономерно вытекала из большевистского подхода к вопросу о самоопределении. Признавая право на самоопределение не за азербайджанским народом, который готовился к избранию легитимных институтов власти в республике (Положение о выборах было принято парламентом 19 июля 1919г.), а за рабочими и крестьянами Азербайджана, которые с начала 1920 г. все больше втягивались в орбиту коммунистической пропаганды и антиправительственной деятельности, Ленин обращался только к "своей аудитории", принципиально оказываясь от диалога с правительством АДР.

В этот период существенное влияние на позицию Политбюро в отношении Азербайджана оказывал Киров, курировавший процесс большевизации закавказского региона из Астрахани. В течение января-марта он "подпытывал" Чичерина, Ленина, Стасову, Троцкого и других высокопоставленных московских "товарищей" сообщениями, в которых неизменно делал акцент на проводимый правительством АДР, по его мнению, пробританский, враждебный России курс. "Работа англичан в Азербайджане и Грузии с целью втянуть в войну с Совет[ской]россией продолжается, - телеграфировал он Чичерину 31 января. - Англичане обещают перевести в Каспийское море несколько подводных лодок. Англичане требуют, чтобы Азербайджан ни в каком случае не вздумал снабжать Совет[скую]россию нефтью. Боясь Англии азербайджанское правительство уклоняется от воен[ного]союза с Совет[ской]россией".

Пугая Москву якобы исходившей от Азербайджана угрозой, Киров вынужден был отметить и позицию Краевого большевистского комитета, который считал "необходимым признание Азербайджана без условия воен[ного]союза" (16, оп.3, д.1, лл.106-107). Такая позиция Крайкома объяснялась тем, что в отличие от Кирова, руководившего большевизацией региона из Астрахани, его члены, находясь непосредственно в Баку, обратили внимание на популярность лозунга независимого Азербайджана в массах и вынуждены были учитывать его в своей практической работе. Кроме того, Крайком стремился сохранить благоприятные условия для своей антиправительственной деятельности, так как власти АДР в середине января резко ужесточили свою позицию в отношении подрывной активности бакинских большевиков.

2 февраля Киров информировал находившегося в Саратове Орджоникидзе о том, что нота Чичерина "обеспокоила сильнее Антанту, чем Хана Хойского и Ноя Жордания (глава правительства Грузии - прим. авт.)", и сделал акцент на том, что "в настоящее время Антанта делает все к тому, чтобы втравить Азербайджан и Грузию в войну с нами". Правда, Киров здесь более трезво оценивал перспективы английской антироссийской пропаганды в Азербайджане и даже признал наличие в правительстве АДР сторонников сближения с Россией: "Какой успех имеет агитация Антанты в Закавказье, определенно выяснить пока не удастся, но априори можно сказать, что опыт Деникина достаточно вразумил закавказских правителей, и едва ли они повторят его историю. Больше того, в Азербайджане среди правительства есть определенное течение за соглашение с Советской Россией, только не военное". Безосновательный характер предположений о возможности антироссийского выступления Азербайджана понимал и Орджоникидзе, который высказал свое мнение в ответной телеграмме Кирову: "Я думаю, что Грузия и Азербайджан ни в каком случае не пойдут на английскую авантюру" (16, оп.23, д.29, лл.1-4).

Позже Киров, ссылаясь на сообщения бакинских большевиков, вновь телеграфировал в Москву (предположительно до 1 марта), что Грузия, Англия и Азербайджан, озабоченные продвижением частей РККА в северокавказском направлении, намерены создать "горский фронт" и занять своими войсками Дагестан, Терскую область с целью "передать власть в пределах горской полосы сторонникам "горской самостоятельности"" (16, оп.3, д.3, л.57). Уверенный в том, что эта информация ослабит в Москве позиции сторонников признания АДР, Киров поделился своим "успехом" в телеграмме в Саратов члену РВС Юго-восточного фронта Гусеву: "Теперь НКВД получает весьма красноречивый ответ на все свои ноты. Порадую сейчас Чичерина" (там же, л.58).

Готовность главы российского НКВД применить в отношении независимого Азербайджана "общие принципы", на которых основано отношение России "ко всяким народностям", естественно, не могла удовлетворить руководство АДР. Неприемлемой была для него и попытка советского правительства втянуть Азербайджан в вооруженную борьбу против Деникина. Ф.Хойский в своём втором ответном послании Чичерину от 5 февраля вновь обратил внимание российского наркома на позицию своей страны по двум этим принципиальным вопросам российско-азербайджанской дипломатической переписки. Опровергнув обвинения Чичерина в адрес АДР в поддержке Добровольческой армии, глава МИД откровенно заявил, что азербайджанское правительство не только никогда не предпринимало каких-либо шагов против горцев Дагестана и Северного Кавказа в их борьбе за свою свободу, но, наоборот, "всегда, всеми доступными ему средствами,

оказывало и оказывает горцам поддержку в этой борьбе, неуклонно добываясь удаления сил Деникина из их территории". По второму вопросу Хойский с сожалением констатировал, что ни в одной из двух радиотелеграмм Чичерина "ясно и категорично не выражено безусловное признание советским правительством независимости Азербайджанской Республики, тогда как такое признание советским правительством уже сделано в отношении Польши, Финляндии и Эстонии, невзирая на то, что с ними советское правительство находилось в состоянии даже вооруженной борьбы". На основе этих бесспорных аргументов глава МИД АДР вновь подчеркнул необходимость и желательность установления добрососедских отношений между русским и азербайджанским народами, заявив при этом, что "всякие переговоры по этому и другим вопросам могут происходить лишь на основе безусловного признания советским правительством независимости и суверенности Азербайджанской Республики" (23, 540-542).

Твердая позиция азербайджанского правительства вновь побудила Чичерина обратиться 9 февраля 1920 г. в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением выработать более гибкий подход к азербайджанскому вопросу. На этот раз Чичерин предложил разделить политику Москвы на азербайджанском направлении на два подхода — отношение к независимости АДР и отношение к действовавшему правительству республики. "Ответ Хан-Хойского, заявляющего, что переговоры между нами и его правительством могут происходить лишь на основе безусловного признания независимости и суверенности Азербайджанской республики, снова ставит в порядок дня вопрос о том, не следует ли нам выступить с таким признанием, - отмечал российский наркоминдел. - Одновременно т. Киров сообщает (одна из таких телеграмм Кирова цитируется выше; см. также 16, оп.4, д.38, лл.1-3 — прим. авт.), что Закавказский краевой комитет считает необходимым признание независимости Азербайджана. Тов. Нариманов теперь поддерживает ту же точку зрения, считая между прочим краевой комитет наиболее компетентным для определения потребности в этом нашем признании". "Прибавлю со своей стороны, - продолжал глава НКВД, - что признание независимости Азербайджана еще не означает признания нынешнего правительства: Антанта, признавая независимость России, не признаёт Российского правительства, и в случае появления красного Азербайджанского правительства есть полная возможность признать его и даже оказать ему помощь против иностранного нашествия без вмешательства во внутренние дела Азербайджана. После признания Антантой независимости Азербайджана мы не можем остаться позади" (1, оп. 51, п. 321а, д. 54868, л.2).

Подобная "гибкость" главы НКВД диктовалась не только фактом признания АДР и его стремлением не проиграть европейской дипломатии

борьбу за влияние на этот стратегически важный регион. В основе подхода Чичерина лежал успешный опыт применения данной тактики в отношении других стран, ранее входивших в состав Российской империи, и прежде всего Финляндии. 31 декабря 1917 г. ленинское правительство по просьбе финского сената объявило о своем признании независимого финского государства. Однако признание независимости Финляндии не привело к выводу частей Красной армии из этой страны (70 000 солдат на начало 1918 г.) и отказу большевистского руководства от поддержки пророссийски настроенных левых кругов Финляндии, которые в результате этой поддержки добились преимущества в финской социал-демократической партии и в конце января 1918 г. захватили власть в Хельсинки и Южной Финляндии. Большевистская агитация, военная и политическая поддержка финских "левых" привели к гражданской войне, которая завершилась лишь в середине мая 1918 победой войск сената, руководимых генералом К. Маннергеймом.

Таким образом, вокруг международно-правового статуса АДР складывалась оригинальная ситуация. Антанта под признанием республики де-факто подразумевала поддержку фактически действующего азербайджанского правительства, по-прежнему рассматривая окончательное решение вопроса о будущем Азербайджана в контексте урегулирования "русского вопроса". Чичерин же, наоборот, призывая своих товарищей по партии к признанию независимости АДР, стремился поддержать лояльные Москве внутриазербайджанские политические силы и создать благоприятные условия для прихода в будущем к власти в республике "красного правительства". Несмотря на асимметрию двух указанных подходов — поддержка правительства де-факто без признания республики де-юре (Антанта) и признание АДР де-юре без поддержки его правительства де-факто (Чичерин), они имели один общий знаменатель: ни тот, ни другой не создавали международно-правовых последствий и военно-политических гарантий, которые могли бы обеспечить выживание молодой республики в бурном "геополитическом водовороте" весны 1920 г.

В целях выработки более компромиссной позиции по отношению к АДР 11 февраля Чичерин попытался заручиться поддержкой Сталина. В направленной последнему телеграмме глава НКВД обратил внимание наркома по делам национальностей и члена РВС Кавказского фронта на настойчивые усилия представителей АДР по сближению с Россией: "Хан-Хойский, отвечая нам, полемизирует против наших обвинений, подчеркивает, что мы ни разу не выразили категорически безусловного признания независимости Азербайджана. Всякие же переговоры могут происходить лишь на основе этого признания. Киров сообщает, что Краевой комитет считает нужным признание нами независимости Азербайджана. Ее признала Антанта. Член бакинского парламента Шейх-уль-Исламзаде заявил

в Копенгагене корреспонденту Дейли Геральда, что Азербайджан хочет независимости и мира, желает нормальных отношений с Советской Россией, которая будет потребителем нефти. Представитель Азербайджана в Лондоне запросил через левых англичан Литвинова, нельзя ли вступить в переговоры с нами на основе признания их независимости и их обязательства не допускать у себя иностранных войск. Наркоминдел предлагает принять эту основу (следующая фраза - "поддерживает признание независимости Азербайджана, что еще не означает признание нынешнего правительства" - в оригинале проекта телеграммы Чичерина зачеркнута - прим. авт.), но некоторые члены ЦК против этого. Решили запросить ваше мнение. Убедительно просим ответить немедленно" (выделено нами — прим. авт., 1, оп. 51, п.321а, д. 54865).

Как трезвомыслящий политик и гибкий дипломат, Чичерин не мог игнорировать настойчивые попытки азербайджанского правительства установить конструктивный, доверительный диалог с Москвой по вопросу о признании. Понимал он и надуманность тезиса о якобы существовавшем "англо-азербайджанском союзе", и исходящей от него "угрозе" Советской России — британские войска были выведены из Закавказья к концу августа 1919 г. за исключением небольшого гарнизона в Батуми и дипломатической миссии в Баку во главе с Верховным комиссаром в Закавказье О. Уордропом, а кировские подводные лодки в Каспий так и не вошли. Кроме того, многочисленные донесения большевистской агентуры сообщали о стремлении Баку освободиться от денкинского присутствия в Каспийском море. Однако склонить "большевистских ястребов", доминировавших в Политбюро ЦК РКП(б), и тем более членов Реввоенсовета Кавказского фронта, уже предвкушавших победоносное шествие Красной армии по Закавказью, к компромиссному подходу к вопросу о признании АДР Чичерин не мог. Кроме того, внутри самого НКВД не было полной ясности в данном вопросе и уверенности в целесообразности такого признания. "Признание Азербайджана не укрепит ли позиции правительства, насколько оно прочно и на чем держится", - спрашивал заместитель наркоминдел Карахан Кирова в телеграмме от 13 февраля (16, оп.3, д.2, л.10).

Киров, тем временем, продолжал призывать к сохранению жесткой линии в отношении к Баку. "Обращение Чичерина к Грузии и Азербайджану производит определенное впечатление, - сообщал он 19 февраля секретарю ЦК Е.Стасовой для передачи Ленину, - но политики Наркоминдел не разделяет Краевой Комитет. Последний полагает, что нам необходимо признать Азербайджанскую Республику без всяких оговорок, то есть без условия военного союза Азербайджана с нами против Деникина". "Очевидно, - подчеркивал автор далее, демонстрируя подлинно ленинский подход к вопросу о самоопределении, - Краевой комитет полагает, что в наших

интересах щегольнуть перед азербайджанской демократией и показать шовинистам, особенно муссаватистам, что мы самоопределение толкуем так, как его понимают националисты" (16, оп.3, д.1, лл.52-53).

Не получив поддержки ни в Москве, ни от советских эмиссаров на Кавказе, Чичерин в переписке с мининдел Азербайджана вынужден был и дальше развивать "деникинскую тему". 21 февраля 1920 года он направил третью телеграмму Хан-Хойскому, в которой вновь продемонстрировал недовольство занятой азербайджанским МИД позицией: "Министр иностранных дел Хан-Хойский в своём ответе совершенно обошел сделанное нами его правительству определенное конкретное предложение, имеющее целью немедленное начатие совместных действий против общего врага, но при этом выдвинул принцип невмешательства во внутренние дела России, как будто желая этим сказать, что считает борьбу между Советской Россией и носителем царской реставрации Деникиным посторонним для Азербайджана вопросом, не затрагивающим жизненных интересов трудящихся масс Азербайджана".

Критике было подвергнуто и высказанное мининдел АДР требование предварительного признания Россией независимости республики. Касаясь при этом ссылки Хойского на пример Эстонии, ранее признанной российским правительством (мирный договор с Эстонией был подписан 2 февраля 1920 г.), Чичерин подчеркнул, что "подобное признание не может быть отделено от чрезвычайно сложных переговоров по целому ряду частных вопросов". Глава НКВД в заключение телеграммы вновь призвал правительство Усуббекова и Хойского к выработке немедленного практического соглашения по вопросу о совместных действиях против Деникина. Подчеркнув, что данное соглашение является "неотложной задачей настоящего момента", Чичерин охарактеризовал стремление правительства АДР связать ответ на этот вопрос с переговорами о признании как "уклонение от исполнения этой задачи настоящего дня" (1, оп. 51, п. 321а, д. 54860).

Параллельно с перепиской с главой МИД АДР в начале марта 1920 года российский наркоминдел вновь попытался скорректировать политическую линию Москвы по "азербайджанскому вопросу". В записке Ленину Чичерин, ссылаясь на председателя Ревкома Азербайджана Нариманова, подчеркивал: "Товарищ Нариманов говорит следующее: после взятия Петровска в Баку начнётся внутреннее разложение, и нам надо будет быть наготове, чтобы вступить в Баку вовремя. Одновременно можно будет начать переговоры о товарообмене, что поможет нам проникнуть в Баку. Бакинцы нуждаются в хлебе и в нашем рынке для нефти. Нариманов решительно и категорически возражает против завоевания Азербайджана, в особенности если одновременно будут вестись переговоры с Грузией, что

придаст антимусульманский колорит советской политике, которая уже раньше такой колорит имела" (1, оп. 51, п. 321а, д. 54868, л.3).

Этот документ стал последней попыткой наркоминдел найти политическую альтернативу вооруженному вторжению в Азербайджан. Как глава НКВД, который возглавлял борьбу российской республики за выход из международной политической и экономической изоляции, и в то же время как гибкий политик и искусный дипломат, Чичерин в своем подходе к решению "азербайджанского вопроса" учитывал всю сумму факторов, определявших международное, прежде всего европейское, положение Советской России, а также их взаимосвязь с внутривластной и экономической ситуацией в республике.

В этом контексте следует отметить, что последняя фаза борьбы за Азербайджан пришлась именно на тот период, когда российская дипломатия решала целый спектр крайне сложных внешнеполитических задач. С ведущими союзными державами она стремилась завязать диалог по вопросу о восстановлении торговых и политических отношений, а с Литвой, Латвией и Финляндией - довести до результативного финала начатые с ними переговоры о заключении мирных договоров. Аналогичная задача ставилась и в отношениях с Румынией, США и Чехословакией, которым НКВД 24-25 февраля сделал мирные предложения. В конце марта Совнарком РСФСР назначил члена Коллегии НКВД М.Литвинова уполномоченным на ведение предварительных переговоров с представителями правительства Англии, США, Франции, Италии, Бельгии и Японии о возможных условиях мира и сотрудничества между Советской Россией и данными государствами.

Не менее, если не более, актуальной была задача избежать вооруженного столкновения с Японией на Дальнем Востоке, в отношении которой Ленин откровенно признавал: "...вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна" (цит. по: 57 - т. 1, 117).

Но наиболее серьезные проблемы испытывала Россия на польском направлении. Возрождая геополитическую традицию, ведущие державы Антанты, и, прежде всего, Франция, стремились сделать Польшу ядром широкой антироссийской (в данном случае, антибольшевистской) коалиции, к которой планировалось привлечь сначала Украину во главе с Петлюрой, а затем, в той или иной форме, Литву, Латвию, Эстонию и даже Финляндию. После разгрома "белых армий" именно правительство Пилсудского, а также белогвардейская армия барона Врангеля, собравшего в Крыму остатки деникинских войск и других антибольшевистских сил, рассматривались Антантой как ее последняя ставка в борьбе с Советской Россией. Так, после непродолжительной мирной передышки, начавшейся после разгрома ВСЮР,

для военно-политического руководства РСФСР стала вырисовываться перспектива вооруженной борьбы на двух новых фронтах — западном ("польском") и южном ("врангелевском"). 25 апреля на польско-русском фронте начались военные действия, которые продолжались до перемирия, установленного 18 октября 1920 г. (окончательный мирный договор между двумя странами был подписан 18 марта 1921 г. в Риге).

Но к моменту отправки вышерассмотренной записки Чичерина отношения между Россией и Польшей находились еще в стадии политического кризиса. Предотвратить этот кризис, не дать ему перерасти в вооруженный конфликт, воспрепятствовать формированию польско-белогвардейско-прибалтийского блока, направленного против российской республики — об этом, как представляется, думал глава НКВД, предостерегая Ленина и других "товарищей" от широкомасштабной военной вовлеченности России в закавказские дела. Открытие еще одного — азербайджанского — фронта могло, по его мнению, ослабить военные позиции Красной Армии, подвергнуть серьезному риску усилия российской дипломатии на европейском направлении, осложнить процесс диалога и нормализации отношений Москвы с ведущими западными столицами.

Исходя из этого и используя в качестве удобного предлога позицию Нариманова, который вполне обоснованно уже на этом раннем этапе большевизации Азербайджана выступал против придания российской политике в регионе "антимусульманского колорита", наркоминдел предлагал последовательное решение "азербайджанского вопроса". В его основе был, как видно из текста чичеринской телеграммы, расчет на экономическое проникновение в республику, использование усиливавшейся внутривластной нестабильности бакинской власти и ее разложение изнутри.

1.4. "Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это": подготовка и осуществление апрельского переворота

Настойчивые призывы Чичерина к проведению умеренной политики в отношении Азербайджана, связанные с признанием европейскими странами де-факто независимости АДР, оказали воздействие на Ленина лишь тогда, когда совпали с обострением обстановки на западном фронте. Неудачи Красной Армии потребовали передислокации военных сил частей РККА с южного (кавказского) на западное (польское) направление. На некоторое время глава российского правительства даже усомнился в целесообразности проведения прежнего курса военно-дипломатического давления на АДР, и "азербайджанский вопрос" стал предметом обсуждения между Лениным и Троцким. 11 марта Ленин отправил телеграмму Троцкому, в которой

изложил мнение наркоминдел по данному вопросу: "Чичерин пишет мне: ...Хан-Хойский, хотя полемизирует, но усиленно напрашивается на переговоры. Если бы все силы пришлось направить против Польши и Финляндии и если бы мирным путем можно было получить нефть, не следовало ли бы отсрочить там войну" (79 - т.51, 158). Как видно, за полтора месяца до большевистского переворота в Азербайджане Ленин не исключал возможность мирного решения данного вопроса, хотя и не отказывался от его окончательного силового урегулирования.

В это время от находившегося на Кавказе Кирова по-прежнему поступала информация, которая лишь усиливала позиции сторонников более жесткого курса в отношении АДР. 5 марта Киров направил заместителю главы НКВД Льву Карахану (копии были отправлены председателям Совета обороны и Реввоенсовета Республики Ленину и Троцкому) подробное сообщение о положении в Азербайджане, суть которого можно свести к следующему - АДР сейчас ослаблена и сопротивляться Красной армии не сможет. При этом со ссылкой на Кавказский краевой комитет автор отмечал, что "признание независимости Азербайджана имело смысл раньше, когда происходила борьба двух течений правящих кругов - ориентировавшихся на Антанту и на Совет(скую)Россию". По его мнению, "влияние агентов Антанты, первое течение, восторжествовало, и вопрос признания Азербайджана нами отпал сам собой". В оправдание своего подхода Киров подчеркивал, что "отношение правительства и национальных партий к Совет(ской)россии нельзя считать доброжелательным (автор так и не привел ни одного серьезного факта, подтверждающего "недоброжелательный" характер политики АДР - прим. авт.)", и что "при приближении Красной Армии эта позиция резко изменяется, так как Азербайджан воевать ни с кем не способен". Он также сообщал, что "английских войск в Азербайджане нет", что "с Грузией у Азербайджана охлаждение забыто", а с Арменией он находится в состоянии войны из-за Зангезура.

Важнейший аспект данного сообщения — вопрос о Деникине. Киров признал, что "помощь Деникину Азербайджаном до сего времени не оказывалась", и что "флот Каспия находится всецело в руках Деникина, Азербайджаном было отказано даже в ремонте флота в Бакинском порту". Сам того не осознавая, а скорее не придавая этому факту серьезного значения, Киров своим признанием наносил удар по тезису о т.н. "азербайджано-деникинском союзе". А ведь именно этот тезис, как видно из вышеизложенного, был фундаментом той аргументации, которую Политбюро и НКВД Советской России в течение января-марта использовали в защиту своего решения о непризнании АДР, а позже - с конца марта до 28 апреля - для обоснования курса на силовое вторжение в Азербайджан.

Кроме того, Киров подчеркивал, намекая, видимо, на призывы некоторых большевистских руководителей к признанию азербайджанской независимости в силу признания АДР де-факто со стороны Антанты, что некоторые авторы "слишком субъективно оценивают события и не учитывают, что никакой независимости закавказских республик фактически Антанта не признает". Поэтому, отмечал он, "те же авторы полагают необходимым признать независимость Горской Республики, где Антанта также пытается, видимо через посредство Азербайджана и Грузии, создать буфер против советского стремления" (16, оп.4, д.49, лл.1-3).

Интересной представляется также данная Кировым оценка отношения властей АДР к местным большевикам, которая является важным свидетельством того, что даже в последние недели существования независимой республики они придерживались провозглашенных при ее создании принципов демократического правления, уважения политического и партийного плюрализма. "Благодаря работе агентов Антанты, - подчеркивал автор, - репрессии против нашей партии усиливаются, но существуем легально, издаем легально газету, однако редакционное дело в критическом состоянии вследствие отсутствия денег и оружия". С целью поправить "редакционное дело" Киров передал Центру просьбу Кавказского крайкома "прислать крупную сумму денег и большую партию оружия", иначе, как он отметил, "наше положение в Азербайджане и Дагестане скоро станет безвыходным" (там же, л.2).

Следует отметить, что бескомпромиссная позиция Кирова в отношении Азербайджана была связана также с временным поражением большевиков в соседней Грузии, где — как и соседнем Азербайджане — шла подготовка вооруженного антиправительственного переворота. Однако после того, как в начале марта восстание местных коммунистов было подавлено грузинским правительством, их организация была разгромлена, а активисты расстреляны и арестованы, Азербайджан окончательно был "взят на прицел" командованием XI-ой армии, РВС Кавказского фронта. Кавказским крайкомом и бакинскими коммунистами как наиболее уязвимая "мишень", самое слабое звено в независимом Закавказье. 6 марта Микоян в телефонном разговоре с Кировым отмечал, что в связи с провалом попытки переворота в Грузии "центр движения переносится в Азербайджан, где наше влияние и сила в массах крепнет". При этом Микоян сообщал, что "бакинские товарищи вошли в подполье, усиленно требуют мусульман — ответственных работников, они надеются и уверяют, что в ближайшее время по мере продвижения Красной армии к Петровску и выхода Красного флота им удастся собственными силами совершить переворот и потом только прибегнуть к помощи Красной армии" (16, оп.22, д. 16, лл.1-2).

По мере того, как нарастал дипломатический и военно-политический нажим Советской России на АДР, в правящих кругах самой Республики назревал раскол. В правительстве и ведущих партиях страны (мусаватисты, социалисты, иттихадисты), в руководстве армии увеличилось число сторонников пророссийской ориентации, все чаще раздавались голоса в пользу умиротворения Москвы за счет экономических (выгодные условия продажи нефти) и внутривнутриполитических (создание коалиционного правительства с участием коммунистов) уступок. В этих условиях Хан-Хойский, оставшийся к тому периоду одним из немногих руководителей АДР, считавших необходимым до конца использовать все ресурсы (экономические, дипломатические и военные) для сохранения независимости республики, 7 марта вновь призвал Москву к переговорам на основе признания Советским правительством суверенитета и независимости Азербайджана. В своей ноте глава МИД АДР фактически повторил позицию своей республики по основным вопросам, которые Москва ставила перед Баку.

По вопросу о заключении военного соглашения для совместных действий против Деникина Хойский вновь отметил, что Азербайджан "как нейтральное государство считает для себя недопустимым вмешательство в сферу борьбы русского народа в деле устройства им своей внутренней жизни". Признавая необходимым установление добрососедских отношений между русским и азербайджанским народами, министр в очередной раз выразил готовность "вступить в переговоры по этому предмету, но лишь на такой основе, когда суверенность Азербайджанской Республики признается в полной мере стороной, ведущей с ним переговоры".

Детальной критике подверг Хойский позицию НКВД в вопросе признания прав народов на национальное самоопределение. Сославшись на радиотелеграмму Чичерина от 21 февраля, он подчеркнул, что правительство АДР "с большим изумлением узнало, что признание прав народов на национальное самоопределение в действительности является для советского правительства не безусловным принципом вне зависимости от тех или иных условий или выгод, а актом, могущим быть результатом сложных и продолжительных переговоров по многим другим вопросам". "Если признание прав народов на самоопределение являлось бы для советского правительства непреложным принципом, то очевидно оно не могло бы быть поставлено в зависимость от сложных и продолжительных переговоров по всяким вопросам", - отметил Хойский, сделав далее намек на империалистический характер политики большевиков по отношению к Азербайджану: "принцип для своего осуществления не нуждается в переговорах и не должен служить фактором для получения того или другого эквивалента; в противном случае он теряет характер принципа и становится

орудием воздействия на договаривающуюся сторону, то есть тем орудием, коим часто пользовались империалистические державы". В заключение своей ноты мининдел АДР в очередной - третий - раз выразил готовность своей страны вступить в переговоры с Советской Россией для установления добрососедских отношений (23, 556-558).

Нота Хойского осталась без ответа - в российском руководстве все больше склонялись к силовому варианту решения "азербайджанского вопроса". Поступавшие в Москву сообщения от Кирова из Астрахани, Орджоникидзе из штаба армии в Саратове, Микояна из Северного Кавказа и "бакинских товарищей" из столицы АДР были объединены мыслью о необходимости и возможности смены власти в Азербайджане и лишь убеждали членов Политбюро в целесообразности скорейшей оккупации территории южного соседа. В результате к середине марта Политбюро во главе с Лениным определилось в выборе стратегической линии поведения в отношении АДР. 17 марта 1920 г. Ленин, преодолев после консультаций с Троцким и анализа сообщений с Кавказа непродолжительные сомнения в необходимости военного похода на Азербайджан, отправил членам РВС Кавказского фронта Смилге и Орджоникидзе телеграмму со следующим призывом: **"Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти (выделено нами - прим. авт.). То же относится к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно. О перебросках условьтесь с главкомом"** (79 — т.51,163-164). Таким образом, курс на силовой захват Баку и свержение АДР окончательно утвердился в качестве официальной политики Москвы. В этих условиях Чичерин вынужден был отказаться от попыток смягчить жесткую линию большевистского руководства в отношении вопроса о признании независимости АДР.

21 марта Троцкий направил телеграмму в Харьков члену РВС Юго-Западного фронта Сталину, на которого по решению Политбюро ЦК РКП возлагался контроль за переброской подкреплений на Кавказский фронт: "Я посылаю Тухачевскому следующий запрос: после овладения нами Новороссийском и Грозным предполагается взять у вас 3 стрелковые дивизии и 3 кавалерийские. Пополнения могут быть вам даны только с открытием навигации. Прошу ответить, считаете ли возможным при таких условиях немедленно вести операцию для овладения и удержания Баку? Примите во внимание возможности поддержки Азербайджана Грузией. К этому прибавляю: желательно заключить сделку с Грузией, обещав ей полную неприкосновенность и нефть..." (цит. по: 74, 366-367).

Ответ Сталина поступил быстро: "Шифровку получил. У Кавфронта имеется не менее 25 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий. По-моему,

можно взять оттуда 6 дивизий против поляков согласно Вашего предложения. Остальными силами можно смело удержать бакинский район. Грузины не опасны, если обещаем нейтралитет" (там же). 22 марта Троцкий поставил Главкому С. Каменеву задачу: с выходом к границам Грузии военных действий не предпринимать, после занятия Терской области развивать наступление в общем направлении на Баку с целью овладения районом всей бывшей Бакинской губернии. Через 6 дней Каменев сообщил о начале выполнения этой задачи. Спешные приготовления Красной армии к наступлению были связаны также со стремлением военного руководства не дать Азербайджану и Грузии, связанной с АДР военно-оборонительным соглашением, возможность подготовиться к совместной обороне. Главком Каменев отмечал в связи с этим, что "если внутреннее состояние Грузии и Азербайджана революционное, то в каком бы положении ни находился Кавказский фронт, медлить с нашим наступлением не представлялось бы возможным" (там же, 367-368).

В условиях фактически начавшейся подготовки к вторжению в Азербайджан правительство АДР вновь обратилось к России с призывом к нормализации отношений и экономическому сотрудничеству. 27 марта военным комиссаром штаба XI-й армии Квиркелия из Астрахани в Москву (главе Центрсоюза Коробову и председателю Высшего совета народного хозяйства Рыкову) была отправлена телеграмма, в которой отмечалось: "правительство Азербайджанской Республики предлагает для начала по установлению торговых сношений пять миллионов пудов нефти, также нефтяных продуктов по существующим ценам при условии покрытия частью деньгами, частью имеющимися в вашем распоряжении всякого рода товарами широкого потребления". В целях немедленного использования навигации правительство АДР готово было отправить первые партии нефти по Волге на бакинских наливных судах при условии получения от Москвы гарантий беспрепятственного возвращения судов. В телеграмме отмечалась также возможность "произвести крупные закупки хлопка, риса, сушеных фруктов", а также дополнительного количества нефтепродуктов (16, оп.3, д.3, л.99).

В сложившихся условиях Кавказский краевой комитет РКП(б) предложил использовать данное предложение с тем, чтобы легализовать российское экономическое присутствие в Азербайджане. "Для всякого рода экономических операций по снабжению товарами Совет[ской]россии, - отмечал в другом сообщении от 27 марта военный комиссар Квиркелия, - Кавказский крайком находит необходимым создание в Баку легальной Комиссионно-Транспортной конторы во главе с партийными товарищами, устранив последних совершенно от местной политической работы. Для указанных целей переведите срочно в Астрахань сто миллионов рублей".

Предлагалось также "первой водой" направить в Астрахань для товарообмена с Баку хлеб, лес, стекло" (там же, л. 102). Предпринятые Кавказским крайкомом попытки установить торговые отношения с Азербайджаном не в последнюю очередь определялись, как представляется, влиянием Нариманова, который стремился обеспечить "советизацию без оккупации", считая, что в силу сложившихся внутри Азербайджана условий азербайджанские большевики смогут самостоятельно взять власть в Баку в свои руки. При этом он подчеркивал важное значение установления экономических связей России с правительством АДР, считая, что экономическое проникновение в Азербайджан может ускорить падение бакинской власти.

В результате в конце марта Управляющий прикаспийскими и персидскими операциями Центросоюза С.Селаври заключил с правительством АДР соглашение о поставке Центросоюзу волжским путем нефти и нефтяных продуктов. Бакинская пресса придавала этому соглашению важное политическое значение. "Правительство Азербайджана доказало, - подчеркивала газета Бакинского комитета меньшевиков "Искра" 30 марта, - отсутствие каких-либо агрессивных намерений с его стороны по отношению к России. Ожидаемый ответ из Москвы (соглашение должно было быть утверждено Высшим Советом Народного Хозяйства РСФСР - прим. авт.), надеемся, рассеет навеянные нотами Чичерина сомнения в отсутствии агрессивных намерений у российского правительства к Азербайджану" (23, 572-573). Однако подписанное в Баку соглашение не получило поддержки в Москве. Его реализация означала бы признание правительства АДР де-факто, что не вписывалось в планы Политбюро ЦК РКП(б) и РВС XI-ой армии.

В начале апреля 1920 года, когда в основном была разгромлена армия генерала Деникина, части XI-ой армии уже вплотную подошли к границам Азербайджана. Эту картину наблюдали члены азербайджанской делегации (Шахсуваров Н., Ахвердов А., Мусаев А.), которые были командированы правительством АДР в Дагестан для урегулирования пограничных вопросов между Азербайджаном и республиками Северного Кавказа. 13 апреля они стали свидетелями концентрации значительной армейской группировки на азербайджано-русской границе. Делегация была задержана членом РВС Кавказского фронта Орджоникидзе, который и передал из Петровска в Москву Ленину и Чичерину следующую телеграмму азербайджанской делегации: "...В 3 часа дня мы приехали на станцию Велиджи, и тут мы впервые встретили Красные войска. В Дербенте мы окончательно убедились в появлении внушительных сил из Центра, группировка войск на нашей границе ясно указывала на опасность, грозящую самостоятельности Азербайджанской республики. По мере приближения к Шуре мы все более

убеждались в концентрации военных сил на нашей границе" (1, оп.51, п. 321А,д.54865).

В связи с возникшей пограничной конфликтной ситуацией в документе была выражена заинтересованность Азербайджана в ее мирном урегулировании. "Азербайджанское правительство всегда стояло на пути мирного разрешения всех спорных вопросов, могущих возникнуть между соседними народами, - подчеркивали авторы данного обращения. - Азербайджанский народ в лице своего парламента и правительства не раз громогласно заявлял горячий протест против тех своих исторических соседей, которые бряцали оружием в пределах Закавказья, ибо в миролюбивом разрешении всякого конфликта мы видим залог счастья всякого народа, а маленького Азербайджана тем более. В пределах Закавказья азербайджанцы раньше всех и больше всех старались предотвращению возможного конфликта" (там же).

Отрицая сообщения о присутствии в Азербайджане каких-либо деникинских или английских частей, члены делегации призвали российское военно-политическое руководство принять все меры для предотвращения возможного кровопролития между частями Красной армии и национальной армии Азербайджана. Они потребовали отозвать военные силы, сосредоточенные вблизи границ Азербайджана, и создать для делегации возможность для спокойного обсуждения с представителями Советской России вопросов мирного урегулирования азербайджано-российских отношений.

Информация о продолжающейся концентрации частей Красной армии на границах Азербайджана позже была подтверждена Кубинским уездным начальником Агакишибековым. 18 апреля в телеграмме министру внутренних дел АДР Векилову он докладывал, в частности: "Ежедневно прибывают из России войска, которые направляются к границе Азербайджана. На Самуре стояла кавалерийская дивизия и 1 бронированный поезд, другой бронированный поезд находится в Дербенте. В Петровске есть 7 или 9 бронированных поездов, некоторые из них в исправном виде. Армия (части XI-ой армии — прим. авт.) готова во всякое время перейти границу. Настроение армии бодрое, уверена в безрезультатности мирных переговоров, убеждена в победе" (22, 374-375).

Несмотря на становившееся все более очевидным стремление руководства Советской России к силовому решению "азербайджанского вопроса", власти АДР по-прежнему выступали за переговоры с ее представителями и установление с ней добрососедских межгосударственных отношений. Эта позиция в очередной раз была подтверждена главой МИД Ф.Хойским 15 апреля в парламенте АДР, в ходе обсуждения законопроекта об отправке дипломатических миссий независимого Азербайджана во

Францию, Англию, Италию, Швейцарию, США и Польшу. В ответ на вопрос представителя фракции "Гуммет" в парламенте А.Г.Караева о том, почему в числе государств, в которые отправляются миссии, нет Советской России, Хойский заявил: "Нам говорят, почему мы не хотим установить дружеские отношения с Советской Россией. Мы всегда стояли и стоим на точке зрения самого тесного сближения нашего народа с великим русским народом. Если этой дружбы нет, то это не по нашей вине. Мы трижды обратились к Советской России с предложением о готовности идти на переговоры для установления дружественных отношений. Но до сих пор наше предложение осталось без внимания". Обращаясь к представителю партии, которая в это время была активным участником подготовки большевистского переворота в Азербайджане, Хойский также отметил: "Выступавший оратор напрасно обвиняет нас. Если он хочет, чтобы между нами и Россией установились дружественные отношения, то пусть он заставит своих единомышленников идти на переговоры. Мы всегда готовы к переговорам. Не нам нужно делать указания, а указания нужно делать тем, которые до сих пор оттягивают разрешение этого вопроса" (24, 953-954).

В связи с концентрацией частей XI-ой армии в Дербентском районе Дагестана у границ Азербайджана мининдел АДР Хойский вечером того же дня (15 апреля) направил Чичерину телеграмму с просьбой сообщить причины и цели сосредоточения войск в данном районе. При этом глава азербайджанского МИД вновь — в четвертый и последний раз — попросил дать ответ на предложение своего правительства начать азербайджано-российские переговоры для установления отношений, и, в случае принятия данного предложения, назначить место и время для переговоров (23, 589-590).

Данная просьба также осталась без ответа. В то же время 17 апреля — то есть почти через три недели после соответствующего призыва правительства АДР — заместитель Чичерина Лев Карахан проинформировал азербайджанские власти о готовности России к проведению переговоров в области торгово-экономических связей. Телеграмма Карахана служила циничной дипломатической маскировкой реальной политики большевиков, которые в этот момент полным ходом готовились к военной операции против Азербайджана. Однако совершенно неожиданно действия НКВД были подвергнуты критике Н.И. Соловьевым, представлявшим в регионе интересы Главного топливного управления России. В телеграмме Ленину и Рыкову, отправленной 20 апреля, он отмечал, что действия Карахана "повредили политической работе Крайкома и затормозили транспорт нефти". "Мусаватское правительство, - подчеркивалось в данном документе, - ввиду молчания Москвы и приближающейся Красной армии готово было отпустить нефть чуть ли не даром из своих запасов и передать власть социалистическим

партиям буржуазии. Оно ничего не имеет даже против советской власти, лишь бы правительство было из мусульман" (10, оп.4, д.598, лл.55-55об.).

Не понимая, видимо, что Политбюро и НКВД, выстраивая свою дипломатическую линию по отношению к Баку, думали вовсе не о передаче власти "социалистическим партиям буржуазии", а о полной смене власти в Азербайджане, и ради этого готовы были разыграть роль "равноправного торгового партнера", Соловьев отмечал в своем послании Ленину, что заявления руководства НКВД "укрепили положение мусульман, сделали правительство (АДР — прим. авт.) менее сговорчивым". Автор призывал Совнарком "взять под свой контроль сношение отдельных ведомств с Баку и приказать своим агентам в Азербайджане работать согласно с Крайкомом", предостерегая, что "в противном случае, не говоря о политической стороне дела, нефти будет отправлено мало с большими замедлениями и по бешеным ценам" (там же).

На необходимость до конца использовать фактор силового давления в отношениях с Баку указывали и находившиеся в Астрахани члены большевистского руководства. 25 апреля из Астрахани в Москву на имя Ленина, Рыкова и Чичерина была отправлена телеграмма члена Туркестанской комиссии и ЦК РКП(б) Я.Э.Рудзутака. Сообщая о разрешении правительства АДР на вывоз первой партии азербайджанской нефти в Красноводск и запрашивая Москву о возможности установления официальных торговых отношений с Баку, Рудзутак дал Москве следующие рекомендации: "Острота положения Баку — армяно-татарские отношения. Правительство опирается на национальность татар. Производить переворот возможно только опираясь на мусульман, при этом нельзя назначать на ответственные должности ни одного армянина. Правительство Азербайджана испугало молчание Чичерина. При решении брать Баку необходимо создать военную угрозу. Она позволит закупить у правительства, располагающего половиной запасов нефти, по цене 10-15 руб. за пуд нефти. Навигационное время уходит, необходимо срочно разрешить так или иначе бакинские вопросы" (10, д.4, оп.475, л.153-153об.). Особенность текущего момента Рудзутак выразил следующим образом: "необходимо сейчас взять от Азербайджанского правительства все, что возможно, установив с ним правильный товарообмен" (там же).

Телеграммы Соловьева и Рудзутака, полученные в Москве 26 апреля, естественно, уже не могли повлиять на позицию Москвы и военно-политического руководства XI-ой армии, которое приступило к реализации силового варианта решения "бакинских вопросов". На границах АДР к этому моменту не только была создана предлагаемая ими "военная угроза", но и завершены последние приготовления к вторжению в Азербайджан. Синхронно с военными взаимодействовали практически вышедшие из

подполья азербайджанские коммунисты. Последние активно развивали свою деятельность по дестабилизации внутривнутриполитического положения в Азербайджана и его регионах. Важнейшим фактором, обусловившим успех апрельского переворота, стало также резкое обострение ситуации в Карабахе и на армяно-азербайджанской границе. В марте-апреле произошли инспирированные дашнаками столкновения в Ханкенди и Шуше, нападения частей армянской армии на села Казахского и Гянджинского уездов, что вынудило правительство АДР оттянуть значительные силы с северных границ к границам с Арменией — большая часть азербайджанской армии находилась на юго-западном (армянском) фронте, обеспечивая безопасность населения карабахского региона и в зоне армяно-азербайджанской границы.

Хроника предшествовавших апрельскому перевороту дней показывает, насколько отлаженными и скоординированными были действия всех участников коалиции, выступавшей против АДР. 21 апреля командование Кавказским фронтом послало руководству XI-ой армии директиву № 490 с сообщением о том, что основные силы армии АДР сосредоточены на армянском фронте. По данным командования Красной армии, на северной границе (у станций Ялама и Худат) находился трехтысячный отряд регулярных войск и двухтысячный милицейский резервный батальон с двумя бронепоездами. Бакинский гарнизон насчитывал около 5 тысяч человек (43,155).

23 апреля, то есть за день до последней ноты Чичерина, командующий Кавказским фронтом Тухачевский и член РВС Орджоникидзе в дополнение к директиве № 490 отдали приказ № 52 (войска получили его в ночь с 25 на 26 апреля), в котором поставили перед войсками XI-ой армии следующую задачу: 27 апреля перейти границу Азербайджана и стремительным наступлением в течение 5 дней овладеть территорией Бакинской губернии.

24 апреля — в условиях фактически начавшегося продвижения Красной Армии к границам Азербайджана Чичерин отправил последнюю телеграмму Хан-Хойскому, тон которой существенным образом отличался от всех предыдущих посланий. Данное дипломатическое послание, совпавшее с опубликованием в газете "Азербайджан" (24 апреля, № 81). Закона об учреждении дипломатических миссий АДР в Западной Европе, США, Германии, Польше и Советской России, сняло с повестки дня вопрос о мирных переговорах и установлении полноценных дипломатических отношений между двумя странами. В своей телеграмме Чичерин объяснял передвижение войск на границе с Азербайджаном необходимостью борьбы с силами Деникина и выразил сожаление по поводу "частью уклончивых, частью отрицательных ответов", полученных от АДР в связи с призывами к совместной борьбе с "белым генералом". Используя в очередной раз ложный

тезис о присутствии добровольческих войск на территории Азербайджана, российский нарком заявил, что советское правительство будет настаивать на выяснении обстоятельств и причин, по которым правительство АДР считает возможным предоставлять свои гавани в распоряжение денкинского флота.

Чичерин, однако, не ограничился в своей ноте лишь тезисами о якобы исходящей от АДР "денкинской угрозе". Зная, что у азербайджанского правительства нет ни сил, ни союзников, он, тем не менее, фактически предостерег его от возможного обращения за военной помощью к какой-либо третьей стороне, призвав Хойского дать российскому правительству гарантии в том, что военные силы какой-нибудь другой державы не воспользуются сложившейся между двумя республиками ситуацией для подготовки наступательных действий против советских войск. Кроме того, сославшись на то, что в органах печати некоторых стран Антанты якобы "открыто говорится о предстоящем или уже состоявшемся вступлении английских войск в Баку", российский нарком потребовал у правительства АДР предоставить исчерпывающие объяснения и по данному поводу (1, оп. 51, п. 321а, д.54860).

Таким был последний дипломатический аккорд в политических отношениях между двумя республиками. Нота Чичерина, основанная на неммыслимом сочетании циничных угроз и абсурдных обвинений, стала логическим завершением того курса, который НКИД проводил в отношении АДР в течение января-апреля 1920 г, а именно - обеспечения дипломатического прикрытия готовящейся силовой акции против Азербайджана. Справедливости ради стоит отметить, что на определенных этапах глава НКИД пытался, исходя из текущих интересов Советской России, играть в решении "азербайджанского вопроса" роль "большевистского голубя", дистанцируясь от сторонников линии на "экспорт революции". Доступные ныне архивные документы показывают, что именно Чичерин был в большевистском руководстве практически единственным политиком, который допускал, пусть и временное, обусловленное соображениями европейской политики Москвы, признание АДР. Однако, как свидетельствуют вышеотмеченные письма российского наркоминдел, его готовность к модификации позиции Политбюро ЦК РКП(б) была не более чем тактической уступкой правительству АДР, краткосрочным примирением с существованием независимого азербайджанского государства. В целом он солидарно с большинством московского руководства делал ставку на смену власти в Азербайджане и его большевизацию.

Следует при этом отметить, что, следуя тактике, отрететированной в некоторых странах Восточной Европы, Балтии, Финляндии и Украине, и стремясь не дать формального повода для обвинений в агрессии, и "голуби", и "ястребы" в большевистском руководстве активно содействовали созданию

в Азербайджане "пятой колонны", разрушительная деятельность которой призвана была способствовать более успешному проведению операции по выводу войск и оккупации страны. 24 апреля все партийные организации коммунистов в Баку были переведены на военное положение, был произведен учет всех членов АзКП(б), способных носить оружие, которые были разбиты на группы во главе с командирами. Всего к вооруженному выступлению против правительства было подготовлено свыше четырех тысяч вооруженных боевиков. В это же день вышел нелегальный номер газеты "Новый мир" - органа ЦК и Бакинского комитета АзКП(б), целиком посвященный предстоящему перевороту и открыто призывавший рабочих и членов партии быть готовыми к перевороту (43,156).

25 апреля в Петровске на совещании с участием Орджоникидзе, командующего XI-ой армии Левандовского, члена РВС армии Мехоношина и представителей АзКП(б) в деталях был обсужден план предстоящих совместных действий. Утром 26 апреля в Баку состоялось экстренное заседание ЦК АзКП(б) и Бакинского бюро Кавказского краевого комитета РКП(б) с участием нелегально прибывших в Баку представителей XI-ой армии, на котором было решено начать 27 апреля вооруженное восстание и предъявить парламенту АДР ультиматум о сдаче власти. Был создан оперативный штаб по руководству восстанием. Показательно, что на данном заседании одна из самых ответственных задач - захват станции Баку — была поручена группе турецких коммунистов и кемалистов.

Осуществление первого этапа военной операции было поручено железно-дорожному боевому участку XI-ой армии (4 бронепоезда) и приданному ему красноармейскому десантному отряду. В ночь на 26 апреля военный комиссар боевого участка Дудин получил приказ - 27 апреля перейти в "наступление самым решительным и смелым налетом, ворваться в Бакинский район, парализовать таким образом попытки Азербайджанского правительства к сопротивлению, уничтожению нефтяных запасов и промыслов" (16, оп.3, д.3, л. 113). После овладения железнодорожной станцией Баку десантный отряд, в состав которого вошли две роты 299 мотострелкового полка 28 дивизии на 4 бронепоездах ("III Интернационал", "Красный Дагестанец", "Тимофей Ульянов" и "Красная Астрахань"), должен был выйти к порту для подавления морской артиллерии.

В последний день перед вторжением командиры передовых подразделений Красной армии разыграли на границе настоящий спектакль в духе межнациональной дружбы. В докладе военного комиссара Дудина события этого дня описаны следующими образом: "до перехода границы днем (26 апреля — прим. авт.) осмотрели Самурский мост, состав и вооружение пограничной охраны, а также беседовали с последними с целью выяснить численность войск, расположенных на ближайшей

железнодорожной станции Ялама и вообще настроение солдат". "В то же время, - как отметил военный комиссар, - со сменившимся караулом охраны и при участии старого на лужайке самого помещения караула устроили национальные танцы во главе с начальником боевого участка тов. Ефремовым, чем создали в них (у азербайджанских солдат — прим. авт.) дружественное к нам расположение" (там же).

Вызвав "дружеское расположение" азербайджанских пограничников, 27 апреля в 00 часов 05 минут красноармейский десантный отряд пересек российско-азербайджанскую границу и взял их в плен после непродолжительной ружейной перестрелки. На подходах к станции Ялама после часового боя наступавшими были разбиты 2 роты Кубинского полка азербайджанской армии, а станция Худат была взята утром практически без боя — 2 батареи конно-горного дивизиона были застигнуты врасплох и бросили свои позиции и орудия. Некоторыми командирами оборонявшихся войсковых подразделений были, фактически, саботированы приказы по задержанию наступления — не были подожжены мосты и разобраны пути по ходу следствия колонны с десантом.

Легкость, с какой красноармейский десант, состоявший из 300 красноармейцев и наступавший не широким фронтом, а по узкому, легкоуязвимому железнодорожному полотну, преодолел сопротивление оборонявшихся частей армии АДР, свидетельствовала о полном параличе власти в республике, который охватил и национальную армию. Как свидетельствовал очевидец тех событий, азербайджанский военный дипломат А.Аскеров-Кенгерлинский (с 1919 г. по май 1920 г. - помощник военного атташе правительства АДР в Грузии, репрессирован в июне 1922 г.), несмотря на очевидную угрозу для всего населения республики со стороны Красной армии, "правительство встретило известие о приближении большевиков с преступной небрежностью и легкомыслием". Признавая, что почти весь личный состав армии был занят на армянском фронте, он подчеркивал: "в Парламенте ораторы говорили неопределенные и двусмысленные вещи, и раздавались уже голоса, предлагавшие попросту передать власть большевикам. Не было общей уверенности и твердости власти, повсюду чувствовались растерянность и страх". Автор признал, что многие члены парламента "были попросту введены в заблуждение пропагандой грозных безответственных турок, оставшихся в Азербайджане и уверявших, что большевики идут на Кавказ лишь для того, чтобы этим путем прийти на помощь революционной Анатолии, чему охотно верила темная мусульманская масса". Что же касается действий командования азербайджанской армии, то он отметил, что со стороны отдельных его представителей имели место факты умышленного ослабления охраны границы и отказа от сопротивления наступавшим частям. В результате, как

отметил Аскеров-Кенгерлинский, "большевики наступали с такой быстротой и стихийностью, что согласно телеграфному донесению губернатора полосы отчуждения, отступавшие азербайджанские броневики вынуждены были довести свою скорость до 60 верст в час" (28, 78-79). Характеризуя внутривнутриполитическое положение в Азербайджане в данный период, Т.Свиетоховский также подчеркивает, что "по мере того, как Красная Армия продвигалась на юг, а надежды на получение помощи с Запада таяли, положение в Азербайджане давало все меньше оснований для оптимизма". Американский ученый указывает, что беспорядок, смятение и дезориентация, царившие в армии, были ничуть не меньшими, чем в гражданских учреждениях. По его мнению, заместитель военного министра Шихлинский был связан с коммунистическим подпольем, а многие офицеры, служившие ранее в царской армии, "не хотели воевать против России, каков бы ни был ее политический строй". Он также подчеркивает, что генерал Мехмандаров буквально потряс Парламент, заявив, что вся азербайджанская армия не выстоит против русского батальона: "Он открыто выразил общеизвестное, но не высказываемое никем мнение о том, что признание Азербайджана Западом ничего не стоит до тех пор, пока Россия отказывается в таком признании". Свиетоховский указывает и на наличие "турецкого следа" в обеспечении "обороны" АДР: "Турецкие офицеры, со своей стороны, с нетерпением ждали смены власти в Баку, т.к. появление Советского Азербайджана сблизило бы ленинскую Россию с исламской Турцией. Преобладание таких настроений среди офицерского корпуса ускорило деморализацию солдатских рядов". Он отмечает также активность коммунистической пропаганды в национальной армии, в результате которой "многие военные формирования были полностью разделены на партийные ячейки, дисциплина в войсках падала, и дезертирство приняло угрожающие размеры" (93, №3, 53).

Дополнительным фактором ослабления северной границы стали, по мнению Свиетоховского, события в Карабахе — в марте правительство вынуждено было направить в этот регион практически все боеспособные части национальной армии для подавления, как отмечает американский ученый, "крупного армянского восстания, поддерживаемого ереванским правительством". В результате Свиетоховский делает вывод о том, что в марте-апреле 1920 г. национальная армия перестала играть роль решающего элемента в стратегии правительства АДР по отражению внешней агрессии. Следует уточнить — агрессии со стороны Красной армии, так как с ноября 1919 г. по апрель 1920 г. части национальной армии успешно сдерживали наступательные действия армянской армии в Зангезурском, Джебраильском, Шушинском и Казахском уездах.

Анализируя причины столь быстрого военного поражения АДР, следует отметить, что оно в значительной степени было обусловлено сложностями осуществления мобилизационно-призывной кампании, которая проводилась в условиях усилившегося к весне 1920 г. кризиса в социально-экономической (особенно в аграрном и нефтяном секторах) и, как следствие, в политической жизни АДР. Кроме того, как уже отмечалось выше, в армии все больше ощущалось разлагающее влияние большевистской пропаганды. В марте-апреле ее действие привело к массовому дезертирству из войсковых частей. Инспектируя в начале апреля прибывшие в Гянджу для отправки на карабахский фронт воинские части, военный министр Мехмандаров, в частности, сообщал своему заместителю Шихлинскому: "Вместо двух батальонов Кубинского полка получил всего 375 человек, что ставит отряд в тяжелое положение... Миллионы идут на содержание полка, а когда начались боевые действия, то оказалось, что полк существует только на бумаге". "В Бакинском полку, - удивлялся министр в другой телеграмме своему заместителю, - числилось, по Вашим же словам, 1700 человек, а велись в поход 1 тыс. человек" (22, 291-292).

Начальник Главного штаба армии генерал Салимов, который руководил с конца марта по конец апреля оборонительными и наступательными действиями национальной армии в карабахском и зангезурском районах, также указывал на несоответствие штатной и реальной численности войск. В своем донесении Шихлинскому от 15 апреля о ходе перегруппировки войск в целях подготовки общего наступления в Зангезурском направлении он признавал: "В отряде части имеются только по названию, число же штыков крайне мало, так, в Бакинском — 300 бойцов, в Джеванширском - 1200, Татарском - 380 всадников, Карабахском - 250 всадников, Гянджинском, действующем в Джебраиле, - около 400 штыков, Шекинском — около 200 сабель" (там же, 315-316).

Как отмечает азербайджанский ученый П.Дарабади, "в середине апреля, т.е. накануне выступления коммунистов Азербайджана, в 5-м Бакинском полку из одной тысячи аскеров в строю оставалось не более трехсот, в 3-м Гянджинском, 4-м кубинском и 8-м Агдашском пехотных полках из того же количества — по 400 аскеров". Всего, по его данным, в этот период из армии дезертировало около трех с половиной тысяч аскеров (43, 137). Важно при этом подчеркнуть, что дезертирство в некоторых частях носило не пассивный, а активный характер — солдаты оставались в строю, но подчинялись приказам не военного министерства, а своих командиров, перешедших на сторону большевиков, и действовали уже против законного правительства. "В Бакинском гарнизоне буквально в каждой войсковой единице были наши ячейки, - отмечал один из лидеров Бакинской большевистской организации М.Д.Гусейнов, - ...в 5-м полку целые роты

стояли на нашей стороне; там у нас был даже солдатский комитет" (цит. по: 43, 137). В конечном счете, переход 5-тысячного Бакинского гарнизона на сторону большевиков и предопределил стремительный и бескровный характер вооруженного переворота в столице — уже в полдень 27 апреля их отряды контролировали ситуацию в Баку и его окрестностях.

Кроме дезертирства и слабой укомплектованности воинских частей, серьезной проблемой к весне 1920 г. стала нехватка кадрового командного состава, значительная часть которого погибла в ходе боевых действий 1919-1920 гг. на армянском фронте. "Операции я веду исключительно регулярными частями, ибо о партизанах речи нет, - отмечал генерал Салимов. - Молодые наши войска, хотя и великолепно дерутся, но крайне впечатлительны. Главный недостаток — отсутствие опытных офицеров, хотя бы в роли командиров батальона. Лично приходится самому направлять и двигать не только полки и батальоны, но даже роты" (22, 315-316). Для исправления ситуации он предлагал прислать несколько опытных русских офицеров. В другом донесении (из Аскерана, 15 апреля) об оперативной ситуации в районе Карабаха генерал Салимов просил Шихлинского "поторопить присылку офицеров и пополнения частей, хотя бы в виде прошедших двух - или трехнедельных курсов обучения" (там же, 317).

Из приведенных сообщений можно составить представление как об общей численности национальной армии весной 1920 г., так и о том, какими силами она располагала в Карабахе-Зангезуре и в районе азербайджано-русской границы — на двух важнейших рубежах обороны республики. С учетом частей, которые вели боевые действия, гарнизонов, дислоцированных в крупных населенных пунктах, и иррегулярных формирований из местного населения численность действующей воинской группировки в этом регионе вряд ли превышала соответственно 5-7 и 2-3 тысяч человек, а общая численность армии едва ли достигала 15 тысяч бойцов. В любом случае, анализ военных донесений и обмена телеграммами и сообщениями между руководителями военного министерства не дает оснований для утверждений о наличии в карабахском регионе 20-тысячной группировки (43, 154). Аналогичное несоответствие было, как представляется, и в частях, дислоцированных в бакинском гарнизоне.

Таким образом, в военном отношении армия АДР не в состоянии была оказать сопротивление стоявшей у границ республики почти 30-тысячной группировке Красной армии, в состав которой входили 3 стрелковые и 2 кавалерийские дивизии, Таманская бригада (войскам были приданы также 5 бронепоездов и несколько авиаэскадрилей), и которую внутри страны поддерживало около 4 тысяч вооруженных боевиков, подготовленных местной большевистской организацией (43, 162).

К вышеизложенному следует добавить, что военно-организационная и пропагандистская работа бакинских коммунистов по подготовке переворота опиралась на мощную финансовую поддержку ЦК РКП (б), который в начале 1920г. принял решение выделить на данные нужды более 50 млн. рублей, что было сопоставимо с текущими бюджетными расходами правительства АДР на содержание армии. При этом следует учитывать, что указанная цифра не включала практически бесперебойных поставок для бакинских большевиков оружия, боеприпасов и отрядов боевиков из Астрахани (через которую поддерживалась связь с московским центром) и Красноводска (поставки шли через командование Туркестанского фронта). Бакинский штаб по подготовке восстания чувствовал себя настолько уверенно, что значительную часть предназначенных ему денег и оружия он отправлял в Тифлис и в Дагестан для поддержки коммунистов Грузии и Северного Кавказа (43, 151).

Таким образом, суммарный вектор действия внутренних и внешних факторов не оставлял молодой азербайджанской республике альтернативных вариантов развития. 27 апреля в Баку началось вооруженное восстание, и в течение дня город и его окраины перешли под контроль коммунистов. Вечером 27 апреля было подписано постановление парламента о передачи власти Азербайджанскому Революционному Комитету — Азревкому, и в ночь с 27 на 28 апреля азербайджанский парламент был распущен. Утром 28 апреля головные части XI-ой армии на 4 бронепоездах входили уже в большевистский Баку.

29 апреля, т.е. через два дня после вторжения передового десанта Красной армии в Азербайджан, Азревком под председательством Нариманова обратился к правительству РСФСР с призывом оказать помощь бакинскому пролетариату: "Не имея возможности собственными силами удержать натиск соединенных банд внешней и внутренней контрреволюции (Нариманов здесь использовал тезис, который с гораздо большим основанием и правом могла бы использовать законная власть АДР, столкнувшаяся с внешней агрессией и внутренним антиправительственным выступлением большевистского подполья — прим. авт.), Временный Революционный комитет Азербайджана (Азревком) предлагает правительству Российской Советской Республики вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым империализмом и просит немедленно оказать реальную помощь путем присылки отрядов Красной армии" (10, оп.4, д. 586а, л.79).

Основные части 70-тысячной XI-ой армии завершили свое вступление в Азербайджан 30 апреля, опередив официальную реакцию советского российского правительства на телеграмму Нариманова и лишив его необходимости объяснить причины столь быстрого вторжения в Азербайджан. Следует, правда, отметить, что правительство РСФСР такой необходимости не испытывало. Захват стратегически важного бакинского

региона и всего Азербайджана открыл перед Москвой новые "закавказские горизонты" и широкие региональные и геополитические перспективы, символизируя в то же время завершение полной драматизма, ярких достижений, побед и горьких поражений 23-месячной истории независимой АДР — первой демократической, светской парламентской республики в мусульманском мире. Оккупация Баку и вслед за ним всего Азербайджана была в основном завершена к концу мая — началу июня, хотя отдельные очаги вооруженного сопротивления новой большевистской власти, в основном в Гяндже, Карабахе, Закаталах, Кубинском уезде и Ленкорани, сохранялись в течение всего 1920 года.

ГЛАВА 2.

"Мы обязываемся заставить Азербайджанскую Республику войти в круг Советских государств": о некоторых причинах падения АДР

АДР, просуществовавшая почти два года, стала "высшей точкой" в эволюции национально-демократического движения азербайджанского народа. Влияние внешних факторов на эволюцию данного движения накладывалось на особенности идейно-политической ориентации лидеров азербайджанского общества, которые формировали идеологию и практику национально-государственного строительства на основе тройственной принадлежности азербайджанцев — их этнической связи с тюркским миром, конфессиональной — с исламским, цивилизационной — с европейскими ценностями и идеалами. Эта особенность была отражена в философии государственного строительства "Первой Республики", основой и символом которой стал "азербайджанизм" — синтез принципов тюркизма, исламизма и модернизма, то есть непротиворечивое соединение этнической, конфессиональной и европейской принадлежности азербайджанцев. Отмечая, что помимо влияния Европы и России, другими факторами, определявшими национальное самосознание в Азербайджане, было "осознание единства с миром Ислама, этнического родства с турками и общности с персидскими азербайджанцами", американский исследователь новой истории Азербайджана Т.Свиетоховский признает, что "в то же время азербайджанские лидеры сильно выделялись своими национальными особенностями, удерживавшими их от подчинения более широкомасштабным движениям, таким, как Всероссийское объединение мусульман, пантюркизм и закавказский федерализм" (93, № 3, 60).

Идеология азербайджанской государственности проделала в своем недолгом развитии сложный и извилистый путь. Еще осенью 1917 г. государственная независимость не рассматривалась как цель в программах ведущих азербайджанских партий и движений. В Программе тюркской партии федералистов ("Мусават"), получившей в парламенте АДР 28 мест и составившей вместе с беспартийными (18 депутатов) самую крупную парламентскую фракцию (46 депутатов из 96), в разделе "Государственный строй" отмечалось, например, что партия ставит своей задачей осуществление "а) демократической республики на национально-территориально-федеративных началах вообще в России и, в частности, б) территориальной автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии и в) национальной автономии поволжских и крымских татар и всех вообще тюркских народностей" (89, 91). Территориальная автономия

была предельной целью и других политических сил азербайджанского общества.

Развитие центробежных тенденций в России и дезорганизация государственно-административного управления в Закавказье привели к тому, что на смену тезису о "территориальной автономии", т.е. самостоятельности азербайджанского общества в рамках демократической федеративной России, пришла идея о независимом развитии Азербайджана в рамках конфедерации закавказских республик, реализованная на практике в апреле-мае 1918 г. в рамках Закавказской федерации. После распада Закавказской федерации азербайджанское представительство в Сейме бывшей Федерации образовало Азербайджанский Национальный Совет, который провозгласил 28 мая создание АДР.

Однако и после провозглашения независимости — до созыва Парижской конференции и в ходе ее работы — идея союза кавказских республик сохраняла свое центральное место в программных документах АДР, в официальных подходах ее руководителей и дипломатов. В подготовленном А. Топчибашевым (ноябрь 1918г.) "Меморандуме", врученном дипломатическим представителям держав Антанты в Стамбуле, эта идея была выражена и обоснована следующим образом: "Теснейшие связи между нациями Закавказья... вкуче с общностью интересов, особенно значительных в экономической сфере, настоятельно требуют создания политического объединения, базирующегося на принципах конфедерации, положенных в основу существующего ныне Швейцарского Союза... Мысль о конфедеративном устройстве Закавказья быстро обретает сторонников не только в среде умеренных либералов, азербайджанских, грузинских и армянских националистов, но и в среде социал-демократов, также желающих ныне союза всех наций, населяющих Закавказский край". Ошибочно полагая, что идея Закавказской конфедерации не только будет поддержана на Парижской конференции грузинской и армянской делегациями, но и получит развитие за счет преобразования конфедерации "в сторону включения в ее состав также и вновь образованных государств Северного Кавказа", А.Топчибашев выражал надежду на то, что этот "спасительный союз" будет поддержан и одобрен европейскими государствами (81, 37).

Анализируя сегодня, по прошествии более восьми десятилетий, причины столь сильной привязанности лидеров АДР к идее "конфедеративного Кавказа", следует отметить следующее. Важнейшим в подходе руководства "Первой Республики" к данной идее было стремление создать благоприятные региональные и международные условия для сохранения независимости АДР. В отличие от Грузии, пользовавшейся более благожелательным отношением со стороны европейских держав и терпимым — со стороны России, и Армении, на стороне которой была политическая

активность диаспоры, помноженная на заинтересованное участие европейских стран в решении "армянского вопроса", азербайджанское государство не располагало прочными и эффективными ресурсами внешне-политической, военной и экономической поддержки своей независимости. В этих условиях абсолютно закономерным был призыв лидеров АДР к союзу кавказских народов и конфедерации кавказских республик, которая, по их замыслу, должна была выполнять как минимум две функции. Во-первых, объединительно-защитную (отсюда тезис о "спасительном союзе") в условиях нарастающей большевистской угрозы, а во-вторых, политико-дипломатическую, призванную облегчить для Грузии, Армении и Азербайджана совместное решение задачи признания их независимости союзными державами на Парижской мирной конференции.

Следует отметить, что в самом азербайджанском руководстве при единстве общего подхода существовали разные видения будущего такой конфедерации. Для возглавлявшего делегацию АДР на Парижской конференции Топчибашева - интеллектуала, в котором гармонично сочетались приверженность общенациональным идеалам (он не входил в состав какой-либо партии и оставался беспартийным в течение всего периода 1917-1920 гг.), европейская ориентация и восточный прагматизм, а также для Правительства и МИД Азербайджана, первостепенным был вопрос признания независимости республики. В то же время, будучи председателем парламента и одновременно главой государства (пост председателя был приравнен к высшему государственному), Топчибашев осознавал важное значение России для будущего своей страны. В его понимании конфедерация носила в большей степени вспомогательное значение, и ее актуальность могла отпасть после признания АДР европейскими странами и Россией.

Для других политиков, прежде всего, Маммед-Эмина Расулзаде и представителей правого, радикального крыла руководства страны, не доверявших большевистской России и ориентировавшихся преимущественно на Турцию, ведущим мотивом, определявшим их позицию, была именно защитная функция конфедерации, которая в условиях постоянной (в их понимании) угрозы со стороны России могла и должна была надолго определить конфедеративный облик Кавказа. 30 ноября 1922 г., находясь в турецкой эмиграции и комментируя для стамбульской газеты "Йени Шарк" ("Новый Восток") вопрос о вхождении закавказских республик в состав СССР, Расулзаде сформулировал свой подход к этому вопросу следующим образом: "Нынешняя федерация является целью, созданной против желания их самих для присоединения к России. А между тем, мыслимая кавказцами федерация должна была бы составить стену, ограждающую Кавказ от идущей с севера лавины" (18, д.746, л.30).

В этом же направлении мыслил он и на более позднем этапе — в парижской эмиграции. В изданной в 1930 г. в Париже брошюре "О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой" один из бывших руководителей АДР по-прежнему делал акцент на консолидирующий и защитный аспекты конфедерации: "Если в добрые старые времена Кавказ был ареной взаимной борьбы для соседних народов, то последний период совместной жизни и страдания этого края воочию доказали, что сепаратный образ действия отдельных кавказских народов навлекал бедствия не только на данный народ, но и на все остальные народы Кавказа. Общность истории, общность страданий, точнее, общность судьбы создали у всех народов Кавказа общую, более или менее сходную психологию. Страшные годы террора и красного империализма, одинаково давящего кровавым прессом все народы Кавказа, еще в большей мере сблизили эти народы и укрепили в них сознание общности их национально-политических интересов".

Однако, выражая, как ему казалось, общее настроение политически мыслящих кавказских народов и кавказской эмиграции, Расулзаде делал далеко идущие, отличные от его традиционных подходов, выводы. "Независимый Кавказ, — подчеркивает он, — залог не только благоденствия ее народов, но и серьезный фактор международного мира. Южные наши соседи, вечно находившиеся под угрозой северной опасности, только при наличии свободного Конфедеративного Кавказа, как буферного государства, могли бы быть спокойны за свою судьбу. Нет сомнения, что наша в действительности реальная деятельность в области достижения всекавказской государственности могла бы внушить нашим южным соседям должное уважение к нам и нашей работе" (91, 61-62). Как видно, здесь идея кавказской конфедерации выходит уже за рамки экономической и политической целесообразности, своей защитной и дипломатической функции, и приобретает более широкое геополитическое значение "буфера", призванного оградить "южных соседей" (видимо, Турцию и Иран) от "угрозы северной опасности" (под ней, очевидно, подразумевалась Советская Россия).

Однако реальные события, происходившие в Закавказье в 1918-1921 гг., не оставляли надежд для реализации призывов лидеров АДР к конфедеративному устройству региона. В течение 1918-1920 гг. Армения продолжала политику депортации и террора в отношении мирного азербайджанского населения в районах его компактного проживания как в самой Армении, так и в гейча-зангезурском и карабахском регионах Азербайджана. Кроме того, в ноябре 1918 г. ее вооруженные силы вторглись на территорию Грузии, спровоцировав кровопролитный военный конфликт с этой республикой. Эти обстоятельства делали теоретически иллюзорными и практически невозможными не только попытки конфедеративного объединения трех кавказских республик, но и выработки совместных

дипломатических действий между ними на международной арене, прежде всего в области признания их независимости.

Не вдаваясь в анализ основных направлений и достижений внутренней и внешней политики правительства "Первой Республики" (который не является предметом данной работы), следует отметить, что она оставила ценный опыт построения светского демократического государства, вобравший в себя как позитивные моменты, так и неудачи и поражения. АДР стала первой демократической парламентской республикой в мусульманском мире. Ее внутренняя и внешняя политика отразила присущие азербайджанскому народу и его интеллектуальной элите приверженность прогрессивным идеалам и ценностям начала XX века, культурный плюрализм, веротерпимость и политическую толерантность. Закономерным было то, что АДР стала первой страной на Востоке, предоставившей женщинам избирательные права, и одной из первых европейских стран, закрепивших равные избирательные права для всех граждан, независимо от пола, языка и национальной принадлежности (Закон 20 ноября 1918 г. "О создании азербайджанского парламента", "Положение о выборах в Учредительное собрание Азербайджанской Республики" от 21 июля 1919 г.).

В этом отношении политика АДР, опиравшаяся на принципы демократии и плюрализма, находилась в разительном контрасте с политикой правительства дашнакской Армении, которая в течение всего периода своего существования с мая 1918 по декабрь 1920 гг. проводила политику депортации и геноцида не только азербайджанского, но и русского (12, оп.19, д. 188, лл.1-2), а также курдского населения на собственной территории. Не случайно поэтому, что в сделанном МИД Великобритании конфиденциальном докладе для правительства от 24 декабря 1919 г. о внутривосточном положении в Армении и Азербайджане в 1919 г. отмечалось, в частности, что в Армении правящая партия "Дашнакцутюн" тяготела к крайним социальным взглядам и в зависимости от собственных интересов беспринципно ассоциировала себя или с большевизмом, или с реакцией. Относительно же правительства Усуббекова, находившегося у власти с 14 апреля 1919 г. по апрель 1920 г. в докладе отмечалось, что оно "добилось значительных успехов" (33, 13). Учитывая достижения АДР в области стабилизации экономического и политического положения, в докладе делался также вывод о том, что азербайджанцы под руководством англичан "могли бы превратиться в грозную полицейскую силу региона" (там же).

Обращает на себя внимание тот факт, что оценки британской дипломатии совпадали с мнением руководителей российских большевиков, в частности Анастаса Микояна, одного из руководителей Кавказской краевой организации большевиков. В своей статье с характерным названием

"Армянский империализм" (1919 г.) он подчеркивал в связи с этим, что "факт наличия армянского империализма является для армянского народа удивительным и комичным, даже трагикомичным". Указывая на "специфичность, реакционный характер и содержание" данного явления, автор делал также следующий вывод: "Ныне Армения фактически занимает территорию Иреванской губернии, мусульманское население которой чуть меньше армянского. Но это единственная территория, где армяне живут сравнительно компактно и составляют большинство населения. В результате реакционно-шовинистской политики армянского правительства мусульмане, составляющие две пятых всего населения, не только отстранены от каких-либо форм участия во власти и управлении страной, но и наряду с иностранцами попали в бесправное положение" (цит. по: 39, 376-377).

Касаясь вопроса об основных причинах падения АДР следует, прежде всего, отметить, что ни в самом Азербайджане (находившемся в стадии постколониального развития с присущими ему социально-экономическим кризисом и внутривнутриполитической нестабильностью), ни в регионе (неурегулированные пограничные проблемы, территориальные притязания соседних республик друг к другу), ни в более широком международном окружении (сталкивающиеся друг с другом интересы ведущих мировых держав) не было условий для стабильного, устойчивого развития азербайджанской государственности, предпосылок для длительного существования АДР.

Но гораздо более важным и значимым для судьбы "Первой Республики" было то, что ее независимая ориентация, идеология и практика противоречили логике долгосрочных геополитических и экономических интересов Советской России, которая даже в условиях охватившего ее хаоса и разрухи, гражданской войны, внешней интервенции и экономической блокады оставалась ведущим фактором воздействия на региональную (закавказскую) ситуацию и процесс государственного строительства в АДР.

Богатый сырьевыми ресурсами, которые были особенно ценны для ослабленной в мировой и гражданской войнах российской экономики; занимающий уникальное положение в центре геостратегического "треугольника" Россия-Персия-Турция, важное с точки зрения эффективной реализации геополитических целей и задач большевистской Москвы по всему периметру южных границ царской России; владеющий каспийскими "ключами" подступа к региону Средней Азии — такой Азербайджан был для Советской России неизмеримо более значимой, чем Грузия и Армения, "мишенью". Закономерно поэтому, что, возникнув на руинах Российской империи, в атмосфере царившего в ней хаоса и многовластия, "Первая Республика" окончила свой исторический путь в момент завершения этой анархии и консолидации большевистским центром своей единоличной власти

в стране. Иными словами, период жизнедеятельности АДР продлился ровно столько времени, сколько его потребовалось руководству Советской России для мобилизации своих военных и политических ресурсов в целях свержения буржуазно-демократического азербайджанского правительства.

Указанные выше факторы в течение всего периода жизнедеятельности АДР обуславливали политику внешнего военно-политического давления на нее и ее дипломатического непризнания, "подпитывая" действие таких неблагоприятных для азербайджанской государственности тенденций, как отсутствие стабильности внутри страны, частая смена правительств (в указанный период сменилось 5 правительств), эффективная подрывная роль азербайджанских большевиков, а также турецких коммунистов и националистов, вошедших с ними в тактический союз в последние месяцы существования АДР. Влияние этих факторов было столь сильно, что даже после советизации всего Закавказья Азербайджан еще долгое время сохранял особый статус в региональной и восточной политике Советской России.

Следует также учитывать, что, как уже отмечалось выше, идея независимого Азербайджана была неприемлема не только для большевиков, но и для оппозиционных им российских движений и партий самого широкого политического спектра — Деникина, относившегося к АДР как к "враждебному нам Азербайджану" (46, 258), кадетов, меньшевиков и эсеров. Деникин, в частности, выступал за "единую, великую, неделимую Россию" и допускал в рамках этой формулы лишь "автономию окраин", которая в его шкале приоритетов находилась даже ниже "широкой автономии казачьих войск, оправдываемой историческими заслугами" (там же, 360). Отвечая в своих мемуарах на адресованные ему обвинения в нетерпимом подходе к независимости "окраин", он отмечал, в частности: "Единство России... эту политику считают нетерпимостью. Но разве может жить великая наша страна без Балтийского и Черного морей? Разве может она допустить переход во враждебный стан своих окраин, за которые пролито столько русской крови, и особенно казачьей, вложено столько русского труда и народного достоинства?". "Это не нетерпимость, - утверждал к этому времени уже бывший главком "белых армий", — а соблюдение высших интересов русской державы, и этим не исключается вовсе возможность установления добрососедских отношений" (там же, 358).

Фактическое отрицание за азербайджанцами Закавказья права на самоопределение и создание независимого государства сближало все эти силы с региональными (в России, Грузии, Азербайджане и Турции) и международными армянскими движениями, независимо от их политической ориентации. Стоит выделить также агрессивные устремления собственно Армянской Республики и поддерживаемый ею армянский сепаратизм в карабахском, зангезурском и нахичеванском регионах. Все эти факторы,

безусловно, в совокупности способствовали падению АДР. Показательно, что почти весь период ее жизнедеятельности прошел в условиях военного положения, которое было объявлено по постановлению правительства АДР 19 июня 1918г. и решению Государственного Комитета Оборона 11 июня 1919 г.

Наряду с вышеотмеченным и в контексте рассматриваемой нами темы хотелось бы отметить также другие факторы, которые повлияли на судьбу АДР и в полной мере не были учтены исследователями ее истории.

Прежде всего, следует отметить, что признание АДР де-факто не означало превращения Азербайджана в полноправный субъект международного права, который мог воспользоваться в полном объеме правовой, политической и военной защитой других государств. В отличие от признания де-юре, или полного и окончательного признания, после которого наступало установление дипломатических и иных отношений, подписание двусторонних и международных договоров, признание де-факто носило временный, неполный, ограниченный характер. Поэтому, несмотря на то, что данная форма признания носила официальный характер, она не повлекла за собой установления полноценных дипломатических отношений между ведущими странами Европы и АДР, а символизировала лишь их готовность к взаимодействию и сотрудничеству с действующим, фактически находящимся у власти правительством Азербайджана.

Обычным следствием такого признания было установление торговых, консульских и ограниченных политических отношений, что и произошло в данном случае. Признание де-факто могло — при наличии определенных благоприятных внешних и внутренних предпосылок — стать переходным этапом к признанию де-юре, но реальные условия 1918-1920 гг., в которых развивалась азербайджанская государственность, таких предпосылок не создавала. Большинство стран Европы (Бельгия, Швейцария, Голландия, Финляндия, Польша и др.) открыли в Баку именно консульские миссии. Полноценные дипломатические отношения были установлены гораздо позже лишь с соседней Грузией (военно-оборонительный пакт от 16 июня 1919 г.), которая так же, как и АДР, находилась на положении "промежуточного признания" и была заинтересована в объединении политических, дипломатических и военных усилий с Азербайджаном для противодействия внешней угрозе.

Следует отметить, что даже Турция, несмотря на подписание с правительством АДР Договора о мире и дружбе от 4 июня 1918г., официально не ратифицировала его и до конца сентября не признавала Азербайджан независимым государством. Младотурки рассматривали появление АДР на том этапе как фактор, содействующий реализации их долгосрочной пантурсистской политики. Т.Свиетоховский отмечал в связи с

этим, что "турки рассматривали Восточное Закавказье как часть образовавшейся Туранской империи, в которую, кроме того, должны были войти Северный Кавказ, северная часть Персии и Туркестан" (93, №3, 33). Официальное признание Османской Турцией Азербайджана было утверждено лишь германо-турецким секретным протоколом, подписанным 23 сентября 1918 г. Первый пункт данного протокола предусматривал, что Турция признает Грузию, Армению и Азербайджан, и выводит свои войска из Азербайджана и Армении, а Германия признает только Грузию, но назначает консулов в Армению и Азербайджан (106, 98). Но, несмотря на это, Турция в течение всего срока существования АДР откладывала назначение своего дипломатического представителя в Баку, объясняя это решение отсутствием согласия союзников (23, 169).

Единственной страной, выступившей с полноценным признанием АДР, стала Персия. 20 марта 1920 г. на заключительном заседании азербайджано-персидской конференции, которая проходила в Баку с перерывами с декабря 1919 г. по март 1920 г., и по итогам которой были выработаны и подписаны Договор о дружбе, транзитное и торговое соглашения, консульская и почтово-телеграфная конвенции, глава персидской делегации Таба-Табаи от имени своего правительства объявил о признании АДР де-юре. Но несмотря на созданный персидской дипломатией прецедент, для азербайджанской политической элиты данное событие имело, как признавали ее представители, скорее "моральное значение" — оно не повлияло, да и не могло повлиять на упрочение внешнеполитических позиций азербайджанской власти.

Во-вторых, вышеотмеченное отсутствие полноценной политической и дипломатической поддержки АДР со стороны ведущих держав Антанты, победивших в Первой мировой войне (США, Англии, Франции и Италии), было связано с тем, что в стратегии стран "большой четверки" признание независимости АДР и других национальных республик, созданных на окраинах бывшей Российской империи, рассматривалось в качестве не самостоятельной, а производной от отношений с Советской Россией задачей. Признание независимости АДР находилось в жесткой зависимости от решения т.н. "русского вопроса", под которым Антанта подразумевала успех или провал своей политики реставрации монархического или буржуазно-демократического строя в России.

Уровень политической и дипломатической поддержки независимости Азербайджана был "привязан" к тому, как решалась именно эта стратегическая для Антанты задача. Не случайно поэтому, что даже после признания АДР де-факто представители ведущих союзных держав делали уклончивые, зачастую противоречивые заявления по данному вопросу, рассматривая факт признания как важный элемент своей дипломатической

игры с основными участниками политической борьбы на пространстве бывшей Российской империи (большевики, внутренняя и внешняя оппозиция, образованные на окраинах республики). Руководство АДР они заверяли в неизменности своей политической поддержки, а его противников — в том, что признание получила не сама республика, а ее правительство.

Эта особенность антантовской, и, в частности, британской политики, нашла свое отражение в вышеупомянутых мемуарах Деникина. Бывший главком ВСЮР, допускавший лишь автономию российских "окраин", или, как он называл их, "новообразований", вспоминал в связи с этим: "В виду того, что позиция, занятая конференцией (Парижской мирной конференцией - прим. авт.) по отношению к Азербайджану и Грузии, дала последним повод думать, что речь идет о признании независимости этих новообразований, я заявил протест. Но сегодня получил официальное разъяснение, что державы признали самостоятельность фактических правительств, а не самих окраин" (46, 358). Признание де-факто освобождало европейскую дипломатию от каких-либо обязательств в отношении правительства АДР, что наглядно проявилось во время "смены" демократического строя в Азербайджане большевистско-советским.

Анализ архивных документов позволяет предположить, что между Антантой и российскими антибольшевиками существовало единое понимание того, каким будет будущее место "новообразований" на политической карте мира. Как видно из отчетов А. Топчибашева о встречах в Стамбуле с бывшим министром иностранных дел России С.Сазоновым (1910-1916 гг., позже в Париже представлял интересы Деникина и Колчака), 9 января 1919 г. последний также высказывался в том плане, что независимый статус закавказских республик, в том числе и Азербайджана, неприемлем как для небольшевистской России, так и для ее европейских союзников: "И как только мы избавимся от большевиков, — подчеркивал бывший российский министр в ходе беседы с главой мирной делегации АДР, — мы скажем народам, желающим отделиться от России: а пожалуйста-ка обратно к нам". "На отделение от России Кавказа, - утверждал он, — вряд ли согласятся прежде всего allies. Поверьте, что они раньше нас это скажут вам, грузинам и армянам. В этом их интерес, совпадающий с интересами России и всех народов Кавказа" (98, 104).

Следует отметить, что в аналогичном положении находилась не только АДР, но и другие окраины бывшей Российской империи, например Финляндия. Несмотря на то, что с момента завоевания Россией в 1808-1809 гг. и до провозглашения независимости 6 декабря 1917 г. Финляндия имела особый статус Автономного Великого княжества, то есть автономного государства в составе Российской империи, которое обладало многими элементами реальной государственности (собственное законодательство,

органы местного и регионального управления, национальный парламент, правительство, судебная система и партии, церковь, университет, армия, денежная единица и др.), и была частью европейской цивилизации, зарубежные государства не спешили признавать провозглашенную ею независимость до того, как это сделает Россия. Более того, Великобритания и США сделали это лишь через полтора года после правительства большевиков. Эти факты свидетельствуют о том, что в международных отношениях начала XX века расстояние от признания де-факто до признания де-юре и реальной политической поддержки было велико даже для европейской Финляндии. Ещё более длинным и сложным оказался это путь для Азербайджана, который даже после признания де-факто объективно не мог рассчитывать на дипломатическую и политическую поддержку, не говоря уже о каких-либо гарантиях своей безопасности и военной помощи со стороны европейских стран.

Таким образом, поддержка АДР осуществлялась Антантой лишь постольку, поскольку она отвечала интересам экономической блокады большевистской России, отрыва от нее важных в экономическом и стратегическом отношении областей, сужения сферы ее влияния на европейском и южно-кавказском направлениях, и, в конечном счете, расчленения России как великой державы. И было вполне закономерным, что со сменой приоритетов в отношениях с большевиками в начале 1920 г. у союзных держав пропал интерес к национальным республикам, и в частности, к АДР.

На начальном этапе — в 1918-1919 гг. — ведущие союзные державы были солидарны в необходимости ослабления геополитических позиций Советской России по всему периметру ее границ, рассматривая ее как источник большевистской угрозы цивилизованному Западу. Наиболее активным сторонником формирующейся антироссийской политики Антанты стал Лондон. Именно у него были свои наиболее глубокие причины желать ослабления России — Британия традиционно рассматривала ее как своего геополитического противника по всему периметру евразийского континента и не была заинтересована в возрождении на месте царской России сильного централизованного государства, которое могло бы претендовать на британскую зону интересов на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке и, особенно, в Индии. Как отмечает российский исследователь А. Уткин, "именно в свете этого Лондон признал независимость Финляндии и прибалтийских государств, и именно он стал подталкивать закавказские новоформирования к самоутверждению". Он подчеркивает, что на встрече союзников на Даунинг-стрит 3 декабря 1918 г. министр иностранных дел Бальфур "не пожелал видеть границы России прежними в Финляндии, балканских странах, Закавказье и Туркестане" (103, 348). Что касается

британского военного министра Уинстона Черчилля, то в его подходах антибольшевизм занимал еще большее место. Черчилль считал, что "подчинить своей власти бывшую русскую империю — это не только вопрос военной экспедиции, но и вопрос мировой политики" (99, 182). Ему же принадлежит ставшая крылатой и относившаяся к Советской России фраза о необходимости "задушить коммунизм в колыбели".

В результате именно Лондон стал главным "застрельщиком", своеобразным лидером вооруженного вмешательства на территорию Советской России. По окончании войны с Германией правительством Англии был принят ряд решений, направленных на дальнейшее развертывание ранее начатой интервенции против России (английские войска были направлены в Россию еще весной и летом 1918 года). В частности, было принято решение оказать помощь и поддержку генералу Деникину и адмиралу Колчаку. 30 ноября 1918 года английское правительство сообщило своим представителям в Архангельске и Владивостоке, что намерено проводить в отношении России следующую политику: "Продолжать занимать Мурманск и Архангельск, продолжать сибирскую экспедицию, попытаться убедить чехов остаться в Западной Сибири, занять (с помощью пяти британских бригад) железнодорожную линию Батум-Баку, оказать генералу Деникину в Новороссийске всякую возможную помощь в смысле снабжения всякими военными материалами, снабдить прибалтийские государства военным снаряжением" (там же, 187).

В целом, к марту 1919 г. союзники направили в Россию до миллиона солдат, в том числе 200 тыс. греков, 190 тыс. румын, по 140 тыс. англичан, французов и сербов, 40 тыс. итальянцев (103, 436-437). Но даже в условиях столь сильной и нарастающей вовлеченности в российские дела британский премьер-министр сомневался в эффективности политики вооруженного, силового решения "русского вопроса". В начале 1919 г. Ллойд Джордж, размышляя об оптимальном курсе в отношении Советской России, задавался вопросом о том, насколько "рентабельной" может быть политика интервенции в огромной, трудноконтролируемой России. Отмечая опасную восприимчивость британских рабочих к большевистской агитации, Ллойд Джордж подчеркивал в связи с этим социально-политическую уязвимость своей страны: "Мы индустриальная нация, мы беззащитны перед пожаром. Для взрыва, возможно, нужна только искра" (там же, 351). В расчетах британского политика присутствовали и геополитические соображения: "...если Россия уйдет в степи, кто поставит предел "Дранг нах остен", распространению влияния Германии на Восток, кто сумеет удержать Берлин от доминирования в евразийском пространстве, сдерживать ее на Балканах и Ближнем Востоке? На этапе подготовки Версаля вторая величайшая сила

Запада — Британия старалась настроиться на конструктивный лад" (там же, 351-352).

Что касается США, то они в гораздо большей степени были озабочены продвижением на Парижской конференции своего проекта новой мировой организации — Лиги Наций. По настоянию президента Вильсона, в январе 1919 г. Высший военный совет союзников определил повестку дня для Парижской мирной конференции, в которой отчетливо просматривались приоритеты американской дипломатии: 1) Лига Наций, 2) вопрос репараций, 3) новые государства, 4) территориальные проблемы, 5) колониальные владения. В основе европейской политики Вашингтона на этапе конца 1918 - начала 1920 гг. было стремление создать такую систему равновесия, в которой немцы сдерживали бы англичан и французов, а малые страны Европы — крупные. Только такая система могла обеспечить лидирующее положение США в послевоенном мире, их роль общеевропейского и мирового арбитра. "Поставить разоренную Европу в зависимость от колоссальной экономической мощи США, создать мировую организацию во главе с Соединенными Штатами, закрепить сдвиг в мировой политике, явившийся результатом резкого ослабления Европы в 1914-1918 гг., остановить и заблокировать социальную революцию в Восточной и Центральной Европе и после этого триумфально возвратиться в США, оставляя свое имя на скрижалях истории, а США во главе мира", — такой была философия и политическая линия Вудро Вильсона в Париже (103, 462).

Что касается российского направления американской политики, то она была производной от вышеуказанной линии. Россия становилась элементом европейской системы сдержек и противовесов, контрбалансируя Германию. По этой причине вопрос о новых республиках, провозглашенных на территории бывшей Российской империи, рассматривался не в плане их признания, а в контексте создания противовеса центральной России, подталкивания правительства большевиков к выполнению отведенной ему роли. Не случайно на раннем этапе подготовки к Парижской конференции в утвержденных американским президентом 30 октября 1918г. комментариях к "мирной программе" США ("14 пунктов Вильсона"), ставшей руководством к действию для американских дипломатов, отмечалось, что "сущность русской проблемы, по-видимому, сведется к следующему: 1) признание временных правительств. 2) предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства" (57, т. 1, 98).

Определяющим для российской политики США было также то, что они имели по сравнению с европейскими союзниками относительно небольшие ставки в России — с точки зрения объемов торговли, капиталовложений и интересов безопасности. По мнению американского историка А. Мейера, Россия представляла для Америки сравнительно неболь-

шой интерес: "В свете того, что Америка является преимущественно военно-морской державой, а Россия — континентальная держава, она не представляет для Америки угрозу. В этом смысле главной целью Вашингтона является скорее изгнание Японии из Восточной Сибири, чем создание там зоны американского влияния" (цит. по: 103, 506). Отмечая нерешительность Вильсона в отношении вооруженной интервенции в Россию, А.Мейер подчеркивал, что с поражением Германии и фактическим распадом германского государства эта нерешительность "вела Вильсона к охране скорее существующего положения, чем к немедленному употреблению силы и решительному наступлению" (там же, 507).

В связи с вышеизложенным США не торопились с признанием и политической поддержкой новых независимых республик на территории бывшей Российской империи, в том числе и АДР. Именно на эту позицию США обратил внимание в своих донесениях в Баку из Парижа председатель делегации Азербайджанской Республики на Версальской мирной конференции Али Мардан-бек Топчибашев. Он отмечал, что на состоявшейся 28 мая 1919 г. встрече членов делегации с президентом США Вильсоном последний ясно и недвусмысленно определил позицию своей страны:

1. США не хотят делить мир на мелкие части,
2. для Азербайджана было бы лучше, если бы он проникся идеей образования на Кавказе конфедерации,
3. эта конфедерация могла бы находиться под покровительством какой-нибудь державы по поручению Лиги наций,
4. вопрос о признании АДР не может быть решен раньше русского вопроса (50,61).

Архивные документы подтверждают, что США придерживались этой линии в течение всего периода существования АДР. 13 августа, когда готовилась ознакомительная поездка американского генерала Дж. Харборда в Закавказье, глава делегации США на Парижской конференции обратился к Топчибашеву с просьбой содействовать успеху данной миссии, но при этом особо подчеркивал следующее: "Само собой разумеется, что посылка этой миссии и ее различные официальные действия не должны быть приняты как официальное признание правительством Соединенных Штатов правительства Азербайджана, или какого-нибудь другого правительства, фактически существующего в Азербайджане" (23, 325).

До конца 1919 г. США, как и их европейские союзники, продолжали делать ставку на победу сил антибольшевистской оппозиции, и увязывали судьбу новых республик с итогом большевистско-белогвардейского противостояния. 10 ноября 1919 г. американский конгрессмен Чандлер, информируя А.Топчибашева о позиции госсекретаря США по вопросу о независимости "малых стран", отмечал, что Госдепартамент "не против идеи

конечной независимости малых народностей", но подчеркивал при этом, что "признание в настоящее время невозможно раньше, чем американское правительство не разрешит окончательно вопрос о Лиге народов (наций — прим. авт.) и не даст Колчаку полную возможность доказать то, что [он] может сделать для уничтожения большевизма" (там же, 423).

Однако успехи Красной Армии осенью 1919 г. вели к постепенной смене политических настроений в Вашингтоне и эволюции его подходов к вопросу о признании независимости "малых стран". На эту особенность текущей ситуации указывал и Чандлер. "Кажется, — подчеркивал он в вышеуказанном письме, — в умах сенаторов и чиновников министерства Штатов (видимо, Государственного департамента — прим. авт.) возникает вопрос: что делать после конечного поражения Колчака, Деникина и Юденича. Вопрос не в подчинении большевистскому режиму. Мое мнение таково, что правительство немедленно признает независимость Азербайджана и других малых государств, как только очевидно станет, что Колчак и остальные генералы не смогут победить. Мое мнение, что малым народностям придется подождать еще лишь несколько месяцев признания их независимости" (там же, 424). Забегая вперед отметим, что прогноз американского политика подтвердился в январе 1920 г., когда союзники, обеспокоенные победоносным шествием большевиков по Кавказу, признали независимость АДР и Грузии де-факто.

Представители другой европейской страны — Италии — в беседах с членами делегации АДР на Парижской конференции высказывались даже в том плане, что если "образуется Российская Федеративная Республика (имелась ввиду не большевистская, а буржуазно-демократическая республика — прим. авт.), то, быть может, Кавказская конфедерация войдет в состав русской федерации" (50, 65). В июне 1919 г. в развитие данного подхода при активной инициативной роли Англии союзными державами рассматривался вопрос о признании Колчака в качестве правителя на территории бывшей российской империи, что вызвало ноты протеста со стороны представленных в Париже делегаций Эстонии, Латвии, Грузии, Белоруссии, Украины и Азербайджана.

Франция еще меньше, чем ее союзники, выражала готовность поддержать независимость АДР. Во-первых, в декабре 1917 г. Франция и Британия разделили между собой "сферы ответственности" применительно к территории бывшей Российской империи (Лондон подтвердил действие этого соглашения 13 ноября 1918 г.). В соответствии с этим "разделом" Британия "получала" Северный и Южный Кавказ, а зоной ответственности Франции становилась Украина, Крым и Бессарабия. Кроме того, поддерживая антироссийскую политику своих союзников (США, Англии и Италии), официальный Париж ставил перед собой несколько иные цели. Как страна,

которая понесла наибольший ущерб в войне, в европейских делах Франция была больше обеспокоена нейтрализацией Германии, и по этой причине выступала не столько против России, сколько против ее большевистского правительства как союзника Германии по Брестскому миру. Она была заинтересована в восстановлении в России такого режима, который стал бы противовесом Германии. Но, понимая, что появление в России такого строя не является вопросом ближайшего времени, Париж сделал ставку на Польшу как на свой форпост в Восточной Европе и европейский контрбаланс Германии, и в этом плане склонен был поддержать польские претензии в отношении территорий соседних Литвы и Украины. С другой стороны, в рамках своего стратегического противостояния с Германией Франция была заинтересована в поддержке сепаратизма стран Балтии и Украины, рассматривая независимый статус данных стран как барьер на пути возможного германо-российского сближения и усиления своего рейнского соседа.

Бесспорно, в рамках зарождавшегося — и уже ощущавшегося на парижских мирных переговорах — послевоенного соперничества между Францией и Британией Париж беспокоили попытки Лондона прибрать к рукам нефтяные богатства бакинского региона, которые с учетом доминирования Британии в Персидском заливе могли сделать ее монополистом в области нефтедобычи. Однако данная обеспокоенность не имела серьезных практических последствий для французской политики на южно-кавказском направлении. По этой причине АДР не являлась предметом пристального и заинтересованного внимания французской дипломатии. Красноречивым отражением французской позиции в отношении азербайджанской независимости было то, что делегация АДР, выехавшая из Баку на Парижскую мирную конференцию 4 января 1919 г., более трех месяцев ожидала от МИД Франции получения въездных виз. Лишь 22 апреля азербайджанская делегация получила возможность выехать из Константинополя на случайном итальянском пароходе в Рим, а оттуда в Париж.

Таким образом, несмотря на то, что большевизм по-прежнему рассматривался западными союзниками, и, прежде всего, Британией, имевшей интересы в Персии, Турции, Индии и в регионе Южного Кавказа, как серьезный фактор дестабилизации их региональных позиций, они не торопились связывать себе руки по отношению к будущей России — возможно дружественной Западу — признанием АДР. Подобное развитие событий позволило А. Топчибашеву уже в конце сентября 1919 г. сделать неблагоприятный для руководства Азербайджана вывод: "Союзники не только не ставят на обсуждение вопроса о нашей независимости, но, повидимому, и не хотят это сделать. Правда, при свиданиях и встречах с их

представителями, каждый в отдельности относится благожелательно и высказывает свои симпатии, одобряя, как бы, наши шаги и действия, совершенные в целях получения независимости. То же еще в большей степени приходится слышать от представителей печати, депутатов, экономических и иных организаций. Но в смысле хотя бы некоторого сдвига нашего вопроса в сторону благоприятного разрешения, положение остается почти в том же виде, в каком я писал Вам в июне и июле. Вернее говоря, лейтмотив останется тот же самый, т.е. впредь до разрешения общерусского вопроса, что нам приходится слышать от всех и очень часто". "В таком ответе, — подчеркивал глава делегации АДР, — крылись, без сомнения, планы, задания, мысли и желания союзников, из которых одни (Италия и Франция действительно хотят воссоздания единой России, а другие (Англия и Америка) - показывают вид, что они этого жаждут" (50, 67). По наблюдению Топчибашева, союзные державы продолжали оказывать "усиленную поддержку правительству Колчака и Добровольческой армии всеми видами и всеми способами", и "по мере того, как одерживались "победы" над большевиками, возрастала среди них (союзников) уверенность в воссоздании единой России". "Все, по-видимому, поставлено в зависимость от успехов Армии Колчака, Деникина и Юденича" — делал вывод А. Топчибашев. В качестве подтверждения он сослался на заявление министра иностранных дел Франции Пишона, который заявил, что Франция не признает Азербайджан и Грузию ни юридически, ни фактически (там же, 68).

Разочарование и отчаяние азербайджанских дипломатов по итогам первых месяцев участия в работе Парижской конференции были столь сильными, что они стали "цепляться" за любые политические комбинации, которые вели, по их мнению, к обеспечению безопасности и независимости АДР. В октябре-ноябре 1919 г. они даже стали рассматривать возможность установления политико-экономической связи с соседней Персией, рассчитывая при этом, что помощь, оказываемая Англией Персии по англо-персидскому договору от 9 августа 1919 г., будет автоматически перенесена и на Азербайджан. "В нашем положении, — откровенно подчеркивал в связи с этим Топчибашев для Баку, — мы должны пользоваться всякой возможностью, от которой можем ожидать пользы" (там же, 82-83).

Этот призыв главы азербайджанской мирной делегации был услышан в столице еще не признанного государства, где правящие круги АДР решили взять в свои руки инициативу и использовать конфедеративные акценты в позициях союзных держав с целью стимулировать процесс признания независимости Азербайджана. На втором съезде правящей Азербайджанской демократической партии тюркских федералистов ("Мусават"), проходившем в Баку в декабре 1919 г., был поставлен на обсуждение доклад политической секции партии, в центре которого была идея кавказской конфедерации. По

итогах обсуждения доклада съезд принял следующую резолюцию: "...исходя из действительных интересов, как национальных, так и экономическо-политических, и сознавая, что только путем тесного объединения кавказских республик легче добиться международного признания и гарантии их политических и территориальных целостей - второй съезд партии "Мусават" постановил: признать объединение кавказских республик в свободный союз кавказской конфедерации желательным и призывать всю кавказскую демократию, а также правительства соседних республик способствовать осуществлению этой идеи" (91, 59).

В том же году проект конфедеративного объединения кавказских республик был внесен азербайджанским правительством на армяно-азербайджанскую мирную конференцию в Баку. Несмотря на то, что правительство дашнакской Армении отклонило данную инициативу (идея "кавказской конфедерации" объективно противоречила фактическому союзу Армении с Деникиным и ее заинтересованности в ослаблении позиций Азербайджана и Грузии в их противостоянии с Добровольческой армией), она была частично реализована в 1920 г. в виде оборонительного союза между Грузией и Азербайджаном, при этом за Арменией было сохранено право присоединиться к данному союзу. Одновременно с этим в азербайджанской прессе обсуждался вопрос о кавказской таможенной и железнодорожной конвенции. Наличие необходимого экономического потенциала и, в то же время, более высокая степень уязвимости от угроз со стороны соседних стран заставляли Азербайджан быть активным "пропагандистом" концепции региональной конфедерации. Как признавал позже в парижской эмиграции один из руководителей АДР Маммед-Эмин Расулзаде, не только представители правящей партии, но "почти все течения азербайджанской политической мысли и видные политические деятели с самого начала возникновения Азербайджанской Республики стояли за необходимость единения всех кавказских народов в одно конфедеративное государство", так как, подчеркивал Расул-заде, "общие политические и экономические условия кавказского перешейка повелительно диктуют необходимость такой политической программы" (там же, 60-61).

В конце 1919г., когда в ходе гражданской войны в России произошел перелом и возникла угроза прорыва большевиков через Кавказ в Персию и Турцию, у собравшихся в Париже европейских политиков и дипломатов наступил "прилив" прозакавказских симпатий. Премьер-министр Англии Ллойд Джордж в беседе с главой американской делегации Ф.Полком, состоявшейся в Париже в ноябре 1919 года, заявил, что, по его мнению, "наступило время посмотреть, нельзя ли достигнуть соглашения с советским правительством". При этом, опасаясь, что единая Россия будет угрожать Европе, он отмечал, что "Грузия, Азербайджан, Бессарабия, Украина,

балтийские провинции и Финляндия, а также, возможно, и Сибирь должны быть независимыми" (цит. по 99, 203).

Эти новые настроения в европейской политике стали проявляться и на мирных переговорах в Париже, где решалась судьба АДР. Как писал А. Топчибашев в своем последнем донесении из Парижа, датированном 29 ноября — 2 декабря 1919 г. (более поздние донесения, к сожалению, в архивах не сохранились), "поражение Юденича и Колчака, безотрадное положение Деникина, отказ союзников в оказании им дальнейшей помощи деньгами, провиантом и вооружением, планы Германии к сближению с Россией, стремление Прибалтийских государств заключить мир с большевиками, отрицательное отношение большинства Американского Сената к мирной конференции, и, в частности, к Версальскому миру, — все это, в общей сложности, большой плюс для маленьких народов, их подбадривающий и обнадеживающий" (50, 88).

В целом, в 1919 г. и особенно в начале 1920 гг. — на фоне успехов РККА на фронтах гражданской войны — все союзные лидеры понимали бесперспективность силового подхода к отношениям с Советской Россией. Президент Вильсон еще в феврале 1919г. аргументировал ту точку зрения, что не следует ожесточать большевиков, и что для Советской России тоже можно найти нишу в послевоенном общеевропейском развитии.

Что касается Британии — лидера западного вмешательства в российские дела и ведущего политического игрока в Закавказье, то и ее лидеры (несмотря на воинственный настрой Черчилля) ощущали уже предел силового воздействия на большевиков. В этой стране сложилась такая политическая обстановка, что расширение вооруженной антироссийской интервенции и продолжение экономической блокады могло вызвать серьезные внутривнутриполитические и экономические потрясения. Перед английским правительством со всей остротой вставали более важные внутри - и внешнеполитические проблемы: урегулирование финансового кризиса в стране, борьба с парламентской лейбористской оппозицией, выступавшей против вмешательства Лондона в гражданскую войну в России, бурный подъем стачечного движения на фоне роста влияния профсоюзов, солдатские восстания с требованиями немедленной демобилизации. Не все спокойно было и в странах британской колониальной системы. Национально-освободительное движение охватило в той или иной степени практически все колонии и зависимые от Англии страны, прежде всего Египет и Индию. И, наконец, после окончания первой мировой войны и капитуляции Германии стали обостряться англо-французские противоречия. Франция, оставшаяся после войны с огромной армией, стремилась к лидерству в Европе, с чем не собиралась мириться Англия. Как отмечал в связи с этим советский историк В. Трухановский, "чтобы отстоять свои интересы в предстоящей

дипломатической борьбе с Францией, Англии нужны были все ее наличные силы, и поэтому она не могла отвлекать их в сколько-нибудь значительной степени для борьбы с Советской Россией" (99, 188).

Все эти тенденции отразились и на политике европейских стран в отношении АДР. Наступил этап окончательной переоценки ими своих возможностей по поддержке независимости закавказских республик и сдерживанию необратимого процесса восстановления Москвой контроля за данным регионом. В меморандуме британского внешнеполитического ведомства в середине 1919 г. отмечалось в связи с этим, что "британские интересы были недостаточно сильны для обеспечения более чем недолгого выполнения этой неблагодарной миссии (опеки над закавказским регионом — прим. авт.)" (цит. по 93, №3, 45). В результате британские войска, которые считались гарантом хрупкой независимости АДР, были выведены из Закавказья к концу августа 1919 г. за исключением небольшого гарнизона в Батуми и дипломатической миссии в Баку во главе с Верховным комиссаром в Закавказье О. Уордропом. Как справедливо отмечает в связи с этим Т.Свиетоховский, "период полной независимости, последовавший за выводом британских войск, оказался периодом заката республики и был отмечен отчаянными поисками путей выживания и внутренним расколом" (там же, 60).

Предпринятые в ходе Парижской мирной конференции британской дипломатией шаги по привлечению других союзных держав к стабилизации ситуации в Закавказье успехов не имели. США отказались от идеи заменить Великобританию на посту "опекуна" данного региона и отправлять туда свои войска — в августе 1919 г. американские войска в Европе получили приказ вернуться домой.

Что касается Италии, то ее новый премьер-министр отменил ранее рассматривавшиеся официальным Римом планы приема мандата над территорией, на которые, как он считал, "Россия будет выставлять свои требования" (там же). Позиция Итальянского Королевства по данному вопросу четко и недвусмысленно была изложена 31 июля 1919 г. в телеграмме начальника итальянской военной миссии в Закавказье полковника Габба главе МИД АДР М.Джафарову: "отправка итальянских войск в Закавказье в замену британских войск не будет иметь место". Итальянские приоритеты лежали совсем в другой области. "Правительство Итальянского Королевства, — отмечалось в данном документе, — желает поддерживать дружеские отношения с правительством Вашей республики и способствовать развитию коммерческих, финансовых и промышленных отношений между обеими странами" (23, 302-303). В развитие этого курса в мае 1919 г. Азербайджан посетила итальянская военная миссия, а 22 февраля 1920 г. в Баку прибыла представительная (в составе 33 человек) торговая

делегация Италии во главе с сенатором Конти. Делегация, состоявшая из финансистов и специалистов по различным областям торговли и промышленности, была уполномочена своим правительством достигнуть соглашений с АДР в сферах торговли, промышленности, финансов, а также участия итальянских компаний в улучшении железно-дорожной сети Закавказья.

Влияние вышеотмеченных тенденций привело к тому, что в начале 1920 г. в позиции Антанты по отношению к России наметился раскол, который проявился на т.н. "Второй парижской конференции" Верховного Совета Антанты (январь 1920 г.). На ней столкнулись подходы Парижа, выступавшего за продолжение прежнего курса военной блокады, и Лондона, считавшего бесперспективным политику "санитарного кордона" и призывавшего к переходу к торговым отношениям с Россией. В результате главами правительств Англии, Франции, Бельгии и Италии была выработана компромиссная линия поведения, которая проявилась в следующем: во-первых, де-факто признавалась независимость Грузии и АДР (11 января), и 15 января в здании МИД Франции состоялась церемония официального вручения решения мирной конференции азербайджанской делегации. Во-вторых, 16 января была принята резолюция, разрешавшая обмен товарами между союзными и нейтральными странами и Россией, минуя российское правительство. Несмотря на то, что резолюция содержала оговорку о том, что политика союзных правительств в отношении Советской России остается неизменной, данное решение стало первым шагом на пути снятия блокады.

Некоторое время после признания АДР де-факто страны Антанты продолжали оказывать ей морально-политическую поддержку. Показательным в этом плане является отправленная 28 января членом Реввоенсовета XI-ой армии Кировым Чичерину телеграмма, в которой Киров, со ссылкой на Кавказский краевой комитет сообщает, что "в связи с разгромом Деникина и нашими нотами Азербайджану и Грузии Антанта, боясь возможного союза Азербайджана с Совет[ской]россией, повела энергичную работу с целью двинуть против Совет[ской]россии Азербайджан, предлагая ему деньги, оружие и прочее". "Одновременно, — подчеркивал автор, — Антанта ведет такую же работу в Турции, восстанавливая ее против нас, обещая всяческую поддержку, вплоть до возвращения отобранных у нас областей" (16, оп.4, д.38, лл. 1-3). Данный документ является важным источником, подтверждающим наличие у европейских стран реальных опасений в связи с тем, что АДР не выдержит военно-политического и дипломатического давления со стороны Москвы и вынуждена будет пойти на сближение с "Советроссией".

Однако поддержка АДР европейскими странами (даже в такой ограниченной форме) не превратилась в устойчивую тенденцию и вскоре, в

феврале-апреле 1920 г., сменилась на пассивное ожидание неизбежного, по мнению западных политиков и дипломатов, заката азербайджанской независимости. Оценивая данную ситуацию, азербайджанские власти предпринимали значительные усилия для обеспечения более высокого уровня поддержки независимости республики. В конце марта 1920 г. азербайджанская делегация во главе с Топчибашевым выехала из Парижа в Лондон с тем, чтобы ходатайствовать перед союзными державами о повышении уровня признания АДР с "де-факто" до "де-юре".

В это же время министр иностранных дел Азербайджана Ф. Хойский направил представителям великих держав развернутый меморандум, в котором, по сути, призвал их не останавливаться на акте от 11 января 1920 г. "Все труды и жертвы азербайджанского народа могут оказаться бесплодными, — подчеркивал глава МИД, — если своевременно не будут приняты необходимые меры к обеспечению его свободного и независимого существования". В связи с этим он призвал союзные страны к оказанию дальнейшей морально-политической поддержки независимости АДР, указал на конкретные потребности республики в помощи извне в военно-стратегической, финансовой, экономической и продовольственной областях (23, 598-603). Обосновывая свой призыв, Хойский обращал внимание европейских правительств на опасность текущего политического момента: "... гражданская война в России достигла своего апогея, и она со всеми своими ужасами докатилась почти до границ Азербайджанской Республики; как ни противоречивы идеологии обеих борющихся в России сил, но в отношении самоопределившихся народов Кавказа они в одинаковой мере недоброжелательны, поэтому азербайджанский народ в очень скором времени может оказаться лицом к лицу с грозной опасностью, надвигающейся на него с севера" (там же, 599).

Однако призывы властей АДР не могли повлиять на позицию ведущих европейских держав и на приоритеты их "российской политики". В результате, реакция европейской дипломатии на вторжение Красной Армии в Азербайджан и военный переворот в республике оказалась более чем сдержанной. Показательной в этом плане является позиция Великобритании — наиболее активного и заинтересованного участника "большой закавказской игры", отраженная в ноте ее министра иностранных дел Дж. Керзона главе российского НКВД Чичерину от 4 мая 1920 г. В этом документе отчетливо видно, что в центре внимания Лондона в этот период была не судьба АДР и не реакция на начавшуюся большевизацию Азербайджана, а "южно-русский" вопрос. "В моей радиотелеграмме по вопросу о Южной России от 11 апреля я говорил, — указывал британский мининдел, — о прекращении враждебных действий и о примирительной политике по отношению к южнорусским войскам, между тем, как Ваш

последний ответ требует, по-видимому, беспрекословной сдачи, гарантируя лишь сохранение жизни и разрешение наиболее выдающимся вождям покинуть страну. Это далеко не то, о чем Вы говорили". "Эти вопросы, — подчеркивал Керзон, напоминая Чичерину о заинтересованности НКВД в возобновлении переговоров между Великобританией и Советской Россией о политическом признании и экономическом сотрудничестве, — могут послужить предметом обсуждения между нами лишь после полного прекращения враждебных действий как в Крыму, так и на границах кавказских государств, где ваши войска ведут борьбу с британскими войсками или же с друзьями Великобритании". "В ответ на Ваш запрос о наших дальнейших условиях я заявляю, что переговоры эти обречены на неудачу как в Европе, так и в Азии до тех пор, пока продолжают открытые враждебные действия между советскими войсками и теми, кого мы фактически защищаем нашим оружием и в политической независимости которых мы сильно заинтересованы, — подчеркивал глава британской дипломатии, так и не прояснив, даже в таком беспрецедентном по своей смелости и открытости дипломатическом документе, в чьей политической независимости Лондон был так заинтересован. — Единственным средством для успешного восстановления мира является гарантия отказа от дальнейших нападений. Если эта гарантия будет дана и нами принята, то будет выполнено первое из необходимых условий, и переговоры могут продолжаться в дружественном духе" (там же, 597-598).

Более полное представление о том, кого Керзон считал "друзьями Великобритании" и в чьей политической независимости Лондон был "сильно заинтересован", можно получить, поместив данную ноту в общий контекст развития англо-российских отношений в этот период. Как уже отмечалось выше, 16 января 1920 г. Верховный совет союзников принял по предложению Ллойд-Джорджа резолюцию о снятии экономической блокады Советской России, которая, в частности, постановляла "разрешить обмен товарами на основе взаимности между русским народом и союзными и нейтральными странами" и дать для этой цели "некоторое облегчение русским кооперативным организациям" (цит. по: 48, т.3, 449). Данное решение, означавшее восстановление торговых отношений с Россией, минуя советское правительство, открыло возможность для приезда в Лондон делегации Центросоюза (Всероссийского центрального совета потребительских обществ), которая должна была вступить в торговые отношения с кооперативными и частными фирмами Запада. Кстати, именно с деятельностью Центросоюза была связана, как уже отмечалось выше, попытка восстановления торговых отношений между Россией и Азербайджаном в апреле 1920 г.

Несмотря на возражения ряда влиятельных членов британского кабинета во главе с Черчиллем (переговоры между Лондоном и Москвой по этому вопросу продолжались в течение апреля-мая, и именно к этому периоду относится вышеуказанная нота Керзона Чичерину), Ллойд-Джордж вынужден был дать согласие на приезд российской делегации. После поражения "белых армий" очевидным стал провал попыток силового и экономического удушения большевиков, и, соответственно, возникла необходимость установления какой-то формы диалога с большевистской Москвой. Кроме того, велика была потребность Англии в российском промышленном сырье и продовольствии, и, наконец, сильно было давление британских тред-юнионов и рабочих организаций, выступавших за сближение с Советской Россией. Англия, кстати, не была одинока в своем стремлении открыть канал диалога с Москвой. На Булонской конференции союзников (совещание Верховного совета Антанты, проходившее 21-22 июня 1920 г. во французском городе Булонь-сюр-Мэр) Италия, Япония и Бельгия поддержали предложение Англии продолжить начавшиеся в Лондоне переговоры с советской делегацией (48, т. 1, 226).

Миссия Центросоюза, в состав которой входили Красин, Ногин и Литвинов, прибыла в Лондон 27 мая. Британское правительство понимало, что неправительственный статус российской делегации носил формальный характер, так как её возглавлял Красин — нарком торговли и промышленности. Естественно, что торговые переговоры с ним сразу же приняли характер общеполитических межправительственных дискуссий, а сама миссия Центросоюза скоро стала именоваться "русской торговой делегацией". Именно в ходе этих майских переговоров Ллойд-Джордж сформулировал основные политические требования Лондона к Москве: отказ от поддержки враждебных Англии выступлений в Малой Азии, Иране, Афганистане, Индии и Грузии, прекращение поддержки кемалистов в Турции, обязательство не нападать на прибалтийские государства, не начинать военных действий на Черном море против Врангеля и на Каспийском море против Персии (там же, т.3, 221). Азербайджан, как видно, не входил в список приоритетов британской дипломатии, которая стремилась оттеснить Россию от стратегической линии, соединяющей Балтийское море, Польшу и Черноморский регион, а также не пустить ее в зону своего традиционного влияния — на Ближний и Средний Восток, а также в Индию.

В дальнейшем, по мере успехов большевиков в гражданской войне, в европейских столицах росло осознание бесперспективности попыток их свержения. На заседании английского кабинета 17 ноября 1920 г., где было принято окончательное решение о заключении торгового договора с Советской Россией, премьер-министр Ллойд-Джордж в полемике с противниками соглашения фактически подвел итог политике вооруженной

интервенции и гражданской войне в России: "Я уже не раз слышал предсказания о падении Советского правительства за последние два года. Деникин, Юденич, Врангель — все потерпели крах, и я не вижу ближайшей перспективы падения Советского правительства" (цит. по 57, т.1, 127). К моменту завершения переговоров и подписания (16 марта 1921г.) советско-английского соглашения, Лондон обязался воздерживаться от враждебных действий и пропаганды в странах, которые ранее составляли часть Российской империи, а Москва — от аналогичных действий в Индии и Афганистане.

В конечном итоге, как справедливо заметил профессор Вл.Сироткин, один из ведущих российских специалистов по истории российско-европейских отношений, к 1923 г. ""капиталистическое окружение" признало власть большевиков над народами бывшей Российской империи, и, получив "отступные" в виде "санитарного кордона" бывших западных царских окраин (Финляндия, балтийские государства, "русская" Польша, Бессарабия — Румыния), геополитически признало ново-старые царско-большевистские государственные границы над всем евразийским пространством России-СССР по состоянию на 1 августа 1914 г." (94, 125).

В-третьих, важнейшим фактором падения АДР и оккупации Азербайджана стала близость стратегических устремлений кемалистской Турции и Советской России в данном регионе, основанная на заинтересованности обоих режимов во взаимной поддержке друг друга. После поражения Султанской Турции в первой мировой войне и подписания 30 октября 1918 г. Мудросского соглашения о перемирии, которое не только ознаменовало конец существования Османской империи, но и заложило основы расчленения Турции, в стране резко активизировалось национальное движение. Начавшаяся 15 мая 1919 г. при поддержке английских, французских и американских кораблей греческая интервенция привела в движение национальную буржуазию, патриотично настроенных офицеров и госслужащих. С 4 по 12 сентября 1919 года в Сивасе проходил Всетурецкий конгресс обществ защиты прав Анатолии и Румелии, где была выработана программа освободительного движения и избран Представительный комитет (Комитет) под председательством Мустафы Кемалья. Приблизительно на этом этапе Мустафа Кемаль установил через своего эмиссара в Закавказье Фуада Сабита контакты с бакинским большевистским подпольем. К декабрю 1919 г. другой канал связи между Турцией и большевиками был установлен бывшим командующим Восточной группой турецких войск Халил-пашой. При этом и тот, и другой параллельно поддерживали связь с правительством АДР.

Основной задачей этих контактов была организация военной помощи кемалистам в Турции со стороны России, обеспечение стратегического коридора для связи Анатолии с Россией через Азербайджан. 28 января 1920 г.

созванная в Стамбуле палата депутатов, состоявшая главным образом из сторонников освободительного движения, приняла "Национальный Пакт", провозгласивший право Турции на независимость и целостность в границах, существовавших к моменту подписания Мудросского перемирия. В ответ на это 16 марта 1920 г. союзные войска ввели в Стамбуле военное положение, разогнали палату депутатов. В результате Комитет, взявший на себя функции временного правительства, объявил о созыве в Анкаре нового меджлиса, облеченного чрезвычайными полномочиями. Новый Меджлис, получивший название Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ), открылся 23 апреля 1920 г. Он декларировал независимость Турции и провозгласил себя единственной законной властью; было образовано правительство во главе с М. Кемалем. С момента создания ВНСТ его руководство взяло последовательный курс на сотрудничество с Советской Россией, которая становилась единственным источником военно-технической, финансово-материальной и политической поддержки кемалистов. В поддержке ВНСТ была заинтересована и сама Россия. Не сумев "экспортировать" мировую революцию на Запад, большевики сделали ставку на распространение своего влияния на Восток, прежде всего в Турцию и Иран.

Общность целей в упрочении своих региональных позиций и взаимная заинтересованность в поддержке друг друга привели к тому, что в Азербайджане и Москва, и Ангора (ныне Анкара) заговорили на одном "геополитическом языке" и уже не нуждались в услугах "азербайджанских переводчиков". Убедительные аргументы о подлинной роли турецкого фактора в организации большевистского переворота в Азербайджане в марте-апреле 1920 г. приводит Т.Свиетоховский. "В эти неистовые весенние дни, — отмечает он, — находившиеся в Баку турки-кемалисты, стремясь повернуть события в пользу анкарского правительства, вмешались в происходившее. В начале апреля они собрались для координации действий своих групп. Некоторые из участников собрания до этого работали совместно с азербайджанскими коммунистами и были в числе организаторов Турецкой коммунистической партии в Баку в марте. Координирующий центр, в который вошли Халил-паша и Фуат Сабит, принял резолюцию, определившую политику Турции по отношению к азербайджанскому кризису. Ее тремя основными пунктами были:

- 1) скорейшее свержение теперешнего, пробританского правительства Азербайджана и его замена правительством, способным сотрудничать с большевиками,

- 2) создание комитета для осуществления изменений в правительстве, в которое войдут большевики с подразделениями по руководству пропагандой, печатью, издательской деятельностью и военными действиями,

3) оккупация Баку Красной Армией только по просьбе Турецкой коммунистической партии — по мнению комитета, которое разделяют Турецкая и Азербайджанская коммунистические партии, завоевание Азербайджана необходимо избежать" (93, №3, 54).

Данная резолюция была вручена командующему турецкими войсками на восточно-анатолийском фронте Казыму Карабекиру, рекомендации которого, в свою очередь, легли в основу знаменитого письма Мустафы Кемалья Ленину от 26 апреля (цитируется ниже). Таким образом, установление безусловного контроля над закавказским регионом было необходимо обеим региональным державам для обеспечения канала военно-технической поддержки российскими большевиками правительства Мустафы Кемалья. В этом контексте возрастала роль Азербайджана не только как коридора, который мог бы соединить Турцию и Россию, но и как сырьевой базы подпитки процесса перспективной большевизации Турции, тем более, что в Турции к этому времени активизировалась большевистская пропаганда, была легализована Турецкая компартия (Мустафа Кемаль вынужден был пойти на эти противоречащие идеологии и практике кемалистов и, как потом оказалось, временные меры, чтобы завоевать симпатии российских большевиков).

О значимости азербайджанского фактора в российско-турецких отношениях говорит уже то, что первым внешнеполитическим актом ВНСТ было обращение к Азербайджану. В день открытия ВНСТ и за пять дней до захвата Баку — 23 апреля 1920 г. — Мустафа Кемаль потребовал от Азербайджана "пропуска советских войск к границам Турции для обороны их от английских нападений" (цит. по: 74, 368). В это же время один из видных кемалистов и эмиссар Мустафы Кемалья в Баку Халил-паша пытался убедить руководство АДР, что у него нет оснований опасаться прихода сил Красной Армии, которые, как он утверждал, "всего лишь проходят через территорию Азербайджана на пути к Анатолии, где они вступят в турецкую освободительную войну" (цит. по: 93, №3, 54). Халил, как отмечает Свиегоховский, "даже представлял доказательства добрых намерений русских, говоря, что он вскоре примет на себя командование Одиннадцатой армией" (там же).

Несколько дней спустя — 26 апреля — М. Кемаль отправил Советскому правительству послание, в котором была изложена стратегическая линия молодого турецкого правительства в отношении России и трех закавказских республик. Взяв на себя обязательство "соединить всю свою работу и все военные операции с российскими большевиками, имеющими целью борьбу с империалистическими правительствами", он в данном послании четко и недвусмысленно обозначил основную линию региональной стратегии Анкары — отказ от расширения сферы ее влияния на

регион Южного Кавказа и признание его зоной доминирования России в обмен на политическую, военно-техническую и материальную поддержку Москвы. "Если Советские силы предполагают открыть военные операции против Грузии или дипломатическим путем, посредством своего влияния заставить Грузию войти в союз и предпринять изгнание англичан с территории Кавказа, Турецкое правительство берет на себя военные операции против империалистической Армении и **обязывается заставить Азербайджанскую Республику войти в круг Советских государств**", — обещал турецкий лидер, определяя далее в своем послании "цену" за предлагаемые "услуги". — Чтобы, во-первых, изгнать империалистические силы, которые занимают нашу территорию, населенную нашим народом, и, во-вторых, чтобы укрепить нашу внутреннюю силу для продолжения нашей общей борьбы против империализма, мы просим Советскую Россию в виде первой помощи дать нам пять миллионов турецких лир золотом, оружие и боевые припасы в количестве, которое должно выясниться при переговорах, и, кроме того, некоторые военно-технические средства и санитарный материал, а также продовольствие для наших войск, которые — согласно требованию Советской власти — должны будут оперировать на Востоке" (выделено нами — прим. авт., 1, оп.51, п. 321а, д.54868, л.1).

В результате именно Турция оказала самую активную поддержку Советской России в оккупации Баку в кратчайший срок, что позже подтвердили сами турецкие лидеры. "При нашем влиятельном содействии и помощи эти армии (имелись ввиду X-я и XI-я армии — прим. авт.), — отмечал Мустафа Кемаль на заседании меджлиса ВНСТ 14 августа 1920 г., — легко прошли Северный Кавказ и вступили в Азербайджан. Азербайджанцы встретили прибывшие войска с полным спокойствием. Советские армии приняли необходимые военно-стратегические меры на границах Армении и Грузии и вместе с этим приступили к установлению непосредственной связи с нами" (цит. по 74, 368).

О пророссийской, пробольшевистской позиции Турции в этот период свидетельствовали позже и представители Советского Азербайджана. В письме первого полномочного представителя Советского Азербайджана в РСФСР Бехбуда Шахтахтинского (от 20 сентября 1920 г.) замнаркоминдел Льву Карахану содержалось признание того факта, что "турки до переворота в Азербайджане всячески настаивали на его союзе с Россией и много способствовали совершению там переворота" (1, оп.51, п.321а, д.54859, л.7об).

Важно отметить, что двойственный характер турецкого присутствия в Азербайджане, который в итоге стал фактором обеспечения успеха переворота в республике, наблюдался с первых дней ее независимого развития. 23 августа глава правительства АДР Ф.Хойский в своей

инструкции председателю азербайджанской делегации в Стамбуле М.Э.Расулзаде (который с июня по сентябрь 1918 г. фактически выполнял функции дипломатического представителя АДР в Турции) отмечал, характеризуя роль турков в Баку, что "политика Нури-паши все больше и больше клонится к вмешательству в наши внутренние дела", и призывал в связи с этим "осторожно выяснить политику Стамбула и принять должные меры к охране нашей самостоятельности". Аналогичный призыв был сделан в письме Хойского от 31 августа: "Самое главное — надо окончательно выяснить наши взаимоотношения с Турцией, а то получается совершенно губящее всякое дело и управление двоевластие и многовластие. Я полагал бы, что все управление должно быть сосредоточено в руках азербайджанского правительства, а турецкие воинские части все свои желания и требования должны обратиться к правительству и через него проводить, а не вмешиваться непосредственно в дела управления, как это происходит сейчас" (23, 54-55).

Вопрос о турецком вмешательстве премьер-министр АДР затронул и в своем выступлении 7 декабря 1918 г. на открытии азербайджанского парламента, заявив, что "турецкое командование, вступая в пределы нашей территории по нашему приглашению для защиты наших границ, для подавления внутренней анархии, силой обстоятельств вмешивалось в наши внутренние дела". "Мы, — отметил далее премьер, — с одной стороны, желая сохранить суверенность прав, а с другой, нуждаясь в услугах турецкого командования, должны были умело лавировать, так, чтобы оградить себя от внешнего вмешательства и не обидеть тех, которые ценой крупных жертв спасали наше физическое существование" (24, 33-34).

На противоречивый характер азербайджано-турецкого союза указывает и Т.Свиетоховский, подчеркивая, что "пантюркизм как идеология, в значительной степени способствовал росту национального самосознания, и азербайджанцы все больше осознавали свою принадлежность к тюркским народам, но протурецкая ориентация не совсем сочеталась со стремлением (лидеров АДР — прим. авт.) самостоятельно управлять делами своей страны" (93, №3, 60). Уместно в связи с этим привести тезис известного своими симпатиями к Турции лидера парламентской фракции "Мусават" Расулзаде, которым он в своем выступлении в парламенте 5 февраля 1919 г. четко определил границы терпимости властей АДР по отношению к "турецкому фактору": "Мы знали, что наш народ имеет одни привычки — особый уклад жизни, а турки — другой. И если бы Константинополь хотел управлять Баку, то Баку пошел бы против Константинополя" (24, 165).

По мере приближения срока ухода турецких войск из Азербайджана (17 ноября 1918г.) это стремление лидеров АДР к самостоятельности, к национальной азербайджанской ориентации становилось все более заметным.

Символичным в этом плане стало принятие правительством республики 9 ноября 1918 г. постановления о замене прежнего государственного флага (21 июня был принят почти идентичный турецкому флаг Азербайджана — белый полумесяц и белая восьмигранная звезда на красном фоне) на новый национальный флаг, состоявший теперь из зеленого, красного и голубого цветов с белым полумесяцем и восьмигранной звездой.

Стремление к освобождению от "турецкого наследия" стало проявляться во всех сферах жизнедеятельности республики, особенно в области военной политики. 25 декабря 1918г. Самед-бек Мехмандаров в своем обращении к гражданам страны в связи с назначением на пост военного министра подверг открытой критике политику турецких представителей в области военного строительства в АДР. "Теперь выяснилось, — заявил он, — что турецкие власти, к сожалению, допустили массу неправильностей и ошибок. Так, при наборе солдат брали только бедных, дети же богатых дворян и купцов ими освобождались от воинской повинности. Принятые же в солдаты турецкими начальниками плохо одевались или, лучше сказать, совсем не одевались; кормили их плохо, и часто азербайджанские солдаты, которые служили совместно с турецкими, получали довольствия гораздо меньше и худшего качества, чем их товарищи — турецкие аскеры" (22, 45).

5 февраля 1919г. Мехмандаров издал приказ об отмене установленного турецкими властями для Азербайджана закона о воинской повинности как "несовершенного и несоответствующего духу местного населения". Вместо него временно, до выработки правительством АДР нового закона о всеобщей воинской повинности, было введено в действие соответствующее законодательство царской России. 25 февраля при обсуждении в парламенте структуры и штатов военного министерства он вновь дал негативную оценку отношению турецких военных представителей к азербайджанской армии, отметив при этом: "Никто, конечно, не оспаривает заслуг турок в деле спасения жизни нашего народа, но это не мешает нам относиться критически к их действиям" (там же, 76). Примерно в том же духе высказывался и Расулзаде. В ходе парламентской дискуссии о роли турецкой армии в создании независимой АДР он отметил, что "память о турках в наших сердцах останется такая же, какая осталась в Болгарии о русских героях, пришедших туда для ее освобождения", и что "в ознаменование этой памяти мы должны везде поставить высокие памятники", но добавил при этом, что "это не означает, что критиковать их нельзя" (24, 180).

В целом, применительно к азербайджанской независимости турецкий фактор сыграл неоднозначную роль. Ни младотурки, возглавляемые Нури-пашой, ни кемалисты в лице эмиссаров М.Кемаля в Азербайджане, не говоря уже о турецких коммунистах, которые чувствовали себя в Баку более

комфортно, чем в родной Турции, не были заинтересованы в развитии Азербайджана как подлинно независимого государства. Самостоятельная позиция и прозападная ориентация АДР воспринималась всеми политическими силами Турции как потенциальная угроза интересам Турции. При этом для кемалистов независимая АДР была "барьером" на жизненно важном пути связи и сближения с Москвой, а для младотурков — препятствием на пути распространения в перспективе турецкого влияния на кавказский и центрально-азиатский регионы.

В результате, с самого начала существования "Первой Республики" турки, выполняя объективно прогрессивную миссию по военной и политической поддержке молодого азербайджанского государства и обеспечение безопасности его границ, преследовали в Азербайджане собственные стратегические цели. Это проявилось, в частности, в поддержке турецкими эмиссарами в Баку пантюркистских, и даже панисламистских сил в руководстве АДР, которые они рассматривали в качестве противовеса азербайджанским национально-демократическим силам, сторонников независимой (насколько это было возможно в тех условиях) внутри- и внешнеполитической ориентации в правительстве "Первой Республики".

А в первые месяцы 1920 г. открытая поддержка оказывалась ими уже и большевистским элементам в правительстве АДР, с которыми Анкара связывала свои планы по превращению Азербайджана в "страну-коридор". Логический финал в развитии этой тенденции наступил весной 1920 г., когда турецкие националисты и коммунисты объединили свои усилия и стали оказывать открытую поддержку в реализации планов Москвы и бакинских большевиков по захвату власти в Баку и других регионах АДР. Маятник прагматичной внешней политики Турции, которая в середине 1918 г. спасла азербайджанский народ от геноцида со стороны дашнакско-большевистского альянса и поддержала усилия азербайджанских патриотических сил по созданию независимой АДР, весной 1920 качнулся в противоположную сторону. В результате турецкий фактор сыграл важнейшую вспомогательную роль в процессе оккупации и последующей советизации Азербайджана.

В-четвертых, оккупация Азербайджана обуславливалась, как будет показано ниже, необходимостью решения целого ряда важных задач на персидском направлении, которые объективно вытекали из возрождения традиционной восточной ориентации российской геополитики.

Как известно, в начале XX-го века в связи с завершением раздела мира колониальными державами, а также с усилившимися российско-британскими противоречиями в данном регионе возникла необходимость официального раздела Персии. Инициатором этого выступила Великобритания, которая в 1903 г. предложила Российской империи преобладание на севере и свободу торговли на юге Ирана, оставив за собой Юго-Восточный Иран и свободу

экономической деятельности на каспийском побережье. В 1907 г. Россия, ослабленная поражением в русско-японской войне и русской революцией, согласилась с этой схемой раздела сфер влияния и в соответствии с заключенной 31 августа 1907 г. русско-английской конвенцией "по делам Персии, Афганистана и Тибета" Персия была разделена на три зоны: северную — зону влияния России, которая включала территории, находившиеся к северу от линии Касре-Ширин — Исфаган — Йезд — Зульфугар, юго-восточную (зона влияния Великобритании) и центральную (нейтральная зона). В 1915 г. был заключен новый договор между двумя странами, который подтверждал договор 1907 г. и, кроме того, производил раздел также и нейтральной зоны. К 1917 г. Персия была полностью оккупирована русскими и британскими войсками, но уже весной 1917 г. правительство Керенского приказало русским войскам покинуть эту страну, хотя и не аннулировало договоры 1905 и 1915 гг. (80).

В октябре 1917 г. пришедшие к власти большевики отменили все "неравноправные договора" "Декретом о мире" и в развитие этого Декрета приняли 5 декабря обращение "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока", в котором провозглашалось, что договор о разделе Персии "порван и уничтожен", и что по завершении военных действий войска будут выведены из Персии. Вывод русских войск продолжался из Ирана до 23 марта 1918 г., и их позиции тут же занимали английские войска. Как отмечает в связи с этим один из ведущих российских иранистов Салех Алиев, "воспользовавшись уходом русских войск, правительство Великобритании расширило свое военное присутствие в Иране", "распространило британское влияние на Северный Иран и использовало его территорию в качестве плацдарма для вооруженной интервенции в Закавказье и район Закаспия" (27, 93).

Лондон попытался легитимизировать свою политическую гегемонию в этой стране, подписав 9 августа 1919 г. соответствующий договор с иранским правительством, но он не был ратифицирован иранским меджлисом. На этот раз из Москвы поступила жесткая реакция на данный договор — 28 августа Чичерин заявил о его неприемлемости для России, и 30 августа в своем специальном обращении "К рабочим и крестьянам Персии" правительство РСФСР оценило данный договор как кабальный и заявило о том, что "не признает англоперсидского договора, осуществляющего это порабощение". В целом, Советская Россия продемонстрировала нежелание окончательно терять свои позиции в Иране, тем более, что перспективы революции на Западе отодвигались на неопределенный срок.

В этих условиях в российском руководстве началась переоценка перспектив мировой революции на Востоке, которые теперь выглядели более обнадеживающими, учитывая наличие подготовленных революционных

иранских организаций, прежде всего партии "Адалят" (позднее компартии Ирана), сформированной на бакинских нефтепромыслах. Стала формироваться политическая линия на вытеснение британских войск из Южного Азербайджана, оказание помощи персидским антиправительственным силам в рамках доктрины продвижения советской власти в Персии, за которой открывались горизонты Аравийского моря, Индийского океана, перспективы выхода к Индии, о чем так мечтали Троцкий и другие вожди большевиков.

Кроме того, перед большевиками стояли задачи ликвидации "белогвардейского флота" в Каспийском море и возвращения русских кораблей, уведенных белогвардейцами в иранский порт Энзели. В целом же, речь шла о возрождении традиционного российского влияния в этом регионе, которое формировалось на протяжении всего XIX и начала XX веков, и роль Баку и Азербайджана в этих планах была незаменимой.

В-пятых, немаловажным фактором, ускорившим падение АДР, стали и собственные ошибки ее руководителей при формировании внешнеполитической стратегии молодой республики на советско-российском направлении. В частности, азербайджанская дипломатия не смогла, как нам представляется, правильно определить место Советской России в послевоенной европейской ситуации, ее роль в системе внешнеполитических приоритетов молодой республики, а также расстановку сил внутри большевистского лагеря в отношении признания АДР. Все это помешало выработке гибкой и эффективной тактики поведения азербайджанского правительства и МИД на российском направлении. Несмотря на очевидные мотивы в пользу более реалистичного, взвешенного учета советско-российского фактора во внешней политике АДР, в ней отчетливо просматривалась его недооценка, тактически (с точки зрения экономической, военной и политической уязвимости АДР) и стратегически (с точки зрения ее долгосрочных интересов) необоснованное стремление лидеров молодой республики строить отношения с Россией как с партнером "равной весовой категории".

Бескомпромиссная тактика главы МИД Азербайджана, исходившего в своей политике по отношению к России из принципа полной симметрии и равенства, не соответствовала реальному "политическому весу" АДР и ее возможностям противостоять политике большевиков, которая изначально базировалась на принципе гегемонии России в регионе и зависимого, подчиненного положения Азербайджана. Закономерно поэтому, что власти АДР, прежде всего ее МИД, не смогли даже начать переговорный процесс с российскими представителями по вопросу о признании. Данное признание не могло, конечно, сыграть определяющую роль в судьбе АДР — возможно, оно несколько продлило бы независимый, досоветский период в истории

азербайджанской государственности. Но с точки зрения анализа дипломатических и политических ошибок АДР в отношениях с ее северным соседом этот урок, преподнесенный историей, заслуживает внимания.

Азербайджанский МИД не смог найти отвечающий интересам безопасности молодой республики ответ на предложения Москвы о совместных действиях против Добровольческой армии Деникина. "Деникинский вопрос", который руководство Советской России "выставило" для прикрытия своего нежелания обсуждать вопрос о дипломатическом признании АДР, а также в целях подготовки вооруженного вторжения в Азербайджан, стал непреодолимым "барьером" для Баку. Следует, правда, признать, что азербайджанское руководство не обладало полной "свободой рук" в определении своей политики на российском направлении. По утверждению профессора Бондаревского Г.Л., изучавшего историю региона на основе документов лондонских архивов, "англичане оказали решающее влияние на позицию правительства Азербайджана в связи с предложением российского правительства присоединиться к наступлению большевиков на Добровольческую армию". По его утверждению, представитель Великобритании в Баку подполковник С.Стоукс 15 января 1920 г. доложил О.Уордропу (в сентябре 1920 г. Стоукс был назначен Верховным комиссаром в Закавказье вместо Уордропа — прим. авт.), а последний, в свою очередь, проинформировал лорда Керзона о внесенных Стоуксом изменениях в текст ответа Азербайджана на телеграмму из Москвы. По мнению Стоукса, "было нежелательно, чтобы азербайджанское правительство вступило в переговоры с Россией" (33,15).

Но даже с учетом того, что руководству АДР приходилось действовать в тяжелейших внутри- и внешнеполитических условиях, при постоянном давлении со стороны представителей Лондона в Закавказье и при провоцирующей активности деникинцев в Баку, все же отметим, что позиция правительства и МИД "Первой Республики" в этом вопросе была неоправданно прямолинейной и бескомпромиссной. Отказываясь даже обсуждать с Москвой вопрос о совместных акциях против Деникина, которые объективно отвечали интересам страны (Деникин угрожал безопасности АДР и на суше, и на море), Баку упустил возможность ослабить — пусть и временно — позиции большевистских "ястребов" (Ленин, Троцкий, Сталин, Орджоникидзе и др.) в советском руководстве, ратовавших за военно-силовое решение азербайджанского вопроса, и укрепить позиции более умеренного российского НКВД, допускавшего по тактическим соображениям (особенно после признания АДР де-факто), как отмечалось выше, возможность переговоров и признания Азербайджана.

Не в последнюю очередь такая позиция руководства республики объяснялась и тем, что у отдельных его представителей сильны были

ожидания и настроения в пользу поражения большевиков. Вышеотмеченное давление британских эмиссаров падало на благоприятную почву недоверия (зачастую обоснованного) не только радикально настроенных, но и умеренных лидеров АДР к большевизму, большевикам и их политике, самой возможности долгосрочного сотрудничества с ними. Объясняя в своем донесении в Баку в сентябре 1919 г. причины сдержанности союзных держав в вопросе признания АДР, глава азербайджанской делегации Топчибашев подчеркивал, в частности, что "такое положение, пока, к сожалению, есть результат если не общего решения, то плана действий до выяснения положения дел в России, вернее, до слобления сил большевиков". И далее высказал мысль, которая, видимо, определяла настроения значительной части руководителей молодой республики: "И поэтому фавором может пользоваться еще та из новых республик, которая борется против большевиков или вообще помогает в этом активно" (50, 70).

Но если в сентябре 1919 г., когда руководители АДР, стремясь к признанию, должны были демонстрировать лояльность Антанте и сдержанность в сотрудничестве с большевистской Россией, подобные настроения еще могли быть оправданы, то после состоявшегося 11 января 1920 г. признания де-факто, и тем более весной 1920 г., когда наблюдалось усиление политических и военных позиций России в кавказском регионе — с одной стороны, и готовность главы НКВД к диалогу с АДР — с другой, непримиримый тон Баку в отношениях с Москвой был тактически проигрышным и политически бесперспективным.

Признание АДР де-факто со стороны европейских стран было неверно истолковано молодой азербайджанской властью, неискушенной в дипломатических "играх" европейских грандов, как сигнал к продолжению бескомпромиссного диалога (точнее переписки) с Советской Россией. Но именно после 11 января 1920 г. открывалась возможность уже без оглядки на Великобританию и другие европейские страны, на совещавшихся в Версальском дворце дипломатов (которые сами уже склонялись, как было показано выше, к нормализации отношений с Россией) скорректировать свою прямолинейную позицию и выработать — в условиях надвигавшейся большевистской угрозы и усиления внутренней нестабильности — более гибкие подходы и предложения для НКВД и руководства Советской России в целом.

Упрощенный подход к отношениям с Москвой, отсутствие должной оценки особенностей развития европейской и закавказской ситуаций привели к тому, что азербайджанская дипломатия пыталась добиться признания АДР, ссылаясь на "эстонский прецедент", т.е. факт признания Советской Россией независимости Эстонии. При этом руководство МИД республики не учитывало, что на развитие прибалтийского и азербайджанского "векторов"

внешней политики Советской России влияли разные факторы, и позиция НКВД по отношению к двум окраинам бывшей Российской империи объективно не могла быть одинаковой.

Начало дипломатической переписки между Чичериным и Хан-Хойским по вопросу о признании АДР совпало с состоявшимся 2 февраля 1920 г. в г. Юрьеве (Тарту) подписанием между Россией и Эстонией мирного договора, который уже через два дня был ратифицирован ВЦИК. Но этот результат нельзя было рассматривать вне контекста принятого на Парижской мирной конференции державами Антанты решения об использовании в качестве средств борьбы с большевиками вооруженной интервенции и экономической блокады, или, по определению французского премьер-министра Клемансо, организации т.н. "санитарного кордона". 21 августа 1919 г. правительства Антанты сделали Германии, а чуть позже и другим странам Европы и Латинской Америки предложение присоединиться к политической и экономической блокаде. Перед российской дипломатией в тот период встала задача не допустить присоединения к блокаде балтийских государств с тем, чтобы не дать Антанте и США возможность замкнуть кольцо "санитарного кордона" вокруг РСФСР. В этих условиях 31 августа НКВД сам предложил правительству Эстонии вступить в мирные переговоры (11 сентября такое же предложение было направлено Литве, Латвии и Финляндии).

После длительных переговоров 31 декабря 1919 г. был подписан договор о приостановке военных действий между Россией и Эстонией, а 2 февраля, как уже отмечалось, был подписан мирный договор (с Литвой и Латвией мирные договора были подписаны соответственно 12 июля и 11 августа 1920 г.). По этому договору РСФСР не только признала "безоговорочно независимость и самостоятельность Эстонского Государства", но и отказалась от эстонской доли в общерусских долгах, передала Эстонии 15 млн. руб. золотом и безвозмездно все корабли российского флота, оказавшиеся к моменту подписания договора в руках эстонцев (57, т.1, 111). В результате, 31 марта Эстония стала первой европейской страной, с которой Россия подписала торгово-экономический договор.

Таким образом, в Москве придавали большое значение удержанию стран Балтии от участия в антирусской интервенции и блокаде, и в этом контексте были сильно заинтересованы в мирном договоре с ними, в частности, с Эстонией. В итоге именно этот договор положил начало разрушению кольца "санитарного кордона" и установлению нормальных дипломатических отношений РСФСР с европейскими странами. Следует учесть и то, что, несмотря на ярко-выраженный прозападный курс Эстонии и более высокий (чем в случае с АДР) уровень ее военно-политической и

дипломатической поддержки со стороны европейских держав и США, политика самого буржуазного эстонского правительства выгодно отличалась от внешнеполитического курса АДР более трезвым подходом к отношениям с Советской Россией и реальным стремлением (несмотря на оказываемое давление со стороны союзников) нормализовать с ней отношения. Не случайно, что даже Ленин, отмечая нежелание балтийских правительств втягиваться в предложенную Антантой политику вооруженной интервенции и блокады России, признавал, что "они выжидали, оттягивали, писали ноты, посылали делегации, устраивали комиссии, сидели на конференциях, и просидели до тех пор, пока Юденич, Колчак и Деникин оказались раздавленными и Антанта оказалась бита и во второй кампании" (там же, 110).

Констатируя разные тактические подходы большевиков к вопросу признания независимости Азербайджана и балтийских стран, не следует, конечно, забывать, что глубинные мотивы и долгосрочные стратегические цели политики большевиков на эстонском и азербайджанском направлениях в принципе совпадали. В советской исторической науке российско-эстонскому договору придавали важное значение как факту, подтвердившему ленинское положение о возможности мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Нарком Чичерин в письме российскому представителю в Эстонии даже указывал, что отношения с Эстонией "должны быть пробным камнем возможности нашего мирного сосуществования с буржуазными государствами", и что необходимо "устранить все то, что может эту линию нарушить" (там же, 114).

Однако реальная политика большевиков и в этом вопросе резко разошлась с декларируемыми ими принципами. Несмотря на открывшуюся перед Советской Россией возможность мирного сосуществования с европейскими странами, они предприняли в 1923-1924 гг. попытки экспорта "пролетарской революции" в Германию, Болгарию и Польшу. Что же касается "дружественной" Эстонии, то в начале декабря 1924 г. руками коминтерновских "красных бригад" они безуспешно пытались спровоцировать переворот в Таллине и установить Советскую власть в Эстонии. Российский ученый Сироткин, анализируя соотношение между национально-государственным и всемирно-пролетарским векторами внешней политики Советской России, которые, по его мнению, реализовывались, соответственно, НКВД и подконтрольным Советской России Коминтерном, делает в связи с этим вывод о том, что большевики "отвергали всю систему правовых и культурных ценностей остального мира, нацепив на них эпитет "буржуазные" — буржуазные нации, суверенитет, неизбежность государственных границ, международных договоров и т.д." (94, 26).

Таким образом, суммарный вектор международных, региональных и внутригосударственных факторов привел к падению АДР. Ее лидеры, не имевшие опыта государственного строительства, возводили фундамент независимой республики между "молотом" неблагоприятных внешних условий и "наковальней" слабой внутренней (экономической, социальной, идеологической) подготовленности азербайджанского общества к независимости, в условиях своеобразного "геополитического тупика", когда Советская Россия не хотела "отпускать", а союзные державы не торопились "принять" и поддержать АДР, признать ее независимость в полном объеме. С учетом всех вышеперечисленных факторов Азербайджан вряд ли мог рассчитывать на долгосрочное независимое развитие, и даже при безошибочной дипломатической линии своих лидеров он был обречен на большевизацию.

Более того, ему суждено было не просто стать "советской республикой", а выполнить в данном регионе роль "пионера советского строительства", "идеальной точки рычага" в стратегии большевиков по восстановлению российского контроля над закавказским регионом. В физике это понятие применяется к той точке предмета, к которой должна быть приложена опрокидывающая сила рычага с тем, чтобы добиться максимального результата при минимальных усилиях.

Оккупация Азербайджана и обеспечивала такой максимальный результат при минимальных затратах. Она одновременно решала множество важнейших проблем на стратегических направлениях внутренней и внешней политики Москвы — и с точки зрения потребностей развития истощенной в первой мировой и гражданской войнах экономики Советской России, и в плане блокирования доступа держав-конкурентов к Закавказью, Каспийскому морю и региону Средней Азии, и в контексте создания в Азербайджане наступательного плацдарма для последующей советизации меньшевистской Грузии и дашнакской Армении, и, наконец, для обеспечения условий для геополитического давления в будущем на соседние Турцию и Персию.

Как показали дальнейшие события, именно Азербайджан стал в руках большевистской Москвы тем рычагом, с помощью которого она поставила на прочные "советские основы" весь закавказский, а затем и среднеазиатский регионы, обеспечила безопасность своих южных рубежей и создала экономический фундамент для развития будущей советской федерации.

ГЛАВА 3.

**"Азербайджан, живший своим хлебом, теперь сидит без хлеба, а голодные Грузия и Армения теперь имеют хлеб в изобилии":
двусторонние отношения после установления советской власти
в Азербайджане (1920-1922 гг.).**

Большевистский переворот в Азербайджане с воодушевлением был встречен руководством Советской России. В своей речи на Всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства 29 апреля 1920 г. Ленин указал на прямую связь улучшения экономического положения России со сменой власти в Баку: "мы знаем, что наша промышленность стоит без топлива, и вот мы получили весть, что бакинский пролетариат взял власть в свои руки и сверг азербайджанское правительство. Это означает, что мы теперь имеем такую экономическую базу, которая может оживить всю нашу промышленность... Таким образом, наш транспорт и промышленность от бакинских нефтяных промыслов получают весьма существенную помощь" (79-Т.40, 332). В последующем Ленин неоднократно подчеркивал важное значение экономического, и, прежде всего, нефтяного потенциала Баку в деле восстановления хозяйственной жизни в России. Выступая 2 октября 1920 г. на съезде рабочих и служащих кожевенного производства, глава российского правительства признавал, что "завоевание Баку дало возможность сейчас привезти свыше 100 миллионов пудов нефти", и что российская промышленность "стала приобретать тот фундамент, на котором является возможным создать хлебные запасы и привлечь рабочих снова на фабрики, собрать сырье и дать топливо, чтобы пустить фабрики, чтобы восстановить, наконец, хозяйственную жизнь" (79 — т.41, 332).

Аналогичные по сути заявления об "исключительной важности Азербайджана" (36, 393) и стратегическом значении Баку для Советской России были сделаны вождем большевиков в его выступлениях 15 октября (79 — т.41, 357-360), в "Докладе ВЦИК и Совнаркома о внешней и внутренней политике" 22 декабря (79 - т.42, 132, 151) и во многих других выступлениях, письмах и распоряжениях главы Совнаркома (79-т.52, 118, 121, 123-124; 79-т.43, 165-166, 186-187). В письме (1 сентября 1921 г.) Попову П.И., возглавлявшему российскую статистическую службу, глава правительства РСФСР, запрашивая данные о распределении продовольствия государством, указывал на приоритетное положение бакинского региона, ставя его в один ряд с такими крупными промышленными центрами, как Москва, Петроград, Иваново-Вознесенск и Донбасс (79 - т.53, 151).

Большевизация Азербайджана, приведшая к оживлению российской экономики и восстановлению стратегических позиций большевиков в

закавказском регионе, сопровождалась приходом к власти местной коммунистической "элиты". 16 мая в Баку прибыл Нариманов, который в своей первой телеграмме Ленину сообщил: "Настроение революционное. Красная Армия вела себя великолепно. В моем лице население искренне приветствует Советскую Россию. Надеемся, что она поможет молодому, независимому Советскому Азербайджану укрепиться" (10, оп.4, д. 499, л.28).

Однако для руководителей "независимого Советского Азербайджана", которые плохо разбирались в нюансах "закавказской игры" Москвы, вскоре наступила длительная полоса сплошных разочарований. Чем больше укреплялись позиции Советской России в Азербайджане, тем больше эта уже советская республика превращалась в своеобразного "донора" региональной политики большевиков, которые стремились за счёт Азербайджана, его ресурсов и территорий умиротворить буржуазные правительства Грузии и Армении в ожидании наступления благоприятных условий для советизации последних. Уже 7 мая 1920 г. в Москве между РСФСР и Грузией был подписан мирный договор, ясно показавший как и за счет кого большевики будут решать спорные территориальные вопросы в регионе. В соответствии со статьей 10 данного документа, без согласования с бакинскими властями Грузии был передан населенный преимущественно азербайджанцами Закатальский округ. Данной статьей были перечеркнуты надежды Нариманова и других азербайджанских руководителей на то, что Азербайджан в силу одной лишь своей большевистской ориентации станет бесспорным союзником и фаворитом Москвы в регионе.

"Закатальский вопрос" стал первым испытанием на прочность приоритетного положения Советского Азербайджана в региональной стратегии Москвы. Он не только вызвал недовольство "бакинских товарищей", что было понятно и закономерно, но и обозначил первый серьезный раскол в закавказской политике Москвы между НКВД — с одной стороны, и руководством XI-й армии и Кавказского бюро РКП(б) — с другой. Идеологи и практики процесса большевизации Азербайджана в Центре и регионе словно поменялись местами. Чичерин и НКВД в целом, до переворота в Баку занимавшие более умеренные позиции, стали теперь активными сторонниками временного примирения с Грузией и Арменией за счет интересов Азербайджана. Военно-политическое руководство занявших республику частей Красной Армии и партийные эмиссары Москвы в регионе, ранее солидарно стоявшие на непримиримых позициях по отношению к независимости АДР, неожиданно выступили в защиту принципа территориальной целостности Азербайджана.

В поддержку азербайджанской принадлежности данного округа выступил Орджоникидзе, который сразу же после подписания Московского договора призвал Ленина и Сталина восстановить суверенитет Азербайджана

над ним: "Закатальский округ чуть ли не два года занимается Азербайджаном. Сейчас он занят Азербайджанскими войсками. Население Закатальского округа 95% мусульман. Необходимо утвердить на этот округ право Советского Азербайджана и совершенно выбросить из договора этот пункт". "Это необходимо во что бы то ни стало в интересах нашей политики в Азербайджане проделать, — отмечал автор. — На этой почве идет ужасная провокация. Мусаватисты ведут разговоры, что новая Советская власть в Азербайджане уже продала Закатальский округ и мы накануне резни. Прошу Вас сегодня же дать нам возможность заявить публично, что на Закатальский округ никакого покушения нет и быть не может... Повторяю, если не хотите провала нашей политики, выбросьте из мирного договора Закатальский округ и без всяких комиссий предоставьте его Азербайджану" (1, оп. 51, п. 321а, д. 54868).

10 мая 1920 года на имя Ленина была отправлена еще одна телеграмма с требованием пересмотреть решение об аннексии Закатальского округа за подписью членов Реввоенсовета XI-й армии и Кавказского бюро ЦК РКП(б) Смилги, Орджоникидзе и Кирова: "Переданный Грузии Закатальский округ является бесспорно Азербайджанской и мусульманской территорией, и до сих пор Грузия на него не претендовала. С Вашего благословения Грузия начала сегодня на этот округ наступление, население восстало против грузинских завоевателей. Признание нами этого захвата является началом конца советской власти в Азербайджане. Объясните, чем вызвано такое отношение к Азербайджану, имеющему сто раз большее значение, чем Грузия. Впечатление от договора убийственное накануне резни и развала на Кавказе". "Перед нами стоит вопрос, — в ультимативной форме отмечали авторы данного послания, — или пересмотреть договор с Грузией, или отозвать нас, ибо мы не намерены расплачиваться за невежество Наркоминдел в кавказских вопросах. Категорически настаиваем на запрещении Грузии переходить границу Закатальского округа, иначе война между Грузией и Азербайджаном неизбежна. Просим немедленного ответа. Еще раз обращаем ваше внимание на то, что невежество Карахана ставит нефть под страшной угрозой национальной резни со всеми губительными для нас последствиями 1918 года" (сохранен стиль первоисточника — прим. авт.; 10, оп.4, д.5866, л.118).

Смилга, временно командовавший Кавказским фронтом, приказал 11 мая не выводить войска XI-ой армии из данного округа. Позиция военных позже была учтена и поддержана Чичериным, который 26 июня на запрос Орджоникидзе следующим образом определил позицию Москвы в данном вопросе: "За исключением вопроса о Закатальском округе надо строго придерживаться нашего договора с Грузией и добиваться легализации деятельности коммунистов" (10, оп.4, д.496, л.115).

Решив свои первоочередные проблемы, связанные с закреплением власти в столице и регионах Азербайджана, новая азербайджанская власть приступила к решению ключевого внешнеполитического вопроса — оформлению отношений с Советской Россией. В течение апреля-июля были, в основном, определены подходы азербайджанского руководства к форме государственного устройства Азербайджана. 15 июля 1920 г. высший орган власти в республике — Азербайджанский революционный комитет (Азревком) — назначил Бехбуда Шахтахтинского своим Чрезвычайным полномочным представителем в Москве для ведения переговоров с правительством РСФСР. В Москву первый азербайджанский посол повез предложение о федеративном союзе с Россией. Концептуально не оформленное и носившее больше декларативный характер, это предложение стало, тем не менее, логичным продолжением позиции, занятой Наримановым еще до апрельского переворота в Баку: советский, но все же независимый Азербайджан, связанный с Россией некоей формой федеративных отношений и призванный играть ведущую роль в продвижении революционных идеалов по всему Востоку. В письме Шахтахтинского Ленину от 4 августа 1920 года эта позиция была выражена следующим образом: "Нынешний Советский Азербайджан есть детище Советской России, являющейся носительницей мировых идеалов коммунизма. Правительство А.С.С.Р. решило вступить в Коммунистическую федерацию, которая начинает образовываться около Московского центра, в которой оно видело и видит начало мировой Коммунистической федерации. Азербайджанские коммунисты сознают, что их долг выполнить большую работу не только в пределах Азербайджана, но и на всём мусульманском Востоке, для которого Азербайджан является передовым постом Коммунизма. Настоящий момент чрезвычайно благоприятен для освобождения Востока, пробуждения и организации его революционных сил" (1, оп.51, п.321а, д. 54859, л. 1).

В то же время в данном документе, отражавшем позицию Азревкома, были заметны новые акценты. Учитывая очевидные негативные последствия процесса большевизации для социально-экономического положения Азербайджана и безопасности его границ, а, следовательно, и для авторитета азербайджанских коммунистов, в нем очень осторожно были определены сроки вступления в такую федерацию. Шахтахтинский ограничился лишь подтверждением готовности Азербайджана вступить в "федерацию, образовывающуюся вокруг Московского центра, как только это позволит международное положение". До официального вступления в будущую федерацию полпред предложил оставить Азербайджан самостоятельным и заключить союзный договор с Россией. Позиция официального Баку, в которой отчетливо просматривалось его разочарование первыми

результатами большевистской ориентации Азербайджана, была аргументирована следующим образом: "Помимо соображений о международном положении, временная в настоящий момент самостоятельность Азербайджана необходима еще по соображениям Восточной политики до тех пор, пока остаются самостоятельными Армения и Грузия, так как теперь враги Советской власти с торжеством указывают, что Грузия и Армения, отказавшись от союза с Россией, при помощи Антанты не только сохранили свою полную самостоятельность и не только избежали тяжелых экономических затруднений, но и получают новые территории, которые до прихода красных войск бесспорно принадлежали Азербайджану" (там же, л. 1об.).

В письме отмечалась в связи с этим необходимость сохранить за Азербайджаном территории, принадлежавшие ему до переворота, т.е., как отметил азербайджанский полпред, не отторгать от него Закатальский округ, Карабах и Нахичеванский край, так как данные территории "при мусаватском правительстве бесспорно принадлежали Азербайджану и всегда составляли его органическую часть, были теснейшим образом с ним связаны исторически, этнографически и экономически". Шахтактинский считал, что "по моральным и политическим соображениям Россия не должна отчуждать территории Советского Азербайджана и отдавать существующие учреждения у ворот Востока и пред глазами его населения на разгром дашнаков и грузинских меньшевиков" (там же, 2).

Еще один важный вопрос, который затрагивался в данном документе, касался роли XI-ой армии в Азербайджане. "Для поддержания престижа правительства Азербайджанской Советской Республики, — отмечал полпред, — и для предоставления ему возможности вести внутреннюю политику по единому плану, действующая в Азербайджане Красная Армия не должна совершенно вмешиваться во внутренние дела Азербайджана, и во всех вопросах, в которых она соприкасается с населением, Красная Армия должна считаться с решением Азревкома" (там же, лл.2-2об.). Автор письма считал, что такой порядок в глазах местного населения был бы самым убедительным доказательством доверия и уважения России к Советскому Азербайджану. По его мнению, это дало бы также возможность Красной Армии сосредоточиться на военной работе, не разбрасываясь на решение местных политических и экономических вопросов, особенно тех из них, которые были связаны со своеобразным укладом жизни местного населения. Остальные вопросы, затронутые в письме азербайджанского полпреда, касались народно-хозяйственной сферы и предусматривали — в качестве подготовки к федеративному объединению — полное единение с Россией в экономической политике, как внешней, так и внутренней, объединение деятельности почтовых, телеграфных учреждений, а также железных дорог.

Пока в Москве шла дипломатическая работа по определению формы азербайджано-российского союза, части XI-ой армии продолжали боевые действия в тех районах Азербайджана, где еще оказывали сопротивление разрозненные отряды армии правительства бывшей АДР, оказавшиеся под огнем вооруженных сил большевиков и дашнаков, наступавших с противоположных сторон. При этом действия Красной Армии в столице и регионах Советского Азербайджана фактически подрывали способность самого населения республики противостоять вооруженным нападениям со стороны регулярной армии Армении и иррегулярных армянских формирований.

В связи с этим 20 сентября 1920 г. Шахтахтинский в письме заместителю наркоминдел Л.Карахану предупреждал о тех последствиях, которые могут наступить в Азербайджане, если политика Центра в данном вопросе не изменится. Отмечая, что до апрельского переворота в Азербайджане среди народных масс и мусульманской интеллигенции было сильнейшее стихийное тяготение к России, и что благодаря такому настроению интеллигенции и народа переворот в Азербайджане совершился бескровно ("крупной буржуазии было мало, опереться ей было не на кого, так что воевать было не с кем"), азербайджанский полпред подчеркивал, что "Азербайджан мог бы представить пример области, в которой советское строительство совершилось бы почти мирным путем". В то же время на пятом месяце существования советской власти в республике он вынужден был признать, что "работа новой советской власти оказалась революционной по форме, по результату же реакционной, отодвинувшей нейтральные слои населения, колеблющиеся элементы и, в том числе, большую часть крестьянства вправо" (выделено нами — прим. авт.). "Красная Армия, — отмечалось в письме, — всеми средствами добивается обезоружения мусульманского населения даже в пограничных с Арменией областях. Между тем нетрудно видеть, что при продолжающихся нападениях дашнаков физическому существованию мусульманского населения грозит безусловная опасность. Мусульманское население обезоруживается, а вооруженные банды дашнаков беспощадно вырезают и уничтожают мусульманские деревни. Крестьяне бегут в горы, бросая сады, посевы и пожитки". Шахтахтинский указывал также на то, что мусульманское население доведено до отчаяния незаконными конфискациями и особенно уплотнением квартир, что совершенно противоречило, по его утверждению, бытовому укладу народа и шариата, рассматривалось как тяжкое оскорбление религии и вековых обычаев (1, оп. 51, п.321а, д.54859, лл. 6-6 об.).

Новое азербайджанское руководство явно не было готово к тому, что армия, которая привела их к власти, будет заниматься реквизициями, врываться в дома и "искать в штанах мусульманок бриллианты", "срывать с

ушей серьги". В письме азербайджанского полпреда отмечалось в связи с этим, что "Красная Армия вначале вела себя великолепно, а сейчас она ведет себя реакционно". "С мест получаются, — отмечал он, — потрясающие доклады. Дело доходит до открытого изнасилования девушек и женщин. Азербайджанское крестьянство просит и умоляет только об одном: берите все, что есть сразу, в один приём и избавьте от ежедневных неорганизованных и оскверняющих семейный очаг врываний в дома. Положение крестьян в данный момент необычайно тяжелое". "Крестьяне уклоняются засеять поля, — продолжал автор. — Если не будут приняты меры к успокоению крестьян, то в будущем году Азербайджану не миновать опасности голода". В результате, как отметил полпред, "Азербайджан, живший своим хлебом, теперь сидит без хлеба, а голодные Грузия и Армения теперь имеют хлеб в изобилии" (там же, лл. боб.-7).

"Реакционное" поведение красноармейцев в Азербайджане приобрело столь широкий размах, что на него в открытой форме вынуждено было обратить внимание руководство XI-ой армии. В приказе командующего армией Левандовского № 269 от 8 июня 1920 г. отмечалось в связи с этим: "Тяжелая обстановка партизанских действий повстанцев начинается сказываться на наших частях пагубно. Все чаще устанавливаются случаи участия красноармейцев в мародерстве и грабежах. Нередко производятся разгромы мечетей и мусульманских святынь". В приказе можно найти и свидетельства активной роли армянского населения в армейских операциях против мирного азербайджанского населения: "Красноармейцы, командиры и комиссары поддались чувству злобы против повстанческих частей мусульман и начинают придавать борьбе характер религиозный или национальный. Так, например, охотно используются услуги армян, содействующих разгрому татар, несмотря на то, что армяне руководствуются только чувствами национальной розни, а не великими задачами революции трудящихся. Установлены даже отдельные случаи непринятия мер против армян, грабивших покинутые татарами аулы. Такое поведение красных частей даёт почву провоцирования мусульман-бедняков на борьбу с нами, ибо беки и ханы уверяют их, что русские войска не признают законов". "Агитация беков и ханов будет иметь успех, — отмечалось в данном документе, — война против нас приобретет национальный и религиозный характер, если части решительно не изменят своего поведения". В связи с данными фактами Реввоенсовет армии потребовал от "красных бойцов" величайшей выдержки, уважения к религии и святыням мусульман и величайшего политического и классового сознания, чтобы "не уронить в глазах бедняков Востока высоты наших революционных лозунгов": "В предстоящей еще борьбе каждый боец должен руководствоваться в каждом своем действии классовым признаком, подавляя и уничтожая богачей...

Красный боец должен остерегаться от излишней жестокости или покровительства одной из наций" (5, оп. 3-1, п.1 и оп. 3-2, п.1).

Приказ Левандовского вызвал обеспокоенность в руководстве Армении. В телеграмме Чичерину от 4 сентября ее мининдел сделал вывод о том, что данный приказ сводится к натравливанию одной нации на другую (русских и азербайджанцев — на армян), и может послужить толчком к расправам над армянским населением. В связи с этим он призвал российское правительство принять все меры для недопущения появления в будущем аналогичных приказов (там же). Озабоченность армянского министра была понятна — приказ прекращал столь выгодный для Армении порядок, при котором под прикрытием военных действий Красной Армии по установлению нового порядка в Азербайджане, в приграничных с Арменией азербайджанских селах армянские регулярные и иррегулярные формирования продолжали политику этнической чистки. В этих благоприятных для себя условиях командование армянской армии могло себе позволить сосредоточить основные ее силы и средства на других направлениях, в частности, на турецком фронте, где ситуация складывалась для нее не столь благоприятно.

В ответ на обеспокоенность и протесты со стороны МИД Армении 12 сентября полпред РСФСР в Армении Лэгран направил министру иностранных дел Армении ноту, в которой была выражена официальная российская позиция по данному вопросу. В ней было подчеркнуто, в частности, что приказ от 8 июня был издан во время подавления мусаватистского восстания, поднятого беками и ханами против советской власти, для того, чтобы не допустить "использование в военных действиях против мусаватистских повстанцев армянского населения, участие которого придаёт борьбе с контрреволюционным восстанием мусаватистских беков характер религиозной и национальной борьбы". "Никакого "натравливания" одной нации на другую в приказе нет и быть не может", отмечалось в ноте и подчеркивалось, что советское командование обязано было учитывать "несомненный, хотя и глубоко печальный факт существующей пока еще национальной розни, всякими мерами пресекать всякую возможность проникновения духа национальной вражды в действия Красной Армии". (5, оп.3, п.1, д. 1 и д.2).

Следует отметить, что новая бакинская власть была обеспокоена не только экономическими, социальными и военными аспектами политики большевистского Центра в Азербайджане. Вышеуказанное письмо Шахтахтинского в очередной раз отразило разочарование руководства республики позицией большевистской России по вопросу обеспечения территориального единства Азербайджана. "Враги советской власти с торжеством указывают, — отмечал полпред, — что Грузия и Армения,

отказавшиеся от союза с Россией, при помощи Антанты сохранили свою полную самостоятельность и не только избегли тяжелых экономических затруднений, но, кроме того, получают от Советской России новые территории. Население Азербайджана сперва думало, что советская политика в Баку есть дело рук местных властей, оно верило в Москву, надеялось на ее защиту и помощь, но и здесь наступило разочарование, когда при заключении мира с Грузией последней без ведома и согласия Азербайджана был уступлен Закатальский округ со сплошным мусульманским населением (90% мусульман, 5% грузин и 5% других национальностей)" (1, оп. 51, п. 321а, д. 54859, л. 7).

Еще более удручающее впечатление, по мнению автора, произвело на руководство Советского Азербайджана то обстоятельство, что Россия обсуждала с Арменией вопросы, касающиеся исключительно Азербайджана (речь шла о некоторых положениях подписанного между Россией и Арменией соглашения от 10 августа), но при этом азербайджанское правительство об этих переговорах ничего не знало. "Азербайджанская масса, — подчеркивал Шахтагинский, — была поражена вестью об отдаче почти всего Нахичеванского края Армении". В течение трех лет, подчеркивал он, "Англия, Персия и Армения всеми силами добивались открытия этой важнейшей стратегической, экономической и политической железнодорожной линии, но трудовой народ этого края путем кровавой борьбы отстаивал этот важный пункт и не дал его в руки врагов советской власти". "Теперь, — делал вывод азербайджанский дипломат, — престиж Армянского и Грузинского Правительств дошел до своего апогея и о революции там, по крайней мере сейчас, не может быть и речи" (там же, лл. 7-7об.).

По мнению полпреда, на примере Азербайджана Россия должна была показать Грузии, Армении, Персии и Турции, что может дать ее политика народам этих стран, чтобы таким образом предупредить враждебную советской власти агитацию, однако в Азербайджане, по его утверждению, "были допущены одна за другой политические ошибки, которые начинают изменять симпатию восточных стран в пользу Англии, давая последней недостающий ей теперь моральный перевес" (там же). Через все письмо красной нитью проходит мысль о том, что успех восточной политики России неразрывно связан, прежде всего, с успешной политикой Москвы в Азербайджане. В этом контексте Шахтагинский, дав откровенную оценку первым месяцам коммунистического правления, призывал исправить ошибки, совершенные Москвой в Азербайджане: "Наша неудачная политика в Азербайджане создала в сопредельных с Азербайджаном странах впечатление, что союз с Россией грозит голодом, разорением и потерей самостоятельности".

Для исправления возникшей ситуации Бехбуд Шахтагинский рекомендовал следующие меры: организовать советы на местах, провести широкую амнистию сочувствующей азербайджанской интеллигенции и привлечь ее к работе, прекратить политику реквизиций и конфискации имущества, прекратить разоружение населения в приграничных с Арменией областях, обеспечить свободное передвижение внутри страны, ограничить деятельность Особого Отдела XI-ой армии исключительно преступлениями, направленными против армии. Завершающим аккордом этого документа, тезисы которого уже выходили за рамки программы большевистского преобразования Азербайджана, стало адресованное "русским военным властям" предложение "не вмешиваться во внутреннее управление Азербайджана" (там же, лл.8-9).

После трехмесячной подготовительной дипломатической работы 30 сентября 1920 г. в Москве состоялись российско-азербайджанские переговоры, по итогам которых Чичерин и Шахтагинский подписали, соответственно за правительства РСФСР и АССР, первые после установления советской власти в Азербайджане российско-азербайджанские документы — базовый Договор о военно-экономическом союзе между РСФСР и АССР и заключенные на его основе 5 межправительственных соглашений (1, оп. 99, п.461, д. 62413, лл.1-5). Несмотря на стремление новой бакинской власти к созданию в Азербайджане модели советской независимой республики, связанной с Россией равноправными союзными отношениями, данные документы закрепили очевидный для азербайджанского населения и руководства факт потери республикой всех атрибутов политической и экономической самостоятельности.

В Договоре была сформулирована идеологическая и политическая основа российско-азербайджанского союза. В преамбуле отмечалась "глубокая общность интересов трудящихся масс России и Азербайджана" и необходимость полного объединения всех сил "братских республик" в "тяжелой борьбе против общего врага — империалистической буржуазии", а в первой статье декларировалось, что Россия и Азербайджан заключают между собой "тесный военный и финансово-экономический союз".

Вторая статья данного документа предусматривала проведение в кратчайший срок объединения (1) военной организации и военного командования, (2) органов народного хозяйства и внешней торговли, (3) органов снабжения, (4) железнодорожного и водного транспорта, а также почтово-телеграфного ведомства и (5) финансовых органов двух республик.

Экономические основы "новых отношений" между Азербайджаном и Россией были детально прописаны в Соглашении о проведении единой экономической политики, которое предусматривало, что Азербайджанский Совет Народного Хозяйства (АСНХ) устанавливает свой производственный

план в согласии с общим производственным планом РСФСР, распределяет все запасы сырья и фабрикатов, имеющиеся в его распоряжении, по соглашению с полномочным представителем Высшего Совета народного Хозяйства (ВСНХ) при АССР. ВСНХ, в свою очередь, обязывался финансировать промышленность Азербайджана или же отдельные отрасли промышленности и предприятия АССР по соглашению с АСНХ. Монополии, действующие на территории РСФСР, постепенно должны были вводиться на территории АССР, а установление особых монополий в АССР могло быть осуществлено лишь по соглашению с ВСНХ. Соглашением предусматривалось также установление единых предельных цен на сырье и на фабрикаты, назначение уполномоченного ВСНХ при СНХ АССР с правом решающего голоса.

Соглашение об объединении продовольственной политики предусматривало, что в основу политики, организации и деятельности Народного комиссариата продовольствия АССР будут положены принципы продовольственной политики Наркомпрода России, и что на Азербайджан постепенно будет распространяться действие всех государственных монополий (хлебной, картофельной, сенной) и разверток (мясной, молочномасляной, яичной и др.), которые осуществлялись в России. Важным положением данного соглашения было то, что снабжение АССР продуктами питания и предметами первой необходимости должно было производиться Наркомпродом РСФСР по общегосударственному плану "в зависимости от общегосударственных ресурсов и запасов", а установление предельных заготовительных и отпускных цен на продовольствие и предметы первой необходимости могло быть произведено только по соглашению с Наркомпродом РСФСР.

Одним из важнейших в ряду подписанных было Соглашение по вопросам внешней торговли, которое лишало Азербайджан прав на самостоятельное ведение внешнеторговой деятельности, что было особенно актуально для республики, располагавшей стратегическим нефтяным ресурсом. В соответствии с ним все экономические сношения АССР с другими странами, продажа и вывоз произведений почвы и промышленности Азербайджана, а также привоз заграничных изделий и товаров из России, заключение договоров экономического характера должны были производиться на основании общих принципов и правил, устанавливаемых Наркоматом внешней торговли РСФСР и через посредство его органов. Внешторгу Азербайджана предоставлялось право вести торговые сношения с Закавказьем, Персией и Турцией по всем товарам, кроме нефти. Необходимое же для данного товарообмена и для внутреннего потребления количество нефти предоставлялось Внешторгу по соглашению с ВСНХ и Наркоматом внешней торговли (НКВТ) РСФСР. Всякие соглашения и торговые договоры

АССР с какой-либо другой страной могли иметь место только после предварительного обсуждения и соглашения с НКВТ России. Для фактического контроля за реализацией данного соглашения НКВТ РСФСР назначал при азербайджанском Совнаркоме своего полномочного представителя с правом решающего голоса.

Соглашение по финансовым вопросам предусматривало, что финансовые сметы государственных доходов и расходов комиссариатов АССР, деятельность которых предусматривалось объединить с комиссариатами РСФСР, составлялась каждым комиссариатом АССР в отдельности и представлялась в Наркоматы РСФСР по принадлежности на утверждение. Аналогичные сметы не объединенных комиссариатов представлялись на утверждение СНХ АССР через особую Счетную Комиссию, в которой также с правом решающего голоса состояли уполномоченные Наркомфина РСФСР и ВСНХ.

Процесс правового оформления "разгрома" экономической независимости Азербайджана довершило Соглашение об объединении управления почтой, телеграфом, телефоном и радиотелеграфом. В соответствии с данным соглашением предусматривалось, что устройство, развитие и эксплуатация почтовых, телеграфных, телефонных и радиотелеграфных сообщений и сношений АССР должно быть подчинено постановлениям, правилам и тарифам, установленным для почтотелеграфных учреждений РСФСР. Основные магистрали почтовой, телеграфной и телефонной связи, исходящие от России, мощные радиостанции на территории Азербайджана, а также международные почтово-телеграфные сношения были переданы в непосредственное ведение Наркомата почт и телеграфов РСФСР. В ведении Наркомата почт и телеграфов АССР оставлялось лишь развитие и эксплуатация данных средств связи в интересах АССР.

В апреле 1921 года в дополнение к вышеуказанным российско-азербайджанским соглашениям между правительствами РСФСР и АССР было заключено также Соглашение о тесном таможенном союзе, в соответствии с которым между двумя республиками вводилась единая таможенная политика, вводился единый таможенный аппарат, вырабатывались общие положения, регулирующие ввоз, вывоз и транзит товаров.

В целом, подписанные в Москве документы де-юре оформили фактическую потерю Азербайджаном своей независимости и заложили правовые предпосылки для его превращения в своеобразную автономию в составе РСФСР. По сути, Азербайджан стал одной из первых республик на пространстве бывшей царской России, на которой началось опробирование новой модели взаимодействия между "центром" и "окраинами", которая

сохранила многие элементы (как негативные, так и позитивные) прежней самодержавно-имперской традиции и спустя два года легла в основу союзного советского государства.

Урегулирование вопроса о статусе Азербайджана на максимально выгодных для Москвы условиях не привело, однако, к решению актуального для азербайджанского руководства вопроса о территориальном единстве республики. Большевистский Центр по-прежнему в одностороннем порядке, без учета исторических факторов и этнографических реалий и, как показала практика, в основном, в ущерб интересам Баку решал вопросы территориального разграничения между Азербайджаном и Арменией. Это побудило руководство АССР к выдвижению новых инициатив по урегулированию отношений между республиками Закавказья и связанной с ними модели государственного устройства республики. 1 марта 1921 г. Шахтагинский в письме на имя Чичерина призвал Советскую Россию справедливо разрешать все спорные территориальные, экономические и прочие вопросы между новообразованными республиками Закавказья. При этом он подчеркивал, что наличие в регионе территорий со смешанным населением дает весьма широкую возможность для различного толкования принципа самоопределения народов, и что данный принцип не везде может быть применим полностью. Даже более или менее целесообразная форма разрешения этих споров может, считал представитель Советского Азербайджан, нанести обиду не только одной из этих республик, но и всем им вместе, порождая недовольства, протесты и, в результате, ориентацию на Англию, Турцию и другие страны. Исходя из этого, автор пришел к выводу, что из всех форм разрешения территориальных, экономических и других споров в Закавказье "наиболее выгодной, приемлемой и целесообразной во всех отношениях представляется объединение всех Закавказских республик, включая сюда и Дагестан с горами, в одну Кавказскую республику и вступление в Российскую Федерацию" (1, оп.51, п.322, д.54896).

Как и в период АДР, инициатива объединения кавказских республик вновь исходила из Баку. Но в отличие от правительства демократического Азербайджана, которое предлагало объединение кавказских народов в одно конфедеративное государство и рассматривало "конфедеративный Кавказ" как буферное государство, противостоящее "северной угрозе" (91, 60-62), инициатива Советского Азербайджана отразила суть произошедшего за этот период в регионе геополитического сдвига — предлагалась не конфедерация независимых республик, а федерация национальных коммунистических режимов с последующим ее вхождением в состав Советской России.

При этом руководители АССР отчетливо понимали и соглашались с тем, что в рамках предлагаемого ими федеративного объединения закавказских республик Азербайджану долгое время придется играть роль

финансового и экономического "локомотива" данного процесса, оказывая всестороннюю поддержку соседним советским республикам. В своем выступлении на I-ом съезде Советов Азербайджана 8 мая 1921 г. Нариманов отмечал в связи с этим, что "нужно создать такую атмосферу, чтобы армянские рабочие и беднейшее крестьянство чувствовали, что при большевиках лучше живется, чем при дашнаках". "Я вам, товарищи, это заявляю и говорю, — подчеркивал руководитель Советского Азербайджана, — что все это лежит на нашей же шее. Маленький Азербайджан должен думать и о Грузии, и об Армении, и должен по возможности обеспечить жизнь этих двух республик" (73, 72).

Следует отметить, что, несмотря на оптимистичные декларации новой бакинской власти, азербайджанская экономика с трудом несла на себе бремя советизации Закавказья. 14 марта руководство АССР информировало Ленина о том, что "вследствие совершенного истощения кассы Нефтяной комитет Азербайджана находится в катастрофическом положении, не имея возможности не только оплачивать счета за материалы, но и выдавать заработную плату рабочим и служащим". При этом подчеркивалось, что наркомат финансов Азербайджана вынужден был открывать значительный кредит Армении и Грузии, в последние два месяца систематически субсидировал нефтяной комитет, а также XI-ую армию в ущерб всем другим учреждениям АССР. Все это привело к тому, что наркомат финансов Азербайджана остался без денег и без бумаги для печатания денежных знаков.

После установления советской власти в Грузии в феврале 1921 г. в Москве было принято решение о возвращении Красной Армии из Грузии в Азербайджан. В связи с этим Нариманов, стремясь избежать негативных экономических и социальных последствий, связанных с ее повторным пребыванием в Азербайджане, 28 марта 1921 г. отправил в Москву Ленину, Троцкому и Молотову телеграмму (ее подписали также секретарь ЦК АКП Бужладзе и Председатель нефтяного комитета Серебровский) с просьбой не допустить возвращения частей РККА в Азербайджан. "Азербайджанские рабочие и крестьяне в течение десяти месяцев несли на себе все тяжести расквартирования XI-ой армии, — отмечалось в телеграмме. — Крестьяне и рабочие плохо питаются, плохо одеты и обуты, и их положение отчаянно, так как продовольствие и одежда отдавались нами весьма многочисленной для маленького Азербайджана XI-ой армии". Авторы данного обращения подчеркивали также, что после советизации Грузии XI-ая армия с ее многочисленными тыловыми учреждениями ушла в Грузию, и в республике появилась небольшая возможность улучшить положение рабочих и крестьян. При этом они указывали, что возвращение Красной Армии в Азербайджан осложнит и без того трудное положение республики, "послужит на пользу

контрреволюции, которая поднимает голову". Нажимая на "болевы точки" большевистского правительства, они предупреждали Москву о том, что дислокация армейских частей в республике приведет к ухудшению положения в нефтяной промышленности в связи с ухудшением снабжения рабочих данной отрасли, к снижению объемов добычи нефти и ее вывоза в Россию в 1922 г. Изложив все свои аргументы, Азревком и ЦК АКП призвали советское руководство не осложнять положение Азербайджана и учитывать при этом также важную роль данной республики как форпоста пролетарской революции на Востоке (1, оп. 51, п. 322, д. 54896).

Просьба "бакинских товарищей" была услышана в Москве. В ответ на их обращение глава правительства РСФСР 29 марта предложил членам Политбюро ЦК РКП(б) следующий проект телеграммы для отправки Орджоникидзе: "Мы получили отчаянную телеграмму Нариманова, Буниатзаде и Серебровского, справедливо указывающих на полную невозможность возвращения одиннадцатой армии в голодный и обобранный Азербайджан. Примите самые энергичные меры, чтобы оставить эту армию в Грузии и во что бы то ни стало ускорить привоз хлеба из-за границы в обмен на концессии в Грузии, марганец и прочее. Отвечайте быстро. По поручению Политбюро Ленин" (79 — т.52, 118).

Процесс слияния АССР с РСФСР на основе автономизации Азербайджана дополнялся объединением трех закавказских республик на внутрирегиональном уровне. 29 ноября 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании Закавказской Федерации в составе Армении, Грузии и Азербайджана. 12 марта 1922 года на конференции полномочных представителей ЦИК Азербайджана, Армении и Грузии был принят текст Договора о создании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья, который впоследствии был преобразован в ЗСФСР — Закавказскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику. Как подчеркивалось в преамбуле данного Договора, тесный военный, политический и экономический союз создавался тремя республиками на основе провозглашенного революцией права народов на самоопределение, признания независимости и суверенности каждой из них и в с учетом необходимости "сплотить свои силы в целях обороны и в интересах хозяйственного строительства" (10, оп.6, д.234, л.26). 10 декабря у ЗСФСР появился Закавказский Центральный Исполнительный Комитет — высший орган исполнительной власти Закавказской федерации. 30 декабря 1922 года на 1-ом съезде Советов ЗСФСР вместе с РСФСР, Украиной и Белоруссией образовала СССР.

Необходимость вхождения советских республик Закавказья в союзное государство не напрямую, как это было предусмотрено для РСФСР, Украины и Белоруссии, а в составе единой Закавказской Федерации, объяснялось как

экономическими мотивами — сильной взаимной зависимостью хозяйственных организмов данных республик, так и политическими факторами. Учитывая остроту межнациональных отношений в данном регионе, неурегулированность взаимных территориальных претензий в отношениях между закавказскими республиками, традиционно сильную национальную ориентацию правящих "элит" в Армении, Грузии и Азербайджане, Москва решила "предохранить" будущую союзную федерацию от все еще не изжитых, по ее мнению, в данных республиках националистических настроений и провести их через своеобразный подготовительный период перед самостоятельным вступлением в союзное государство. В специальной резолюции, принятой на Азербайджанской партийной конференции, обсуждавшей положение советской федерации (1-3 ноября 1922 г.), отмечалась в связи с этим необходимость укрепления "подлинного братства народов Закавказья и окончательного изживания того угара шовинизма, который культивировался в течение долгих лет дашнаками, меньшевиками и мусаватистами в Закавказье" (16, оп.6, д. 10а, л. 10).

Ирония истории и, одновременно, геополитическая закономерность — задача объединения закавказских республик, которую лидеры АДР выдвигали для спасения Кавказа от "северной лавины", под которой явно подразумевалась Советская Россия, была реализована самой "лавиной" в прямо противоположных целях - для восстановления своего статуса ведущей региональной державы и создания плацдарма для расширения своего влияния на стратегически важном южном направлении.

ГЛАВА 4.

Карабах: от "мусульманского владения" до армянской автономии

4.1. "Стараться всячески призывать армян, а басурман зело тихим образом, чтобы не узнали, сколь возможно убавлять": исторические корни карабахской проблемы

Исследование проблематики азербайджано-российских отношений невозможно без рассмотрения места и роли в них карабахского фактора, который на протяжении двух веков являлся важнейшим элементом этих отношений, их своеобразным "нервным узлом". В этом контексте по ряду причин представляется актуальным и полезным дать ретроспективный обзор основных этапов истории присоединения Карабахского и смежных с ним азербайджанских ханств к Российской империи.

С политологической точки зрения, такое отступление во времени важно для лучшего понимания роли карабахского региона в закавказской стратегии Советской России, в том числе и в ее политике по отношению к Азербайджану.

Во-вторых, оно необходимо для восстановления исторической правды о событиях двухвековой давности в связи с нередко встречающимися в ряде публикаций и работ по данной проблематике ошибочными тезисами о т.н. "армянской принадлежности" Карабахского, Эриванского и Нахичеванского ханств, попытками представить переход данных азербайджанских ханств к России как процесс присоединения к России армянского народа и "армянских территорий". Следует при этом отметить, что до сих пор Эриванское и Нахичеванское ханства рассматриваются многими российскими авторами — по причинам более политического, чем объективно-исторического характера — как области т.н. "Восточной Армении". Как показывает анализ подавляющего большинства архивных, прежде всего российских, документов, ни в одном из них нет никакого упоминания об армянской принадлежности данного региона. Напротив, все авторитетные документальные источники изобилуют свидетельствами именно азербайджанского характера данного региона, причем как в историческом, политическом, так и культурном и демографическом отношениях, описывают данные территории как "мусульманские владения".

В-третьих, изучение вопроса о развитии политической и этнической ситуации в карабахском регионе важно также для понимания первопричин возникновения нагорно-карабахской проблемы, лежащей в основе нынешнего межгосударственного армяно-азербайджанского конфликта. Не будет преувеличением сказать, что именно в начале XIX века лежат корни

данного конфликта, в наиболее острой форме проявившего себя в азербайджано-армянских отношениях в начале и конце XX века и не урегулированного до настоящего времени.

Следует отметить, что роль и место карабахского, равно как и других азербайджанских регионов, в региональной стратегии Российской империи исторически было predetermined программой русской дипломатии на южном (ближневосточном) направлении — в отношении Османской империи и Персии. Учитывая уникальное стратегическое положение данного региона, царизм традиционно - с начала XVIII века - рассматривал его как удобный плацдарм для военно-политического сдерживания конкурирующих Османской и Персидской империй и, одновременно, для перспективного территориального расширения на данных направлениях. Как отмечают авторы коллективной монографии "Восточный вопрос во внешней политике России", "природа феодально-крепостнического государства, вступившего в стадию разложения, требовала проведения завоевательной политики. Наличие слабого соседа — Османской империи, значение Юго-Восточной Европы и проливов в экономическом и стратегическом отношении заставляли самодержавие избирать для экспансии ближневосточное направление" (37, 40).

Военно-политическое противостояние между православной Россией и ее южными мусульманскими соседями имело — помимо геополитической и экономической - и конфессиональную компоненту. В результате составной частью региональной политики царизма становилось покровительство христианским народам, прежде всего персидским и турецким армянам, которые рассматривались как лояльный, дружественный и полезный элемент в реализации стратегии расширения России в южном направлении. Как свидетельствуют "Материалы для новой истории Кавказа" русского ученого и высокопоставленного кавказского чиновника П.Г.Буткова (участник персидского похода графа Зубова в 1796 г., инспектор-адъютант при Кавказской инспекции, с 1801 по 1803 гг. — руководитель канцелярии главнокомандующего Кавказской армией), официальная доктрина покровительства армянам зародилась в период персидской кампании Петра I. Как отмечал Бутков, 10 ноября 1724 Петр I, "будучи уже на смертном одре", издал следующий указ: "Генерал-лейтенанту Матюшкину и бригадиру Левашеву повелено также, и это объявлено всему армянскому народу, чтобы всяким образом стараться Армян и других христиан призывать для поселения в занятые российскими войсками персидские провинции: Гилян, Мазандеран, Баку, Дербент и другия удобныя места, принимать их ласково и в прочем содержать во всякой милости и охранении, отводить им в пристойных местах удобные для их поселения земли, и отдавать им в городах и селах те дворы и пожитки, которые пусты; также и тех из магометан, которые явились в какой

противности, или на которых какое подозрение есть, тех выводить вон, а их места занимать оными христианами" (34а, ч. 1, 68). У известного русского военного историка В.А. Потто находим по этому поводу следующую цитату из распоряжения Петра I: "Стараться всячески призывать армян, а басурман зело тихим образом, чтобы не узнали, сколь возможно убавлять" (88а, 144-145).

Стратегический замысел русского царя определялся в данном указе четко и ясно: "Ибо одно из главнейших желаний было государя Петра Великого не только умножить христиан в приобретенных провинциях, но виды его, даже и по трактату с Турками, стремились на Грузию и Армению (34а, ч.1, 68). Данный указ, как указывал Бутков, был подтвержден указом российской Коллегии иностранных дел 11 февраля 1725 г., а после смерти Петра I — соответствующим указом императрицы Екатерины I 22 февраля 1726 г. (там же). По свидетельству русского ученого, в основу отношений петербургского двора с представителями армянского народа (патриархами, меликами и др.) со времени царствования Петра I был положен следующий принцип — "монархи армянский народ, ради христианства, в особливо своей императорской милости содержать благоизволят" (там же, ч.2, 143).

Что касается собственно карабахского фактора, то его включение в региональную стратегию России пришлось, как нам представляется, на 80-ые годы XVIII века и совпало с активизацией политики Екатерины II на ближневосточном направлении. "Когда принятие Грузии под верховную власть российской державы было решено, — отмечал Бутков, — карабахские и карадагские Армяне, чрез тайную посылку, изъявили российскому двору свою преданность и умоляли освободить их от иноплеменного ига, обещая доставить российскому войску изобильное содержание, и уверяя, что в плодотворной их стране 30 тысяч войск чрез 5 лет безнужно они продовольствовать могут". Как указывал автор, данное послание, подписанное 3 марта 1783 г. представителями армянской знати, было благосклонно встречено петербургским двором: "Князь Потемкин, по соизволению императрицы Екатерины, обнадежил их исполнением их желания" (там же, ч.2, 141).

Следует отметить, что именно с именем Г.А.Потемкина российская и советская историографии связывают становление радикальной, силовой линии в политике России на Черном море и Ближнем Востоке. Еще в период первой русско-турецкой войны (1768-1774) фаворит Екатерины II призывал к изгнанию турок из Европы с целью последующего восстановления на освобожденных территориях христианской греческой империи во главе с одним из членов русского царствующего двора (37, 42). Как видно из "Материалов" Буткова, аналогичные планы были у генерал-аншефа Потемкина и в отношении азербайджанских ханств. В качестве

подтверждения этого тезиса можно привести содержание его приказа генерал-поручику П.С.Потемкину, командиру войск Кавказского корпуса: "Предположено было, по утверждении тесной связи с царем Ираклием, Ибраим-хана Шушийского свергнуть, из Карабаха и Карадага составить армянскую, ни от кого, кроме России, не зависимую область; вверить управление соотечественнику и образовать оную сколько можно выгоднее для народа, дабы подражая карабагским Армянам, прочия сильныя армянския провинции (Персии? — так в первоисточнике — прим. авт.) следовали их примеру, и могли бы наконец возобновить в Азии христианское государство. На сей конец определяемо было отправить корпус российских войск из Кизляра и занять Дербент, который бы при открытии начальных действий послужил убежищем Армянам..." (34а, ч.2, 141-142).

Русский историк и кавказовед граф В.А.Потто в своем историческом труде "Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях" (издан в Санкт-Петербурге в 1886 г.) также указывал на то важное место, которое армянский фактор занял в региональной стратегии Петербурга после занятия русскими войсками территории Грузии: "В 1783 году русские войска занимают Грузию, делающуюся с тех пор вассальным царством России. Составляются тогда проекты освобождения Армении, и всемогущий Потемкин входит в деятельные сношения с армянским архиепископом Иосифом, чтобы создать из Армении сильное христианское государство в Азии, под верховным главенством России" (цит. по: 88а, 147-148). Потемкин, подчеркивал автор, "стремился стать царем восстановленной (на территории азербайджанских феодальных образований — прим. авт.) Армении, которая должна была граничить с Персией, Турцией и Россией и иметь гавань в Каспийском море" и в связи с возможным получением этого нового титула и статуса даже заказал за границей "богатую фарфоровую посуду с золотыми гербами древних армянских царей" (там же, 148). С целью реализации данного проекта армянскому архиепископу Иосифу было предложено составить проект договора, "в котором должен был предварительно быть заключен между российским императорским двором и армянской нацией". "На первом плане этого любопытного документа, — отмечал автор, — стояла полная свобода и независимость армянской церкви, и избранный царь Армении, будет ли он армянин или один из преданнейших сподвижников императрицы, — обязывался держаться армянских законов" (там же). Столицей нового царства планировалась Ани или Эчмиадзин. По утверждению русского историка, "в политическом отношении Армения проектировалась состоящей под покровительством России. Небольшой русский отряд должен был занимать страну для защиты границ ее от нападения турок и персов, а один из армянских царевичей — находиться постоянно при дворе императорском. Армянское царство обязывалось

уделять России часть добываемого им серебра и золота. В случае войны обе державы должны были помогать друг другу" (там же, 149). Важно отметить, что Потто, как и Бутков, подчеркивал центральное значение Карабахского ханства в реализации данного проекта: "Таким образом, капиталы уже имелись в виду, — оставалось действовать. Решено было начать с Карабагского ханства, — свергнуть Ибрагим-хана и посадить на его место правителя из армян. Самая кампания предполагалась летом 1784 года; готовились уже войска" (там же, 150).

Однако реализация данного плана вскоре была приостановлена. Столкнувшись с сопротивлением европейских стран (прежде всего Франции) планам российской экспансии в Азербайджан и учитывая более приоритетное место крымского вопроса в своей восточной политике, Екатерина II выбрала умеренную стратегию взаимоотношений со своими южными соседями — полунезависимыми азербайджанскими ханствами и Персией. Она предприняла попытку укрепить влияние России в этом регионе через дипломатию и использование противоречий и борьбы за шахский престол в правящих персидских кругах, и, в частности, используя шахские амбиции исфаганского правителя Али-Мурад-хана.

А что же армяне? Как это часто было в их истории (до и после описываемых событий), они оказались проигравшей стороной в военно-политическом противостоянии региональных держав. "Армения ("царство" не создано, но название давно уже живет самостоятельной "политической" жизнью — прим. авт.) вновь предоставляется своей судьбе и подвергается мести за свои стремления, — отмечал Потто. — Персияне и Ибраим-хан карабагский начинают среди них страшные неистовства. Армения снова обогрется кровью; преданные России карабагские мелики истребляются почти погловно, и лишь немногие из них успевают бежать в Тифлис, к царю Ираклию" (там же). Петербург, однако, не отказался от использования армянского фактора и стремился сохранить армян в качестве надежного этноконфессионального инструмента своей будущей политики в регионе. Как отмечал Бутков, армяне "были ласкаемы и питаемо было в них благое расположение к России, дабы иметь их всегда усердными и готовыми к совершению предприятий, которых обстоятельства и польза дел наших востребуют" (34а, ч.2, 145).

До конца XVIII в. Петербург, занятый русско-турецкой войной 1787-1791 гг. и опасаясь создания нового очага напряженности и конфликта в регионе, воздерживался от активных действий на южном (азербайджанском и персидском) направлении, хотя, как подчеркивал Бутков, российская императрица не оставляла надежд подчинить этот регион своему влиянию. По его утверждению, Екатерина II "за неперемное условие предполагала оставить отчасти в непосредственном владении нашем, отчасти же под

покровительством нашим области при Каспийском море лежащие и весь край азербиджанский". "Сии предположения, — указывал русский исследователь, — оставались непременны до кончины императрицы Екатерины, и дозволено было начальствовавшим у Кавказа принимать под верховную власть и покровительство российской державы всех владельцев приморских и к западу в Азербиджан лежащих" (там же, 155).

В этот период и вплоть до начала XIX в. азербайджанские ханы сохраняли свою шаткую независимость от Персии, играя на противоречиях между основными участниками "большой кавказской игры" (Россия, Персия и Турция), вступая в различные альянсы друг с другом и правителями Картло-Кахетинского и Имеретинского царств. Но в рамках этого политического лавирования уже в начале 90-ых гг. XVIII в. стремление сблизиться с более сильной и передовой Россией, заручиться поддержкой петербургского двора постепенно, по мере укрепления имперского могущества и регионального авторитета Петербурга, становилось ведущим мотивом в дипломатии правителей азербайджанских ханств, и, прежде всего, Карабахского ханства.

О значимости Карабаха в истории азербайджано-российских отношений говорит и тот факт, что именно с него начался процесс поэтапной интеграции азербайджанских земель в состав Российской империи. 14 мая 1805 года в лагере русских войск на берегу речки Курекчай (в 20 км. от современной Гянджи) был подписан проект "Трактата" о "вступлении Ибрагим-хана Шуши некоего и Карабахского со всем его семейством, потомством и владениями в вечное подданство Всероссийской Империи" (26, т.2, 705), положившего начало процессу присоединения к России одного из самых влиятельных азербайджанских ханств — Карабахского. Следует при этом отметить, что первыми азербайджанскими территориями, присоединенными к России, стали азербайджанские султанаты Борчалы, Казах и Шамшадил, включенные императором Александром I в состав России вместе с Картли-Кахетинским царством в сентябре 1801 г. (манифест о присоединении Картли-Кахетии был издан Павлом I в январе 1801 г.).

В строго юридическом смысле "Курекчайский Трактат", в котором карабахский хан продекларировал свой отказ от "всякой зависимости от Персии или иной державы" и признание над собой лишь власти России, не носил характер договора. Майский Трактат стал своеобразным односторонним "протоколом о намерениях", символизировавшим лояльность хана и его стремление войти в подданство Российской империи. Заложенные в нем князем П.Д. Цициановым (с сентября 1802 по 1806 гг. инспектор Кавказской линии и главнокомандующий русскими войсками на Кавказе) от имени России обязательства вскоре были подтверждены в ряде Высочайших Указов Александра I. В соответствии с одним из них (Указ от 8

июля 1805 г.) российский император произвел карабахского хана в чин генерал-лейтенанта русской армии с выдачей соответствующего данному чину ежегодного жалования "серебряной монетой". Ибрагим Халил-хану была выдана также Грамота, утверждающая его и его преемников "потомственно на Ханском Достоинстве", а также знамя с государственным гербом Российской империи и сабля, которые символизировали признание Александром I ханского статуса Ибрагим Халил-хана и вступление в силу верноподданнических отношений между Карабахским ханством и Российской империей. Окончательно переход ханства в состав России был закреплен подписанием в 1812 г. Гюлистанского "Трактата о вечном мире и дружбе" между Россией и Персией.

Курекчайский трактат и утвердившие его императорские Указы открыли первую страницу в новой, азербайджано-русской истории Карабаха, положив начало его интеграции в состав России. Он стал логическим завершением не прекращавшихся с начала 90-ых гг. XVIII в. дипломатических усилий и внутрирегионального лавирования Ибрагим Халил-хана Карабахского, подчиненных задаче установления союзнических отношений с Россией, а также с закавказскими государственными образованиями в рамках создания широкой военно-политической коалиции, направленной против попыток каджарской Персии установить контроль над де-факто "отколовшимися" от Персии и независимыми от нее азербайджанскими ханствами.

Архивные документы свидетельствуют о том, что Карабахское ханство присоединилось к России как подлинно азербайджанское феодально-государственное образование с точки зрения преобладавшего на его территории азербайджанского населения (в архивных документах оно часто именуется "магометанским", "татарским" или "татаро-мусульманским") и азербайджанской принадлежности правивших в нем социально-политических элит (ханской семьи, владельцев крупных земельных угодий, беков, духовенства и т.д.). Карабахскому хану Ибрагим Халил-хану, правившему ханством 43 года (1763-1806), принадлежала большая часть сел, имущества, садов и пашен ханства, что было подтверждено и видными представителями армянской знати Карабаха в кабале (удостоверяющем документе) 11 сентября 1798 г. Данные владения и села названы в кабале "наследием хана и его родственников" (56, 55-56). Азербайджанская принадлежность ханства подтверждается также текстом преамбулы проекта Трактата от 14 мая 1805 г., где констатируется "вступление Ибрагим-хана Шушинского и Карабахского со всем его семейством, потомством и владениями в вечное подданство Всероссийской Империи" (26, т.2, 705).

Следует отметить, что с самого начала процесса интеграции Карабаха в российскую имперскую систему он стал для России и ее закавказской

политики важным стратегическим символом. В своем сообщении российскому императору от 22 мая 1805 г. князь П.Д. Цицианов, указывая на важнейшие геополитические и экономические преимущества, связанные с присоединением данного региона, отмечал следующее: "Польза, от сего приобретения происходящая, для России состоит: 1) в том, что Карабаг по своему местоположению может быть почитаем воротами в Азербайджан (имелся ввиду персидский, южный Азербайджан — прим. авт.), следовательно и Персию, а потому и будет держать их в страхе; 2) Карабагом сближается Грузия с г. Баку, предположенным к занятию сей осени; 3) когда в Сальяне возведено будет укрепление и Джевад — место, где Кура с Араксом соединяется, будет от Ширванского хана отнята, яко всегда принадлежавшее местечко Карабагскому хану, тогда из Астрахани сюда могут приходить в Джевад или Сальян с товарами ничего не значущими и получают взамен оных из Карабага и Шемахи шелк, а из Елисаветполя квасцы, в казну Е.И.В. покупаемые от промышленников добровольно по 80 коп. за пуд, когда из Астрахани продается квасцов пуд по 15 руб." (26, т.2, док. 1425, с.698 и док. 1431, с. 701).

К моменту присоединения Карабаха к России российский ученый Н.Дубровин дал следующее описание его географического положения: "Карабагское ханство ограничено: с севера Ганжою, Шекою и Ширваном; с востока Муганской степью; с юга и юго-востока р. Араксом; с запада Нахичеванским ханством и частью Эриванской области. Изобилуя лесами, Карабаг получил от них и свое название, означающее на татарском языке черный сад" (51, 325-326). Описывая географию и историю этого региона, другой русский ученый — Н.Н.Шавров, непосредственно принимавший участие в мероприятиях имперской кавказской администрации по колонизации закавказских территорий, отмечал, что "оседлое же туземное население, принадлежащее к татарскому Адзербейджанскому племени, располагалось с давних времен вдоль берегов Куры и Аракса и около Тальшинских гор" (107, 37).

Интеграция Карабахского ханства в состав России облегчалась объективной заинтересованностью хана, его двора и местных элит в выходе из сферы персидского влияния и переходе под российский протекторат. Не случайно поэтому, что весной 1806 г., когда иранская армия численностью в 20 тыс. человек, вторглась в пределы Карабаха, карабахский Ибрагим Халилхан подтвердил свою новую политическую ориентацию конкретной военной поддержкой, направив на помощь русским войскам азербайджанскую иррегулярную конницу численностью в тысячу сабель (102, т.2, 6). Отмечая преданность хана России, русская печать того периода признавала, что "во всем Азербайджане оставался один только Ибрагим-хан Шушинский, при всех усилиях персиан власти их не покорившийся; почему, разорив

окрестности Шуши, неприятели оставили оные в надежде на лучший успех в будущем весеннем походе" (87, 106). Несмотря на столь очевидные усилия хана и его двора по сближению с Россией, в 1806 году, когда иранские войска приблизились к Шуше, переселившийся в Ханкенди Ибрагим-хан и вся его семья, кроме сына Мехдигулу-ага, были казнены майором русской армии Лисаневичем, который необоснованно заподозрил хана в возможном предательстве в случае похода иранской армии на Карабах. Давая оценку длительному периоду правления карабахского хана, В.А.Потто отмечал: "пятьдесят два года властвовал Ибрагим в Карабахе, пятьдесят два года отстаивал свою независимость от Персии, и геройская оборона Шуши против громадных полчищ аги-Мохаммед-хана составляет бесспорно один из лучших моментов военной истории этого воинственного края" (цит. по: 88а, 112).

Однако после казни Ибрагим-хана статус Карабахского ханства как территории, сохранившей в условиях внешнего российского протектората свою внутреннюю самостоятельность и целостность, не изменился. Российский император Александр I подтвердил свои прежние, зафиксированные в Высочайших Указах июня-июля 1805 г., обязательства в отношении сохранения целостности Карабахского ханства и принадлежности его владений сыну и преемнику Ибрагим-хана. 10 сентября 1806 года он назначил своим указом сына казненного хана — Мехдигулу ага - новым правителем Карабаха. В императорском Указе в связи с этим отмечалось: "Мы, Император Александр I заявляем: Пусть все высшие улемы, уважаемые главы, выдающаяся и потомственная знать, беки, полководцы, сельские старосты, старейшины и все подданные Карабахского вилайята знают, что в прошлом году покойный Ибрагим хан вместе с нашим царским наместником генералом князем Цициановым составили "Клятвенное обещание", и генерал тотчас же доставил его в императорский дворец. После ознакомления с требованиями и условиями данного "Клятвенного обещания", Мы, встретив все выдвинутые покойным ханом требования и пожелания своими бесконечным царственным благоволением и заботливостью, взяв его со всем населением Карабаха под свое покровительство, объявили покойного Ибрагим хана независимым правителем Карабахской области. И дали гарантии, что все подданные Карабаха, состоящие в подданстве империи, всегда будут надлежащим образом окружены защитой императора, и его потомственные наследники во веки веков из рода в род будут обеспечены правом, восседая на ханском престоле, независимо господствовать".

В указе российского императора подтверждалась преемственность главного принципа политики Петербурга в отношении нового правителя Карабаха - обеспечение его независимости во внутриванских делах при сохранении зависимости в вопросах внешней политики: "И после

прискорбного случая казни Ибрагим хана в результате смуты благожелательные намерения и благорасположенность Его Превосходительства относительно обеспечения независимости своих верноподданных остаются неизменными. Оставаясь верным данному слову. Его Превосходительство своей царской милостью утвердив высокопоставленного наследника генерал-майора Мехдигулу ага на месте его покойного отца, возвел его на престол хана Карабахской области и подтверждает это решение императорским Указом". Все права, данные Ибрагим хану, передавались Мехдигулу хану, и всему населению Карабаха вменялось "подчиняться ему, исполнять его повеления, исполнять все предписания относительно повелений и власти хана" (цит. по: 21).

Касаясь вопроса об этнической структуре населения ханств, присоединенных к России в начале XIX века, следует отметить, что существуют многочисленные свидетельства, подтверждающие доминирующее положение азербайджанского этноса не только в Карабахском, но и в Эриванском и Нахичеванском ханствах. Османский ученый Эвлия Челеби отмечал в связи с этим, что "еще в середине XVII века в Эривани было 2500 домов, то есть 10000-12000 жителей. Азербайджанское население составляло более половины" (цит. по: 42, 46). Об абсолютном большинстве азербайджанцев в Эривани во второй половине XVIII в. сообщается в сведениях иезуита Монье, миссионера в Эривани (там же), а армянский историк А.Г Иоаннисян, ссылаясь на источники первой четверти XVIII в., подчеркивал: "Армяне составляют четвертую часть населения города Еревана, а азербайджанцы большинство" (там же). В описаниях, составленных майором русской армии Матушевичем от 10 сентября 1806 г., отмечалось, что "людность Нахичеванской области до 5000 семейств, большею частью — татарских..." (88, 371).

Что же касается численности карабахского населения в момент присоединения Карабахского ханства к России, то при рассмотрении данного вопроса заслуживают внимания следующие свидетельства. В одном из своих рапортов главнокомандующему начальник карабахского отряда русских войск Котляревский отмечал, что "в Карабаге при вступлении в подданство России в 1805 г., по моим расспросам, считалось до 10000 семей, а по ведомости, сделанной в 1808 г., — 7474" (26, т.5, док. 696). Следует отметить, что произошедшее за указанные годы сокращение численности населения ханства было вызвано разорениями карабахских земель и уводом в персидский плен многих тысяч мирных жителей в ходе русско-иранских войн.

В другом документе — записке, представленной министру внутренних дел России О.П. Козодавлеву от 19 июля 1811 г. по данному вопросу, указывалось: "В Карабахском владении считается жителей до 12 тысяч

семейств, в том числе армян до 2500 семейств, а прочие суть татары магометанского исповедания" (88, 560-562). О преобладании мусульманского населения в Карабахе указывалось и в рапорте Ф.О. Палуччи (главнокомандующего российскими войсками в Грузии — прим. авт.) императору Александру I от 27 марта 1812 г. (там же, 597).

Приведенные цифры подтверждаются следующим комментарием В.А.Потто: "Ермоловские времена (Ермолов был назначен наместником Кавказа в 1816 г.) застали Карабаг в положении весьма печальном. Из некогда богатого населения, простиравшегося до двадцати четырех тысяч семейств, теперь не оставалось в нем и половины. Персидские войны, делавшие Карабаг по преимуществу ареной военных действий, совершенно разорили страну; огромное количество жителей увлечено было в плен, не меньшее — разошлось по разным местам. В равнинах Карабага, прилегавших к персидским границам, никто не осмеливался даже и селиться. Повсюду виднелись там лишь развалины сел, остатки обширных шелковичных садов и запущенные, заброшенные поля" (88а, 114).

24 октября 1813г. Гюлистанский трактат, завершивший русско-иранскую войну 1805-1813 гг., оформил отказ Персии от притязаний на 7 северо-азербайджанских ханств, в том числе и на Карабахское ханство, и вхождение всего Северного Азербайджана в состав России до реки Аракс и Зангезурского хребта. Американский ученый Т.Свиетоховский отмечает, комментируя содержание данного документа, что "шаху было отказано в притязаниях на ханства Северного Азербайджана на основании того, что они были независимы задолго до их завоевания Россией", и делает в связи с этим вывод, что "это явилось первым и единственным признанием независимости Азербайджана, хотя и в прошедшем времени" (93, №1, 85). Заметим попутно, что в русско-иранской войне 1804-1813 гг. в составе русской армии приняли участие 10 тыс. конных и около 12 тыс. пеших ополченцев-азербайджанцев. В русско-турецкой войне 1806-1812 гг. приняли участие азербайджанские иррегулярные конные формирования численностью до 3700 чел. (54, 150).

В 1822 г. завершился "ханский период" карабахской истории — Карабахское ханство было ликвидировано, на его месте образована одноименная провинция. Но, несмотря на сужение властных полномочий правящих феодальных кругов, имперская власть сохраняла относительную самостоятельность внутривинциальной политики местных социальных элит, оставляя в своих руках лишь вопросы обеспечения внешней безопасности провинции и региона в целом. В этот же период имперские власти приступили к более активному изучению экономического потенциала региона, его социальных и демографических характеристик. Не случайно, что именно на данном этапе появляется первый документ, сообщающий подробные сведения об этническом составе населения Карабаха —

"Описание Карабахской провинции" (86). Согласно данным опубликованного в "Описании" Налогового реестра, в провинции имелся один город — Шуша, и около 600 сел (450 азербайджанских и 150 армянских), в которых проживало около 20 000 семей или около 90 000 жителей, почти 80% которых были азербайджанцами (Таблица №1 приводится по: 56, 39).

Таблица 1

Национальная принадлежность	Число семей	в городе Шуша	в деревне
Азербайджанцы	15.729	1.111	14.618
Армяне	4.366	421	3.945
Всего	20.095	1.532	18.563

Приводимые в таблице данные подтверждаются и другими источниками (54, 71), в которых, в частности, отмечается, что в начале XIX в. численность населения Карабахского ханства составила 84 тыс. человек.

10 февраля 1828 г. между Россией и Ираном был подписан Туркменчайский мирный трактат, завершивший русско-иранскую войну, активным участником которой было местное азербайджанское население. В 1826-1828 гг. в ходе данной войны значительную помощь русской пехоте оказала сформированная из азербайджанских добровольцев карабахская иррегулярная конница. По признанию генерала Ермолова, "конные пограничные караулы, составленные из азербайджанцев карабахской провинции, после изгнания неприятеля из Ширванской и Шекинской провинций, были сведены в единое конное ополчение и направлены против иранских войск" (цит. по 54, 106).

Туркменчайский договор положил начало новому этапу геополитической, административной, культурной и экономической интеграции северо-азербайджанских ханств в российскую имперскую систему, важнейшим элементом которой стало организованное переселение армян из южно-азербайджанских ханств Персии на территорию Карабаха и других азербайджанских ханств. В этот период в Карабах были переселены 18 тысяч армянских семей, для расселения которых были образованы новые деревни - Марагалы, Джанйатаг, Йухары Чайлы, Ашагы Чайлы и др. По данным русского этнографа и историка Зелинского, за исключением населения трех зангезурских деревень, жители всех армянских деревень являлись пришельцами из приграничных провинций Ирана - Карадага, Гермели, Хоя и Салмаса (53,10).

По условиям трактата Иран уступал России "в совершенную собственность ханство Эриванское по сю и по ту сторону Аракса и ханство Нахичеванское" (цит. по 54, 211), и уже 9 марта, как отмечает русский

писатель Глинка С.Н (1775-1847), "армяне из различных селений, смежных Туркменчаю, двинулись в Карабах" (40, 48). Процесс переселения армян был частью колонизационной политики царизма и предусматривал в качестве одной из важнейших целей, что "умножение водворенного христианского соплеменного народа может поставить на рубеж России надежный оплот к отражению неприязненных действий сопредельных жителей оной, особенно Турок, Персиян и Горцев" (там же, 93). Но, как нам представляется, армянская колонизация была все же не конечной, а промежуточной целью в региональной стратегии Петербургского кабинета по защите своих южных рубежей. Позднее, в беседе с начальником канцелярии Кавказского наместничества С.В.Сафоновым в 1846 г., Николай I высказался за развитие этого процесса, поддержав идею создания военных русских поселений на границе с Персией и Турцией, "дабы иметь разделение между народами, сходными по религии и обычаям" (цит. по 38, 295). Однако в силу нехватки финансовых средств, неповоротливости петербургского бюрократического аппарата и сложного военно-политического положения в данном регионе идея российского императора не была реализована. В результате, как будет показано ниже, армянская иммиграция возобладавала над русской и к концу XIX- началу XX вв. превратилась в фактор, угрожающий русским интересам в Закавказье.

С февраля 1828 г. Карабах становится основным направлением армянской иммиграции. Как отмечал Глинка, "неожиданный прилив народа в области вновь завоеванные, произвел в них недостаток в хлебе. В это время полковник Лазарев (назначенный 26 февраля главноуправляющим Кавказа И.Ф. Паскевичем ответственным за процесс переселения персидских армян 15 Закавказье - прим. авт.) получил предписание "стараться направить путь переселенцев вместо Ханств Нахичеванского и Ериванского, в Ханство Карабах, где по предположениям ожидали, что есть запасы изобильные и надежные" (40, 87). В конце марта 1828 г. в городе Урмия и других южно-азербайджанских городах Персии с компактным проживанием армян было распространено обращение полковника Лазарева, в котором он сообщал следующее: "По доверенности ко мне армянского народа, по долгу обязанности, возложенной на меня Главнокомандующим нашим, объявляю вам, что великодержавный Монарх Российский дает желающим переселиться надежное, спокойное и счастливое убежище в Его государстве. В Эриване, Нахичевани и Карабахе, где сами изберете, получите вы в изобилии хлебодородную землю, отчасти засеянную, коей десятая только часть обрабатывается в пользу казны", "получите все и навсегда" (там же, 108 и 110). Примечательно, что подлитые цели переселения также провозглашались открыто. В городах, "щедро наделенных природою", — убеждал Лазарев, — возникнут цветущие селения", "появятся и города",

"соберутся рассеянные по лицу земли племена армянские, и под державою Николая первого воскреснет царство армянское..." (там же, 44).

Следует отметить, что реализацию переселенческого процесса обеспечивали армянские чиновники и офицеры, находившиеся на службе в имперской администрации в Закавказье и в русской армии. Как отмечает армянский исследователь С.М.Минасян, "общее руководство по организации переселения было поручено полковнику Е.Лазареву. М.З. Аргутинского-Долгорукова (подполковник русской армии, представитель грузинской ветви армянской княжеской династии Аргутинских-Долгоруких — прим. авт.) "по известному усердию его и знанию армянского языка" назначили помощником полковника Лазарева. Им содействовали бывший командир 2-ой армянской дружины поручик Акимов, прапорщик Шахназаров, майор С.Меликов, титулярный советник М.Ениколопов и другие армянские офицеры". "Следует признать, - подчеркивает Минасян, — что главная заслуга в организации успешного переселения армян принадлежала не столько Е.Лазареву, сколько подполковнику М.З.Аргутинскому. Об этом прямо указывали в своих докладах генерал-майоры Панкратьев и Чавчавадзе и руководитель русской дипломатической миссии А.С. Грибоедов" (82, 51).

21 марта 1828 г. в соответствии с указом российского императора Николая I, были упразднены азербайджанские Нахичеванское и Эриванское ханства, и на их месте образована новая административная единица под названием "Армянская область", в 1849 г. переименованная в Эриванскую губернию. Обращает на себя внимание тот факт, что еще в 1827 г., то есть за год до присоединения двух данных ханств к России, в регионе было создано "Временное областное правление" (в его состав был введен армянский епископ Нерсес Аштаракский) для содействия более организованному проведению иммиграции персидских армян. Примечательно также, что населенные преимущественно азербайджанцами Нахичеванское и Эриванское ханства стали именоваться "Армянской областью" даже раньше официального указа императора. Первое упоминание о новом названии данных ханств, произведенном от названия проживавшего в них этнического армянского меньшинства, содержится в указе Николая I Сенату от 15 марта 1828 г. о присвоении графского титула И.Ф.Паскевичу, в марте 1827 г. назначенного вместо Ермолова главнокомандующим Кавказским корпусом и главноуправляющим Кавказом: "В воздаяние отличного усердия и важных отечеству заслуг генерал-адъютанта нашего, генерала от инфантерии Паскевича, многими блистательными победами в продолжение счастливо прекратившейся ныне с Персией войны приобретшего новую славу нашему оружию и увенчавшего сии подвиги заключением выгодного во всех отношениях мира, коим пределы государства распространяются за Аракс, и присоединяется к владениям нашим область Армянская, — всемилостивейше

жалуем его и потомство его в графское Российской империи достоинство, повелевая ему отныне именоваться графом Паскевичем-Эриванским" (цит. по: 38, 350.).

Появление в официальных документах термина "область Армянская" отражало не признание каких-либо исторических факторов или демографических реалий, а носило очевидный политический программный характер. Паскевич, например, касаясь численности и этнического состава населения Эриванского ханства, отмечал, что в крепости Эривани и "Эриванской области считают 10000 семейств магометанских (азербайджанских — прим. авт.) и только 3000 армянских" (цит. по 54, 205). Во втором томе "Актов Кавказской археографической комиссии" — важнейшем архивно-документальном источнике об истории Кавказа и Закавказья за период 1762-1863 гг., Карабах рассматривается как "мусульманское владение". В 18-ом разделе данного тома, озаглавленном как "Закавказские мусульманские владения", перечислены 13 таких владений, в том числе Эривань, Карабах, Баку и др. (84, 354). В.А. Потто также описывает их как "мусульманские" и "татарские ханства" (88а, 92). "Армянское" происхождение данных территорий не просматривается не только в официальных документах, но и на официальных картах того периода. В частности, в изданной в Петербурге в 1819 г. карте региона, границы на которой были уточнены по итогам проведенных в том же году русско-персидских переговоров, отчетливо видно, что территория географической Армении, расположенной в северо-восточной части Турции, не доходит до линии р. Аракс и границ Эриванского и Нахичеванского ханств, которые в тот период находились в составе Персии.

Преобразование территорий Эриванского и Нахичеванского ханств в "Армянскую область" было продиктовано имперской логикой Петербурга, который в процессе геополитического продвижения на юг был заинтересован в создании буферной полосы из политически надежного (в его представлении) этно-конфессионального элемента в пограничной зоне соприкосновения с соседними мусульманскими империями. В итоге появление области с программным названием "Армянская" поставило политику Николая I в один преемственный ряд с политикой Петра I и Екатерины I, которые, соответственно, в начале и конце XVIII в. рассматривали в качестве важной государственной и внешнеполитической задачи создание "Армянского царства" на южных рубежах России. Это решение стало первым шагом в долгосрочной стратегии Петербурга по превращению территорий азербайджанских ханств в армянский "буфер" России на стратегически важных турецком и персидском направлениях. После образования Армянской области ее начальниками были сначала

грузинский князь А.Г. Чавчавадзе, а затем генерал В.О. Бебутов (1830-1838 гг.), происходивший из армянского княжеского рода.

В середине марта 1828 г. начался (и в июне 1828 г. завершился) первый этап переселения армян, который Глинка подытожил следующим образом: "Вот беспристрастное и точное описание переселения армян Аддербиджанских в недра России: в три месяца более 8000 семейств перешли за Аракс. На вспоможение им и на непредвиденные расходы выдано 14000 червонцев и 400 руб. серебром. Со столь ограниченными издержками Лазарев присовокупил к России около 40.000 новых подданных... они с новым рвением охотно будут содействовать к общей промышленности нового своего отечества" (там же, 92). Сам Лазарев в своем отчете привел цифру 8249 семейств (там же, 131). Важно отметить, что большая часть этого потока сразу же была направлена в Карабах. Как отмечал В.А.Потто, "свободных земель (в Эриванском ханстве — прим. авт.) не было, и большую часть переселенцев пришлось отправить отсюда в Карабаг" (цит. по: 88а, 163). Далее начинается процесс стихийного неорганизованного переселения армян на территорию мусульманских ханств: "В последующее время переселение Турецких Армян в пределы России есть следствие и продолжение первоначального переселения Персидских Аддербиджанских армян" (там же, 141).

10 июля 1828 г. в письме русского поэта и дипломата Грибоедова А.С., назначенного 15 апреля 1828 г. полномочным министром России в Персию, высокопоставленному сотруднику российского МИД Родофиникину К.К. также приводятся цифры, дающие ясное представление о масштабах политики иммиграции армян: "Хойская провинция еще занята нашими войсками, и более 8000 семейств армянских переселены уже по сю сторону Аракса, остальные вслед за ними вслед выводятся" (41, т.2, 300). В более поздних своих письмах (начало декабря 1828 г.) из Тебриза Грибоедов с неудовольствием сообщал о своей миссии по защите имущественных прав переселявшихся в Закавказье армян: "К нам перешло до 8 тысяч армянских семейств. И я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя, однако охраняю их достояние и даже доходы; все кое-как делается" (там же, 319). "Одних выселенцев из армян к нам перешло до 8 тысяч семейств, - сообщал русский посланник в Персии в другом письме, — и я теперь их общий стряпчий, и должен иметь хождение по их делам, за их дома, сады, мельницы!!" (там же, 325-327). Указанные цифры подтверждаются данными, приводимыми русским историком Зелинским, который указывает на переселение 8.249 армянских семей, размещенных в Эриванской губернии, Карабахской провинции и Шемахинском уезде (53,10).

Следует отметить, что письма и сообщения Грибоедова-дипломата имеют особый "вес" и заслуживают пристального внимания исследователей,

занимающихся вопросами колониальной политики России в Закавказье и межэтнических отношений в данном регионе. С момента своего назначения секретарем русской миссии в Персию в апреле 1818 г. и вплоть до своей трагической смерти в Тегеране в результате разгрома русской дипломатической миссии в январе 1829 г. Грибоедов долгое время находился в Закавказье (с октября 1818г. по январь 1819 г., с сентября 1826 г по февраль 1828 г. и с июля по сентябрь 1828 г.) и Персии (в Тегеране и Тебризе с февраля 1819 г. до ноября 1821 г. и с октября 1828 г. по январь 1829 г.), был свидетелем ирано-турецкой и русско-персидской войн, сопровождал английских путешественников в поездке по Кавказу и Закавказью. Великий русский поэт и драматург был ведущим дипломатическим чиновником при Ермолове, а в "кабинете" Паскевича фактически играл роль "первого вице-премьера" и "министра иностранных дел". Он курировал отношения с Персией и Турцией, а также с горцами и представителями европейских стран в регионе, выработал и обеспечил подписание мирного договора с Персией (он же и вручил текст подписанного договора Николаю I), вел основную работу по гражданскому управлению краем, решая самые различные вопросы внутренней жизни на присоединенных к России территориях Эриванского и Нахичеванского ханств — от административного устройства и отношений с местными ханами, беками и вождями до культуры, образования, печати и судопроизводства. Все это говорит в пользу того, что русский поэт и дипломат был одним из ведущих в имперской администрации специалистов по закавказским и персидским делам.

Кроме того, в Закавказье Грибоедов проявил себя не только как талантливый дипломат, но и как прозорливый государственный деятель. Выступая за продвижение российского влияния далее за Аракс, он предлагал провести границы России по хребту Каflan-ку, географически отделявшему Южный Азербайджан от остальной территории Ирана. Данная инициатива была отклонена императором по причине того, что она могла, как он отметил, "охладить дружественные наши связи с первенствующими державами в Европе" (цит. по: 110,443). Грибоедов стал автором такого важного государственного проекта, как "Положение об управлении Азербайджаном" (август 1827г.), который существенно опередил свое время и мог превратиться в инструмент широкомасштабного переустройства региона. Несмотря на короткий срок применения "Правил", в основу которых была положена идея широкой внутренней автономии южно-азербайджанских ханств, уважительное отношение к местным национальным обычаям и религиозным традициям, именно с этими "правилами" связывали порядок и стабильность в занятых азербайджанских областях, рост доверия местных социальных элит к представителям колониальной администрации (там же, 437-439 и 443).

7 сентября 1828 г. в Тифлисе был опубликован еще один подготовленный Грибоедовым документ — "Проект учреждения Российско-Закавказской компании". Направленный на преобразование региона, данный документ касался и положения армян-переселенцев и убедительно свидетельствовал о пришлое характере армянского населения: "Нижеподписавшиеся почитают долгом при сем коснуться состояния армян, вновь перешедших в российские пределы из-за Аракса. Многочисленная сия эмиграция, хотя побужденная словами Тюркменчайского трактата, но при подписании оного никак не могла быть предвидена". "Исполнена же она была, — отмечал автор, — в первые четыре месяца по замирении; ничего не было и не могло быть приготовлено к их принятию. Для сего денежных пособий недостаточно; собственное их незнание края, для них нового, может быть для них гибельно; перемена воздуха из знойного в суровый, при возвышенной полосе наших областей и наоборот, все сии затруднения могут еще продлиться" (41, т.2, 94).

В середине сентября 1828 г., направляясь из Тифлиса в Тебриз и пересекая новую российско-иранскую границу, Грибоедов отправил Паскевичу "Записку о переселении армян из Персии в наши области", в которой дал более чем убедительную оценку последствиям переселения армян на азербайджанские земли: "Вашему сиятельству угодно было узнать достовернее через меня о способах, которые приняты к переселению армян из Азербейджана (речь шла о персидском Азербейджане — прим. авт.), и о нынешнем их водворении в наших областях. Вот истина по сему предмету, как она мне известна. Полк. Лазарев почитал себя главным побудителем этой эмиграции. Деятельными орудиями при переселении были: князь Аргутинский, Гамазов, а другие подчиненные офицеры действовали уже под их влиянием. Полк. Лазарев помышлял только о сочинении прокламаций, довольно неуместных, между прочим о формировании регулярного армянского ополчения, полагая даже включить в круг своих замыслов, хотя благонамеренно, но необдуманно, и самый Карабах и прочие области, имеющие свое начальство и где особенной власти от давно учрежденных не могло быть допущено". "Армяне, - признавал Грибоедов, — большею частью поселены на землях помещичьих мусульманских. Летом это еще можно было допустить. Хозяева, мусульмане, большею частью находились на кочевьях и мало имели случаев сообщаться с иноверными пришельцами... Переселенцы находятся сами в тесноте и теснят мусульман, которые все ропщут и основательно..."

Грибоедов рассчитывал, что сможет смягчить протестные настроения и недовольство местного азербайджанского населения армянской иммиграцией с помощью официальных представителей российской власти в регионе: "Много должно ожидать от старания тех, которые ныне заведывают

водворением пришельцев, особенно от кн. Аргутинского. **Так же мы с ним немало рассуждали о внушениях, которые должно делать мусульманам, чтобы помирить их с нынешним их отягощением, которое не будет долговременно, и искоренить из них опасение насчет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили.** В том же смысле говорено мною и полицеймейстеру, членам правления и ханам, которые у меня здесь были" (выделено нами - прим. авт., 41, т.2, 339-341).

Современный российский ученый Цимбаева Е.Н., автор первой в России научно-художественной биографии гениального создателя "Горе от ума", стала одним из немногих исследователей, обративших внимание на негативные для местного населения присоединенных азербайджанских ханств последствия переселения армян (интересно также, что в этой книге впервые рассматривается — в качестве одной из основных — версия причастности персидских армян к убийству великого русского поэта (110, 531-532)): "Переселение армян из Южного Азербайджана устроили так плохо, что в Нахичеванской области в разных ее частях на каждых двух старожилов приходилось не менее одного переселенца. Естественно, край не мог выдержать такого наплыва людей, которым требовались жилье, питание и которые, к негодованию местных, по трактату освобождались от налогов на шесть лет" (там же, 488).

Цимбаева здесь опирается на рапорт Грибоедова Паскевичу от 1 октября 1828 г., в котором российский дипломат вновь призвал Паскевича внести изменения в переселенческую политику кавказской администрации: "В Нахичеванской области нашел я еще более беспорядка и притеснений от переселения армян, нежели в Эриване. Вашему сиятельству известно, как скудна прежними жителями и как небогата сия провинция. Здесь армянам, пришельцам, лучше, нежели в ином месте, где я их встречал; но брожение и неудовольствие в умах татарских доходит до высочайшей степени". В подтверждение своих слов Грибоедов привел конкретные цифры, из которых видно, что на 1632 местных жителя, проживавшего в Нахичеванской области (из них 1228 мусульман и 404 армянина) пришлось 2024 новопоселенных армянина. "Несоразмерность сия, — отмечал автор, — превышает всякое понятие; можно смело сказать, что после сего ни казна от жителей, ни жители от своего достояния ничего не получают, а от пришельцев правительство обязалось в течение шести лет ничего не брать" (113).

В другом месте автор также не скрывает своего отношения к дискриминационной переселенческой политике местных властей: "Я, коль скоро прибыл в Нахичевань, то меня обступили беки, султаны, все с ропотом справедливым на стеснение, о котором я выше упомянул. Отговориться было нечем. Тратить пустые слова было бы бесполезно, ибо собственная нужда к ним слишком близка: они требуют дела и скорой помощи" (там же).

Призывы российского посланника в Персии к проведению соразмерной переселенческой политики были мотивированы не столько опасениями за судьбу азербайджанского населения присоединенных к России ханств, сколько стремлением обеспечить стабильность в новоприобретенных землях, их успешную интеграцию в российскую имперскую систему, эффективный внутренний административный и социальный порядок. Предлагая Паскевичу переселить до 500 армянских семей к северу от Нахичевани, Грибоедов отмечал, что "гораздо менее неудобства заслужить ропот 100 или 150 семейств, нежели целой провинции, новоприобретенной и пограничной, которую мы, наконец, заставим вздыхать о прежнем персидском правлении, известном вашему сиятельству неотеческими чувствами к подданным...". "Я даже опасуюсь, — подчеркивал русский дипломат, не забывая о международном имидже восточной политики Петербурга, — что все это скоро явится в иностранных газетах, и не слишком в нашу пользу". Грибоедов коснулся в своем послании также и той далеко не беспристрастной роли, которую сыграл в процессе переселения армянский князь Аргутинский: "В бытность мою в Эриване, кн. Аргутинский всеми силами противился новому переселению некоторых семейств из Нахичеванской области в Даралагез. Я и тогда видел, что он слишком горячо вступается за интересы вверенных ему выходцев, и это ему честь делает; также и здешний штабс-капитан Неверовский, от него зависящий". "Всякий частный чиновник должен грудью стоять за вверенную ему порученность", — отмечал в связи с этим русский дипломат, но при этом справедливо указывал, что "дело главного начальства знать, какие, в частности, допускать уступки для достижения общей пользы" (там же).

Русский военный историк В.А. Потто также свидетельствовал о том, что заселение армян осуществлялось кавказскими властями в ущерб местному мусульманскому (азербайджанскому) населению. Повествуя о конфликте между Паскевичем и генерал-лейтенантом Красовским, первым русским военным губернатором Эриванской области, он отмечал: "Паскевич упрекал Красовского в предоставлении Нересу (архиепископ, духовный глава армян — прим. авт.) неограниченного влияния на все дела, и во вредном покровительстве армянам, тогда как три четверти населения области составляют магометане" (88а, 167).

В 1828-1830 гг. в соответствии с Туркменчайским договором (статьи 14 и 15) и Адрианопольским мирным договором между Россией и Турцией в Закавказье из Ирана и Турции переселяется — по утверждению известного русского историка и этнографа Шаврова — около 200 тысяч армян: "Нашу колонизационную деятельность мы начали не с водворения в Закавказье русских людей, а с водворения инородцев... После окончания войны в 1826-1828 гг., в продолжение двух лет, с 1828 по 1830 г. мы переселили в

Закавказье свыше 40.000 персидских и 84.000 турецких армян и водворили их на лучших казенных землях в губерниях Елисаветпольской (здесь и далее название данной губернии и одноименного города дается в транскрипции источника — прим. авт.) и Эриванской, где армянское население было ничтожно, и в Тифлисской". "Для поселения им, — подчеркивает автор, — было отведено более 200.000 десятин казенных земель и куплено было более, чем на 2.000.000 руб. частновладельческих земель у мусульман. Нагорная часть Елисаветпольской губернии (нынешний Нагорный Карабах — прим. авт.) и берега озера Гокчи (нын. озеро Севан — прим. авт.) заселены этими армянами. Необходимо иметь ввиду, что за 124.000 армян, официально переселенных, переселилось и множество неофициальных, так, что общее число переселившихся значительно превышает 200.000 человек. После Крымской кампании опять вселяется некоторое число армян, в точности не зарегистрированное" (88, 59).

Как признает армянский историк Г.Чалхушьян, "всякий успех русского оружия относительно Турции и Персии знаменовался новым приливом в Россию армянского населения, осыпаемого милостями и льготами" (цит. по: 42, 47). А известный русский журналист и историк В.Л.Величко следующим образом подвел итоги деятельности Паскевича в регионе: "служение русскому народному делу нашло противовес в колонизации некоторых частей Закавказья армянами, усердно начатой при Паскевиче и принявшей размеры прямо опасные, именно, теперь, после того, как нежелательность ее весьма недавно еще признана даже с высоты престола" (35, 17). По Адрианопольскому миру, подчеркивал Величко, Россия получила "более 100,000 турецких армян; один эрзерумский архиепископ Карапет привел до 70,000. С той поры постепенное переселение армян из мусульманских государств в Россию шло непрерывно, то еле заметной струйкой, то, как за последние несколько лет, широким, стремительным потоком". Обращая внимание на негативные последствия данного процесса для российских интересов в регионе, автор сделал следующий вывод: "Теперь, когда более или менее ясно, к каким результатам привело стремление кавказских администраторов привлечь побольше армян, немудрено вспомнить малорусскую поговорку: "купив соби беду, тай за свои гроши"" (там же, 81).

Присоединение к России превратило азербайджанские территории, с одной стороны, в буферную зону, разделяющую южные рубежи России от Турции и Персии — вечных соперников российских императоров за влияние в регионе, а с другой, как отмечает американский ученый Свиетоховский, в "аванпост, контролирующий стратегический коридор для русского проникновения в Персию" (93, №1, 85). В то же время — при всех очевидных минусах колониального статуса азербайджанских территориально-

политических образований, оно избавило азербайджанский народ от угрозы порабощения более отсталыми восточными деспотиями — султанской Турцией и каджарской Персией. Иными словами, Россия, реализуя через колонизацию северо-азербайджанских ханств собственные цели и интересы, выполняла по отношению к ним и защитную функцию. Не случайно поэтому, что во время русско-иранских и русско-турецких войн XIX в. поддержка социально-политическими элитами и населением данных ханств, прежде всего азербайджанским, русской армии в целом носила широкий и повсеместный характер.

В этом контексте следует отметить, что во многих работах по теме присоединения ханств Северного Азербайджана к России недооценивается (а иногда и вовсе игнорируется) роль местного азербайджанского населения в данном процессе. Между тем, в боевых действиях в составе русских войск во время русско-турецких и русско-персидских войн первой трети XIX в. участвовали азербайджанские конные и пешие ополчения, численность которых превышала 12 тыс. человек. В русско-турецкой войне 1828-1829 гг. приняло участие до 4 тыс. азербайджанских воинов, и это при том, что действующая русская армия насчитывала до 14 тыс. человек (54. 212 и 251). Современники давали высокую оценку их роли в боевых действиях. Русский историк и писатель П.Зубов признавал, что азербайджанские воины "с большой легкостью владеют оружием, отличные кавалеристы, храбры и неустрашимы, что... доказали на опыте в последние персидскую и турецкие войны". Бывший очевидцем многих эпизодов русско-турецкой войны, он писал о действиях азербайджанских конных полков следующее: "Надо видеть эти сии полки в сражении, чтобы судить о них: это молния, это огонь раздраженного бога, упавший вдруг с небес в середину неприятелей и рассыпавший смерть и ужас. Я видел их 19 июня 1829 г. на высотах Согоанлука...и до сего времени с восторгом вспоминаю чудеса храбрости, совершенные перед моими глазами полками мусульманскими" (там же, 244). "Карабахские татары, — писал один из русских генералов, — при всякой встрече с турками, первые впереди храбро дрались" (там же, 225-226). Генерал Ермолов отмечал, что конно-мусульманские полки "действуя против турок совместно с русскими войсками были весьма полезны" (там же, 229).

Опасения многих царских генералов, с недоверием относившихся к идее создания иррегулярных войск из числа азербайджанского населения, считая их единоверцами противников России, неспособными к военной службе в ее интересах, были опровергнуты самой практикой боевых действий. В опубликованной в 1836 г. в г. Санкт-Петербурге "Истории военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг." отмечалось, что азербайджанцы "вызвались поднять оружие против турок", и что "успех формирования конных полков в мусульманских провинциях был

необыкновенный" (58, 48). Газета "Кавказ" также признавала, что "при первом же известии, что русское командование удостаивает наших закавказских мусульман счастья стать в ряды наших войск, они наперерыв стремились в милицию, так что в короткое время образовалось несколько конных мусульманских полков, которые отправились в действующую армию, гордясь тем, что они будут сражаться вместе с русскими" (цит. по 54, 230).

Характеризуя боевые качества данных полков в ходе военных действий 1829 г. декабрист генерал Бурцов отмечал, что "карабахская конница в сражении 1-го мая при укрепленном селении Цурцкаб ...несколько раз бросалась в атаку вместе с нашею кавалерию". Об этом сражении газета "Северная пчела" от 30 июля 1829 г. ("Письмо из Карса 5 июня 1829 г.") писала следующее: "Турки смешались, рассеялись и побежали...в преследовании их по горам на пять верст отличились наиболее мусульмане карабахские. Имея легких и быстрых лошадей, они нещадно рубили своих единокверцев; один из них убил знаменосца и привез знамя в Карс к главнокомандующему, который наградил его знаком "Военного ордена" и десятью червонцами" (цит. по 54, 228-229). На заключительном этапе войны общую оценку действиям азербайджанских иррегулярных воинских формирований в своем донесении российскому императору 23 сентября 1829 г. дал сам Паскевич: "Долгом считаю свидетельствовать об отличной храбрости мусульманских полков, кои во всяком случае не перестают являть новые образцы их усердия и привязанности к российскому правительству" (там же, 250).

Российский ученый В.В.Дегоев, объясняя причины пророссийских симпатий азербайджанцев в северо- и южно-азербайджанских ханствах в период русско-иранских войн, подчеркивает: "В помощь русской армии предлагались и формировались многотысячные ополчения на своем собственном содержании. В этой, казалось бы, неожиданной и не вполне логичной реакции азербайджанских мусульман на появление православной державы нашел отражение целый спектр настроений — антикаджарских, антииранских, антифеодальных, антишиитских (применительно, видимо, к азербайджанцам-суннитам - прим. авт.), — давших в сумме яркий пророссийский эффект" (45, 103). Этот "эффект", эта пророссийская ориентация азербайджанского населения стабильно сохранялась и в последующие периоды противоборства России с соседними региональными державами. Как отмечает Дегоев, "события на закавказском театре Крымской войны (1853-1856 гг.) ясно показали высокую степень лояльности местных народов к России. Русской армии, сражавшейся против турок, опасаться за свои тылы не пришлось. К началу 60-х годов социально-политические и моральные позиции России в Закавказье имели солидный запас прочности, дававший реальную возможность для дальнейшей интеграции" (44, 45).

Т. Свиетоховский, правда, считает, что в основе подхода царизма к вовлечению азербайджанцев в состав русской армии лежал и религиозно-политический мотив. По его мнению, после подписания Туркменчайского договора в период русско-турецкой войны "русские еще шире привлекали азербайджанцев в действующую армию, спекулируя при этом на антагонизме между шиитами и представителями суннитской ветви ислама, проповедуемой в Турции". Но в целом он также признает важную пророссийскую роль азербайджанского населения в периоды военного противостояния в Закавказье и делает в связи с этим вывод о том, что "впечатляющие военные подвиги азербайджанцев открыли перед ними возможности для карьеры в царской армии — путь, по которому уже шли представители христианских народов Закавказья" (93, №1, 85). Ссылаясь на путешественника и историка XIX в. Арминиуса Вамбера, он в связи с этим подчеркивает, что "у мусульман привычным стало обучение в русских военных школах, и Алихановы, Тагировы и Назировы сделали соперниками Лазаревых, Мельниковых и других армян" (там же).

Таким образом, историческим фактом является не только присоединение северо-азербайджанских ханств к России как подлинно азербайджанских территорий и владений, но и действенная роль азербайджанского населения и азербайджанских иррегулярных воинских формирований в этом историческом процессе в течение 1805-1829 гг. В этом контексте важно подчеркнуть, что тюркско-мусульманская принадлежность кавказских азербайджанцев использовалась в идеологии царизма для обоснования мифа о естественном антагонизме между интересами России и конфессионально-этнической ориентацией азербайджанцев, их неблагонадежности, потенциально опасной возможности их политической переориентации на соседние Турцию или Иран. Вышеотмеченные свидетельства показывают, насколько ошибочными были такие подходы. Однако именно на этой идейной основе выстраивалась последовательная и целенаправленная политика деазербайджанизации присоединенных к России азербайджанских территорий, образования на основе областей Эриванского и Нахичеванского ханств Армянской области. В более поздний - советский - период эти же идеологические и политические соображения лежали в основе образования армянской автономии в Нагорном Карабахе и передачи Зангезура Советской Армении, "географическим" результатом которой стало превращение Нахичеванского района (затем автономной области и республики) в эксклав, лишенный территориальной связи с остальным Азербайджаном.

Рассматривая процесс поэтапной деазербайджанизации Карабаха в рамках его интеграции в состав России, следует обратить внимание и на то, что он затронул наряду с этно-демографической и религиозно-

идеологическую сферу. Армянская колонизация Карабаха в течение всего XIX века дополнялась ограничением прав и самостоятельности апостольской Албанской Церкви, которая с IV века н.э. действовала в Карабахе и на других исторических территориях Кавказской Албании (в период средневековья это государство охватывало почти всю территорию современного Азербайджана, в т.ч. Карабах, а также Южный Дагестан и Алазанскую долину Восточной Грузии), играла роль духовного и политического центра карабахских христиан. Как отмечает российский ученый Никоноров (иеромонах Алексей), в 1815 г. сан Албанского Патриарха-Католикоса был упразднен царским указом и с этого времени предстоятель Албанской церкви стал митрополитом. 11 марта 1836 г. Николай I подписал особое "Положение", в соответствии с которым, в частности, был упразднен Албанский Католикосат (Гандзасарский Патриархат), а на его месте были образованы две епархии (Арцах-Шуша и Шемаха) под юрисдикцией Армянского Католикосата (85).

В условиях потери церковной самостоятельности и продолжавшегося массового заселения армянами Карабаха, в этом регионе начался процесс арменизации местного христианского населения, прежде всего удин — прямых потомков кавказских албан, в результате которого оно стало считаться армянским. Эту этническую группу стали причислять к Эчмиадзинской церкви и регистрировать как армян. В 1853 г. был даже издан указ о том, чтобы удины прекратили посещать свои албанские церкви, и чтобы рядом с местами их проживания были построены армянские церкви. Ликвидация албанского христианского патриаршества и Албанской автокефальной церкви привели к тому, что "все церкви Карабаха стали именоваться армянскими, а все христианское население области переписали как армянское" (75). Позднее факт этнической и конфессиональной ассимиляции карабахского населения был признан и армянскими учеными. В вышедшей в 1916 г. в Петрограде книге историка Ишханяна отмечалось, что "армяне, проживающие в Нагорном Карабахе, частью являются аборигенами, потомками древних албанцев, а частью беженцами из Турции и Ирана, для которых азербайджанская земля стала убежищем от преследований и гонений" (60). Однако несмотря на арменизацию культурной и религиозной жизни христианского населения карабахского региона, значительная его часть в течение длительного времени сохраняла албанское этническое самосознание. Перепись населения Закавказья в 1886 г. выявила 7.301 удины, проживавшего в этом регионе (64, 50-51).

В 1909-1910 годах религиозно-политический разгром Албанской Церкви был завершен — Российский Святейший Синод дал разрешение Эчмиадзинскому синоду уничтожить старые архивные дела подведомственных епархий, среди которых, по мнению многих исследователей, были уничтожены уцелевшие до тех пор архивы Албанской

Церкви (85). Таким образом, была осуществлена арменизация многовекового христианского прошлого Азербайджана, был нанесен удар по поликонфессиональной культуре азербайджанского народа, по стремлению карабахских христиан к самоопределению в религиозном и каноническом отношениях. В данном контексте важно подчеркнуть, что идеологические инструменты колонизации царизмом Карабаха не были оригинальными. Политика российской власти в этом регионе в XIX веке продемонстрировала преемственность тактике арабских халифов, которые, завоевав Закавказье в VII-VIII вв., поставили христианские народности Кавказской Албании в зависимость от монофизитской Армянской церкви. В этом контексте исследователи часто приводят тезис известного советского академика Петрушевского И.П. о том, что Армянская церковь в Албании "служила оружием арменизации страны" (цит по: 85, глава 7). Лишь в условиях современной Азербайджанской Республики стало возможным исправление исторической несправедливости и восстановление разрушенных исторических пластов христианского прошлого Азербайджана. 10 апреля 2003 г. Государственным Комитетом по работе с религиозными организациями Азербайджанской Республики была зарегистрирована Албано-удинская христианская община, что рассматривается как первый шаг на пути восстановления в правах Албанской Церкви.

В 1840 г. Карабахская провинция была преобразована в Шушинский уезд и включена в состав Каспийской (Хазарской) провинции. В 1845 г. в Тифлисе Канцелярией Кавказского наместника (институт Кавказского наместничества с центром в Тифлисе был создан в декабре 1844) был издан "Кавказский календарь на 1846г.", ставший первым выпуском издававшегося канцелярией в течение 1845-1917 гг. "Календаря" и служивший основным — после всероссийской переписи — источником данных по текущей численности населения Кавказского края Российской империи. В указанном документе отмечалось, в частности, что "самое многочисленное племя за-Кавказом есть Мусульманское, состоящее преимущественно из Татаро-Турков, в нём считается 675,000 душ, затем Грузин и Имеретин около 490,000, Армян до 200,000 душ". Автор данной справки указывал также, что "мусульмане зажиточнее других", и что они были "в прежние времена господствующим в крае народом" (62, отд. 3-е, 137). Обратим внимание на то, что последняя цифра совпадает с вышеприведенными данными Шаврова о переселении в регион до Крымской кампании (1853-1856) 200 тысяч армян и подтверждает его тезис о том, что в 1826-1828 гг. (не говоря уже о более ранних периодах), в Эриванской и Елисаветпольской (в том числе и в Карабахе) губерниях "армянское население было ничтожно".

Следует отметить, что в конце 1840-ых годов численное преобладание коренного азербайджанского населения сохранялось также и в Шуше. "По

своему положению, — отмечалось в "Календаре на 1850 г.", — среди обширной провинции город Шуша составляет важный пункт для торгового сообщения с Персией и пограничными областями. По камеральному описанию в Шуше считается 2407 дымов; жителей мужеска 7003, женска пола 6664; в сем числе дворян, беков, мирзь и прочих обоего пола 594, духовного сословия 250, прочие городские жители состоят из персиян, татар, отчасти евреев и армян и небольшого числа русских; домов до 2500, церквей 5, училище 1, монастырь армянский 1, мечетей 9, фабрик и заводов 16" (63, отд. 3-е, 96).

Начиная с 1840 г. в Закавказье поэтапно стала вводиться губернская система управления. В 1868 г. административная реформа охватила и Карабах — была образована Елисаветпольская губерния, в состав которой был включен Шушинский уезд. В пределах Шушинского уезда был образован новый уезд — Зангезурский. В изданном в 1871 г. в Санкт-Петербурге российским историком Н.Дубровиным одним из самых авторитетных исследований по истории кавказских народов — "Истории войны и владычества русских на Кавказе" — отмечалось, касательно "мусульманских провинций Закавказья", что "все население ханств принадлежит, главным образом, к двум племенам: татарскому и армянскому". **"Татары, — указывал далее автор, — составляют господствующее население во всех ханствах, а армяне, да и то только теперь, в бывшей Армянской области"** (выделено нами — прим. авт., 51, 328). Русский историк также признавал, что "население так называемой Армянской области значительно пополнилось армянами-выходцами из Персии и Турции, переселившимися в Россию разновременно, и в особенности после войн в 1827 и 1829 гг. До этого же времени они (армяне — прим. авт.) жили совместно с татарами, и отношение числа их к последним было почти то же, что и в прочих мусульманских провинциях" (там же, 405).

Образование самостоятельной Елисаветпольской губернии (ранее одноименный уезд входил в состав Тифлисской губернии) объективно имело позитивное значение. Оно способствовало переходу от экономической разобщенности и политической раздробленности азербайджанских земель к их консолидации — отныне большая часть этих земель вместе с их азербайджанским населением была объединена в рамках Шемахинской (образована в 1846 г., в 1859 г. переименована в Бакинскую), Елисаветпольской и Эриванской (1849 г.) губерний. Территориальное объединение, в свою очередь, способствовало этнической консолидации азербайджанского населения, его экономическому и культурному развитию. Именно Елисаветпольская и Бакинская губернии, впоследствии получившие неофициальное название Восточного Закавказья, стали административно-территориальным фундаментом азербайджанской государственности.

Однако позитивный эффект этой реформы был существенно минимизирован продолжавшейся в 1860-80-ых годах армянской иммиграцией в Закавказье, которая не только негативно сказывалась на социально-экономическом, культурном и демографическом развитии азербайджанского населения данного региона, но и превращалась в самостоятельный политический фактор. На эту тенденцию обратил внимание известный русский ученый-историк и журналист Величко. Отмечая, что каждая новая война с Турцией и Персией "дарит" Закавказью десятки тысяч армян, и что "русские правители по отношению к ним и к задачам государственного дела в крае были недалъновидны и знания местной истории не проявили", автор подчеркивал в связи с этим следующее: "В конце 50-ых годов фельдмаршал князь А.И. Барятинский (в 1856-1862 гг. — наместник и главнокомандующий русскими войсками на Кавказе — прим. авт.) имел наивность говорить, что "армяне вообще нам преданы и чужды всякого вмешательства в дела политические", — хотя в ту пору, после крымской войны, армяне уже сильно зашевелились" (35, 198).

Другой русский автор Шавров отмечал, что "период с 1864 по 1876 г. ознаменовывается нашей усиленной деятельностью по заселению Черноморского побережья армянами и греками" (107, 59). Он подчеркивал, что эта тенденция сохранилась и в последующие годы: "счастливо окончившаяся турецкая война 1877-1879 гг. одарила нас целым потоком малоазийских новоселов: в Карскую область вселяются около 50.000 армян". "Кроме того, — указывал русский историк, - генерал Тергукасов выводит к нам в Сурмалинский уезд 35.000 кибиток турецких армян, которые и остаются у нас. После этого начинается непрерывный приток армян из Малой Азии, переселяющихся отдельными лицами и семьями" (там же, 59).

При этом Шавров также указывал на взаимосвязь между количественным ростом армянских иммигрантов и появлением качественно новых политических требований со стороны их лидеров. По его мнению, к этому времени армянские круги в Закавказье укрепились настолько, что стали уже выступать против любых попыток изменить демографическую ситуацию в регионе, включая переселение в этот регион русского населения: "С 1864 года пробудилась националистическая деятельность армян и грузин, переполнявших кавказскую администрацию. Их вожакам ловко была подсунута из Лондона идея восстановления армянского и грузинского царств, породившая стремление захватить побольше территории в Закавказье. Для этого необходимо было не допустить водворения русских в Закавказье и потому возникло вполне организованное противодействие русскому переселению" (там же, 64).

Таким образом, процесс интеграции азербайджанских территорий в российскую имперскую систему, который изначально был призван

обеспечить широкое привлечение в регион "русского элемента" и мыслился Петербургом именно как "русская колонизация", фактически превратился в колонизацию региона малоазийскими и персидскими "новосёлами". Эта диспропорция (в пользу армян) в этнической составляющей колонизационного процесса на азербайджанских территориях стала настолько очевидной для Петербурга и кавказской администрации, что глава последней — великий князь Михаил Николаевич (сын Николая I, в 1863-1881 — наместник Кавказа и командующий войсками Кавказского военного округа) в подготовленной им в январе 1879 г. записке "О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного преуспеяния населения кавказского края" (пит. по: 52, 145-167), вынужден был сделать вывод о том, что "Россия и все русские почти в той же степени чужды и далеки мусульманским народностям Закавказья, как это было десятки лет назад, при поступлении их под наше управление".

В данном документе, представленном на рассмотрение Кавказского комитета (высшее государственное учреждение при императоре с законосовещательными и административными функциями для управления Закавказьем и Кавказской областью, функционировало в 1845-1882 гг), автором были сделаны актуальные для российской колониальной власти на Кавказе выводы. В частности, отмечалось, что "собственно в политическом отношении, т.е. в смысле установления духовной и экономической связи Кавказа с Россией, в смысле водворения здесь не одной только русской правительственной власти, но и русского национального влияния", достигнутые результаты представляются "недостаточно удовлетворительными и, во всяком случае, несоответствующими ни продолжительности времени нашего обладания Кавказом, ни размеру принесенных Россией на него жертв". "Наша деятельность на Кавказе, — подчеркивал Кавказский наместник, - до сих пор была чисто официальная, правительственная. Русский народный элемент в ней не участвует" (там же, 151-152).

В 1883 г. в составе Шушинского уезда были образованы два новых уезда - Джаванширский и Джебраильский. Таким образом, географический Карабах (именно данное определение является наиболее корректным, так как в качестве административно-политической единицы Карабах прекратил свое существование в 1840 г.) к концу XIX в. состоял из четырех уездов - Шушинского, Зангезурского, Джаванширского и Джебраильского (позднее переименован в Карягинский). Такое административное деление Карабаха сохранялось практически до 1921 года. В 1886 г. соотношение армянского и азербайджанского населения в губерниях основного сосредоточения армянских иммигрантов в Закавказье выглядело следующим образом (Таблица № 2, составлена на основе данных, приводимых в: 64, 50-51):

Таблица 2

Губернии, округа и области Закавказья	Армяне	Азербайджанцы
Эриванская губерния	375.700	258.057
Тифлисская губерния	193.610	68.345
Елисаветпольская губерния	258.324	407.949
Бакинская губерния	55.459	377.521
Закатальский округ	521	21.090
Дагестанская область	1.054	13.697
Карская область	37.094	-----
Всего в Закавказье	939.131	1.139.659

В конце XIX в. закавказский регион был охвачен новой волной армянской иммиграции. По утверждению Шаврова, "еще в более широких размерах начинается переселение армян снова в период 1893-1894 гг., во время армянских беспорядков в Турции. Ко времени прибытия в край в 1897 г. вновь назначенного главноначальствующим князя Г.С.Голицына, пришлых армян было уже не 10.000 (имелось в виду прибывших с 1893 по 1894 - прим. авт.), как в 1894 г., а около 90.000" (107, 60).

В 1897 г. была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи (ставшая первым научно-обоснованным мероприятием подобного рода), в которой статистические данные были приведены по всем основным административным единицам: селам, городам, уездам, округам, губерниям и областям. Перепись показала, что к 1897 г. число армян-переселенцев в Закавказье составило 1.100.138 человек, и в целом на Кавказе - 1.124.948 человек (65, 250-253). В нижеприводимой Таблице № 3, которая составлена по данным вышеуказанного источника, приводится численность населения в Елисаветпольской губернии и ее уездах:

Таблица 3

Уезды Елисаветпольской губернии	число жителей	Азербайджанцев	в%	Армян	в%
Елисаветпольский уезд и Город Елисаветполь	162.788	103.970	63.7	43.040	26.4
Шушинский уезд и город Шуша	138.771	62.868	45.3	73.953	53.1
Зангезурский уезд и местечко Герусы	137.871	71.216	52.3	63.622	46.4
Нухинский уезд и город Нуха	120.555	83.578	69.1	18.899	15.6
Казахский уезд и местечко Казах	112.074	64.101	57.2	43.555	38.8

Джеванширский уезд и м.Тертер	72.719	52.041	71.3	19.551	26.7
Джебраильский уезд и местечко Джебраил	66.360	49.189	74.5	15.746	23.8
Арешский уезд и м. Агдаш	62.277	47.133	70.3	13.822	20.6
Всею в губернии	878.415	534.086	60.8	229.188	26.1

Как видно из таблицы, на территории географического Карабаха (составлявшие его 4 уезда в Таблице № 3 выделены) по-прежнему, несмотря на длившуюся почти столетие массовую иммиграцию армян, преобладало азербайджанское население. В то же время заметно, что в результате организованной и целенаправленной миграционной политики в 1805-1897 гг., впервые в истории карабахского региона было отмечено численное преобладание армянского населения в одном из уездов Елисаветпольской губернии — Шушинском. Однако азербайджанская принадлежность Шушинского района сохранялась и в условиях наметившегося демографического перевеса армян в этом уезде. По данным переписи 1897 г., во всех уездах с высокой численностью армянских иммигрантов число потомственных дворян из азербайджанцев было гораздо выше, чем у армян, что подтверждается нижеследующими данными (Таблица № 4, 65, 250-253):

Таблица 4

Уезды Елисаветпольской губернии	Потомственные дворяне из азербайджанцев	Потомственные дворяне из армян
Елисаветпольский уезд и г. Елисаветполь	2831	518
Зангезурский уезд и местечко Герусы	4911	904
Шушинский уезд и г. Шуша	5033	1987

Данные вышеприведенных таблиц подтверждаются авторитетным русским ученым М.А. Скибицким, который в своем исследовании "Карабагские казенные летние пастбища" определил, что соотношение армян и азербайджанцев в Карабахе в конце XIX в. составляло соответственно 1 к 4. Азербайджанцы составляли почти 75% из числа пользователей летними пастбищами Карабахского, Муровдагского, Зангезурского хребтов и Карабахского нагорья (из 570 летних пастбищ азербайджанцами использовались почти 450), которые в основном находились в пределах территории географического Карабаха (95; 39, 202).

В начале XX в., т.е. почти через 100 лет после присоединения азербайджанских ханств к России, многие русские ученые были практически едины в своих оценках последствий векового присутствия России в

Закавказье. Вышецитировавшийся русский историк и этнограф Шавров в своей книге "Новая угроза русскому делу в Закавказье" (1911 г.), в частности, отмечал: "Когда со временем беспристрастный исследователь исторических документов снимет завесу над истекшим столетием обладания нами Закавказьем, то придет к несомненному заключению, что наша политика здесь, с точки зрения разума и здравого смысла, представляет собою необъяснимую загадку... наибольшее количество переселенцев выпадает на долю армян; так, из 1.300 тысяч, проживающих в Закавказье армян, более 1.000.000 душ не принадлежит к числу коренных жителей края и поселены нами... Широко используя жесвидетельство, армяне из безземельных пришельцев захватили огромные пространства казенных земель" (107; 58, 60-61). "Экономическое владычество в Закавказье, — подытоживал автор, — сосредоточилось в руках армян — они являются теперь хозяевами края. Результаты нашей колонизационной политики в Закавказье оказались плачевными" (там же, 65-66).

Ранее, в 1904 г., к аналогичному выводу пришел Величко, указавший в своей книге "Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы" на то, что "армянские тузы захватили беспрепятственно в свои руки все жизненные источники: и рынки, и банки, и влияние (хотя и тайное, но тем более опасное) на судьбу служилых людей и пользуются безнаказанностью в таких случаях, когда всякий другой кавказский обыватель поплатился бы жесточайшим образом". Сделав столь неутешительное для российской закавказской политики признание, русский журналист и ученый-историк даже подчеркнул, что "необходимость противодействия радикальными мерами обармянению Кавказа становится все более настоятельной" (35, 59).

Выводы русских ученых в конце XX в. развит и дополнил американский исследователь Т.Свиетховский. Проанализировав большой объем данных по социально-экономическому развитию азербайджанских губерний, он пришел к следующему заключению: "Под крылом России армянское население начало развиваться значительно быстрее мусульманского. Соответственно, армяне были лучше подготовлены к использованию возможностей, открывшихся с началом роста экономики Азербайджана". В подтверждение своего вывода автор приводит следующие факты: "На аукционе 1872 года по аренде нефтеносных участков доля, приобретенная "татарами", составляла всего 5%, в то время, как армянским предпринимателям удалось получить почти в 10 раз больше. Из всех 167 нефтяных компаний в руках азербайджанцев находилось 49, преимущественно небольшого размера, в то время, как преуспевающие армянские семьи — Мирзоевы, Лианозовы, Арамянт, Татевосяны и Мантамяны контролировали 55 крупных и средних предприятий". По данным Свиетховского, к 1900 г. из 115 промышленных компаний,

действовавших на территории Бакинской губернии, 29% принадлежали армянам, и только 18% — азербайджанцам. "Некоторые отрасли, - отмечает он, — виноделие, переработка рыбы и табаководство — полностью перешли в руки армян, сумевших опередить азербайджанцев в конкурентной борьбе" (93, № 1, 99).

Российское покровительство армянской торгово-купеческой элите и интеллигенции привело также к непропорционально высокому уровню представительства армян в административно-чиновничьей системе Кавказского наместничества — они занимали, по некоторым данным, от 50% до 90% должностей в различных губерниях, уездах и городах Закавказья. Данная ситуация вызывала обоснованное недовольство азербайджанского населения в целом и особенно встававшей на ноги азербайджанской буржуазии. В результате князь Г. Голицын, ставший в 1896 г. генерал-губернатором Кавказа, был вынужден в последующие годы предпринять ряд мер по исправлению возникшей диспропорции в пользу азербайджанцев, включая такие первоочередные шаги, как кооптация их представителей в административную систему управления Закавказьем и выдачу разрешения на изучение азербайджанского языка в некоторых русских школах. Кроме того, в 1904 г., то есть после 15-летнего правительственного запрета на издание азербайджанских газет, было разрешено издание в Тифлисе ежедневной азербайджанской газеты "Шарки Рус" ("Русский Восток"), которая с первого же номера активно включилась в дискуссию о необходимости развития литературного азербайджанского языка и сыграла важную роль в развитии азербайджанского национального самосознания.

Однако вышеуказанные меры не привели к серьезным позитивным изменениям в вопросе выравнивания социального и политического статуса армян и азербайджанцев. "Во многих городах Восточного Закавказья, — свидетельствовал Величко, — мусульмане составляют подавляющее большинство населения, а между тем они не пользуются в городском самоуправлении одинаковыми правами с армянами, под предлогом, что эти последние "христиане"". Он отмечал в связи с этим, что "естественно было бы предоставить мусульманам равные права с армянами, особенно в стране, где мусульмане являются более коренным населением" (35, 115).

Дискриминационный подход к коренному азербайджанскому населению Закавказья был настолько очевиден и неприемлем для представителя русской интеллигенции, что он многократно возвращался к этому вопросу. При этом Величко высказывал довольно смелые, нетрадиционные и не привычные для официального Петербурга суждения. "На практике, — отмечал он, в частности, — у нас не особенно справедливое отношение к мусульманам: им слишком часто и без всякого основания дают понимать, что они пасынки. Во имя чего, например, у себя на родине они не уравниены во

всех правах с такими сомнительными и зачастую фиктивными пришлыми христианами, как армяне, неизмеримо менее благонадежными в политическом и общественном отношениях" (там же, 177). Указывая на ошибки, допущенные кавказской администрацией в проведении социальных и экономических реформ на азербайджанских территориях, русский журналист сделал вывод о том, что "адербейджанским татарам под нашим владычеством не везло... и доселе мусульманское население Закавказья, в силу причин ничем не оправданных, обречено на хаос в области сословно-поземельной". "Многое делалось и доселе делается как будто нарочно, — утверждал он, — чтобы затруднить этому населению спокойную жизнь и переход к более культурным ее формам" (там же, 161). "У кавказской власти не установилось определенного культурного взгляда на вопрос об адербейджанских татарах, — отмечал Величко в другом месте. — Скромное и благодарное поле для созидательной работы остается невспаханным". Он призывал кавказскую администрацию к проведению "разумной и практичной" политики в этом вопросе, призывая, в частности, к более широкому привлечению азербайджанского населения к военной службе. При этом он подчеркивал, что ограничительные меры в отношении азербайджанскою населения наносят ущерб прежде всего русским государственным интересам в регионе: "На первый взгляд прямо непонятно, почему эта народность, способная к военной службе, доселе платит особый налог, взамен отбывания воинской повинности. При более близком знакомстве с вопросом, окажется, что эта аномалия — результат местных кавказских влияний, враждебных русскому делу" (там же, 176).

На неравноправное положение азербайджанцев в социально-культурной, политической и экономической жизни Российской империи указывали и представители азербайджанской интеллигенции. В частности, в начале 1905 г. А.М.Топчибашевым, бывшим в тот период гласным Бакинской городской думы, была составлена петиция с призывом к проведению реформ в Закавказье. Под петицией, которая в апреле 1905 г. была представлена в Комитет Министров в Петербурге, стояли подписи видных представителей азербайджанской торгово-промышленной элиты и интеллигенции — Ш.Асадуллаева, Р.Ширванского, А.Зиатханова, А.Агаева, М.Векилова и др. По мнению азербайджанского ученого Дилияры Сеидзаде, данная петиция стала "первым программным документом, представленным от Азербайджана царским властям. В дальнейшем она явилась как бы платформой, основой обращений в те или иные административные инстанции" (93а, 12). В ней отмечались факты дискриминации закавказских мусульман, подавляющее большинство среди которых составляли азербайджанцы, в общественной и хозяйственной жизни, в городском самоуправлении. Как отмечает Сеидзаде, раскрывая содержание петиции, "число гласных-мусульман в органах

городского самоуправления края не могло превышать половины всего состава. Высшие должности во всех учреждениях гражданского и военного ведомства были им недоступны. Мусульмане как со средним, так и с высшим образованием ограничивались в выборе занятий свободными профессиями, устранились от педагогической деятельности, студенты-мусульмане не могли пользоваться казенными стипендиями, их не принимали в ряд высших учебных заведений. В некоторых местностях мусульмане не могли даже свободно проживать, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлей. Они были лишены сословных прав русских дворян и купцов" (там же, 13). Ограничения для мусульман сохранялись и при выборах в Бакинский биржевой комитет и арбитражный суд.

Азербайджанские депутаты Государственной Думы I-IV созывов постоянно выступали за отмену созданных для мусульман ограничений в политической, экономической и гражданской сферах, связанных с вероисповеданием и национальностью. Показательным в этом плане было выступление депутата от азербайджанского населения Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний Х.Хасмамедова в феврале 1909 г. на одном из заседаний Думы III-его созыва. Мусульманам, отмечал он, "закрыт путь к "такому рычагу культурного развития", как народное образование. Существующие школы не удовлетворяли коренное население, так как в них обучение велось не на родном языке. Да и школ было крайне мало — в местностях с мусульманским населением одна начальная школа приходилась на 14 тыс. жителей, с христианским же — одна на 4 тыс. Мусульмане с высшим образованием не допускались в средние учебные заведения для педагогической деятельности, без министерского разрешения не могли заниматься адвокатурой" (там же, 80).

В другом своем выступлении Хасмамедов обратил внимание российских депутатов на кризисное состояние женского мусульманского образования в Закавказье. В крае, отмечал он, "нет ни одной "правительственной школы для мусульманок, имеющиеся две-три содержатся частными лицами. Желательна была бы учительская женская семинария для подготовки мусульманок-учительниц"" (там же, 86). Аналогичное дискриминационное отношение сохранялось и в области воинской повинности для мусульман. На них не распространялась воинская обязанность, которая была заменена специальным денежным налогом в размере 500 тыс. рублей. Данное ограничение делало практически невозможным распространение военных знаний в азербайджанской среде, формирование национального офицерского корпуса и военной элиты. А если принять во внимание привилегированное положение военных в имперской, в том числе и кавказской, административной системе, то можно сделать вывод о том, что "отлучение" азербайджанцев от военной службы стало одним из

важнейших факторов ослабления не только социальных, но и политических позиций азербайджанского населения в закавказском регионе. В ноябре 1918 г. Топчибашев уже в качестве члена правительства АДР и дипломатического представителя при правительствах Турции, Армении и Грузии указывал на неравноправное положение закавказских мусульман. "Если жившие по соседству грузины и армяне имели свои национальные школы, церкви и различного рода религиозные учреждения, национальную печать, благотворительные организации и прочие национальные и общественные институты, то азербайджанцы в период царизма были практически полностью обделены подобного рода учреждениями", — отмечал он в Меморандуме, предъявленном представителям стран Антанты (81,21).

Важным результатом этой колониальной практики Петербурга — ограничительной и запретительной в отношении азербайджанцев, и поощрительной, обеспечивающей более привилегированный статус в экономической, социальной и политической жизни региона — для закавказских армян, стало активное революционно-националистическое брожение в среде последних, переход армянских политических партий к самостоятельным — уже без оглядки на кавказскую администрацию — действиям по изменению демографического и культурного облика азербайджанских территорий. Выше цитировавшийся Величко не без оснований полагал в связи с этим, что "экономическое завоевание края организованно армянской стачкой, дошедшей в своей наглости до промышленно-политического террора (имелись ввиду насильственные действия, поддерживаемые промышленными и финансовыми кругами армянской буржуазии — прим. авт.), неизбежно должно было привести к политическим осложнениям" (там же, 130).

Такие "политические осложнения" наступили в начале XX века. В целях создания этнически чистой от азербайджанцев территории, повсеместно в карабахском регионе, и, прежде всего, в Шушинском уезде Гянджинской губернии, они начали реализацию политики террора и этнических чисток. Целью данной политики было заставить местное азербайджанское население покинуть Шушу и другие районы нагорной части Карабаха. Идеологи концепции "Великой Армении" и приступившие к ее реализации лидеры армянских политических партий и движений были, видимо, разочарованы тем, что даже массовое переселение армян в Закавказье не смогло кардинально изменить демографическую ситуацию в этом регионе. Как отмечает австрийский ученый Эрих Файгл, в 1905 г. "в Баку появились признаки начала хаоса, чем воспользовались дашнаки для усиления пропаганды против тюркского большинства в Баку, Гяндже и Шуше. Пропаганда эта сопровождалась жуткими террористическими актами, совершенными дашнаками против азербайджанцев. Целью этих нападений

было добиться миграции мусульман и создать демографический перевес в регионе". "В Карабахе и Шуше, — подчеркивает Файгл, — были сожжены дома азербайджанцев, здесь погибло 500 азербайджанцев и 40 армян" (106, 140).

Следует отметить, что как для центральной российской власти, так и для ее кавказского наместничества не были секретом подлинные причины зарождавшегося в начале XX в. армяно-азербайджанского противостояния. В 1912 г. чиновниками Особого отдела тифлисской канцелярии Кавказского наместника Воронцова-Дашкова И.И. (управлял краем в 1905-1915 гг.) под грифом "Секретно" была подготовлена справка "О распространении идей панисламизма на Кавказе", в которой были подведены некоторые итоги проведенной в 1905 г. сенатором Кузьминским А.М. (русский судебный деятель, был прокурором Тифлисской и Петербургской судебной палат, затем сенатором) исследования по вопросу о политических настроениях и движениях среди кавказских мусульман. В данном документе отмечалось, в частности, следующее: "Мусульмане прямо заявили ревизиющему Сенатору, что причины армяно-татарских столкновений должны быть сведены к причинам установившихся между обеими народностями отношений, приведших к этим столкновениям. Мы, — говорят они, — не завидуем армянам и не хотим мешать их развитию: пусть развивают свои силы во всех направлениях, но не препятствуют в этом мусульманам, не стремятся к исключительному обладанию благосостоянием края...".

Авторы данной справки, сделавшие по основному ее предмету вывод о том, что "до настоящего времени не обнаружено существования панисламистской пропаганды на Кавказе в значительных размерах", попутно пришли к любопытным по своей откровенности выводам: "Что недовольство мусульман успело к тому сложиться в более или менее определенное воззрение, на это указывают те политические мотивы, которые звучат в заключительной части обращения помянутой депутации к Сенатору Кузьминскому. Она выразила желание, чтобы сложившийся под влиянием вероисповедных условий взгляд правительства на мусульман изменился и чтобы, подобно другим, населяющим Империю, народностям, им даны были одинаковые права политические, гражданские и религиозные. В таком же смысле депутаты заявили 10 июня 1905 г. ходатайство и наместнику Его Императорского Величества на Кавказе" (пит. по: 61, 168-188).

Несмотря на широкие масштабы иммиграции армянского населения, в карабахском регионе по данным "Кавказского календаря на 1917 г." — последнего до октябрьского переворота официального статистического источника по численности населения Закавказья, накануне провозглашения независимости Армении и Азербайджана, как и в течение всего XIX и начала XX вв., сохранялось преобладание азербайджанского населения. При этом

некоторые исследователи, анализируя данные официальной переписи, отмечали сильно завышенное в ней число армянского населения Карабаха.

В частности, сотрудник МИД АДР А.С.Щепотьев, рассматривая в газете "Азербайджан" (11 февраля 1919г.) этническую и политическую ситуацию в Карабахе, признавал, что данные "Кавказского календаря 1917 г." (приводятся в нижеследующей Таблице № 5, которая составлена по данным на 1 января 1916 г.; уезды и города Елисаветпольской губернии, образующие географический Карабах, выделены; источник — 69, 177-237) не отражают реальную демографическую ситуацию в данном регионе.

Таблица 5

Уезды и города Елисаветпольской губернии	Армяне (в тыс. чел.)	Азербайджанцы (в тыс. чел.)	Все население
Арешский	19	78	99.400
Джеваширский	22	46	75.730
Елисаветпольский	56	139	214.746
Зангезурский	99.3	119.4	224.197
Казахский	61	67	137.049
Карягинский (быв. Джебраилский)	22	64	89.584
Нухинский	17	92	133.505
Шушинский	75.0	66.4	144.876
Город Герюсы	1.7	0.2	2.201
Город Елисаветполь	12	37	57.731
Город Нуха	8	42	52.243
Город Шуша	22.934	19.091	43.869
Все население губернии	418.0	783.0	1.275.131
В т.ч. население уездов и городов "географического Карабаха"	242.0	315.0	580.457

Щепотьев подчеркивал, в частности, что численность азербайджанского населения, которое не подверглось точной регистрации как не подлежащее воинской повинности, должно быть в действительности больше указанного в "Кавказском календаре". Свой вывод он обосновывал данными "Докладной записки о выпуске надельных земель Закавказья" 1912 г.: "вместо ожидавшихся 28 млн. руб. за выкуп, вычисленных согласно имевшимся данным о численности мусульманского населения, ведущим свое начало от сведений камеральной описи 70-ых гг., в действительности пришлось зарегистрировать 50 млн. руб. с лишним. Все это подтверждается последующими данными переписи 1917 г, последней сельскохозяйственной переписи. Общее количество армянского населения в Карабахе можно

поэтому определить в 170 тыс., а тюркское — в 415 тысяч". А.С.Щепотьев сделал в связи с этим вывод о том, что "армянское население Карабаха составляет бесспорное меньшинство и притом меньшинство, сосредоточенное на узкой, прерывающейся полосе нагорного района, не представляющее сплошной массы, окруженное со всех сторон сплошным тюркским населением, экономически и исторически оторванное от других центров армянского населения в Армянской Республике" (23, 154-155).

Утверждения автора о завышении царской администрацией численности армянского населения Карабаха за счет армян, эмигрировавших из Карабаха и осевших на промыслах в Баку и Тифлисе, подтверждались данными армянской печати. Несмотря на то, что многие карабахские армяне выехали в Баку на заработки, в статистических документах они числилась жителями Карабаха и через своих представителей (как правило, делегированных узкой группой бывших армян-карабахцев) продолжали принимать участие, причем с правом решающего голоса, в политической жизни этого региона. В качестве подтверждения можно привести опубликованное в армянской газете "Ашхатавор" (номер от 5 июля 1919 г.) в связи с началом работы 6-ого съезда представителей армянского населения Нагорного Карабаха сообщение о том, что "на съезде присутствуют представители Бакинского земляческого союза карабахских армян с решающим голосом", и что даже "тифлисский земляческий союз карабахцев обратился к английскому командованию с просьбой присутствовать на съезде с решающим правом голоса" (цит. по: 73, 19).

Таким образом, вышеотмеченный обзор позволяет сделать вывод о том, что в рамках геополитической, культурной и экономической интеграции азербайджанских территорий в российскую имперскую систему в течение всего XIX в. происходило постепенное изменение их традиционного исторического облика и географических контуров, сопровождавшееся соответствующими процессами в демографической, этно-культурной и религиозной ситуации в карабахском регионе. В условиях военно-политической борьбы за влияние в данном регионе с конкурирующими мусульманскими империями Россия опиралась в своих подходах к "закавказским мусульманским владениям" и их коренному населению на традиционные, веками опробованные методы колониальной стратегии и тактики. К их числу относилась усиленная иммиграция персидских и турецких армян в Азербайджан, их преимущественная кооптация в закавказскую управленческую систему, и, в целом, превращение персидских и малоазийских "новоселов" в этнический инструмент колониционной политики Петербурга, фактор укрепления южных границ империи. Этот процесс, как показали дальнейшие события, стал первопричиной внутрирегионального "армяно-татарского" (конец XIX - начало XX вв.), а

затем и межгосударственного армяно-азербайджанского (1918-1921 гг. и с 1991 г. по настоящее время) конфликта, источником долгосрочной внутривнутриполитической нестабильности и внешней уязвимости Азербайджана, ослабления российских позиций в регионе.

В то же время при оценке данного периода было бы корректным отойти от черно-белых оценок последствий раздела географического Азербайджана и признать в целом прогрессивный характер этого масштабного исторического процесса. Вхождение в состав российского государства, стоявшего на более высокой, по сравнению с окружающими азербайджанские ханства феодальными государствами, ступени общественно-исторического развития, привело к бесспорным позитивным изменениям во всех сферах жизнедеятельности закавказских азербайджанцев, о которых в тезисной форме мы упоминали выше.

Линия, обозначившая границу между Северным (российским) и Южным (персидским) Азербайджаном, стала своеобразным цивилизационным водоразделом, обозначив две полярные долгосрочные тенденции и перспективы развития для двух частей азербайджанского народа. Не вдаваясь в сравнительный анализ исторической успешности "российского" и "персидского" векторов развития азербайджанского населения, следует признать, что именно на "российском пути" оно получило гораздо большую возможность национально-духовного самовыражения, которое было бы немыслимо в составе Персии и даже в Турции.

Именно при российском имперском правлении оно прошло непростую, но результативную эволюцию от "кавказских татар" и "кавказских мусульман" с их неопределившимся этническим самосознанием до азербайджанской нации с собственной европеизированной интеллигенцией и развитым литературным языком, избежав этно-культурной ассимиляции в персидском и османском "плавильных котлах".

Именно в рамках российского имперского порядка были преодолены межханская разобщенность и раскол, были созданы условия для объединения северо-азербайджанских территорий и создания в 1918 г. независимого государства - АДР, ставшего, что весьма показательно и символично, первой парламентской республикой в мусульманском мире. Как отмечает в связи с этим Т.Свиетоховский, "несмотря на все протесты и недовольства, вызванные политикой России в регионе, со временем стало очевидным, что эта политика сыграла также известную роль в деле внутренней консолидации Азербайджана по меньшей мере в двух важных аспектах: ликвидация ханств способствовала изживанию ведущего к расколу нации местного сепаратизма, а образование двух восточно-закавказских губерний привело к формированию территориального единства, которое в будущем азербайджанцы будут воспринимать как основу их Родины" (93, №1, 90).

Несмотря на то, что процесс утверждения российских имперских позиций в азербайджанских ханствах имел, как уже отмечалось выше, в том числе и негативные, драматические последствия для их коренного населения, он был поддержан как их социально-политическими элитами, так и населением. Пророссийская ориентация ханств складывалась как из антииранского протеста азербайджанских ханских элит против влияния каджарского шахского двора и имперских претензий Персии, так и из антифеодальных настроений самого населения, недовольного восточно-деспотичным правлением собственных ханов и стремившегося к более передовому государственному порядку, который в тех исторических условиях могла обеспечить только Россия.

Для того, чтобы понять причины, формировавшие данные протестные настроения социальных низов, достаточно обратиться к яркой характеристике ханского правления, данной русским историком Дубровиным, который отмечал, в частности, следующее: "Все сословия мусульманских провинций подчинены единой власти хана. Произвол и ничем не обузданные страсти составляли характеристику ханского управления. Хан был единственное лицо, в котором сосредоточились все законы, все права жителей, бывших для правителя не более как рабами, над которыми он имел полную власть жизни и смерти: для ханов не существовало никаких сословий среди подданных: по личному их произволу сегодняшний раб делался завтра беком, точно так же, как первейший из сановников, в силу того же произвола, наказывался телесно за самую ничтожную вину".

"Ни один из ханов, - продолжал Дубровин, - не имел никакого понятия о тех обязанностях, возлагаемых на него как на правителя, от которого зависело благосостояние управляемого им народа; ни один из ханов не признавал ничего выше того, чтобы поборами извлекать из народа богатство всеми возможными средствами. Сборы эти шли не на общественную пользу, не на улучшение быта народа, но единственно на прихоти ханов, на удовлетворение их азиатской роскоши". По мнению русского автора, "все законы заменялись двумя словами - воля хана; одни они обеспечивали до времени личность и имущество каждого из подвластных. Это был один кодекс, шаткий, переменчивый, гибкий как дышло, но считавшийся для народа священным". Произволу ханов, заключал Дубровин, "не было пределов, и полнейшее неуважение к личности своих подчиненных составляло исключительную характеристику их правления" (51, 398-399).

Прогрессивный характер вхождения независимых и полунезависимых северо-азербайджанских территорий в состав России был связан также и с тем, что данный процесс чем дальше, тем больше выходил за рамки собственно азербайджано-российских отношений. Разрыв с персидским протекторатом и присоединение к России, которая, в отличие от своих

южных соседей, была частью широкого общеевропейского культурного и политического контекста, стал бесспорным фактором европеизации азербайджанцев, их сближения с передовыми достижениями западной мысли, науки и культуры, экономики и политического опыта. Как справедливо отмечает в связи с этим Дегоев, "российская имперская культура (в широком смысле слова) выполняла на Кавказе функцию своеобразного ретранслятора европейских идей и ценностей. В этом плане политика России являлась разновидностью вестернизации. В старом кавказском доме "окно в Европу" было прорублено русскими "империалистами" и обращено на север" (44,47). При этом российский ученый указывает на то, что процесс присоединения носил взаимно-обогащающий характер, и отмечает, применительно к Азербайджану, что "в данном случае имперское политическое и духовное пространство вбирало в себя богатое тюркско-исламское культурное наследие". "В результате, — подчеркивает автор, — к моменту образования СССР уже были заложены основы для последующего национально-духовного подъема азербайджанского народа" (45, 106).

4.2."Считаем себя временно в пределах Азербайджана": попытка мирного урегулирования карабахского конфликта в период АДР

С появлением на политической карте Закавказья независимых Азербайджана и Армении межэтнические столкновения в карабахском регионе выросли до уровня межгосударственного армяно-азербайджанского конфликта вокруг Карабаха, в основе которого лежали попытки дашнакского правительства Армении отторгнуть данный регион от Азербайджана. Этот конфликт развивался в условиях активизировавшейся в этом регионе в 1918-1920 гг. напряженной геополитической схватки между ведущими мировыми и региональными державами, в эпицентре которой были борьба за контроль над Азербайджаном и бакинской нефтью. Каждая из заинтересованных сторон пыталась использовать "армянский фактор", а точнее, территориальные претензии Армении на азербайджанские территории Карабаха, Зангезура и Нахичевани в целях сохранения и укрепления своего влияния в стратегически важном регионе Азербайджана, обеспечивавшем выход на Кавказ, Средний и Ближний Восток и Центральную Азию.

В июне-сентябре 1918 г. на Южном Кавказе резко возросла активность армянских добровольческих отрядов, воевавших на стороне России против османской Турции. В частности, в июне 1918 г. банды Андроника (Андроник Озаян Тороси, 1865-1927, подданный Турции, в 1894-1896 гг. примкнул к армянским мятежникам, участвовал в диверсиях в горах Сасуна в составе террористических отрядов; в годы Балканской войны 1912-1913 гг. воевал против Турции; в годы первой мировой войны сражался против Турции в

составе русской армии во главе 1-ого армянского добровольческого корпуса, совершал диверсии с северо-запада Ирана; в 1915 г. он воевал на озере Ван и был одним из зачинщиков резни турецких мусульман в этом районе; в 1917 г. российское верховное командование присвоило ему звание генерал-майора) направились через Джульфу в Нахичевань, уничтожая на своем пути мирное азербайджанское население.

17 июля 1918 г. имя Андроника впервые упоминается в телеграмме Шаумяна Ленину (в Москву) и Сталину (в Царицын). Чрезвычайный комиссар по делам Кавказа сообщал о полученной от "армянского народного вождя" 14 июля телеграмме, в которой последний заявлял о своей готовности вступить в союз с большевиками: "Безусловно подчиняясь Брест-Литовскому договору Нахичеванский уезд, где в настоящее время нахожусь и я со своим отрядом, объявил себя неотделимой частью Российской республики. Прошу объяснить кому следует, что я со всем отрядом с сегодняшнего дня нахожусь в распоряжении и подчинении Центрального Российского правительства. Вступление турецких войск в пределы Нахичеванского уезда постараюсь воспрепятствовать. Жду ответа и распоряжения". Заинтересованный в привлечении на свою сторону вооруженных формирований Андроника, Шаумян хотел согласовать с руководством большевиков следующую форму ответа: "Приветствуем и предложением держаться прошу вашего ответа" (11, оп. 93, д. 240, л. 105а).

Кровавые акции Андроника на территории Зангезура и Карабаха продолжались с перерывами с лета 1918 г. до осени 1919 г., и лишь в сентябре 1919 г. части азербайджанской армии вынудили его банды уйти из Шуши и Зангезура. Именно с военной активностью Андроника было связано усиление сепаратистских настроений среди армянского населения Карабаха. В начале сентября 1918 г. в российских информационных сводках, в частности, в бюллетене украинского отдела Бюро печати при Генеральном Консульстве РСФСР в Киеве, появилась информация о том, что "область Карабах объявила себя вышедшей из состава Азербайджанской Республики и независимым государством" (10, оп. 2, д. 529, л. 126). В связи с тем, что упоминание о т.н. "выходе Карабаха из состава Азербайджана", решение о котором было принято 18 июля 1918 г. на т.н. "первом съезде армян Карабаха", нередко используется для обоснования тезиса о том, что Карабах якобы никогда не был в составе независимой АДР, следует отметить следующее.

Как было показано выше, к рассматриваемому моменту административной единицы с названием "область Карабах" на территории Азербайджана не существовало.

Если же говорить о территориях (или уездах), составлявших географический Карабах, то, как уже отмечалось, в течение всего периода

XIX — начала XX вв. (1804-1918) по официальным российским данным армяне здесь всегда, в том числе и в 1918 г., составляли меньшинство, и как этническое меньшинство не могли выступать от имени населения всего региона, и тем более предопределять его судьбу.

Кроме того, решение т.н. "первого съезда армян" было фактически перечеркнуто решениями последующих съездов, и, прежде всего, 7 съезда от 15 августа 1919 г., на котором армяне трех уездов карабахского региона признали суверенитет АДР.

И, наконец, наряду с констатацией исторической и этнографической необоснованности армянских притязаний на Карабах, следует обратить внимание и на то, как избирательно трактовалось армянами право на самоопределение. Оно признавалось за армянами, составлявшими незначительное большинство лишь в 1 (Шушинском) из 8 уездов Елисаветпольской губернии, и не признавалось за азербайджанским населением Эриванской губернии, которое составляло большинство в 4 из 7 ее уездах. Демографическая ситуация в уездах Эриванской губернии показана в нижеприводимой Таблице № 6, которая составлена по данным "Кавказского календаря на 1917 г." (уезды с преимущественным азербайджанским населением в ней выделены; 69):

Таблица 6

Уезды Эриванской губернии	Армяне	Азербайджанцы	Все население
Эриванский уезд	69.7	73.3	154.331
Александропольский	154	6	174.206
Новобаязетский	114	46	174.111
Сурмалинский	32.5	44.1	104.791
Шаруро-Даралагезский	29.1	57.9	90.250
Эчмиадзинский	113	40	167.786
Нахичеванский	51.3	69.7	122.208
Город Нахичевань	2.5	5.9	8.477
Город Эривань	37.1	12.5	51.286
Все население губернии	667	364.5	1.120.242

После подписания 30 октября 1918г. Мудросского соглашения, в соответствии с которым (ст. 11) Турция обязалась эвакуироваться с Закавказья и (ст. 15) не противиться оккупации Баку союзниками, обстановка в карабахском регионе обострилась. Уход турецких войск и поддержка со стороны англо-французской миссии в Зангезуре способствовали тому, что военные формирования Андроника вновь попытались в этот период

установить контроль над Карабахом с территории Зангезура. С ноября 1918г. до осени 1919г. в Карабахе продолжались инспирированные "армянским вождем" нападения на азербайджанское население.

В начале декабря 1918 г. с согласия главы англо-французской миссии в Герюсах майора Гиббона и по приказу Томсона 4/5 всей территории Зангезурского уезда были отданы в полное распоряжение Андроника, который установил здесь своеобразное "губернаторство". В пределах данных территорий при фактическом потворстве англо-французской миссии осуществлялась политика террора в отношении зангезурских азербайджанцев. 20 декабря 1918 г. ситуация в данном регионе обсуждалась на заседании парламента АДР. В своем выступлении по этому вопросу глава правительства Ф.Хан-Хойский отметил, что "план Андраника — "очистить" Зангезур и Шушу от мусульманского населения и оторвать эти "куски" от живого тела Азербайджана". Проинформировав депутатов о многочисленных попытках правительства урегулирования конфликта через мирные переговоры с Андроником, он указал на нежелание последнего идти на какие-либо контакты с представителями правительства АДР (24, 65). По итогам обсуждения данного вопроса было принято постановление о необходимости принятия правительством комплекса военных и политических мер для отражения внешней агрессии.

Однако правительство страны, лишь в ноябре-декабре 1918 г. приступившее к формированию военного министерства и созданию регулярных частей национальной армии, до середины 1919г. не имело возможности организовать целостную систему обороны республики. Кроме того, приближение армии Деникина к северным границам АДР, антиправительственная деятельность большевиков в Баку и крупных населенных пунктах — все эти факторы препятствовали укреплению государственной власти как в столице, так и отдаленных от нее регионах Азербайджана. В начале июня 1919 г. действовавший в Шуше Армянский национальный совет спровоцировал очередной кровавый конфликт в Карабахе. При его поддержке в армянскую часть Шуши из Армении было переброшено большое количество оружия. Хосров-бек Султанов, назначенный в январе 1918г. генерал-губернатором Шушинского, Зангезурского, Джебраильского и Джеванширского уездов, жестко и решительно навел в карабахском регионе порядок и выдворил за его пределы членов Армянского национального совета. 6 июня 1919 г. в Шуше было достигнуто мирное соглашение между противоборствующими сторонами. В то же время правительство Армении в своей ноте правительству АДР, а также две армянские делегации, участвовавшие на парижских мирных переговорах, потребовали удаления Х. Султанова из Карабаха.

Развитие политической ситуации в Нагорном Карабахе в течение мая 1918 — июня 1919 г. можно проследить по справке, подготовленной 20 декабря 1922 г. одним из очевидцев тех событий и первым советским армянским руководителем Карабаха С.Шадунцем. "С давних пор Карабах был расчленен на три уезда, — отмечал автор, — и до 1917 года как одна цельная административная единица эта область не существовала. Только после раздела Закавказья на три "самостоятельные" республики был воскрешен этот термин. Еще до создания в Карабахе мусаватской власти туда был назначен со стороны турецких властей генерал-губернатор Карабаха, и вот в это время появляется новый термин — Нагорный Карабах, созданный дашнаками. Не довольствуясь безграничными бойнями, вызванными в Турецкой Армении, партия "Дашнакцутюн" после сдачи гор. Шуши турками, подымается на горы, населенные исключительно армянами, и постановляет сражаться "до последней капли крови" и не сдаваться туркам". Но вскоре, как отмечает Шадунц, партии Дашнакцутюн по настоянию местных крестьян пришлось соединить нагорную часть Карабаха с низменной и весь Карабах подчинить власти мусаватского правительства.

По его мнению, активизация подрывной работы в Карабахе была напрямую связана с укреплением дашнакской власти в Армении и деятельностью ""геройских" банд Дро", которые уже имели опыт вооруженных нападений на Тифлис, Зангезур и другие населенные пункты, прилегавшие к Карабаху. "Дашнакское правительство послало опять в Нагорный Карабах своих эмиссаров с большим денежным запасом и вело агитацию за присоединение Карабаха с ничего с ним не имеющей Арменией. Работа шла туго, — отмечал Шадунц, — директивы шли из г. Шуши, который ни за что не хотел присоединиться к Армении. Партия "Дашнакцутюн" должна была или уничтожить это город, или же подчинить себе. Не долго пришлось ждать. После взятия Красной Армией г. Петровска, когда с каждым днем ждали прихода большевиков, чуя свою близкую смерть, дашнаки 23 марта 1919 года напали на город Шушу, населенный почти одинаковым количеством армянского и мусульманского населения и стали причиной полного разгрома и уничтожения армянской части города. Только после этого они вступили в открытый бой с азербайджанским правительством и ознаменовали свое существование в Карабахе уничтожением еще 34 армянских и нескольких мусульманских сел" (пит. по: 73, 135-136).

В середине июня 1919 г., принимая во внимание успехи властей АДР по стабилизации внутривластного и экономического положения в стране, в том числе и в Карабахе, генерал Томсон (губернатор Баку) принял решение об оставлении Карабаха, включая Зангезурский уезд, под временным управлением Азербайджана. В ответ на недовольство армян

Томсон заметил: "Дело в том, что в Азербайджане некоторые армяне крайне разочарованы тем, что британская оккупация не оказалась удобной возможностью для отмщения. Они не хотят признать того, что все будет решено мирной конференцией, а не военными силами" (цит. по: 93, №3, 39).

Разочаровавшись в нежелании британской миссии в Азербайджане содействовать планам отторжения Карабаха и Зангезура от АДР, Андроник вместе с другими армянскими политиками выехал в Париж. Здесь Погос Нубар Паша, глава турецкой армянской делегации на мирной конференции, организовал его встречу с президентом Франции Раймоном Пуанкаре, в ходе которой Андроник выразил свое недовольство по поводу нейтральной позиции союзников в карабахском вопросе. К этому периоду можно подвести итоги кровавой деятельности Андроника на территории Азербайджана. С июля 1918 г. по июнь 1919 г. только в Зангезурском уезде его бандитские формирования сожгли свыше 100 населенных пунктов, убили и ранили свыше 10 тысяч человек. Террор в отношении азербайджанского населения осуществлялся и на территории самой Армении — в Эчмиадзинском, Сурмалинском, Эриванском и Новобаязетском уездах. Противоправные действия армянского правительства носили настолько открытый характер, что в конце августа 1919 г. армянские депутаты от партии социалистов-революционеров вынуждены были сделать в парламенте Армении запрос министру внутренних дел, в котором указали на то, что многие села указанных уездов были "очищены от татарского населения и подверглись грабежу и резне", и что "местная администрация не только не препятствовала, но даже сама участвовала в происшедших грабежах и погромах" (23, 350).

В самом Карабахе в этот период складывались предпосылки для армяно-азербайджанского примирения. По мере укрепления внутривластных позиций и международного авторитета правительства АДР, некоторой стабилизации экономического положения в республике, которая сразу же привела к оживлению хозяйственной жизни в карабахском регионе, карабахские армяне и их руководители вынуждены были отказаться от привносимых извне сепаратистских лозунгов и пойти по пути выработки с правительством АДР соглашения о принципах мирного и взаимовыгодного сосуществования. 15 августа 1919 г. на 7-ом съезде армян Карабаха было принято ранее подписанное "Временное соглашение армян Нагорного Карабаха с азербайджанским правительством" (далее — Соглашение; 73, 23-25), которое вошло в историю армяно-азербайджанского конфликта вокруг Карабаха как первая успешная попытка определения статуса данного региона в составе азербайджанского государства.

В преамбуле данного Соглашения отмечалось, что вопрос об участии нагорной части Карабаха будет урегулирован на мирной конференции, но

при этом было подчеркнуто, что "при всяком разрешении карабахского вопроса армяне и мусульмане должны будут жить совместно". Временный характер Соглашения был зафиксирован и в п.1 ("Настоящее временное соглашение принимается сторонами до решения этого вопроса на мирной конференции, каковое решение обязательно одинаково для обеих сторон") и в п.2, который был сформулирован следующим образом: "Нагорная часть Карабаха — Шушинского, Джеванширского и Джебраильского уездов (Дизак, Варанда, Хачен и Джараберт), населенных армянами, считает себя временно в пределах Азербайджанской Республики".

Важнейшим положением Соглашения стало подтверждение неизменности административно-территориального устройства АДР. В п. 3 отмечалось, что Шушинский, Джеванширский и Джебраильский уезды, которые составляли географический Карабах, "остаются выделенными в особую административную единицу карабахского генерал-губернаторства, внутренняя организация которой такова, что в нагорной армянской полосе назначается администрация из армян с соблюдением прав меньшинства". Иными словами, в Соглашении был закреплён трехступенчатый уровень автономии: территориальная автономия всего карабахского региона в составе АДР — высший уровень; национально-культурная автономия нагорной части Карабаха в рамках Карабахского генерал-губернаторства — промежуточный; обеспечение прав азербайджанского меньшинства в рамках армянской автономии — низший.

Реализация прав армянского населения осуществлялась через учрежденный при карабахском генерал-губернаторстве Совет в составе шести человек — по три от армян и азербайджанцев (п.5), при этом армяне-члены совета избирались съездом армянского населения Нагорного Карабаха (п.6). Все административные должностные лица в нагорной части Карабаха назначались по представлению членов Совета.

В данном документе отдельно отмечалось, что все принципиальные вопросы межнационального характера не могли быть проведены в жизнь без предварительного обсуждения в Совете (п.7), который получал право инициативы по вопросам устройства и управления генерал-губернаторством, а также право контроля и наблюдения над администрацией генерал-губернаторства без права вмешательства в ее действия (ип.8 и 9).

Принципиальной основой Соглашения стало закрепление в нем права культурного самоопределения за армянами Карабаха. Это право осуществлялось карабахским армянским национальным советом, деятельность которого контролировалась правительством АДР через уполномоченных армян (последние избирались на съездах армян Карабаха).

Соглашение вводило определенные ограничения на военную активность правительства АДР в данном регионе. В соответствии с п. 16,

всякое передвижение азербайджанских войсковых частей в районе армянской части Карабаха могло производиться с согласия 2/3 членов Совета. Кроме того, в Карабахе приостанавливалось разоружение армянского и мусульманского населения до решения вопроса о Карабахе на мирной конференции.

В области обеспечения политических прав и свобод правительство гарантировало, что никто не может подвергаться преследованию за политические убеждения ни в судебном, ни в административном порядке. Это положение распространялось также на тех, кто принимал участие в межнациональных столкновениях в данном регионе. Все армяне, выехавшие из Карабаха по политическим мотивам, получили право вернуться в места своего проживания. Гарантировалась также полная свобода союзов, слова и печати.

В Соглашении были урегулированы также актуальные вопросы социально-экономической жизни карабахского региона. В частности, правительство АДР взяло на себя обязательство оказать материальную и моральную поддержку населению Карабаха в деле скорейшего восстановления разоренных селений. В данном документе был найден и механизм общественного армяно-азербайджанского диалога. Соглашение предусматривало (п.21), что "для лучшего урегулирования межнациональных отношений Советом созываются периодические общие и местные армяно-мусульманские съезды".

Давая оценку Соглашению, глава правительства Усуббеков на заседании парламента 25 августа отметил, что "карабахский вопрос, при всей своей остроте, разрешен совершенно безболезненно, без капли крови" (24, 652). 22 декабря, выступая в парламенте с программной декларацией своего нового кабинета, Усуббеков указал на возможность использования данного успешного опыта для урегулирования других спорных территориальных армяно-азербайджанских вопросов: "Сейчас, господа, три с половиной уезда Карабаха находится в наших руках, половина же Зангезурского у. находится под властью некоторых мятежников. Нам сказано, что возможно и здесь разрешить вопрос миром, и представители великих держав стоят на этой позиции. Мы не против мира. Мы вообще себе избрали мирный путь как средство к разрешению всех вопросов. Поэтому готовы ждать мирного разрешения этого вопроса. Повторяю, что мы стремимся разрешить все путем мира, и это мы доказываем не словами, а делом. Разве трудный и сложный вопрос о Карабахе не был разрешен мирным путем? И как разрешен - принятием условия о признании культурных прав армянского национально-го меньшинства и взятие его под действительную опеку правительства".

Отметив, что вопрос о признании прав национальных меньшинств обсуждается во многих странах мира, глава правительства АДР указал на то,

что "азербайджанский народ без колебания признал это естественное право своих сограждан армян в Карабахе". "Сейчас, — сообщил он далее, — наши сограждане, живущие в Карабахе армяне, принимают участие в делах местного управления, заняты открытием и увеличением школ и улучшением дела просвещения вообще. Для этой цели правительство по мере надобности расходует миллионы денег и впредь не будет отказывать им в этом". "На Кавказе этот пример дан, пока что, впервые нами, и мы выражаем желание, чтобы и наши соседи последовали этому примеру", - заявил Усуббеков, пророчески указав на важное значение фактора национального меньшинства в развитии азербайджанской государственности: "Мы должны знать, что будущность и Азербайджана, и Армении связана с вопросами обеспечения прав национального меньшинства" (24, 809).

В целом, августовское Соглашение носило беспрецедентный характер, так как в отличие от стратегии царизма, делавшего ранее в Азербайджане ставку на принцип "разделяй и властвуй", и большевиков, подпольная работа и агитация которых была направлена на подрыв легитимной власти АДР в данном регионе на основе разжигания армяно-азербайджанской конфронтации в Карабахе, оно продемонстрировало стремление азербайджанского правительства к цивилизованному решению карабахского вопроса, основанному на компромиссах и уважении интересов армянского меньшинства. На тот период это была, возможно, самая демократическая попытка решения сложного национального вопроса не только в закавказском регионе (в дашнакской Армении в это время продолжалась этническая чистка районов компактного проживания азербайджанского населения), но и на всем пространстве бывшей Российской империи. Не случайно, что позитивная оценка данному Соглашению была дана и за пределами Азербайджана. Оценивая его значение, тифлисская газета "Борьба" 5 сентября 1919 г. отмечала, в частности, его важное значение как для самого Азербайджана, так и для регионального мира: "армяно-татарская вражда — это вечный бич, терзающий тело закавказских народов, это — язва, разъедающая Закавказье, не дающая возможности установиться в нем правильному гражданскому правопорядку. Вечная опасность междоусобной войны, вечная глухая вражда двух народов грозит каждому из них физическим истреблением, подрывает их экономические силы, обесиливает их культуру. Для всего же Закавказья эта вражда — вечный призрак иностранного вмешательства, вечная угроза стать игрушкой чуждых сил". Приветствуя данное Соглашение, она признала, что "в данном случае мы видим первый серьезный опыт разрешения армяно-мусульманского спора не резней, а путем взаимного договора" (цит. по: 73, 27).

Августовское Соглашение продержалось почти 7 месяцев. После спровоцированного 22-23 марта 1920 г. эриванским правительством крупного

антиправительственного мятежа в Карабахе, дашнакские войска под командованием Дро (Драстамат Канаян; родился в 1884 г; в 19 лет присоединился к партии дашнаков; в 1918 г. возглавил вооруженные силы дашнакской Армении, атаковавшие территорию АДР; в конце 1920 г. на неделю возглавил министерство обороны и подписал акт сдачи Армении большевикам; в годы второй мировой войны присоединился к нацистам и воевал в качестве командира батальона армянского соединения в Крыму и на Кавказе — по его призыву в ряды немецкой армии было мобилизовано до 30 тысяч армян; хорошо знакомый с советской действительностью, Дро вскоре стал для фашистов одним из самых важных специалистов по советским и кавказским вопросам — прим. авт., 106, 145-146), предприняли очередную попытку захватить Карабах. В начале апреля 1920 г. с целью отражения армянской агрессии в Карабахе и Зангезуре и укрепления северных рубежей страны в условиях усилившейся угрозы безопасности АДР Государственный Комитет Обороны республики объявил с 1 мая мобилизацию в армию лиц призыва 1920 г. и старших возрастов до 30 лет включительно. В карабахский регион для подавления мятежа была направлена большая часть регулярных вооруженных сил. Однако попытки правительства АДР оказать эффективное сопротивление аннексионистским планам Армении в Карабахе срывались третьей силой — большевиками, которые становились все более влиятельной силой в Баку и других стратегически важных регионах страны. Об эффективности их работы можно судить по сообщению одного из лидеров дашнакских военных частей в Карабахе в Эривань своему правительству, в котором отмечалось, что армянские села "отказались принять нашу (дашнакскую - прим. авт.) власть и открыто объявили себя большевиками. Выяснено, что у них с большевиками тесная связь, усиленно работают агитаторы" (цит. по: 112, 93). Но, несмотря на это, к моменту совершения апрельского переворота в Баку части национальной армии, находившиеся в карабахском регионе, контролировали большую часть территории т.н. географического Карабаха — полностью Шушинский, Джеванширский, Джебраильский и половину Зангезурского уездов.

4.3. "Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджанской ССР": создание армянской автономии в Азербайджане в "советский" период

В начале мая 1920 г. армяно-азербайджанский вооруженный конфликт возродился, но уже в новом формате — дашнакская Армения воевала теперь против Советского Азербайджана. Воспользовавшись большевистским переворотом в Баку, начавшимся процессом советизации и ликвидации институтов государственной власти АДР, прежде всего национальной армии,

Армения вновь нарушила границу Азербайджана и вторглась на территорию Зангезура и Карабаха. 1 мая 1920 г. заместитель главы НКВД Советского Азербайджана Мирза Давуд Гусейнов направил главе МИД Армении ноту протеста, в которой потребовал вывести армянские войска из Карабаха и Зангезура и прекратить боевые действия, заявив при этом, что в противном случае Азревком (Азербайджанский революционный комитет — высший орган власти в республике, прим. авт.) будет считать себя в состоянии войны с правительством Армянской Республики (10, оп.4, д.600, л. 494).

"Угрозы" азербайджанских коммунистов не имели и не могли иметь серьезных последствий. Не располагая собственными вооруженными силами, а точнее, ликвидировав с помощью XI-ой армии созданные АДР за короткий срок подразделения национальной армии, Азревком вынужден был в решении ключевого вопроса для новой власти — восстановления целостности республики и урегулирования территориальных споров с Арменией и Грузией — полагаться только на Москву, причем как в военном, так и в политическом отношениях. Не случайно поэтому, что одна из первых телеграмм Нариманова Ленину зывала именно к помощи со стороны Советской России. "Центр, связав наши руки, дал возможность дашнакам перейти границу Азербайджана и вырезывать революционно настроенное крестьянство, — отмечал Нариманов и просил "дать нам возможность защищаться или приказать Реввоенсовету Кавказского фронта положить конец этим безобразиям" (10, оп.4, д. 586а, л. 150).

Однако у большевистского руководства Советской России не было единой позиции по вопросу о том, каким образом и в каком направлении решать сложный узел территориальных и пограничных вопросов между закавказскими республиками, и, прежде всего, между Арменией и Азербайджаном.

Военно-политическое руководство XI-ой армии и члены Кавбюро, находившиеся в данном регионе, и, прежде всего, Орджоникидзе, на которого Ленин с конца июня возложил руководство всей внешней и внутренней политикой Азербайджана и наблюдение за выполнением директив ЦК РКП(б) и НКВД по отношению к Персии, Армении и Грузии, выступали в пользу восстановления контроля за Карабахом и Зангезуром со стороны новой бакинской власти. В основе такой позиции было не столько признание исторической азербайджанской принадлежности этих регионов и численного перевеса их коренного населения над армянским, сколько учет политического фактора, связанного с необходимостью поддержки родственного большевистского режима в Баку, превращения его в удобный плацдарм для предстоящей советизации всего Закавказья и военно-политического давления на соседние Турцию и Персию.

В то же время политическое руководство Советской России (Политбюро и Совнарком) считало, в основном под влиянием главы НКВД, что на данном этапе своего международного (жизненно важной была задача прорвать политическую и экономическую блокаду России Антантой), европейского (по-прежнему напряженной была ситуация на "польском фронте") и регионального (требовалась передышка перед большевизацией Грузии и Армении) положения Россия должна ограничиться советизацией Азербайджана, добиваться установления мирных, договорных отношений с Грузией и Арменией, пусть даже за счет ущемления интересов уже коммунистического Азербайджана.

Однако в мае 1920 г. сторонники обоих подходов были едины в том, что на первоначальном этапе для поддержания советской ориентации Баку и удержания контроля за ситуацией в зоне армяно-азербайджанского конфликта необходим ввод частей XI-ой армии в спорные, по мнению Москвы, районы. 13 мая 1920 г. в телеграмме Ленину и Сталину Орджоникидзе отмечал необходимость ввода "в целях прекращения резни" советских войск в Карабах и Нахичеванский край и вывода оттуда азербайджанских вооруженных отрядов (10, оп. 4, д. 5866, л. 122). Приступив к реализации данной задачи, 22 мая 1920 г. Орджоникидзе сообщил Ленину и Сталину о своих впечатлениях от поездки в Карабах: "Ночью вернулся из Карабаха. Армянская часть города Шуши и плоскостные села армян совершенно разгромлены, то же самое сделано армянами и в Зангезурском уезде с мусульманскими селами со стороны армян. И армянское, и мусульманское население с радостью встречали русские красные войска. Думаю, что район Шуша, Нахичевань, Ордубад, Джульфа будут заняты без сопротивления" (10, оп. 4, д. 5866, л. 134).

Необходимость расширения российского военного присутствия в данном регионе стала еще более актуальной в конце мая — начале июня 1920 г., когда в Карабахе началось крупное антибольшевистское восстание, которое возглавили младотурецкие офицеры, оставшиеся в Азербайджане после установления советской власти. Во главе данного движения стоял Нури-паша, который, как отмечает Свиетоховский, "как и большинство панисламистов, был разочарован в большевиках". Повстанцы взяли под свой контроль Шушу, где на их сторону перешел Азербайджанский пехотный полк, но вскоре им пришлось сражаться против красноармейского кавалерийского дивизиона, поддерживаемого авиацией (93, №3, 59). Несмотря на то, что большевикам угрожало еще одно восстание в Закаталах, им без труда удалось выбить повстанцев из Шуши. Силы Нури вскоре после этого распались, а их остатки перешли через персидскую границу в районы, удерживаемые Хиябани. 13 июня 1920 г. в телеграмме членам Политбюро Орджоникидзе сообщал: "... восстание в Карабахе ликвидировано. Захвачено

восемь орудий, 26 пулеметов. Вожаки движения во главе с Нури-пашой бежали. Спровоцированное темное крестьянство после оставления их вожаками взялось за помещичьи дома" (10, оп.4, д.499, л. 288).

В это же время при посредничестве члена Кавбюро Кирова была предпринята первая попытка советской власти урегулировать армяно-азербайджанский конфликт. 12 июня было достигнуто соглашение о проведении в Казахе армяно-азербайджанской конференции для разрешения всех спорных вопросов между двумя республиками. Однако ввиду начавшегося со стороны армянских регулярных частей наступления на Нахичеванский район и Казахский уезд попытка мирного урегулирования конфликта была сорвана (10, оп.4, д. 603, л.206). В этих условиях Кавбюро уже более четко сформулировало свою позицию по "карабахскому вопросу". 19 июня в телеграмме Ленину и Чичерину из Владикавказа Орджоникидзе подчеркивал: "Азербайджан претендует на Карабах, Зангезур, Нахичеванский и Шаруро-Даралагезский уезды. В Карабахе и Зангезуре провозглашена Советская власть, и вышеупомянутые территории считают себя частью Азербайджанской Советской Республики. Нахичевань уже несколько месяцев в руках повстанцев мусульман. Относительно Шаруро-Даралагезского уезда у меня сведений нет. Азербайджан без Карабаха и Зангезура обойтись ни в коем случае не может". Орджоникидзе призвал вызвать в Москву представителя Азербайджана и вместе с ним разрешить все вопросы, касающиеся Азербайджана и Армении, подчеркнув, что это необходимо сделать до подписания договора с Арменией (10, оп. 4, д. 587, л. 292).

Актуальность данного призыва была связана с тем, что в Москве в это время шли российско-армянские переговоры по установлению мирных отношений и выработке двустороннего политического договора. Важнейшим вопросом повестки дня была судьба азербайджанских территорий — Карабаха, Зангезура и Нахичевани, которая обсуждалась, фактически, "за спиной" советского азербайджанского правительства. Позиция армянской делегации в Москве сводилась к тому, что она была готова признать "спорными" Карабах и Зангезур, но категорически настаивала на признании за Арменией территорий Нахичеванского уезда, Ордубада, Джульфы и Шаруро-Даралагезского уезда (17, оп. 18, д.34, лл. 1-3).

Исторические и демографические факторы, определявшие азербайджанскую принадлежность Карабаха, Зангезура, Нахичевани и других территорий, ставших "спорными" после апрельского переворота, не рассматривались большевистской верхушкой Советской России в качестве серьезных, убедительных аргументов. В связи с этим руководители азербайджанских коммунистов при отстаивании перед Москвой своей позиции по территориальным вопросам подчеркивали, прежде всего, экономическую связь данных территорий с Баку (значительная часть

зангезурских и карабахских крестьян находила себе заработок на бакинских промыслах, кроме того, удобные пути сообщения связывали Карабах и Зангезур с Баку, а не с Эриванью, с которой ни Карабах, ни Зангезур не имели никаких хозяйственных связей), необходимость укрепления авторитета советской власти в Азербайджане в глазах местного населения, важное региональное значение Советского Азербайджана для продвижения "пролетарской революции" в регион Ближнего Востока.

Однако в Политбюро ЦК РКП(б), а также в НКВД полагали, что предостережения новой бакинской власти носят преувеличенный характер. В этом контексте настойчивые требования Азревкома во главе с Наримановым о содействии восстановлению суверенитета Азербайджана над Карабахом и Зангезуром долгое время - вплоть до середины 1921 г. — не находили поддержки в Москве. 26 июня 1920 г. в телеграмме Орджоникидзе, который на данном этапе выступал в качестве основного (и единственного) "лоббиста" интересов Советского Азербайджана в его конфликте с дашнакской Арменией, Чичерин предлагал рассматривать данные территории "спорными" и предлагал тактику компромиссов с Грузией и Арменией. "Киров в Тифлисе, Легран в Эривани, Элиава в Ангоре будут проводниками нашей политики компромисса с существующими там правительствами и примирения между национальностями, — подчеркивал глава НКВД. - Настаивайте категорически, чтобы спорные местности между Арменией и Азербайджаном занимались российскими частями, а не Азербайджаном. Вопрос о принадлежности этих спорных местностей должен быть отсрочен до создания более благоприятной политической обстановки..." (10, оп. 4, д.496, л.115).

Полемизируя с Орджоникидзе, который выступал за сохранение Карабаха и Зангезура за Советским Азербайджаном, Чичерин делал вывод о нецелесообразности такого подхода. В телеграмме от 8 июля 1920 г. он отмечал в связи с этим следующее: "... передача занятых нами спорных местностей Азербайджану имела бы две цели: 1. дать возможность коммунистическим армянским повстанцам жить под советской властью, но эта цель достигается и оставлением этих местностей в подчинении нашим властям. 2. Цель удовлетворения Азербайджанских мусульман, награда за введение советского строя". И глава российской дипломатии выступил против предоставления Советскому Азербайджану такой "награды". "Недопустимо, — подчеркивал он, - подкупать националистически настроенные элементы, идя навстречу их экспансивным вождениям" (15, оп. 1, д. 17, л. 58-58об.). Что касается экономического фактора, то наркоминдел считал, что экономическая тяга данных территорий к Баку "нисколько не нарушается российской оккупацией" (там же, л.60).

Аналогичный жесткий отпор получили и другие аргументы Баку. "Нам неоднократно заявляли, — отмечал Чичерин 9 июля в телеграмме Орджоникидзе, намекая на позицию Нариманова, — будто оставление Карабаха и Зангезура под нашей временной оккупационной властью вместо передачи их Азербайджану подорвет советскую власть в Баку. Сообщите ясно и конкретно, в чем дело? Если дело идет о потворствовании аннексионистским устремлениям мусульман-националистов, это плохая политика. На этом пути мы будем содействовать лишь развитию националистических инстинктов, но не сумеем сравняться с мусаватистами, а тем самым поможем им. Если дело в расширении сферы советской власти (на территорию Карабаха и Зангезура - прим. авт.), это будет достигнуто и при российской оккупации" (там же, л. 52). Требование бакинского руководства сохранить указанные области за Азербайджаном рассматривалась главой НКВД как проявление местного национализма, в поощрении которого Чичерин мимоходом обвинил занимавшего неуступчивую позицию Орджоникидзе: "Если тут скрыто стремление к мусульманофильской ориентации, ее надо также отвергать, как противоположную" (там же). Орджоникидзе не оставил без внимания намек главы НКВД. "Разрешите доложить, — отвечал он, — что никакого отношения к "мусульманскому национализму" не имел и не имею. Среди моих предков нет ни одного татарина" (там же, л.53).

В связи с настойчивой позицией Чичерина в пользу сохранения политики умиротворения Армении и нейтралитета Москвы в армяно-азербайджанском конфликте, Орджоникидзе вновь призвал ведущих членов большевистского руководства занять более ясную позицию в данном вопросе: "Могу вас уверить, — телеграфировал он Ленину и Сталину в начале июля, — что мы довольно ясно представляем нашу мирную политику и проводим ее, но я уверен, и мое глубокое убеждение, что для укрепления Советской власти в Азербайджане и сохранения за нами Баку нужно присоединить Нагорный Карабах, а о Платооснове (низменный Карабах — прим. авт.) и речи быть не может. Она всегда являлась Азербайджанской и Зангезурской". "Безопасность армянского населения этого района гарантирую своей головой, — заявлял далее Орджоникидзе, — объявим здесь автономию, и [я] сорганизирую армянское население, не вводя туда мусульманских войсковых частей. В настоящее время таково желание населения этих округов, организовавшихся в советы под руководством армян-коммунистов, другое решение этого вопроса делает шатким наше положение в Азербайджане и ничего не выигрываем в Армении".

На данной телеграмме была сделана приписка Сталина, красноречиво свидетельствующая о том, в каком контексте рассматривался высшим большевистским руководством вопрос о поддержке Советского

Азербайджана: "Мое мнение таково, что нельзя без конца лавировать между сторонами, нужно поддержать одну из сторон определенно, в данном случае конечно, Азербайджан с Турцией. Я говорил с Лениным, он не возражает" (10, оп. 4, д. 496, лл. 141-142).

Сохранение за Карабахом статуса "спорной территории" Орджоникидзе считал ни чем не оправданной уступкой эриванскому правительству: "Бакинцы слишком возмущаются, — отмечал он в другой телеграмме Чичерину, — и не могу не согласиться с ними, что нами делаются такие уступки, которые не требуются положением вещей. Армяне в беседе со мной в Баку совершенно готовы были отказаться от Карабаха". "Карабах это второй Закаталы нашего наркоминдела, — отмечал автор, намекая на прогрузинскую позицию НКВД в период азербайджано-грузинского конфликта из-за Закатальского округа. — Здесь идет колоссальная провокация, что все это делается армянами в Москве" (15, оп. 1, д. 17, л. 304).

Что касается позиции Советского Азербайджана по территориальным вопросам, то она была выражена в многочисленных телеграммах и обращениях его республиканского и партийного руководства в Политбюро ЦК РКП (б) и Кавбюро. "Мы возмущены политикой Центра по отношению к Карабаху и Зангезуру. Ты тоже отстаивай нашу точку зрения перед Центром, — вызывал к Орджоникидзе член ЦК Азербайджанской компартии Микоян 29 июня. — Мы не против мира с Арменией, но ни в коем случае ценой Карабаха и Зангезура" (там же, л. 134).

18 июня Нариманов, Микоян, Мдивани (член Кавказского бюро РКП) и член ЦК Армянской компартии Нуридзян в своей записке проинформировали Чичерина о военно-политическом положении в закавказском регионе и выразили свою позицию по вопросу о принадлежности "спорных" территорий: "Армения фактически находится в состоянии войны с Азербайджаном. Что касается якобы спорных Зангезура и Карабаха, уже вошедших в состав Советского Азербайджана, категорически заявляем, что эти места бесспорно и впредь должны находиться в пределах Азербайджана". Столь же бескомпромиссной была позиция авторов данного послания относительно других районов, на которые претендовала Армения: "Джувльфинский и Нахичеванский уезды, сплошь заселенные мусульманами, уже больше года оторвавшиеся и силами местного населения оборонявшиеся против дашнакского правительства, как в целях военных, а также непосредственной связи с Турцией, должны быть заняты нашими войсками и присоединены к Азербайджану" (там же, л. 106).

Эта же позиция была выражена 10 июля 1920 г. в коллективном письме Нариманова, Мдивани, Микояна и членов РВС XI-ой армии (Весника, Левандовского и Михайлова) в ЦК РКП(б): "Карабах при мусаватском

правительстве всецело входил в состав Азербайджана. Неразрывность культурной и экономической связи Карабаха и Зангезура с Баку, питавшимся десятками тысяч рабочих из этих провинций, и полная их оторванность от Еревана получили яркое доказательство в 1919 году на крестьянском съезде армянского Карабаха, который ...решительно высказался за полное единство с Азербайджаном при условии гарантирования спокойной жизни армянам". "Мусульманская масса, — отмечалось в письме, — неожиданный поворот к старому и неспособность Советской власти сохранить Азербайджан в старых границах сочтет предательством, армянофильством или слабостью Советской власти. И то, и другое может быть причиной напряженного восстания против Советской власти; водворение в Зангезуре и Карабахе дашнаков подорвет развитие революции в Турции, лишив их нашей помощи и в связи с этим создав для них угрожающий тыл". В заключение авторы данного документа предостерегали Центр "от колебания в вопросе Карабаха и Зангезура" с тем, чтобы, как они подчеркивали, "не превратить Азербайджан в убудка, состоящего на попечении Красной Армии и раздаваемого армянам и грузинам, вместо того, чтобы создать из него крепкий внешненациональный центр и источник классово-революции Востока" (73, 54-56).

Однако справедливые требования азербайджанского руководства попрежнему рассматривались главой НКВД как проявление "националистического инстинкта", как попытка реализовать под коммунистической оболочкой националистические стремления. Следует отметить, что увязка требований руководителей АССР с национализмом в этот период превратилась в излюбленный тезис Чичерина в его переписке с членами Кавбюро и Азревкома. В телеграмме Нариманову от 20 июля 1920 г., возражая против высказанной главой Азревкома критики необъективного подхода НКВД к кавказским национальным конфликтам, он отметил: "До сих пор ни в одной телеграмме не было выяснено нам ни вами, ни Орджоникидзе, почему занятие Карабаха и Зангезура российскими частями не удовлетворяет вас и других тамошних коммунистов и почему требуется непременно формальная аннексия к Азербайджану. Если речь идет о защите тамошних советских элементов, то это столь же удачно достигается Российской оккупацией. Если имеется в виду другая цель, каковую может быть только стремление заигрывать с национальными инстинктами части бакинского мусульманского населения, такая политика коммунистов к добру не приведет. Мы же, во всяком случае, не можем становиться на такой путь" (1, оп. 51, п. 321а, д. 54868).

В целом, исходя из неблагоприятной для России международной конъюнктуры и учитывая особенности закавказских условий, Чичерин, а вместе с ним и все члены Политбюро, призывали к политическим компромиссам с Грузией и Арменией за счет согласованных с родственно-

большевистским Баку территориальных уступок. Не снимая с повестки дня задачу советизации двух указанных республик, они рассматривали оккупацию спорных азербайджанских территорий как вынужденную — до наступления более благоприятного момента — отсрочку в решении всех спорных вопросов в регионе, причем не только в армяно-азербайджанских, но и в российско-турецких отношениях. "Мы отлично знаем, — подчеркивал Чичерин в телеграмме Орджоникидзе 8 июля, — что наступит момент для советизации также и Армении, но теперь на это преждевременно пойти. Самое большее, чего теперь можно добиться, есть объявление Карабаха и Зангезура спорными местностями, а для этого надо, чтобы согласие дало и Азербайджанское правительство". "Это нам необходимо, — отмечал наркоминдел, — мы абсолютно должны заключить договор с Арменией. Этого повелительно требует мировое положение, а для этого необходимо объявить Карабах и Зангезур, но не более, спорными" (15, оп. 1, д. 17, л.60).

Следует отметить, что наряду с выделением этих районов как "спорных", руководству Советского Азербайджана предлагалось также отказаться от "претензий" на другие территории, прежде всего Нахичеванский и Ордубадский районы. В связи с этим глава НКВД призывал Кавбюро усилить давление на Баку с целью добиться от него уступок в территориальных вопросах, которые для Москвы, как видно из вышеприведенных документов, выходили за рамки региональной проблемы и приобретали важное международное значение.

Применительно к меньшевистской Грузии руководитель российской дипломатии считал необходимым строго придерживаться договора с данной республикой (за исключением пункта о принадлежности Закатальского округа), который был призван, помимо основной задачи по сохранению меньшевистской Грузии на позициях невраждебного России государства, создать благоприятные условия для легальной деятельности грузинских коммунистов.

Что касается дашнакской Армении, то в своих директивах дипломатическим представителям Советской России в Закавказье Чичерин предлагал рассматривать её как потенциального союзника в противодействии усилению позиций Турции в регионе и при этом не исключал того, что союз с ней может приобрести не только тактический, но и долгосрочный характер. В своем подходе он опирался на постановление Политбюро от 7 июля 1920 г., в котором отмечалась необходимость "безусловно воздерживаться от попыток вызывать восстание против правительства Грузии, Армении и Турции" (74, 381).

Умеренная политическая линия большевистского руководства в отношении указанных правительств сохранялась практически без изменений до конца 1920 г. 27 ноября 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) по

предложению Ленина был принят следующий проект постановления по политике России в данном регионе: "Принять по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии максимально примирительную политику, т.е. направленную больше всего к тому, чтобы избежать войны. Не ставить своей задачей похода ни на Грузию, ни на Армению, ни на Персию. Главной задачей признать охрану Азербайджана и прочное обладание всем Каспморем. Для этого всемерно усилить и ускорить переброску не менее 7 дивизий в Азербайджан. Всемерно усилить пропаганду, агитацию, развитие комбедов (комитетов бедноты — прим. авт.) и вообще состроительство в Азербайджане, поручив для этого т. Сталину через Оргбюро выудить отовсюду максимальное количество мусульман-коммунистов для работы в Азербайджане" (79, т.42, 47).

Начиная с мая 1920 г., т.е. с момента установления советской власти в Азербайджане, и до 5 июля 1921 г., т.е. до вынесения окончательного решения о сохранении Нагорного Карабаха в составе Азербайджана, между Москвой и Баку шла напряженная политическая борьба за выработку компромиссного решения в вопросе определения статуса Карабаха, Нахичевани и Зангезура. Исторические, демографические, социально-экономические и политические факторы были в пользу сохранения азербайджанской принадлежности этих территорий.

В то же время необходимость укрепления позиций дашнакской Армении как "барьера" для сдерживания турецкой экспансии в регионе, а также возможное, по мнению Чичерина, сближение между Турцией и Азербайджаном, удерживали Москву от безоговорочной поддержки Советского Азербайджана в его конфликте с Арменией и его стремлении восстановить с помощью Москвы свою власть над территориями Карабаха, Зангезура и Нахичевани.

В этом противостоянии между НКВД и азербайджанским руководством влиятельным посредником выступало Кавказское бюро ЦК РКП(б) - полномочное представительство ЦК РКП(б) на Северном Кавказе и в Закавказье, созданное 8 апреля 1920 г. для руководства всей партийной работой и контроля за исполнением решений и постановлений ЦК партии и российского правительства в этих регионах. В состав Кавбюро входили Киров, Орджоникидзе, Мдивани, Белобородов, а позже были введены Назаретян, Нариманов, Орахелашвили, Стасова, Элиава и Фигатнер. Именно при посредничестве Кавбюро, и, прежде всего, наиболее авторитетных его членов — Кирова и Орджоникидзе — появлялись различные компромиссные предложения и комбинации в решении "карабахского вопроса". Например, 14 июля 1920 г. Орджоникидзе и полномочный представитель российского правительства в Армении Легран предложили Чичерину такое разрешение данного вопроса, которое, как они считали, "отчасти может удовлетворить

Азербайджан" - Карабах целиком и безоговорочно присоединяется к Азербайджану, Зангезур объявляется спорным, а остальные области остаются за Арменией (73, 56-57).

На состоявшемся на следующий день заседании Бюро ЦК АКП(б) азербайджанские коммунисты, обсуждая вопрос о мире с Арменией, в присутствии Орджоникидзе скорректировали эту инициативу и приняли следующее постановление: "1. Карабах и Зангезур должны быть присоединены к Азербайджану. 2. От Нахичевани и других отказаться, предложить оккупировать русскими войсками..." (там же, 57). Однако призывы полпреда РСФСР в Армении, настойчиво предлагавшего Москве свою формулу урегулирования спорных территориальных вопросов между Арменией и Азербайджаном (Карабах - Азербайджану, Зангезур - спорный, Нахичевань - Армении), были услышаны и поддержаны в НКИД. "Чичерин будет приветствовать, - отмечал в своей инструкции Ляграну Киров, - если армяне согласятся тотчас отказаться от всего Карабаха и признать Зангезур при условии признания за ними Нахичевани. Чичерин будет рад такому исходу. Ваша задача добиваться этого в Эривани" (15, оп.1, д.21, л.20).

В то же время, несмотря на отсутствие подвизек в решении вопроса по статусу Карабаха, объективные факторы диктовали необходимость экономического и политического объединения данного региона с Азербайджаном. 26 июля 1920 г. в Шуше состоялся первый крестьянский съезд, на котором было представлено почти 500-тысячное население Карабаха, в том числе почти стотысячное армянское население. Были рассмотрены и приняты предложенные азербайджанским правительством проекты земельной реформы, планы организации детских приютов, восстановления разрушенных деревней и сел, решения проблемы беженцев.

Активную работу по реализации политики большевистского Центра в регионе и урегулированию армяно-азербайджанского территориального спора проводил Киров, но и его посреднические усилия в этот период не привели к успеху. 6 августа 1920 г. в письме из Тифлиса (16, он. 4, д. 106к, лл. 1-4.) Киров сообщал Чичерину: "все, что можно было предпринять для вашей директивы, мною сделано. К сожалению, результат плачевный, дело не подвинулось ни на шаг". Интересно, что в этом письме, содержавшем анализ политической ситуации в регионе, автор обозначил комплекс проблем в отношениях между Советским Азербайджаном и дашнакской Арменией термином "армянский вопрос".

Примирение двух конфликтующих сторон Киров, как и большинство членов Кавбюро, не говоря уже о Чичерине, рассчитывал достичь, прежде всего, через давление на азербайджанскую сторону и уступки с ее стороны. "В результате всего этого, — отмечал он, подытоживая свои переговоры с главой НКИД Азербайджана Гусейновым и армянской делегацией, — от

азербайджанцев добился только одного — готовности уступить Армении Шаруро-Даралагезский уезд, остальное же, т.е. Нахичеванский уезд, Ордубад, Джульфу, Зангезур, Карабах азербайджанцы считают безусловно своим. В свою очередь представители Армении категорически претендуют на эти области. Главным мотивом азербайджанцев является то, что эти области при муссаватистском правительстве принадлежали Азербайджану и уступка этих областей сейчас будет, по их мнению, дискредитированием советской власти не только в Азербайджане, но и в Персии и Турции...".

Информируя главу НКВД о том, что ни армяне, ни азербайджанцы не верят в перспективу урегулирования спорных вопросов на мирной конференции, Киров подчеркивал, что единственным выходом из создавшейся ситуации является "твердо решить этот вопрос в Москве", так как, по его мнению, "только ее авторитет может решить дело". "Медлить с этим вопросом невозможно", — продолжал автор, справедливо указывая на то, что "непрерывные столкновения в спорных областях, систематическая резня там — все это страшно дискредитирует нашу политику здесь, ибо все это приписывается или нашим злым умыслам, или нашей беспомощности".

Предлагая перенести урегулирование армяно-азербайджанского конфликта в Москву, Киров призывал Чичерина к более решительным действиям в данном вопросе. Он считал, что сложившаяся международная обстановка (успехи Красной Армии на польском фронте и связанная с ними заинтересованность Англии в мирных переговорах с Россией) создает благоприятные условия для придания наступательного характера российской дипломатии. "Мне кажется, — отмечал в связи с этим автор, — если наши перспективы на Западе примут то направление, которое выясняется сейчас, то можно было бы здесь нам повести более активную политику. Это конечно не значит, что я рекомендую пригрозить здесь чем-нибудь радикальным. Я хочу сказать, что сейчас создается весьма благоприятный момент для того, чтобы полней использовать наш авторитет на Ближнем Востоке, в частности, в решении армянского вопроса, о чем я говорил выше. Сейчас разубить этот сложный узел нам легче, чем когда бы то ни было. Впечатление от этого будет огромное, тем более, что этот узел оказался не по зубам ни одной из империалистических держав".

Наряду с вопросом армяно-азербайджанского урегулирования, важнейшей темой вышеуказанного письма Кирова была политика России в отношении меньшевистской Грузии, которая находилась в тесной взаимосвязи с азербайджанским вектором закавказской стратегии Москвы. На этом направлении представитель Советской России в регионе решал задачу по удержанию Грузии от сближения с Западом (прежде всего с Англией, которая подталкивала ее к союзу с Врангелем) и усилению политического и экономического влияния России на Грузию. Как уже отмечалось выше, для

Москвы крайне важным было также создание в Грузии условий для легальной деятельности местных коммунистов, которых она рассчитывала в будущем — в более благоприятных региональных и международных условиях — привести к власти в этой республике.

Реализуя эту линию, Киров не мог, разумеется, допустить самостоятельных действий Баку в отношении Тифлиса в торгово-экономической области, которые вели к усилению независимости Грузии от России. Поэтому, информируя Чичерина о том, что правительство Советского Азербайджана вступило в переговоры с грузинским правительством о заключении торгового договора, важнейшим элементом которого был вопрос о снабжении Грузии нефтяными продуктами, он подчеркивал, в частности, следующее: "Мне пришлось прибегнуть к крайним мерам, чтобы переговоры эти прервать и договор, который был уже совершенно готов, остался неподписанным. Я полагаю и полагаю теперь, что необходимо это сделать при нашем непосредственном вмешательстве, в противном случае эти сепаратные шаги Азербайджана к добру не приведут. Следовательно, и здесь нам нужно определено поторопиться".

Призывы Кирова были связаны с теми непростыми задачами, которые приходилось решать российским представителем в регионе. С одной стороны, они хотели оторвать Грузию от Запада и привязать ее к России, лишив ее прямой экономической связи с нефтяным Баку. А с другой - показать новой власти в Баку, кто является хозяином его нефтяных ресурсов и его внешнеэкономической политики в целом, и при этом добиться от него уступок в территориальном споре с Арменией. "Соблазнов в Грузии предлагают много, — признавал Киров, — мануфактура, сахар, медикаменты — все это не может не привлекать нуждающийся в этих продуктах Азербайджан, в известном смысле считающий себя хозяином огромных запасов нефтяных продуктов". Учитывая эту объективную заинтересованность двух соседних республик в торгово-экономическом сотрудничестве, он считал необходимым "теперь же позаботиться заключением торгового договора с Грузией". "Это даст нам, — подчеркивал Киров, — возможность реально продемонстрировать наши деловые отношения к этой республике и, несомненно, будет содействовать прояснению весьма запутанного политического горизонта".

Надежды Кирова на "прояснение политического горизонта" вскоре оправдались, но не на грузинском, а на армянском направлении. 10 августа 1920 г. армянское руководство, осознавшее к этому времени, что одновременное осуществление двух наступательных военных кампаний (против Турции и Азербайджана) Армении не под силу, пошло на подписание с Советской Россией соглашения, в соответствии с которым военные действия между ними считались прекращенными и признавалось,

что "войсками РСФСР занимаются спорные области Карабах, Зангезур и Нахичевань" (там же, л. 38, 63). Такой подход Москвы к Нагорному Карабаху - как к спорной территории, находящейся под контролем частей XI-ой армии, но по-прежнему тесно связанной с Азербайджаном в экономическом, социальном и политическом отношениях, сохранялся в течение июня-декабря 1920 г. 29 сентября глава НКВД в директиве российскому полпреду в Армении отмечал, что "спорные области должны пока оставаться в нашей оккупации, без передачи той или другой стороне" (там же, л. 172).

2 октября Легран сделал новое предложение, призванное ускорить урегулирование армяно-азербайджанских территориальных споров, с целью заручиться поддержкой Армении в вопросе обеспечения транзитной связи с Турцией через армянскую территорию. На это раз он предложил передать Армении не только Нахичевань, но и Зангезур, ранее "спорный", сохранив за Азербайджаном лишь Карабах. Однако Чичерин в ответ на данную инициативу вновь подчеркнул, что "вопрос о спорных местностях с Азербайджаном должен еще оставаться открытым (там же, л. 158). 9 октября российский нарком подтвердил свою позицию: "Что касается спорных мест, вопрос еще очень жгуч, чтобы можно было теперь разбивать "гордиев узел" (там же, л. 173). И, наконец, 29 октября, в условиях нарастания внутривнутриполитического кризиса в Армении в связи с поражениями армянской армии на турецком фронте, Чичерин сообщил в российскую дипломатическую миссию в Армении: "Вопрос же о передаче Армении или Азербайджану тех или иных занятых нами спорных местностей мы все еще считаем необходимым отсрочить до более благоприятного времени, а пока продолжить там нашу оккупацию" (там же, л. 192).

К этому времени вопрос о "спорных местностях" приобретал дополнительную значимость не только для Москвы, но и для ее "конкурентов" в регионе. Сохраняя свое значение как важного элемента политики РСФСР в отношении Азербайджана и Армении, он превращался — в условиях успешного продвижения турецкой армии к Александрополью и границам Грузии — в весьма эффективный рычаг воздействия Анкары на Москву (Анкара была против передачи Армении местностей с преимущественным мусульманским и тюркским населением) и элемент предстоящего "дипломатического торга" Турции с Россией на мирной конференции, вопрос о созыве которой уже ставили турецкие военные и дипломаты.

Установление советской власти в Армении 29 ноября 1920 г. привело к заметному изменению позиций как российского, так и азербайджанского руководства по отношению к будущему статусу Карабаха. Армения превращалась из дружественной Антанте и враждебной России страны в идеологически родственную и политически союзную большевистской России

советскую республику. В процессе обсуждения статуса азербайджанских территорий появился новый фактор. Интересы буржуазной Армении очень близко воспринимались в российском НКВД, но интересы Советской Армении теперь вынуждены были учитывать и в военно-политическом командовании XI-ой армии, и в Кавбюро, и в Баку. В результате, тактический союз военно-политического руководства XI-ой армии с азербайджанским советским руководством, возникший на почве противодействия дашнакской Армении, стал давать трещину с первых дней установления советской власти в Армении. 30 ноября 1920 г., то есть на следующий день после захвата власти в Эривани местными коммунистами, на состоявшемся в Баку объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) под давлением Кавбюро, прежде всего Орджоникидзе, было принято следующее решение в связи с установлением советской власти в Армении:

"...в) Послать приветствие. Указать, что между Советским Азербайджаном и Советской Арменией никаких границ не существует.

г) Зангезур отходит к Армении.

д) Нагорной части Карабаха предоставляется право самоопределения" (цит. по: 73, 64).

Предоставление "нагорной части Карабаха" права самоопределения было подтверждено Наримановым 1 декабря на торжественном заседании Бакинского Совета по поводу установления советской власти в Армении. "Советский Азербайджан, — подчеркнул он, — идя навстречу борьбе братского армянского трудового народа против власти дашнаков, проливающих и проливавших невинную кровь наших лучших товарищей коммунистов пределах Армении и Зангезура, объявляет, что отныне никакие территориальные вопросы не могут стать причиной взаимного кровопускания двух вековых соседних народов: армян и мусульман; трудовому крестьянству Нагорного Карабаха предоставляется полное право самоопределения, все военные действия в пределах Зангезура приостанавливаются, а войска Советского Азербайджана выводятся". Этот своеобразный жест "пролетарской солидарности" со стороны азербайджанского руководителя подкреплялся важным экономическим заявлением: "Кроме того, Советский Азербайджан широко раскрывает свои ворота перед Советской Арменией к неисчерпаемым богатствам: нефти, керосину и другим продуктам, которыми обладает Советский Азербайджан" (там же, 65).

Как показали дальнейшие действия Нариманова, выступая с данным заявлением он отнюдь не имел в виду отделение Нагорного Карабаха от Азербайджана и передачу его Армении. Данная декларация была вынужденным шагом со стороны главы азербайджанского правительства в условиях усилившегося давления на новую бакинскую власть со стороны

Кавбюро, члены которого рассчитывали, видимо, таким образом морально и политически поддержать пришедших к власти в Эривани армянских коммунистов, а заодно и снять с повестки дня армяно-азербайджанских отношений "спорный" территориальный вопрос. "Предоставляя" нагорной части Карабаха право на самоопределение, Нариманов был, видимо, убежден, что объективная заинтересованность нагорно-карабахского армянского населения в экономическом союзе с Азербайджаном перевесит любые соображения в пользу отделения Нагорного Карабаха. Кроме того, данная декларация преследовала и политико-пропагандистскую цель, призвана была продемонстрировать "пролетарскую солидарность" двух соседних советских республик (чего стоит, например, тезис о стирании границ между ними), вставших на путь "коммунистического строительства".

Однако на практике именно данное заявление Нариманова положило начало острой политической борьбе между Москвой, Баку и Эриванью по нагорно-карабахскому вопросу, "запустило" длившийся до середины 1923 г. процесс определения статуса данного региона, причем на крайне невыгодных для АССР условиях. Этим заявлением азербайджанское руководство продемонстрировало свою политическую готовность пойти на автономизацию данного региона на основе "разрыва" исторически единого административного и социально-экономического "организма" Карабаха на его нагорную часть, в которой проживало больше армян, чем азербайджанцев, и равнинную, населенную преимущественно азербайджанцами. В результате, эта поспешная политическая декларация лишила карабахских азербайджанцев, т.е. большинство населения Карабаха, естественного права принять участие в определении статуса своего края и своей собственной судьбы.

Кроме того, и в данной декларации, и в последующих политических заявлениях и подходах лидеров Советского Азербайджана были обойдены молчанием проблемы азербайджанского населения в Армении. Недальновидный отказ официального Баку от постановки на данном этапе вопроса о его национально-культурном и территориальном самоопределении в составе Армении сделало впоследствии невозможным обсуждение вопроса о статусе азербайджанских районов Армении и положения азербайджанцев в этой республике, которое было далеко не благополучным. Уместно в связи с этим отметить, что даже Особый отдел РККА, "закрывавший глаза" на массовые притеснения азербайджанского населения в Советской Армении, в своих информационных бюллетенях о политическом положении в этой советской республике вынужден был отметить неравноправное положение азербайджанского населения в данных районах. "В Эчмиадзинском, Ново-Баязетском и Александропольском уездах сильно развит национализм, - отмечалось в одном из сообщений Особого отдела в Москву, - чему

способствует и то, что в подавляющем большинстве местная власть, Ревкомы, возглавляются армянами при наличии среди населения большинства мусульман, которые этим возмущаются" (15, оп.1, д.55, л.113).

Учитывая демографическую ситуацию в нагорной части Карабаха, предоставление ее населению права "полного самоопределения" фактически означало предоставление этого права только армянскому большинству региона. В результате, заявление лидера Советского Азербайджана стало первым звеном, потянувшим за собой цепь политических решений об образовании автономной области Нагорного Карабаха, которые привели к поэтапной деазербайджанизации этого региона.

Учитывая, что с приходом коммунистов к власти в Эривани возник, наконец, благоприятный, как поначалу казалось Москве, момент для того, чтобы избавиться от конфликтного вопроса о принадлежности Нагорного Карабаха, который почти полгода держал под напряжением отношения Советской России с Азербайджаном и Арменией и ослаблял ее позиции в Закавказье, большевики не стали утруждать себя анализом того, что и как сказал Нариманов. Они сразу же восприняли его декларацию как согласие Баку на отделение Нагорного Карабаха от Азербайджана, несмотря на то, что сам Нариманов вкладывал в нее совсем иное, даже противоположное содержание. Выступавший на торжественном заседании 1 декабря сразу после Нариманова Орджоникидзе воспринял призыв главы Азревкома как передачу Нагорного Карабаха Армении. "Очень характерно выступление т. Нариманова, - отметил в своем выступлении "куратор" Закавказья. - Он прочел нам свою декларацию. Зангезур... и Карабах для русского уха, не посвященного в содержание этих слов, ровно ничего не значат. Какой-то Зангезур - горы бесплодные, ни хлеба, ни воды. Там нет ничего. Какой-то Нагорный Карабах. Что в этом Карабахе? Ничего нет. И вот т. Нариманов говорит: "Берите их себе. Берите эти бесплодные земли для Армении". Как будто Советский Азербайджан освобождается от лишнего бремени. Но нет! В этих бесплодных землях заключается узел так называемого армяно-азербайджанского вопроса здесь, в Закавказье, того вопроса, который стал источником ужасов, того вопроса, который бросал труженика-мусульманина на труженика-армянина для взаимного уничтожения" (73, 67).

Аналогичным образом воспринял призыв Нариманова и Сталин. В своей статье "Да здравствует Советская Армения!", опубликованной в газете "Жизнь национальностей" 8 декабря 1920 г., он отметил: "1 декабря Советский Азербайджан добровольно отказывается от спорных провинций и декларирует передачу советской Армении Зангезура, Нахичевани, Нагорного Карабаха" (18, д. 1201, л. 298). Столь произвольное толкование слов Нариманова Орджоникидзе и Сталиным было продиктовано стремлением

большевистской Москвы укрепить позиции своего нового советского союзника в данном регионе.

В своих аргументах в пользу сохранения Нагорного Карабаха в составе Азербайджана его представители часто использовали в качестве одного из основных тезисов о том, что передача данного региона из состава Советского Азербайджана в состав буржуазной, проантантовской Армении может подорвать позиции большевистской власти в Азербайджане, авторитет Советской России и идеи коммунизма в регионе. После смены власти в Эривани этот аргумент "бакинских товарищей" потерял свой вес и значимость, ослабив тем самым защитную аргументацию и позицию Азревкома и правительства АССР по карабахскому вопросу.

Однако за этим невыгодным для бакинского режима пропагандистским эффектом от заявления Нариманова не последовало каких-либо изменений в подходах Москвы к нагорно-карабахскому вопросу. Ее представители по-прежнему рассматривали данный регион как "спорную" территорию. 2 декабря 1920 г. полномочный представитель РСФСР в Эривани Легран от имени российского правительства, а Дро и Тертерьян от имени правительства Республики Армения заключили соглашение, в ст. 3 которого Российское правительство признало "бесспорно входящими в состав территории ССР Армении Эриванскую губернию со всеми входящими в ее состав уездами; часть Карсской области, обеспечивающую ее в военном отношении обладание железнодорожной линией ст. Джаджур — ст. Аракс; Зангезурский уезд Елизаветпольской губернии; часть Казахского уезда той же губернии - в пределах Соглашения 10 августа (1920 г.- прим. авт.) и те части Тифлисской губернии, которые находились в обладании Арменией до 28 октября 1920 г." (14, оп.3, д.8а, л.44). Этот официальный документ (как и Соглашение от 10 августа 1920 г.), подписанный властями Армении, стал важным политико-правовым документом, подтверждавшим, что ни армянское руководство, ни Советская Россия не рассматривали Карабах как часть территории Армении.

В декабре 1920 г. между российским НКВД, Азревкомом и командованием XI-ой армии вновь активизировался обмен мнениями по вопросу определения статуса Нагорного Карабаха. Орджоникидзе, столкнувшийся с сопротивлением азербайджанских коммунистов, неожиданно вернулся на свои прежние позиции. Информировав Чичерина о положении на армяно-азербайджанской границе, он вновь выступает в пользу сохранения Карабаха и Зангезура за Азербайджаном: "Только ночью получил вашу телеграмму о спорных областях Армении с Азербайджаном. Виделся с Леграном и Габреляном. Дело обстоит так: Азербайджан настаивает на немедленном и безоговорочном присоединении Карабаха и Зангезура. Помоему, это необходимо сделать, так как оба уезда экономически тяготеют

к Баку и совершенно отрезаны от Эривани, в особенности теперь, когда Баязецкая турецкая дивизия клином врезывается".

Обосновывая свою проазербайджанскую позицию, Орджоникидзе сделал акцент на экономическую связь Карабаха с Азербайджаном, добавляя к нему фактор турецкой угрозы. "В случае оставления их (данных уездов — прим. авт.) спорными они, — указывал он далее, — безусловно будут заняты турками и все армянское население будет вырезано. Предотвратить это мы ничем не сможем. Присоединение их к Азербайджану дало бы в руки азербайджанским коммунистам сильный козырь и открыло бы путь для кочевников. По словам тов. Габриеляна, армянская делегация на это безусловно пойдет. При таком решении вопроса Азербайджан можно заставить отказаться от остальных областей. Мое мнение — Карабах, Зангезур немедленно присоединить к Азербайджану. Я заставлю Азербайджан объявить автономию этих областей, но это должно исходить от Азербайджана, но ни в коем случае не должно быть упомянуто в договоре" (10, оп. 4, д. 601, л.131).

Получив поддержку Орджоникидзе по карабахскому вопросу, руководство Советского Азербайджана дало "обратный ход" в отношении Зангезура. 12 января 1921 г. при обсуждении на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) ситуации в Армении Нариманов, сделав вывод о сохранении влияния дашнаков среди армянских коммунистов и их подрывной работе в Зангезуре, инициировал принятие постановления, в одном из пунктов которого содержалось поручение "разработать вопрос о мусульманской части Зангезура — в плоскости его административной организации" (73, 70-71). Данную позицию поддержал российский полпред в Грузии Элиава, который также утверждал, что Армянский ревком "не может выйти из орбиты дашнакской политики".

В целом, вся первая половина 1921 г. прошла в активном противодействии Баку попыткам Москвы приступить к определению статуса Нагорного Карабаха. Однако в июне 1921 г. армянские коммунисты попытались взять инициативу в свои руки. Они решили напомнить о неурегулированности данной проблемы и поставили перед Петром и Баку вопрос об изменении границы между Арменией и Азербайджаном. Глава армянского НКВД Бекзаян предложил в качестве пути решения спорных территориальных проблем между Арменией и Азербайджаном обсудить вопрос об отделении от Азербайджана местностей с армянским населением, прежде всего Нагорного Карабаха, и включении их в состав Армении. При этом вопрос об отделении от Армении территорий с преимущественно азербайджанским населением армянским руководством, естественно, не ставился. В целом этот подход был поддержан наиболее влиятельными членами Кавбюро - Кировым и Орджоникидзе. В телеграмме Нариманову 26

июля Киров предложил срочно созвать заседание Политбюро АКП(б) и азербайджанского Совнаркома для решения карабахского вопроса и высказал собственную позицию: "Если интересуешься нашим мнением, — писал Киров Нариманову, — то оно следующее: в интересах окончательного разрешения всех трений и установления истинно дружественных отношений при решении вопроса о горном Карабахе необходимо руководствоваться таким принципом: ни одно армянское село не должно быть присоединено к Азербайджану, равно как и ни одно мусульманское село нельзя присоединить к Армении" (17, оп.18, д.229, лл.1-2).

Азербайджанское руководство, естественно, отказалось от этого предложения, после реализации которого оно осталось бы проигравшей стороной. Но, как и рекомендовало Кавбюро, вопрос о границах между двумя советскими республиками все же был рассмотрен 27 июня 1921 г. на совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б), по итогам которого была отвергнута идея этнического распределения карабахских сел, и было принято следующее постановление:

"1. В целом, вопрос о Нагорном Карабахе в постановке т. Бекзадяна Политбюро и Оргбюро считают неприемлемым, ввиду безусловного экономического тяготения Нагорного Карабаха к Азербайджану, в каковом смысле и должен быть разрешен вопрос.

2. Поэтому предложение отделить местности с армянским и тюркским населением соответственно к Армении и Азербайджану с точки зрения административной и экономической целесообразности тоже считать неприемлемым..." (73,87). Таким образом, вопрос о статусе Нагорного Карабаха вновь остался открытым и по решению состоявшегося в тот же день заседания Президиума Кавбюро был вынесен на рассмотрение экстренного Пленума Кавбюро.

Пленум Кавбюро ЦК РКП(б) с повесткой дня "Карабахский вопрос состоялся вечером 4 июля 1921 г. в Тифлисе. При обсуждении этого вопроса, как отмечалось в протоколе заседания, "выявились две точки зрения и были поставлены на голосование следующие вопросы:

а) Карабах оставить в пределах Азербайджана" (за это предложение проголосовали Нариманов, Махарадзе и Назаретян; против — Орджоникидзе, Мясников, Киров, Фигатнер),

"б) Плебисцит провести во всем Карабахе с участием всего населения армян и мусульман (голосуют за: Нариманов, Махарадзе).

в) Нагорную часть Карабаха включить в состав Армении (голосуют за: Орджоникидзе, Мясников, Фигатнер, Киров).

г) Плебисцит провести только в Нагорном Карабахе, т.е. среди армян (голосуют за: Орджоникидзе, Мясников, Фигатнер, Киров, Назаретян)".

В результате обсуждения и голосования было принято постановление: "Нагорный Карабах включить в состав ССР Армении, плебисцит провести только в Нагорном Карабахе".

Однако после заявления Нариманова, потребовавшего перенести рассмотрение карабахского вопроса на окончательное решение ЦК РКП ввиду той важности, которую он имеет для Азербайджана, Пленум постановил: "Ввиду того, что вопрос о Карабахе вызвал серьезное разногласие, Кавбюро ЦК РКП считает необходимым перенести его на окончательное решение ЦК РКП" (15, оп.2, д. 1, л. 118).

5 июля 1921 г. Пленум Кавбюро вновь вернулся к данному вопросу. Категоричная позиция Нариманова, поддержанная прибывшим на заседание Пленума наркоминдел АССР Гусейновым, смогла переломить настроение участников Пленума, прежде всего Сталина, который присутствовал на данном заседании в качестве представителя Москвы и наркома по делам национальности. На этот раз Орджоникидзе и Назаретян поставили на обсуждение лишь один вопрос — о пересмотре постановления предыдущего пленума о Карабахе. Обсудив его, Кавбюро приняло постановление, в котором наряду с другими важными аргументами впервые был зафиксирован тезис о постоянной связи Карабаха с Азербайджаном, под которым подразумевалась постоянная историческая связь: "Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи верхнего и нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджанской ССР, предоставив ему широкую областную автономию с административным центром в гор. Шуша, входящем в состав автономной области". Руководству Азербайджанской компартии было поручено определить границы автономной области и "объем автономии Нагорного Карабаха" и представить данные предложения на утверждение Кавбюро (15, оп. 2, д. 1, лл. 118, 121-122).

Таким образом, именно на этих судьбоносных заседаниях Пленума Кавбюро ЦК РКП (б) Нариманову ценой огромных усилий удалось добиться единого для Москвы, Баку и Эривани понимания смысла заявления от 1 декабря 1920 г. и склонить большинство его членов к принятию решения в пользу сохранения Нагорного Карабаха в составе Азербайджана.

В современных публикациях по карабахской проблематике нередко приходится сталкиваться с утверждениями о том, что при образовании автономных единиц в составе бывших союзных республик, в частности, Азербайджана, не учитывалось мнение населения данных автономных образований. В частности, пытаясь обосновать тезис о том, что Азербайджан, Грузия, Молдова и Украина не имели легитимных прав на свои автономии (соответственно, на Нагорный Карабах, Абхазию, Южную Осетию,

Приднестровье и Крым), российский политолог А.Мигранян отмечает, в частности, следующее: "Ведь сами эти республики были организованы по прихоти советских вождей и не соответствовали каким-либо демократическим нормам и процедурам. Хотя все конституции СССР исходили из того, что все эти территориальные образования включались в состав тех или иных национальных республик на основе самоопределения, на деле никто не спрашивал мнения населения" (55). В связи с данной оценкой в части, касающейся Нагорного Карабаха, хотелось бы обратить внимание на следующее. Следует отметить, что в 1921-1923 гг. ни в России, ни в Азербайджане, ни в других частях бывшей российской империи каких-либо регулирующих положений по данному вопросу, не говоря уже о "демократических нормах и процедурах", не существовало. Острота нагорно-карабахского вопроса, который был взаимосвязан с политическим и экономическим развитием Азербайджана и его карабахского региона, требовала, вне всяких сомнений, учета мнения всего населения, проживавшего во всем карабахском регионе. Но эта логика как раз и была отражена в позиции азербайджанского участника заседаний Пленумов Кавбюро, который в единственном числе представлял республику, судьба которой решалась без учета мнения ее населения, в том числе и армянского. Именно Нариманов, как видно из вышеприведенных выдержек из протоколов, предлагал провести плебисцит "во всем Карабахе с участием всего населения армян и мусульман". Однако это предложение не было поддержано другими участниками заседаний.

Более того, оппоненты Нариманова вообще не были заинтересованы в проведении какого-либо опроса - ни во всем Карабахе, ни в его нагорной части, где армяне составляли большинство населения. Их первоначальное (от 4 июля), дискриминационное в отношении азербайджанского населения Нагорного Карабаха предложение о проведении плебисцита только среди армян данного региона было поставлено рядом с решением о включении Нагорного Карабаха в состав Армении, та далекая от "демократии" формула, в которой итоги плебисцита фактически были определены уже в постановлении о его проведении, отражала простую и очевидную истину. Представители большевистского Центра в регионе, прежде всего Сталин, Киров и Орджоникидзе, не были уверены в том, что большинство армян Нагорного Карабаха выскажется за отделение от Азербайджана, который гарантировал им более высокий уровень экономического благополучия, работу и заработки, и проголосует за присоединение к Армении, которая не могла обеспечить им такого уровня жизни, и к тому же ни географически, ни исторически, ни экономически не была связана с Карабахом.

Образование автономной области Нагорного Карабаха (АОНК) действительно было осуществлено по прихоти советских вождей и с

нарушением тех норм и процедур, которые могли бы быть применены в данном случае. Но здесь важно также подчеркнуть, что это нарушение было произведено в ущерб азербайджанской, а не армянской стороне. Решение об образовании АОНК, как видно из вышеизложенного, игнорировало мнение не только населения всего карабахского региона, но и азербайджанского меньшинства Нагорного Карабаха, которое с 1923 г. фактически уже не имело равных с армянами прав в участии в экономической, социальной и политической жизни региона.

И, наконец, следует также учитывать, что более многочисленная (по сравнению с численностью армян во всем Карабахе) азербайджанская община Советской Армении, находившаяся в гораздо более тяжелом и бесправном положении, чем армяне Нагорного Карабаха, вообще была лишена прав на какие-либо "нормы и процедуры", не говоря уже о "демократических", постоянно подвергалась притеснениям и депортации, что и привело впоследствии к поэтапному и окончательному вытеснению их с мест постоянного исторического проживания в Армении.

Однако постановление от 5 июля 1921 г., с таким трудом давшееся Нариманову, практически в одиночку отстаивавшему интересы Азербайджана в Кавбюро, не устроило партийную организацию Азербайджана. Да и сам Нариманов, как представляется, рассматривал его как вынужденную уступку на пути к постепенному снятию вопроса о нагорно-карабахской автономии с повестки дня. Поэтому 26 сентября 1921 г. при обсуждении карабахского вопроса на совместном заседании Оргбюро и Политбюро ЦК АКП(б) в Баку было принято следующее постановление: "Просить Кавбюро пересмотреть свое решение о выделении Нагорного Карабаха; впредь до этого автономии не объявлять". Данное решение было принято большинством голосов. Против него выступили лишь Нариманов и Буниатзаде, которые предложили в кратчайший срок выполнить постановление Кавбюро об образовании автономии Нагорного Карабаха (73, 97). Если принять во внимание последующие заявления и действия Нариманова (с мая 1921 он находился на посту председателя правительства Азербайджана) против образования автономии Нагорного Карабаха, можно предположить, что данное заседание и голосование прошли по его собственному сценарию. Осознавая необходимость сохранять партийную дисциплину и линию Кавбюро, он проголосовал против своих товарищей, но в своей дальнейшей практической работе всячески противился проведению в жизнь постановления от 5 июля 1921 г.

Через месяц после данного заседания бакинским партийным руководством была предпринята еще одна попытка "заблокировать" июльское постановление. 21 октября 1921 г. была созвана конференция ответственных работников Карабаха совместно с членами Оргбюро ЦК

АКП(б), которая признала "нецелесообразным выделение Нагорного Карабаха в отдельную автономную область" и предложила ряд мероприятий по установлению в данном регионе спокойствия и правопорядка — ужесточение мер борьбы с бандитизмом и лицами, провоцирующими национальную рознь, замена националистических элементов работниками-интернационалистами, обновление руководящего состава всех партийных и советских органов в регионе для преодоления националистических тенденций. При этом конференция подчеркнула, что данные меры и "являются разрешением карабахского вопроса" (73, 99-101).

Вплоть до своего переезда в конце 1922 г. в Москву в связи с образованием СССР и назначением на пост одного из председателей ЦИК СССР, которое было призвано изолировать Нариманова как влиятельную в Азербайджане и на Кавказе в целом политическую фигуру, глава правительства АССР всячески противился реализации постановления об образовании нагорно-карабахской автономии. Но осенью 1922 г. этот вопрос вышел из-под его контроля, и инициатива в его решении перешла уже к Закавказскому краевому комитету РКП (б), который принял "эстафету" в решении этого вопроса от Кавбюро (Кавбюро передало свои функции Заккрайкому, избранному на 1-ом съезде коммунистических организаций Закавказья 22 февраля 1922 г. в Тифлисе). 27 октября 1922 г. на заседании президиума Заккрайкома в отсутствие представителей Баку было принято постановление, в котором ЦК АКП предлагалось провести в жизнь июльское постановление Кавбюро.

Но даже в отсутствие своего лидера азербайджанские коммунисты продолжали оказывать сопротивление идее выделения Нагорного Карабаха в автономную область, обоснованно рассматривая его как первый шаг на пути отделения этого региона от Азербайджана (история в полной мере подтвердила эти опасения). 30 ноября при обсуждении вопроса об автономии Нагорного Карабаха на заседании Пленума ЦК и Бакинского комитета АКП(б) было принято уклончивое решение поручить Президиуму ЦК Азербайджанской компартии избрать комиссию для разработки" данного вопроса. 15 декабря на заседании Президиума ЦК АКП (б) было решено "принять к исполнению" постановление Заккрайкома (73, 132). На этом же заседании была предпринята попытка найти альтернативное решение данному вопросу: были созданы Центральная комиссия по делам Нагорного Карабаха при азербайджанском правительстве (в составе Кирова, Мирзабекяна и Каракозова) и Комитет по делам Нагорного Карабаха в составе 7-ми членов. Комитету предоставлялось право самостоятельного сношения с центральными органами Азербайджана и ЦК АКП. Предполагалось, что и Комиссия, и Комитет смогут быстро и в полной мере обеспечить удовлетворение нужд населения Нагорного Карабаха во всех

областях хозяйственного и культурного развития, и в этом качестве смогут стать альтернативой решению об автономии. Следует отметить, что до июня 1923 г. эти органы достаточно эффективно справлялись с возложенными на них функциями.

Лишь в июне 1923 г. под сильным давлением Москвы и Заккрайкома Баку вынужден был согласиться на автономию. 27 июня 1923 г. на состоявшемся пленуме Заккрайкома РКП(б) ЦК АКП было поручено "в месячный срок выделить Нагорный Карабах в автономную область, произведя наделение земель и водой крестьян выделяемых районов", и 1 июля Президиум ЦК АКП(б) предложил Азербайджанскому ЦИК "декретировать автономию Нагорному Карабаху, создав из него "Автономную Карабахскую Область с центром в Ханкендах с Исполнительным Комитетом во главе" (там же, 149-150).

7 июля 1923 г. был опубликован декрет Азербайджанского Центральному Исполнительного Комитета Советов — высшего органа власти на территории Азербайджана "Об образовании Автономной Области Нагорного Карабаха", в котором был окончательно закреплён статус Нагорного Карабаха как автономной области Азербайджанской ССР: "Образовать из армянской части Нагорного Карабаха автономную область, как составную часть Азербайджанской ССР, с центром в местечке Ханкенды" (18 сентября 1923 г. решением Карабахского обкома партии Ханкенды был переименован в город Степанакерт — прим. авт.).

30 июля 1923 г. в связи с образованием Автономной области Нагорного Карабаха (АОНК) на заседании Президиума ЦК АКП(б) были определены границы уездов, оставшихся на остальной (низменной) части Карабаха — Курдистанского, Агдамского и Джебраильского уездов.

26 ноября 1924 г. было опубликовано "Положение об Автономной области Нагорного Карабаха", в котором были определены общие положения, территория, организация центральной и местной власти в автономной области. Общие положения данного документа предусматривали, что АОНК является составной частью Азербайджанской ССР, что все делопроизводство, суд и обучение в школах АОНК ведётся на родном языке, и что АОНК участвует в республиканских органах Азербайджана по принципу пропорциональности (там же, 268-270).

Образование АОНК было с воодушевлением встречено лидерами армянской общины автономной области. 19 июля председатель комиссии по делам Карабаха Каракозов подчеркнул, что выделение Карабаха в особую автономную область создаёт условия, при которых легче будет изжить остатки недоверия и ненависти (там же, 155-156). 25 ноября 1923 г. уже в качестве председателя ЦИК АОНК Каракозов в своём выступлении на III съезде Советов Азербайджанской ССР заявил, что "азербайджанские

трудящиеся массы осуществили великие принципы октябрьской революции, великие принципы самоопределения народностей — провозгласили автономию". "Они, — подчеркнул Каракозов, — очень умело подошли к решению этого вопроса. Мы решили совершенно бескровно один из крупнейших, один из наиболее важных вопросов азербайджанской действительности" (там же, 213).

На открывшемся в начале мая 1924 г. 6 съезде азербайджанской компартии Киров также не скрывал оптимизма советского руководства в отношении урегулирования карабахского вопроса: "Этот вопрос мы, в конце концов, разрешили и, несомненно, сделали совершенно правильное дело. Не подлежит никакому сомнению, что перерешать в основном этот вопрос нам не придется. Все дело будет заключаться в том, чтобы эту самую юридическую форму автономии наполнить как можно более жизненным, реальным содержанием. Это приведет только к тому, что мы получим новые моменты, которые послужат основанием к окончательному и действительно братскому сожительству народов, населяющих Азербайджан" (там же, 241).

Что касается реакции азербайджанского населения автономии, то о ней можно судить по докладу о политическом состоянии области секретаря Карабахского областного комитета партии Мануцьяна, направленному 12 октября 1923 г. в ЦК АКП(б). Отметив, что "акт автономии со стороны крестьян встречен полным единодушием", он вынужден был признать, что "общий диссонанс вводят шушинские граждане, которые недовольны переводом центра из Шуши" (там же, 203). И хотя глава Совнаркома Азербайджана Мусабеков заявил 26 ноября 1923 г., что выделение Нагорного Карабаха в автономную единицу было необходимо для того, "чтобы окончательно вырвать из-под ног буржуазных и шовинистических элементов всякую возможность провокаций" (там же, 214-215), "шушинские граждане" оказались более дальновидными, чем руководители Советского Азербайджана. Именно образование АОНК стало стимулом для оживления национал-шовинистических настроений в руководстве автономии и первым шагом в их политике поэтапной деазербайджанизации данного региона.

Единственным из азербайджанских руководителей того периода, которому хватило смелости дать политическую оценку решению о создании автономии, стал Нариман Нариманов. 27 мая 1924 г. в своем письме в Центральный комитет на имя Сталина, Троцкого и Радека он прозорливо отметил: "...Другая половина моих предсказаний о дашнакской работе в Азербайджане, я думаю, обнаружится в этом же году. Нагорный Карабах под усиленным давлением Мирзояна объявлен автономной областью. При мне это не удалось не потому, что я был против этой автономии, но просто потому, что сами крестьяне-армяне не хотели этого. Мирзоян за это время

при помощи дашнаков-учителей подготовил почву и провел вопрос в Закрайкоме. С этого момента отношения крестьян-армян и тюркок-крестьян резко обострились. Далее идет вопрос о нагорной части Гянджи и т.д. В Азербайджане дашнакская политика идет вовсю. Для меня нет ни малейшего сомнения, что ЦК РКП в лице Серго (Орджоникидзе — прим. авт.) и Сталина не доверяют нам, тюркам, и судьбу Азербайджана поручают армянам-дашнакам" (20).

Для такого вывода у Нариманова были все основания. Заложенная в начале XIX в. в региональную политику царизма концепция "армянского буфера" (за счет иммиграции армян на азербайджанские территории и последующей арменизации данных территорий) на южных границах Российской империи, получила свое дальнейшее развитие в закавказской политике Советской России. Если до апрельского переворота территория АДР, признанная де-факто, составляла 114 тыс.кв. км. (включая "спорные территории"), то в конце 1922 г. при вхождении в состав СССР площадь Азербайджана составила уже менее 90 тыс.кв.км. В декабре 1921 г. в состав Армении был передан Зангезурский район, в результате чего основная часть АССР была отрезана от Нахичевани, которая впервые в азербайджанской истории стала эксклавом. Кроме того, при образовании СССР от Азербайджана были оторваны озеро Гойча (ныне Севан) и Дилижанский район.

В целом, создание нагорно-карабахской автономии и передача азербайджанских территорий Армении имели далеко идущие негативные последствия для Азербайджана, которые стали очевидными после возрождения его государственной независимости в 1991 г. Армянская автономия в составе Азербайджана стала эффективным инструментом политического влияния международных и региональных сил на Баку, фактором внутривластной дестабилизации в республике. А переход Нахичевани в статус эксклавной территории привел к тому, что "материковый" Азербайджан и изолированная от него Нахичеванская АССР стали уязвимыми с точки зрения военной и экономической безопасности, зависимыми от транзита через соседние страны и, соответственно, от влияния этих стран.

Что касается Армении, то она с помощью советской власти смогла на этом этапе решить несколько важных для укрепления своего регионального статуса задач. Создание автономии в Нагорном Карабахе стало для армянских националистических кругов "точкой опоры" для выдвижения в течение периода 1923-1989 гг. (особенно активно в 1945-1953 гг., 1956 г., 1960 г., 1963-1964 гг.) политических требований о присоединения этой автономной области к Армении, а в период распада СССР - для проведения курса на вооруженную аннексию этого региона. Присоединение же к

Армении азербайджанского Зангезура обеспечило ей непосредственную связь с Ираном, лишив Азербайджан геополитически и экономически важного для него прямого коридора с Турцией. Последнее, видимо, и было одной из важнейших стратегических целей большевистских руководителей в их закавказской политике.

ГЛАВА 5

Армянский фактор в региональной политике России и российско-азербайджанских отношениях.

5.1. "Кавказские власти готовы жертвовать русскими интересами во имя армянских": "армянский вопрос" в дипломатии царизма

Анализ азербайджано-российских отношений в 1918-1922 гг. был бы неполным без учета роли и места армянского фактора в региональной политике России, который, в свою очередь, невозможен без рассмотрения эволюции позиции России в отношении к т.н. "армянскому вопросу" как составной части Восточного вопроса. Под последним в исторической науке понимается международная проблема середины XVIII — начала XX вв., появившаяся в связи с упадком Османской империи, развитием национально-освободительной борьбы входивших в ее состав народов и усилением борьбы между европейскими державами за передел Османской империи в частности, и обострением противоречий между ними на Ближнем Востоке в целом.

В этой борьбе Россия, отстававшая от европейских держав в цивилизационном развитии и, в результате, не имевшая возможностей оказывать сопоставимое экономическое и политическое влияние на Османскую империю, вынуждена была сделать ставку на покровительство единоверным народам Балканского полуострова. Эта тактическая линия с конца XVIII в. стала трансформироваться в официальную доктрину покровительства Петербургом христианским народам, подвластным Османской империи, поддержки их национальных движений, а также укрепления позиций православного духовенства на Востоке. Основными целями данной доктрины были, помимо оказания давления на Порту в целях выгодного решения Восточного вопроса, защита закавказских границ и черноморского побережья России, а также ее черноморской торговли, создание плацдарма для будущей экспансии в направлениях Ближнего и Среднего Востока.

Активное участие армянских отрядов на стороне России в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. закрепило важную роль армянского фактора в российской восточной политике. В ходе мирных переговоров в Сан-Стефано (местечко в 12 км. от Константинополя), которые были призваны обеспечить международно-правовое оформление победно завершившейся для России русско-турецкой войны 1877-1878 гг., российская делегация, возглавляемая русским послом в Константинополе Н.П.Игнатьевым, добилась включения в условия Сан-Стефанского прелиминарного договора 1878 г. (подписан 3

марта) статьи XVI, предусматривавшей необходимость проведения реформ в "вилайетах, где проживают армяне".

Именно этот договор, который французский историк Дрио назвал "международной манифестацией в пользу армян" (цит. по: 37, 259), и эта статья, с которой связано первое упоминание об армянах в международных документах, дали жизнь т.н. "армянскому вопросу" и вызвали выгодное для петербургского кабинета расширение этнической базы его традиционной доктрины. С этого момента Россия стала рассматривать армян, наряду со славянскими народами Османской империи, как важнейший инструмент усиления своего влияния в данном регионе.

Однако западноевропейские правительства выступили против условий Сан-Стефанского договора, которые представляли несомненные выгоды и преимущества для России, укрепляя ее влияние на Востоке, подорванное после Крымской войны. Особенно Европа была обеспокоена созданием болгарского княжества, которое, по условиям договора, получало выход к Эгейскому и Черному морям и могло в перспективе содействовать утверждению российского влияния на Балканах. Английская печать считала подписанный договор "насмешкой над европейскими правилами и интересами". Как отмечал английский посол в Константинополе Лайард, "Сан-Стефано отдает Малую Азию абсолютно на милость России" (цит. по: 37, 225). Франция, Англия и Австро-Венгрия солидарно выступили против того, чтобы "Восток стал добычей России" (там же).

Англия выступала против превращения России в единственную покровительницу армян и позже — на Берлинском Конгрессе, который проходил с 13 июня по 13 июля, и при поддержке своих европейских союзников добилась придания ст. XVI международного характера. По статье LXI Берлинского трактата 1878 г., подписанного 13 июля, обязательства Турции по отношению к России, связанные с преобразованиями в населенных армянами провинциях Османской империи, распространялись на все европейские государства. В соответствии сданной статьей Турция обязывалась "осуществить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов" и "периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением" (48, т.1, 177-178; 119).

Именно в этот период в "армянском вопросе" стали складываться тенденции, которые в той или иной форме действовали на протяжении всего периода конца XIX - начала XX вв.

Во-первых, все ведущие державы (Англия, Франция, Австро-Венгрия, Германия и Россия) стремились использовать предлог помощи армянскому народу для укрепления своих экономических и политических позиций в

Османской империи, и в то же время — для ослабления позиций стран-соперников. Применительно к России это означало стремление европейских Держав, прежде всего Англии, создать затруднения на ее южных границах, закрыть ей путь к Средиземному морю и в регион Ближнего и Среднего Востока. Французский посол в Константинополе считал, например, что армянский вопрос был формой англо-русского антагонизма. Он отмечал, что "Англия в Армении озабочена только тем, чтобы закрыть России дорогу в Индию и в Средиземное море" (цит. по: 37, 263).

Во-вторых, обострение конкурентной политической борьбы между данными странами вело к формированию различных межгосударственных коалиций, которые на том или ином этапе развития данного "вопроса" или стимулировали, или тормозили его решение. В 90-ых гг. XIX в. сложились предпосылки для российско-французского союза в армянском вопросе в противовес Англии, вмешательство которой в турецкие дела грозило подорвать интересы как Петербурга, так и Парижа (который доминировал в финансовой системе Турции) в этом регионе. Опасаясь призывов Лондона к силовому решению армянского вопроса, Париж и Петербург "совместно противодействовали планам Англии и держав Тройственного союза. Они стояли за дипломатическое давление на султана, не доводя дела до вооруженного вмешательства Европы. В противоположность Лондону и Риму, настаивавшим на "решении армянского вопроса в рамках европейской конференции, Россия и Франция стремились к его локализации путем проведения реформ для армянского населения Малой Азии"" (37, 264).

В-третьих, в рамках своей традиционной политики покровительства христианам Османской империи, в "армянском вопросе" петербургский кабинет вынужден был действовать крайне осторожно. Как положительное (реформы и автономия), так и негативное (недовольство и волнения) решение данного вопроса могло "перекинуться" в места компактного проживания армян в пограничном российском Закавказье и стать дестабилизирующим фактором для самой России. Не случайно во французских дипломатических документах того периода политика Петербурга в "армянском вопросе" оценивалась как "осторожная и тонкая" (там же, 262).

В результате, именно негативный (для армян) сценарий и был реализован в данном вопросе. Осторожная позиция европейских столиц в вопросе проведения реформ и создания армянской автономии (особенно в период 1915-1916 гг.) вызывала нарастающее недовольство армян в Османской Турции и в Закавказье и способствовала постепенному переходу армянских политических движений и партий к вооруженным, террористическим действиям и методам борьбы в целях достижения максимально выгодного для себя решения "армянского вопроса".

Важным аспектом армянской политики России в конце XIX — начале XX вв. было, как уже отмечалось в предыдущих главах, продолжение политики арменизации территорий с преимущественным проживанием азербайджанского населения в закавказских губерниях и уездах Российской империи и обеспечение политического и экономического доминирования армян в регионе с целью создания "армянского буфера" вдоль российско-турецкой границы. Дополнительный сильный импульс эти процессы получили после назначения на пост наместника Кавказского края И.И. Воронцова-Дашкова, который в письме Николаю II 10 октября 1912 г. отмечал, что "покровительствуя армянам, мы приобретали верных союзников, всегда оказывавших нам большие услуги". "Необходимо, — подчеркивал в своем письме Кавказский наместник, обосновывая свои предпочтения армянам, — такое открытое выступление в защиту турецких армян, особенно в данное время, чтобы не отталкивать от себя, а вперед подготовить себе сочувствующее население в тех местностях, которые, при современном положении вещей, волей-неволей, могут оказаться в сфере наших военных операций" (76, 118-120).

В начале XX в. отношение России к "армянскому вопросу" стало меняться с осторожного на более заинтересованное. В экономическом плане это было связано с расширением экспортно-импортных операций окрепшей русской буржуазии в Турецкой Армении, что могло привести к укреплению экономических позиций российского капитала в обширном регионе Ближнего Востока, а в политическом — с возросшей ролью данного региона в дипломатической борьбе европейских стран за влияние на Ближнем и Среднем Востоке (главным противником России в Малой Азии выступала Германия). Усиление интереса петербургского правительства к данному региону было связано также с тем, что он имел важное стратегическое значение для обороны и обеспечения безопасности Черноморского побережья России. Кроме того, армянская политика российской дипломатии была обусловлена задачами обеспечения безопасности закавказской границы империи, а также перспективной возможностью использования армян в военных операциях на восточно-анатолийском театре военных действий.

Но, несмотря на свою возросшую заинтересованность в Турецкой Армении, российский МИД и в этот период занимал очень сдержанную позицию по "армянскому вопросу". Сравнительная экономическая отсталость России, ее финансовая зависимость от английских и французских кредитов не могли не сказаться на ее внешней политике, в том числе в подходах к данному "вопросу", не позволяя ей втягиваться в конфронтацию с ведущими европейскими странами. В циркулярном письме российским представителям за границей (декабрь 1912 г.) мининдел Сазонов указывал, что Россия готова оказать возможное содействие армянскому народу, "но оставляет за собой

право выбрать время и способ, чтобы продвинуть вперед дело улучшения быта и обеспечения проживающих в Турции армян" (цит. по: 37, 369). Данная инструкция свидетельствовала о том, что, несмотря на значительно возросшую к этому времени заинтересованность правящих кругов России в укреплении своих экономических, политических и стратегических позиций в Восточной Анатолии, решительное вмешательство в армянские дела в тот момент не входило в планы царского правительства. Российская дипломатия считала преждевременным возбуждение "армянского вопроса" до урегулирования балканского кризиса.

После окончания первой Балканской войны российское правительство в июне 1913 г. обратилось к европейским державам с предложением обсудить вопрос о реформах в Восточной Анатолии. В основе российского проекта было образование из шести восточных вилайетов Турции единой армянской провинции и назначение султаном губернатора с согласия европейских держав. Однако данный проект был заблокирован Австрией, Германией, Англией и Францией, опасавшихся, что автономия для армян в этом регионе поставит под угрозу целостность Турции и, соответственно, подорвет их влияние в ближневосточном регионе, усилив роль и возможности России.

Английские дипломаты, в частности, считали, что Россия слишком далеко зашла в своей армянской политике. "Русские хотят иметь русского правителя в армянских провинциях, — написал на донесении английского посла в Петербурге Д.Бьюкенена помощник статс-секретаря Л.Маллет. Считая, что речь идет об автономии этих провинций, он заявлял, что будет "решительно сопротивляться подобной тенденции" (цит. по: 37, 370-371). 4 июля английский министр иностранных дел Э.Грей инструктировал своих представителей в европейских столицах в том плане, что он против всякого проекта реформ для армян, который смог бы привести к разделу Турции (там же, 371). Этот подход был поддержан и французской дипломатией — и Лондон, и Париж не без оснований полагали, что усиление влияния Петербурга в Турецкой Армении и реализация российских инициатив приведет к ослаблению их позиций в стратегически важном ближневосточном регионе. Англия, кроме того, опасалась, что поощрение армянского сепаратизма в Турции может спровоцировать центробежные тенденции в колониальных владениях Великобритании.

Что касается позиции Германии — будущего противника России в Первой мировой войне, то она не была заинтересована в ослаблении Османской империи, рассматривая ее как монопольную сферу своей экономической и политической активности и как возможного союзника в войне со странами Антанты. По этой причине "армянский вопрос" берлинский кабинет использовал для формирования антироссийских

настроений среди правящих кругов Турции, стараясь свести к минимуму российский проект реформ в Турецкой Армении (37, 377).

В итоге был подписан компромиссный вариант проекта, который предусматривал деление Восточной Анатолии на два сектора: Южный — Ван, Битлис, Харпут, Диярбекир и Северный — Эрзерум, Сивас и Трапезунд, а также проведение реформ в области администрации, судопроизводства, школы и земельного вопроса (48, т. III, 95-96). Этот проект лег в основу подписанного 8 февраля 1914 г. в Константинополе между Россией (советником посольства Гулькевичем) и Турцией (великим везирем Саидом Халимом-пашой) русско-турецкого соглашения — Акта о реформах в вилайетах с компактным проживанием армян. Однако Турция, используя противоречия между державами, затягивала выполнение данного соглашения.

Активность российского МИД по "армянскому вопросу" не осталась незамеченной ведущей армянской политической партией — "Дашнакцутюн", руководство которой даже приняло в этот период решение приостановить на время свою антиправительственную деятельность в России. Уникальные факты, свидетельствующие об этом изменении в тактике дашнаков и об их политической стратегии в целом, содержатся в донесении Начальника Бакинского губернского жандармского управления по розыску подполковника Леонтьева своему помощнику в Дагестанской области от 5 января 1914 г. Леонтьев информировал о состоявшемся в сентябре-октябре 1913 г. в Женеве очередном съезде партии "Дашнакцутюн" и о принятых на съезде решениях, среди которых заслуживают особого внимания следующие: "12) дабы не вызвать раздражения против армян русского правительства, содействующего проведению реформ, — не предпринимать никаких выступлений против России ни самостоятельно, ни совместно с партией социалистов-революционеров, но оказывать ей и "рабочим союзам" помощь во время забастовок... 15) с целью, изложенной в п. 12, воздействовать на русские партии социалистов-революционеров, социал-демократов и анархистов, дабы они не предпринимали террора против Государя Императора" (56, 117).

В контексте рассмотрения решений женеvского съезда "Дашнакцутюн" представляется важным отметить следующее. Демонстрируя заинтересованность во временном перемирии с царским правительством, "содействующим проведению реформ", ведущая армянская партия подчеркивала преемственность своей политики в закавказском регионе — в целом, и в отношении его мусульманского (азербайджанского) населения — в частности. Показательным в этом плане является пункт 16 итогового документа съезда, который стоит того, чтобы быть процитированным полностью: "16) послать своих людей на Кавказ, под видом пан исламских

эmissаров, дабы путем пропаганды возбудить мусульманское население против России и поднять восстание, последствием чего будут репрессии со стороны русского правительства с последствием — ослаблением мусульманских масс, а потому "Дашнакцутюн" не встретит сопротивления мусульман при своей будущей работе на Кавказе; кроме того, минует опасность объединенных действий против армян со стороны кавказских мусульман и турок в Анатолии" (там же). Интересно, что из всего перечня постановлений съезда именно этот пункт, демонстрировавший подлинную иезуитскую изнанку политического курса "Дашнакцутюн", привлек внимание начальника Бакинского жандармского управления. Леонтьев призвал своего помощника обратить серьезное внимание на данное решение и с этой целью "усилить наблюдение за панисламистским движением, а равно установить наблюдение за прибытием эmissаров в пределы Кавказа" (там же).

К середине 1914 г. в подходах России к "армянскому вопросу" произошли существенные изменения. Петербург отказался от проекта реформ и автономии для Турецкой Армении, надеясь тем самым обеспечить нейтралитет Константинополя в случае возможной войны. В дальнейшем, с началом Первой мировой войны, вопрос о реформах в данном регионе был снят с повестки дня великих держав и попал в прямую зависимость от исхода войны и послевоенного положения Османской империи.

С началом военных действий в Европе российское правительство с подачи своего наместника на Кавказе и при активной позиции армянского духовенства и армянских политических организаций стало в более конкретном плане рассматривать вопрос об использовании армян в новой военно-политической ситуации. Позиция армянских партий была красноречиво выражена в 1915 г. одним из руководителей партии "Дашнакцутюн", заведующим ее внешними связями Завриевым в его письмах, адресованных послам России в Лондоне и Париже: "С первых дней войны российские армяне ожидали вовлечения в нее и Турции. Это давало надежду полагать, что по окончании войны "армянский вопрос" опять будет поставлен на очередь и будет разрешен в окончательной форме. Армяне поэтому не могли безучастно относиться к назревающим событиям, ввиду чего они приняли в них горячее участие" (цит. по: 56, 86). "Армянское население прямо жаждет войны с Турцией", - сообщил Воронцов-Дашков председателю Совета министров России Горемыкину летом 1914 г., передавая общую заинтересованность армян в участии в войне против Турции на стороне России и в послевоенном реформировании т.н. Западной Армении под контролем России (31, 211). Кавказский наместник даже организовал подписание российским императором специального обращения к кавказским армянам, в котором содержался адресованный им призыв

"объединиться со своими братьями под гербом царей" для борьбы против общего врага (106, 47).

Как отмечает в связи с этим российский исследователь А.Бахтурина, "воинственные настроения армян, по мнению наместника, возможно было использовать в случае вступления в войну Турции, поддержав их оружием. 10 августа 1914 г. Воронцов-Дашков обратился к военному министру Сухомлинову с просьбой выделить в распоряжение Кавказского военного округа 25 тыс. винтовок и 12 млн. патронов для вооружения антитурецкого элемента в Турции" (31, 211).

Однако Совет Министров России отклонил эти предложения благодаря осторожной позиции Сазонова, который считал, что в случае войны армяне могут быть очень полезными, но предписывал им ничего не предпринимать без указания российских властей. "Если бы они подняли восстание и затем не были бы нами поддержаны, — отмечал российский министр, — нашему престижу был бы нанесен непоправимый удар" (там же, 212). В письме Горемыкину 30 августа Сазонов подчеркивал, что "с общеполитической точки зрения весьма важно, чтобы война с Турцией была вызвана ею самой, а не в силу каких-нибудь действий с нашей стороны. Представляется поэтому весьма нежелательным и даже опасным, — указывал российский министр, — ранее полного выяснения политической обстановки, вызвать какое-либо восстание среди армян..." (цит. по: 56, 91). В связи с занятой Петербургом позицией осенью 1914 г. Воронцов-Дашков вынужден был проинформировать католикоса всех армян о том, что российское правительство "не сделает никаких уступок по армянскому вопросу", и обратить его внимание на то, что "действия армян в нашей стране и по ту сторону границы в данный момент должны быть строго согласованы с нашими указаниями" (31, 212).

Правда, сдержанность главы российского МИД не исключала его готовности использовать армянский фактор при наступлении благоприятного момента. В связи с этим Сазонов призывал поддерживать пророссийскую ориентацию армян, убеждая их, что любое соглашение с Турцией не будет достигнуто ценой каких-либо уступок в армянском вопросе. При этом он предлагал главе правительства держать армянский фактор в "полной боевой готовности": "Вместе с тем желательно поддерживать самые тесные отношения как с армянами, так и с курдами, чтобы использовать их во всякую минуту, если состоится разрыв с Турцией. С этой точки зрения были бы желательны всякого рода подготовительные действия для быстрой переправы через границу оружия и припасов и раздачи их зарубежному населению, когда разрыв совершится или станет неминуемым..." (там же). В развитие данного подхода Сазонов предложил Кавказскому наместнику начать формирование на территории Закавказья на добровольные

пожертвования армян добровольческих армянских дружин для содействия русским войскам в войне с турками. В сентябре 1914 г. были образованы 4 таких отряда, каждый численностью от 1000 до 1200 боевиков (106, 50).

Вступление Турции в войну в конце октября 1914 г. (29-30 октября турецкий флот обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск, и 2 ноября Россия объявила войну Турции) и открытие Кавказского фронта привели к оживлению процесса обсуждения в МИД и правительстве России вопроса о будущем Восточной Анатолии, но и на этом этапе общий подход Петербурга к "армянскому вопросу" не изменился. Призывы армянских общественно-политических и церковных деятелей к более активному вмешательству России в его решение не получали поддержки ее правительства. При чем одной из причин осторожной позиции России было то, что, как отмечали чиновники российского МИД, "армянские военные организации..., так и армяне, находящиеся в рядах войск наших, армянское население занятых... турецких областей проявляют если не враждебное к русским отношение, то далеко не то благожелательное, на которое... могли бы рассчитывать ввиду полной общности... интересов" (цит. по: 31, 214).

На этом этапе Россия по-прежнему занимала сдержанную позицию в "армянском вопросе" и не выходила за рамки декларирования на всех уровнях своей активной роли в определении послевоенного статуса восточно-анатолийских вилайетов с компактным проживанием армянского населения, поддерживая тем самым выгодную для себя антиосманскую ориентацию армян. В ноябре 1914 г. в Тифлисе российский император Николай II дал непродолжительную аудиенцию армянскому католику Геворку V, в ходе которой заверил его, что "армянский вопрос" будет разрешен согласно ожиданий армян по окончании войны, во время переговоров о мире" (цит. по: 56, 92).

Единственное изменение произошло в части, касающейся участия армян в боевых действиях на стороне русской армии. После вступления Турции в войну кавказская администрация и командование Кавказской армии более активно взялись за создание армянских иррегулярных формирований, численность которых к 1918 г. по признанию одного из лидеров турецких армян Погоса Нубара, достигла 40 тысяч боевиков (106, 93). Важную роль в этом процессе сыграла также партия "Дашнакцутюн". В начале 1915 г. дашнаки съехались на Кавказ и вместе с членами социал-демократической партии "Гнчак" вошли в дружины, во главе которых, как отмечает Бахтурина, стали известные партийные боевики и террористы (31, 214). Эти добровольческие отряды составили авангард наступающих войск русской армии весной и летом 1915г., использовались в карательных экспедициях и в разведке, и именно они отличались особенно жестоким отношением к мусульманскому населению Восточной Анатолии, в частности, города Вана,

которое было практически полностью уничтожено в феврале-апреле 1915 г. Наряду с этим до 15000 армян служили в российской императорской армии. Летом 1916 г. армянские отряды как регулярные части русской армии были реформированы в батальоны и составили бригаду (там же, 50).

Следует также отметить, что российская дипломатия была заинтересована в использовании армянского фактора не только на фронтах, но и в тылу Османской Турции с целью ее дестабилизации изнутри. В подтверждение этого тезиса можно привести ноту российского посольства в Париже, адресованную министру иностранных дел Франции Делькассе 23 февраля 1915 г., в которой в открытой форме ставился вопрос о необходимости военной поддержки странами Антанты антиосманского мятежа армян. "Главкомандующий Кавказской армией телеграфирует в Петроград, — отмечалось в данной ноте, - что представитель армян Зейтуна, прибыв в штаб армии, заявил, что около 15000 армян были намерены атаковать турецкие коммуникации, но у них нет оружия и боеприпасов. Ввиду того, что Зейтун находится на коммуникационной линии Эрзерумской армии, было бы в высшей степени желательно направить необходимое количество оружия и боеприпасов на Александретту для передачи армянам". "Акция, планируемая армянами Зейтуна, в общих интересах стран Антанты, поэтому, быть может, целесообразно, — предлагало российское посольство, — учитывая злободневность вопроса и отсутствие каналов ввоза этих вооружений прямо из России, добиться согласия французского и английского правительств на доставку вышеупомянутой партии оружия и артиллерии в Александреттский порт на борту французских или английских транспортных средств. Послам России в Париже и Лондоне поручено осведомиться об отношении обоих кабинетов союзнических стран по поводу вышеизложенных предложений. Г-н Извольский (с 14 сентября 1910 г. посол России во Франции — прим. авт.) был бы очень обязан Его Превосходительству господину Делькассе за проявленную готовность ознакомить его с точкой зрения правительства Республики на этот счет" (цит. по: 106, 62).

В аналогичном ключе ставился вопрос в секретной телеграмме французского посла в Петрограде Палеолога, направленной министру иностранных дел Делькассе 27 февраля 1915 г. "Богатый французский финансист, проживающий в Лондоне, г-н Гюльбекян, готов, - сообщал Палеолог, - предложить свою помощь финансистам Парижа для подкупа нескольких членов партии младотурок и для подстрекательства к революции в Константинополе. Если Ваше Превосходительство считает необходимым субсидировать это начинание, господин Сазонов готов к этому подключиться" (там же, 47).

Дестабилизирующую роль армянских военных отрядов в тылу и на фронтах Османской империи открыто признавали и их лидеры. В частности, в письме министру иностранных дел Франции Погос Нубар напоминал, что "армяне с самого начала войны были фактически воюющей стороной...Они сражались на стороне союзников на всех Фронтах и ценой больших жертв и пережитых страданий доказали тем самым свою непоколебимую преданность делу Антанты" (там же, 50).

В дальнейшем, созданные с санкции правительства России и при поддержке Кавказского наместника местные комитеты и организации армянских дружин превратились во влиятельные партийные центры и стали претендовать на проведение более независимого от России военного и политического курса. Данное обстоятельство в немалой степени способствовало тому, что в российском правительстве стали еще более острожно оценивать возможную роль России в решении армянского вопроса. Как справедливо отмечает в связи с этим Бахтурина, "ярко выраженная тенденция к политическому сепаратизму в среде армянских общественно-политических деятелей заставляла российские правительственные круги со все большим скептицизмом относиться к перспективе объединения Армении под протекторатом России, видя в этом лишь появление новой внутривнутриполитической проблемы" (31, 216).

В середине 1915 г. все более очевидным было раздвоение политики России по "армянскому вопросу". Позиция императора и правительства попрежнему была достаточно сдержанной и осторожной. Петербург вынужден был учитывать интересы в этом регионе своих европейских союзников, а также радикалистские, несовместимые с политикой России, устремления армянских организаций. Кавказская военная и гражданская администрация, охваченная армянофильскими настроениями, напротив, "забегала вперед" и придерживалась курса на создание в восточной Турции армянского государства.

На заседании Совета Министров России 30 июля 1915 г. эта политика была подвергнута критике со стороны большинства членов Совета, которые отмечали, что военные действия русской армии на Кавказском фронте развиваются в зависимости от политических соображений, основанных на личных симпатиях Воронцова-Дашкова к армянам. В частное т. статс-секретарь российского императора Харитонов П.А. заметил, что "даже при поверхностном взгляде на карту видно, что движение войск направляется главным образом на армянские земли". "Без того положение повсюду тяжелое, — подчеркивал он, — а мы тут еще будем рисковать ради воссоздания Армении". При этом он добавил, что продвижение армии на Кавказе в интересах армянского населения вызывает негативную реакцию в Государственной Думе, депутаты которой открыто обвиняли кавказскую

администрацию в "чрезмерном пристрастии к армянским домогательствам, столь влиятельным в наместническом дворце" (цит. по: 31, 217).

Председатель Совета Министров И.Л.Горемыкин также высказался в том плане, что создание Армении могло бы стать в послевоенном будущем источником различных осложнений на Востоке, а член Госсовета и Главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин — один из наиболее влиятельных членов кабинета — при обсуждении заявил, что "кавказские власти готовы жертвовать русскими интересами во имя армянских". 4 августа Совет министров вновь вернулся к данному вопросу. В ходе обсуждения, которое проходило на фоне продолжавшегося наступления русских войск на кавказском фронте, прозвучали еще более откровенные признания членов правительства. "В самом деле, куда мы там, с позволения сказать, прём?", — спрашивал Харитонов. "Известно куда — к созданию великой Армении", - отвечал ему руководитель военного ведомства Поливанов (цит. по: 31, 217-218). Как подчеркивает в связи с этим Бахтурина, которой принадлежит заслуга введения этих уникальных признаний членов российского правительства в научный оборот, "император Николай II, по свидетельству Поливанова, также разделял всеобщую уверенность в том, что ситуация на Кавказском фронте, могущая привести к объединению частей Армении силами русской армии, развивается под влиянием проармянских настроений в Кавказском наместничестве" (там же).

В 1915-1916 гг. "армянский вопрос" обсуждался в рамках переговоров между Англией, Францией и Россией о разделе Турции. В марте-апреле 1915 г. было оформлено англо-франко-русское секретное соглашение о проливах, предусматривавшее включение Константинополя и проливов в состав России в обмен на признание ею притязаний Англии и Франции на арабские страны и обязательство принять участие в войне против Германии до победного конца. Данное секретное соглашение стало первым в ряду тайных договоров держав Антанты по разделу Турции, которая впервые за всю историю Восточного вопроса оказалась перед лицом единой англо-франко-русской коалиции.

Развитием Соглашения 1915 года стали начавшиеся 23 ноября 1915 г. в Лондоне англо-французские переговоры о разделе азиатских владений Турции. Переговоры, которые проходили в отсутствии представителей России, с английской стороны вел заместитель министра иностранных дел Артур Никольсон, которого затем сменил эксперт по ближневосточным делам Марк Сайкс, а с французской — бывший французский генеральный консул в Бейруте Франсуа Жорж-Пико. По имени основных переговорщиков - Сайкса и Пико — и было названо итоговое англо-французское соглашение 15 мая 1916 г. Несмотря на сепаратный в целом характер лондонских переговоров, их участники вынуждены были считаться с интересами своего

российского союзника, который, к тому же, располагал в регионе и военными силами — в феврале 1916 г. русская армия, заняв Эрзерум и Битлис, оказалась на ближайших подступах к Ираку и Сирии — зонам, которые в соответствии с проектом Сайкса-Пико переходили под непосредственное владение или влияние Франции и Англии. В связи с этим последние, опасаясь перехода арабских территорий под российскую оккупацию, вынуждены были согласовать свои требования с Россией (48, т. III, 112).

Прибыв 9 марта в Петроград, Сайкс и Жорж-Пико вручили Сазонову меморандум с изложением своего проекта. Разработанный британскими и французскими дипломатами документ вызвал обеспокоенность у российского МИД. Его глава был недоволен тем, что между новыми приобретениями Англии и Франции и кавказскими границами России не предусмотрено никаких буферных государств и территорий. Сазонов считал, что земли, на которые претендует поданному проекту Франция, "далеко внедряется клином к русско-персидской границе близ Урмийского озера". В связи с этим он писал Николаю II 13 марта 1916 г., что "появление на большом протяжении нашей азиатской границы Франции, хотя бы в настоящее время и союзной нам, должно быть признано нежелательным" (цит. по: 31, 218). В связи с этим российский мининдел поставил вопрос об учете интересов России при разделе Азиатской Турции и выдвинул ряд контрусловий, потребовав, в частности, передачи ей вилайетов Восточной Анатолии, области Хаккяри (лежала к югу от озера Ван; на нее претендовала также Франция) и части южного побережья Черного моря.

Следует отметить, что при рассмотрении будущего статуса восточно-анатолийских вилайетов Турции, в которых компактно проживали армяне, дипломаты трех стран исходили из невозможности сохранения суверенитета Турции над этими регионами. При этом Франция, подобно ранее уже пришедшим к этому выводу Англии и России, считала нереальным и нежелательным создание в указанных вилайетах единой Армении в любой форме (будь то протекторат европейских держав, или полная передача т.н. Турецкой Армении России и т.д.). Военная и политическая активность армян, которая выгодно использовалась союзниками в целях ослабления Османской Турции, стала сдерживающим фактором в процессе определения статуса этого региона. В письме главы английской делегации Сайкса английскому послу в России Дж. Бьюкенену отмечалось, например, что любое объединение т.н. Турецкой Армении, "переполненной революционными обществами", ухудшит политическую обстановку на Кавказе, из чего Германия извлечет свою пользу (31, 219).

В результате обсуждения данного вопроса появилось компромиссное предложение Сайкса о разделе т.н. Турецкой Армении на две зоны влияния - французскую и русскую. В конце марта 1916 г. данное предложение по

инициативе императора было рассмотрено в правительственных кругах России, по итогам которого было принято решение согласиться с предложением о разделе т.н. Турецкой Армении на французскую и русскую зоны. 26 апреля 1916 г. французский посол в России Палеолог принял условия России, что открыло дорогу для подписания 16 мая в Лондоне англо-французского соглашения Сайкс-Пико.

Итоговое русско-французское соглашение о разделе Азиатской Турции предусматривало передачу России (помимо того, что было ей предоставлено по секретному соглашению 1915 г. о Константинополе и проливах) областей Эрзерума, Трапезунда, Баязета, Вана, Битлиса, части Курдистана и полосу вдоль черноморского побережья к западу от Трапезунда (59, т.2, 287). При этом французские железнодорожные концессии на территориях, отходивших к России, сохраняли свою силу. В августе к Соглашению Сайкс-Пико присоединилась Италия, которой союзники "выкроили" на карте Турции южную и юго-западную Анатолию. После окончательного "территориального размежевания" между четырьмя союзными державами от Османской Турции оставалась только центральная и северо-восточная Анатолия.

Следует отметить, что армянские общественные и политические организации пытались использовать переход т.н. Турецкой Армении под контроль российских войск для заселения ее армянским населением, обеспечения его землей, создания армянской милиции, и в целом — для поэтапного создания на данной территории институтов независимого государства. Планы же российской администрации были диаметрально противоположными. Еще в начале 1915 г. министерство земледелия России начало разрабатывать проекты переселения в этот регион русских крестьян. В феврале Кривошеин писал по этому поводу: "Успешное развитие наших военных операций на турецком фронте дает основание предполагать, что в ближайшем будущем окажется возможность исправления Кавказской границы и округления наших владений в Малой Азии и Армении. Эрзерумский и Ванский вилайеты вполне пригодны для широкого переселения... русских". Аналогичные мысли высказывал командующий Кавказской армией генерал Юденич. В письме к Воронцову-Дашкову от 5 апреля он предлагал на освободившиеся после наступления русской армии земли турок и курдов селить не армян, а казаков с Кубани и Дона (там же, 223).

Весной 1916 г. позиция Главного управления землеустройством и земледелием по данному вопросу не изменилась. Главноуправляющий Кривошеин в марте 1916 г. вновь обратился к Сазонову с просьбой рассмотреть вопрос об использовании завоеванных земель. Однако в связи с тем, что вопрос о данных территориях все еще был предметом обсуждения

между Англией, Францией и Россией, на правительственном уровне никаких решений по этому вопросу принято не было. Как подчеркивает в связи с этим Бахтурина, "налицо была приостановка русскими властями активного переселения в Армению, вызванная в большей степени стратегическими соображениями" (там же). Она указывает также на то, что "после этого в особый отдел канцелярии Кавказского наместничества стали поступать агентурные сведения о том, что дашнаки, не дождавшись официального подтверждения со стороны русского правительства о даровании автономии, решили готовиться к борьбе с Россией". В результате был ужесточен полицейский режим в Кавказском наместничестве и временном армянском военном генерал-губернаторстве. После взятия Эрзерума был издан приказ о запрещении армянам селиться в этом районе (там же).

В связи с тем, что в результате англо-франко-русских договоренностей к России перешли территории, на которых армянское население не составляло большинства, вопрос об армянской автономии был снят с повестки дня. В условиях наступившего баланса между интересами союзников и спада военной напряженности на Восточном османском фронте (линия фронта оставалась неизменной с лета 1916 г. по март 1918 г.), для России в Восточной Анатолии встал вопрос о том, каким образом управлять занятыми территориями. Реалии местной этнической и демографической ситуации подталкивали российские власти к проведению более взвешенной, свободной от проармянских симпатий, политики по управлению данным регионом. Как отмечает Бахтурина, Сазонов в связи с этим подчеркивал, что "государственным интересам России может соответствовать только соблюдение принципа "беспристрастного отношения ко всем разнородным элементам в крае", особенно потому, что на завоеванной Россией армянской территории армяне никогда не составляли большинства" (31, 220). Он считал, что местному армянскому населению можно предоставить самостоятельность в области образования, религиозной жизни, пользования языком и местного самоуправления, то есть предлагал, фактически, программу национально-культурной автономии и не более того. При этом Кавказский наместник, великий князь Николай Николаевич указывал, что при реализации данных прав необходимо обеспечить "первенство русского наречия во всех официальных случаях". Поддерживая идею Сазонова о равноправии многонационального населения занятых турецких территорий, он выступал за законное и беспристрастное распределение земли и борьбу с самовольным захватом территорий, широко практиковавшимся армянским населением (там же, 220-221). Становилось очевидным, что в рамках данной политики максималистские запросы и требования армянских партий и их лидеров реализованы не будут.

В законченном виде основы управления оккупированной частью Турции были определены МИД и командованием Кавказского фронта, и в июне 1916 г. было принято "Положение об управлении Турецкой Арменией", на территории которой было образовано военное генерал-губернаторство. Военный генерал-губернатор занятых областей Турции подчинялся непосредственно главнокомандующему Кавказской армией. Осенью в зоне военного генерал-губернаторства началось формирование судебных и административных органов государственного управления, началась организация российской администрации в районе Трапезунда (31, 221).

Таким образом, достигнутые между Англией, Францией и Россией соглашения о разделе Азиатской Турции и определении сфер влияния Франции и России в этом регионе окончательно определили политику России по "армянскому вопросу" на данном этапе. Она отказалась как от своей традиционной позиции в пользу проведения "улучшений и реформ" в областях т.н. Турецкой Армении и обеспечения автономного самоуправления армян под протекторатом России, так и от идеи объединения под своим покровительством "русской" и "турецкой" Армении. В свете заметно усилившихся военно-стратегических и политических позиций России в данном регионе для неё потеряла свою актуальность и идея предоставления кавказским армянам автономии в составе Российской империи. Перед официальным Петроградом стояла теперь более приоритетная задача закрепления на завоеванных русской армией позициях в вилайетах т.н. Турецкой Армении, подготовки данного региона к возможному заселению русскими переселенцами (выдвигались, в частности, предложения образования там казачьих поселков и дружин) и его перспективному присоединению к России.

В целом, действия российского правительства на этом направлении в период с середины 1916 до начала 1917 г. в очередной раз ясно дали понять армянским политическим кругам и их лидерам, что "армянский вопрос" является не более чем одним из элементов турецкой политики России, инструментом в ее дипломатической игре против европейских держав, прежде всего Франции и Англии. В результате, как отмечает в связи с этим Бахтурина, "разочарование армян в российской политике к концу войны было полным" (31, 224). Все больше подтверждалось мнение царского министра Лобанова-Ростовского (1824-1896 гг., князь, известный русский дипломат, в 1878-1879 гг. работал послом России в Константинополе, с 1895 по 1896 гг. - министр иностранных дел), который, говоря о планах правительства в решении "армянского вопроса", отмечал, что "царизму нужна Армения без армян" (56, 89).

5.2. "Я все время предостерегал и предостерегаю против односторонней ставки на одно мусульманство": Армения в региональной политике Советской России

Дальнейшая роль армянского фактора в региональной политике России определялась уже не соотношением сил на фронтах Восточной Анатолии, а эволюцией внутривосточной ситуации в России. Пришедшее к власти в России результате февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Временное правительство продемонстрировало преемственность характера, а в значительной степени и целей прежней имперской внешней политики, провозгласив лозунг "Война до победного конца!". Будучи приверженцем Антанты и активной восточной политики, министр иностранных дел данного правительства П.Н.Милоков считал, что на турецком направлении внешней политики России в рамках раздела османского наследства необходимо присоединение турецких армян к российским с целью создания армянской автономии в пределах России под эгидой демократической республики.

После большевистского переворота 1917 г. новое российское правительство сменило акценты в данном вопросе. В "Декрете о мире" — первом внешнеполитическом документе советского правительства, принятом 8 ноября 1917 г., содержался призыв ко всем воюющим народам и их правительствам начать переговоры о прекращении войны и заключении справедливого демократического мира. В ленинском Декрете был провозглашен принцип "мира без аннексий и контрибуций", объявлялись отмененными тайные договоры, заключенные царским и Временным правительствами. В конце 1917 г. начался вывод русских войск из Восточной Анатолии и Персии.

Однако, отвергнув политику аннексий, новая советская власть не отказалась от попыток использовать армянский фактор в интересах своей региональной политики. Правда, в новых условиях данный фактор был прикрыт более соответствующим духу времени и внешнеполитической доктрине большевиков лозунгом - Советская Россия рассчитывала сохранить и укрепить свое влияние в Восточной Анатолии через признание за народами Османской империи права на самоопределение вплоть до полной независимости. 29 декабря 1917 г. Советом Народных Комиссаров был принят, а 15 января 1918 г. Всероссийским Съездом Советов утвержден Декрет о "Турецкой Армении", в котором подчеркивалась (пит. по: 115) поддержка правительством России "права армян оккупированной Россией "Турецкой Армении" на свободное самоопределение вплоть до полной независимости". Реализация данного права обуславливалась 4-мя

предварительными гарантиями, необходимыми для "свободного референдума для армянского народа":

1. вывод войск из пределов "Турецкой Армении" и немедленное создание армянской народной милиции для обеспечения личной и имущественной безопасности жителей данного региона;

2. беспрепятственное возвращение беженцев-армян и эмигрантов-армян в пределы "Турецкой Армении";

3. беспрепятственное возвращение в пределы данного региона "насильственно выселенных во время войны турецкими властями в глубь Турции армян"; при этом отмечалось, что Совнарком будет настаивать на реализации данного пункта при мирных переговорах с турецкими властями,

4. образование "Временного Народного Правления "Турецкой Армении" в виде Советов депутатов армянского народа, избранного на демократических началах".

В соответствии с Декретом Чрезвычайному Комиссару по делам Кавказа Степану Шаумяну поручалось оказать населению "Турецкой Армении" содействие в деле осуществления положений Декрета (пп.2 и 3), а также сформировать смешанную комиссию "для установления срока и способа вывода войск из пределов "Турецкой Армении"". Важным положением Декрета было "Примечание", предусматривавшее, что "географические границы "Турецкой Армении" определяются избранными представителями армянского народа по соглашению с демократически избранными представителями смежных и спорных (мусульманских и иных) округов совместно с Чрезвычайным Временным комиссаром по делам Кавказа".

"Декрет о мире" продемонстрировал преимущество политики новой советской власти курсу царизма как минимум в двух вопросах региональной политики. Во-первых, он показал, что она по-прежнему рассматривает армянский фактор как неизменный (пусть и не доказавший свою эффективность) инструмент военного и политического давления на Османскую Турцию. Во-вторых, данный документ обеспечил легальную политическую и военную поддержку армянским военизированным формированиям, которые впоследствии были использованы в борьбе против демократического и советского Азербайджана в 1918-1920 гг.

Дальнейшее развитие региональной ситуации, и, в частности, подписанный 3 марта 1918 г. между Россией и державами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) Брест-Литовский мирный договор, сорвали планы большевистского правительства по реализации положений Декрета. Статья 4 Договора предусматривала, что Россия "сделает все от нее зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции",

и что "округа Ардагана, Карса и Батума также незамедлительно очищаются от русских войск". При этом Россия обязалась "не вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов" (119).

Более детально обязательства российской стороны были определены в Русско-турецком Дополнительном договоре, который стал приложением к Брест-Литовскому мирному договору. Статья 1 данного документа предусматривала вывод российских войск, ее гражданских и военных должностных лиц из Восточной Анатолии в течение 6-8 недель, демобилизацию и роспуск иррегулярных армянских формирований. Россия не должна была иметь на своей кавказской границе войск в размере, превышающем одну дивизию. Статья 2 определяла, что специально созданная сторонами комиссия установит русскую границу и границу трех округов (Карса, Ардагана и Батума) в том виде, в каком она существовала до русско-турецкой войны 1877-1878 гг. (119). В результате, после эвакуации российских войск в течение марта-мая 1918 г. турки восстановили контроль над всем восточно-анатолийским регионом.

Вслед за установлением советской власти в Азербайджане одним из актуальных вопросов региональной политики РСФСР стал вопрос о перспективах советизации всего Закавказья, прежде всего в направлении Армении. На дальнейшей большевизации региона настаивало командование XI-ой армии и члены РВС Кавказского фронта, а также руководство Советского Азербайджана, которое рассчитывало на то, что приход коммунистов к власти в Эривани сделает возможным распространение власти Баку на "спорные" территории.

Иной была позиция Политбюро и НКВД, выступавшего за то, чтобы на данном этапе ограничиться советизацией Азербайджана. В адресованной Орджоникидзе 9 мая 1920 г. телеграмме заместитель наркоминдел Карахан так объяснял причины этой сдержанности Москвы: "Ильич поручил передать Вам, что с дальнейшим распространением нашим торопиться не следует: во-первых, чтобы закрепить Азербайджан, а с другой стороны, расширение, не вызываемое немедленной необходимостью, лучше отложить ввиду серьезных задач на западном фронте и необходимостью соблюдать осторожность, считаясь с нашим международным положением". "В самом деле, — отмечал автор, — Армения не представляет для нас интереса ближайшего, между тем беспокойства она принесёт много. Следует не переходить границ, установленных с ней старым Азербайджаном, спорные же территории не занимать в порядке ультиматума, а разрешить спорные вопросы мирным путем, например, смешанная комиссия обоих государств под нашим председательством". "Вы ближе знаете сложность отношений, опасности новой взаимной резни плюс турецкие взаимоотношения, — подчеркивал

Карахан. — Если бы результатом нашего продвижения были бы новые взаимные избиения, это серьезно повредило бы нам в Англии и Америке. Поэтому мы предлагаем ограничиться Азербайджаном" (1, оп.51, п.321а, д.54868).

В связи с сохранявшейся напряженностью в армяно-азербайджанских отношениях и отсутствием у Азербайджана собственных вооруженных сил для сдерживания агрессивных действий армянской армии Нариманов настойчиво призывал к скорейшей советизации Армении. Его политический расчет был понятен — только смена режима в соседней республике могла гарантировать безопасность границ Азербайджана и его суверенитет над районами Карабаха, Зангезура и Нахичевани. Однако этот призыв не находил поддержки у российского НКВД, что вызывало недовольство Нариманова, открыто проявлявшееся в его переписке с Москвой. В письме Чичерину от 19 июля 1920 г. глава Азревкома отмечал: "Политика Центра поставила нас в ужасные условия. Меня удивляет одно: почему Центр систематически отталкивает от себя Восток?".

С целью склонить на свою сторону неуступчивый НКВД Нариманов пытался даже "припугнуть" Москву провозглашением более независимой внешнеполитической ориентации Азербайджана. "Несмотря на Ваши неоднократные предложения послать представителя Азербайджана в Москву для установления добрососедских отношений, мы намеренно молчали, — сообщал глава Азревкома, — воздерживались от этого, думая лишь о том, чтобы незаметно безболезненно слиться с Советской Россией. Но Центр своей политикой оттолкнул нас от себя, и сейчас отправляется Чрезвычайный уполномоченный наш в Москву для того, чтобы как можно резче подчеркнуть независимость Азербайджанской республики до известного момента, то есть до Советской Армении. Другого выхода нет, и я надеюсь, Вы исправите ошибку Центра" (1, оп.51, п.321а, д.54865).

В ответном письме от 20 июля Чичерин попытался отвести от себя обвинения в необъективном отношении к сторонам армяно-азербайджанского конфликта и откровенно объяснил мотивы сдержанности Москвы в вопросе советизации Армении: "...вообще вся нынешняя Кавказская политика компромиссов с буржуазными правительствами исходит от Центрального Комитета. Наоборот, меня Троцкий обвинял, будто я излишне увлекаюсь восточными делами и склонен отвлекать силы, необходимые на Западном фронте". Чичерин отмечал, что ситуация на Кавказе заставляет Москву идти на компромисс с правительством дашнаков. "Это необходимо уже по тому одному, — подчеркивал глава НКВД, — что единственная настоящая связь с Турцией может быть только через Эривань и поэтому нам необходимо установление договорных отношений с Арменией, не говоря уже о том, что в случае успеха Кемалья в Турции может произойти

изменение ориентации, устранение демократических элементов старой бюрократией и милитаристами и возобновление попыток отхватить в пользу Турции значительную часть Кавказа" (1, оп.51, п.321а, д.54868).

Ставка новой бакинской власти на то, что большевистская Москва предпочтет созданный ею в Азербайджане режим проантантовской Армении, исходя из фактора "идейно-политического родства" с ним, и окажет содействие в восстановлении контроля Баку за азербайджанскими территориями в рамках советизации Армении, не оправдался. Региональные интересы Москвы требовали союза с буржуазными правительствами Армении и Грузии, независимо от того, какой ориентации придерживались их правящие круги, даже если это вызывало недовольство Азербайджана: "Нам необходимо, — откровенно объяснял российский нарком в этом же письме Нариманову, — наладить отношения и с Арменией, ибо может случиться, что если Турция повернет против нас, Армения, даже дашнакская, будет форпостом в борьбе против наступления турок. С такой возможностью следует считаться".

Что же касается роли Москвы в урегулировании армяно-азербайджанских территориальных споров, то здесь Чичерин заявил о "принципиальной необходимости" для России "строгого соблюдения позиции объективного третьего" и о "недопустимости при национальных конфликтах базироваться на одних против других". В связи с этим российский нарком подчеркнул, что единственный способ стабилизации ситуации в местностях с "обостренными национальными конфликтами" сводится к занятию этих местностей российскими частями, причем для достижения этого приходится, как он подчеркнул, вести "дипломатическую борьбу весьма ожесточенную и с дашнаками" (там же).

НКВД Советской России последовательно проводил линию на установление добрососедских отношений с дашнакской Арменией. 29 июня 1920 г. Чичерин направил телеграмму главе МИД Армении, в которой, информируя о назначении постоянным представителем РСФСР в Армении Леграна (последнему была поставлена задача урегулирования всех спорных вопросов между двумя странами), выражал надежду на скорую выработку договоренностей между двумя странами. Однако глава НКВД не ограничился лишь призывом к установлению добрососедских отношений с этой республикой. Союзнику Антанты Москва предлагала поддержку по более широкому кругу вопросов. 21 июля — через день после ответа Нариманову — Чичерин в телеграмме армянскому министру уточнил позицию большевистского правительства:

1. все действия Советской России на Кавказе имеют целью оказание дружественного содействия дальнейшему спокойному и мирному развитию

армянского народа, так же, как и других соседних с ним народов Ближнего Востока;

2. занятие российскими частями тех местностей, которые в процессе борьбы между соседними народами получили характер "спорных" между Арменией и Азербайджаном, имеет целью предотвращение кровавых конфликтов, имеющих крайне неблагоприятное воздействие на всех участников, и рассчитано также на создание благоприятных условий для спокойного и беспристрастного обсуждения спорных территориальных вопросов;

3. дружественные отношения, которые РСФСР пытается установить с Турецким правительством, используются им для того, чтобы "обеспечить армянскому народу возможность приобретения достаточной для его развития территории в Малой Азии" и выйти, наконец, из "вечной роковой вражды с соседним мусульманским населением";

4. Советская Россия будет продолжать политику дружественного отношения к трудящимся всякой национальности, и армянский народ может твердо рассчитывать на его "неизменно дружественное отношение и на его помощь в пределах ее сил для ограждения армянского народа от грозящих ему кровавых бедствий" (5, оп.3, п.1, д.1).

Здесь следует отметить, что попытки Москвы сблизиться с дашнакской Арменией совпали по времени с завершением экспансивного, наступательного этапа в ее внешней политике на турецком направлении. Период с апреля 1919 г. до середины 1920 г. ознаменовался активными действиями армянской армии на турецком фронте. Как отмечает австрийский ученый Эрих Файгл, в апреле 1919 г. армяне с помощью англичан продвинулись вплоть до Карса. "В то время как Олту и Ардаган находились под контролем англичан, — отмечает он, — новые командиры колониальных войск полностью оставили Карс армянам. Одновременно армяне захватили мусульманскую Нахичевань. Именно в это время, в апреле 1919 г., молодая Армянская Республика достигла зенита власти над регионом" (106, 97).

Но летом 1920 г., после почти годичного периода успешных боевых действий против турецкой армии (а точнее, против мирного турецкого населения), Армения начала терпеть от нее первые ощутимые поражения. В связи с этим можно сделать вывод о том, что российская дипломатическая поддержка Армении оказалась для последней очень своевременной.

В то же время после апрельского переворота в Баку, который подорвал способность Азербайджана к сопротивлению армянской армии, у руководства дашнакской Армении появилась возможность компенсировать свои военные неудачи на турецком фронте продвижением вглубь территории Советского Азербайджана (в Зангезуре, Карабахе и Нахичевани). По этой причине предложение российской дипломатии о занятии российскими

войсками т.н. "спорных территорий" не было поддержано армянской стороной. Продвигаясь по азербайджанским территориям и проводя на них политику этнических чисток, Армения не была, разумеется, заинтересована в присутствии здесь частей XI-ой армии и под любыми предлогами добивалась их вывода с оккупированных азербайджанских территорий. 27 июля мининдел Армении призвал Россию к прекращению всех "враждебных" в отношении Армении действий и выводу большевистских войск из Зангезура, Карабаха и Нахичевани. "Пребывание российских советских войск в спорных (в случае Зангезура бесспорных) районах Армении не только способствует предотвращению кровавых конфликтов между Арменией и Азербайджаном, а скорее содействует их развитию", — отмечалось в ноте армянского министра (5, оп.3, п.1, д.1).

3 августа эта тема получила свое развитие в очередной телеграмме главы МИД Армении Чичерину: "Вопреки также уверению Российского Советского Правительства о намерении ею способствовать расширению территории Республики Армения в пределах, необходимых для жизнеспособности Армянского народа (заметим, что российское правительство ставило вопрос не о "расширении территории Республики Армения", а предлагало "обеспечить армянскому народу возможность приобретения достаточной для его развития территории в Малой Азии" — прим. авт.), наделе территория Армении непрерывно урезывается Советскими властями и захватываются все новые и новые районы — вначале Карабах, затем Зангезур и ныне Нахичевань".

В данной телеграмме Армения фактически отказалась от предложенного Москвой посредничества в деле разрешения пограничных споров между Арменией и Азербайджаном под тем предлогом, что Россия при помощи своих войск "силой навязывает Армении свои решения, неизменно клонящиеся в пользу союзника Азербайджана, распространяя к тому же свои постановления на районы, никогда не считавшимися спорными, как например Армянские Карабах, Зангезур и Нахичевань".

Не обошлось здесь и без традиционной привязки Азербайджана к Турции — приема, который в руках армянской дипломатии нередко эффективно действовал на российскую сторону: "Движение вглубь Армении по пути, намеченном еще бывшим Мусаватским Правительством и имперской Турцией, может рассматриваться Армянским народом лишь как реализация при помощи советских войск старого плана Мусавата — через живое тело Армении соединиться с императорской Турцией". При таких условиях, подчеркивалось в данной ноте, теряет всякое значение и вера в искренность дружественных уверений российского правительства, и действия советских войск приобретают характер "военных действий, направленных против Армении в осуществление стремления "имперских сил

Турции и Азербайджанских контр-революционеров к уничтожению самой возможности существования свободной Армении" (там же).

Посредническая инициатива Чичерина от 21 июля была не первой попыткой Москвы выступить в роли миротворца в урегулировании конфликтов Армении с соседними государствами. Еще в июне 1920 г., в условиях обострения вооруженного конфликта между Турцией и Арменией, НКВД РСФСР предложил свое посредничество данным странам с тем, чтобы избежать дальнейшей эскалации конфликта, и анкарское правительство телеграммой от 4 июля 1920 г. приняло данное предложение. В своих посреднических контактах с представителями кемалистского (лето-осень) и дашнакского (май-июль) правительств российское правительство выдвигало, как отмечалось в "Годовом отчете НКВД к VIII Съезду Советов (1919-1920)", принцип этнографической границы, основанный на взаимных переселениях и создании с обеих сторон однородной этнографической территории (119).

Однако из-за неуступчивой позиции армянских представителей на российско-армянских переговорах в Москве летом 1920 г., НКВД не удалось примирить стороны и согласовать их территориальные претензии. Несмотря на то, что дашнакское правительство в принципе приняло предложенный Москвой принцип этнографической границы, территориальные притязания дашнаков были, как отмечалось в "Отчете", "все еще столь велики (они включали районы Эрзерума, Лазистана с Трапезундом и несколько турецких вилайетов — прим. авт.), что не было возможности добиться с ними приемлемого определения границ Армении". Турецкая делегация во главе с Бекир Сами также отклонила предложенный НКВД вариант "исправления" турецко-армянской границы, при котором земли с преобладающим мусульманским населением перешли бы к Турции, а земли, где до 1914 г. проживало армянское большинство, перешли бы к Армении.

В конце июля 1920 г. турецкие войска освободили от армянских войск приграничные турецкие районы, взяли под свой контроль значительную часть территории Нахичеванского уезда и тем самым фактически сняли для себя вопрос о российском посредничестве. Как отмечалось в связи с этим в "Годовом отчете НКВД", "когда в Москве стала выясняться безнадежность попытки установить компромиссную этнографическую границу, турецкое правительство решило мечом разрубить гордиев узел. Дашнаки сами подали к этому повод наступлением на турок. Под предводительством Кязыма Карабекир-паши восточная турецкая армия без труда опрокинула дашнакских маузеристов, обратила в бегство плохо спянную армию дашнакского правительства и своей быстрой победой обнаружила всю призрачность мнимонародной власти дашнакской буржуазии" (119).

Только на этом этапе эриванское правительство, оказавшееся перед угрозой перехода турецкой армии к наступательным действиям на

территории самой Армении, вынуждено было пойти на тактическое сближение с Советской Россией. 10 августа между представителями РСФСР (Легран) и Армении (министры Джамалян и Бабалян) было подписано Соглашение, основные пункты которого предусматривали следующее:

признание Россией независимости и полной самостоятельности Республики Армения,

прекращение военных действий между войсками Армении и РСФСР,

занятие войсками РСФСР "спорных областей Карабах, Зангезур и Нахичевань",

прекращение сторонами концентрации своих военных сил как в спорных, так и приграничных районах,

предоставление Армении права эксплуатации железной дороги на участке Шахтагты-Джульфа, которое давало ей также возможность железнодорожной связи с Персией (15, оп.1, д.21, лл.38, 63).

И в Армении, и в Москве придавали большое значение этому Соглашению. Российская дипломатия рассматривала его как важный шаг в обеспечении транзитной связи с Турцией через территорию Армении. "Договор 10 августа должен соблюдаться неукоснительно, — отмечал Чичерин 22 августа в телеграмме в полпредство РСФСР в Армении. — Никакой разрыв отношений и военное осложнение с Арменией недопустимо, это точка зрения Правительства, твердо и решительно подтвержденная ЦК партии... Необходимо самым энергичным путем добиваться транзита через Армению в Турцию" (там же, л.79).

Что касается армянского правительства, то для него важно было обезопасить свои границы с Советским Азербайджаном для проведения успешной контрнаступательной кампании на турецком направлении. До падения дашнакской Армении оставалось чуть больше трех месяцев, но власти этой республики все еще жили иллюзиями создания "Великой Армении" за счет турецких и азербайджанских территорий, которые активно поддерживались странами Антанты. Мирное соглашение и перемирие с Россией совпало - буквально день в день — с дипломатической поддержкой, полученной Арменией от европейских стран. 10 августа 1920 г. в г. Севре, близ Парижа, был подписан Севрский договор между султанскими властями Турции и союзными державами - победительницами в Первой мировой войне. В части II данного Договора была определена новая пограничная линия для кавказской Армении, предусматривавшая расширение ее территории за счет 4 турецких вилайетов Восточной Анатолии (Трабзон, Эрзерум, Ван и Битлис), а часть III (раздел VI), посвященная отношениям с Арменией, предусматривала признание Османской Турцией независимости дашнакской Армении (ст.88), подчинение Турции арбитражному решению президента США в вопросе турецко-армянской границы (ст.89). В то же

время в части III Договора были четко определены не только права, но и обязательства Армении, в частности, в отношении охраны прав национальных меньшинств (ст.93) и необходимости определения границ с Грузией и Азербайджаном по соглашению с данными странами (ст.92 — 4, оп.1, п. 101, д.2, лл. 31-137).

Положения Севрского договора носили настолько унижительный характер для Турции, что он не был ратифицирован даже турецким султаном и не вступил в силу. Несмотря на это, Договор ясно свидетельствовал о политической и дипломатической поддержке европейскими странами Армении, и использовался последней в качестве правового обоснования своих территориальных притязаний в отношении соседних государств.

В результате, вдохновленная территориальными "приращениями", предусмотренными Севрским договором (пусть и не вступившим в силу), воспользовавшись благоприятными международными условиями (стремлением великих держав, прежде всего США, Англии и Франции, использовать "армянский фактор" не только для раздела Турции, но и в борьбе против России) и временным перемирием с Россией, достигнутым благодаря соглашению 10 августа, в сентябре 1920 г. Армения возобновила боевые действия на турецком направлении, которые развивались по привычному для тактики армянской армии сценарию уничтожения гражданского населения приграничных турецких провинций. В результате нападения армянских вооруженных формирований на турецкий район Бардиз 24 сентября 1920 г. было сожжено 32 деревни, убито около 2000 мирных жителей.

Нападения армянской армии на турецкую территорию продолжались до конца 1920 г. В одном из секретных сообщений российского агента в секретариат НКВД (от 27 августа 1920 г.) о положении на границах Армении с Турцией и Азербайджаном сообщалось, что "дашнаки, уверенные в пассивности турок, систематически производят налеты на села, поголовно вырезая турок". В Сурмалинском уезде из 105 сел осталось 35 горных деревень, в августе было вырезано еще 8 сел. сообщал данный источник. "Дашнаками, — отмечалось далее в сообщении, — практикуется поголовное уничтожение всех мусульман смешанных сел пограничной полосы, заселяемых затем армянами для будущих мирных переговоров" (15, оп.1, д.21, л. 118).

Показательно, что, освещая данные события, советская историческая наука обходила стороной роль и ответственность Армении в ее вооруженном конфликте с Турцией. В изданном в 1960 г. под редакцией советского министра иностранных дел Громыко А.А. трехтомном "Дипломатическом словаре" региональный экспансионизм дашнакского руководства деликатно характеризуется как "авантюризм", и основной акцент делается на

негативной оценке политике Анкары в армяно-турецком противостоянии: "Анкарское правительство, не ограничиваясь задачами национально-освободительной борьбы против империализма Антанты, пыталось воспользоваться авантюристической политикой дашнаков, чтобы захватить территории, заселенные армянским большинством, и лишить армянский народ возможности воссоздать свое государство" (48, т.1, 35). Складывается ощущение, что не Армения вела захватническую политику на территории вилайетов Восточной Турции и на Кавказе, а Турция "неадекватно" реагировала на "авантюристическую политику дашнаков". В изданной в 1976 г. двухтомной "Истории внешней политики СССР" (под редакцией Громыко А.А. и Пономарева Б.Н.) оценка позиций сторон в данном конфликте выглядит еще более несбалансированной. "Под давлением реакционных сил кемалистское правительство отвергло принятое им ранее посредничество Советского правительства в переговорах с дашнакской Арменией, — отмечают авторы "Истории". — Оно двинуло свои войска против Армении и обратило в бегство слабую армию дашнакского правительства... Авантюра реакционных кругов Турции, отвлекшая значительные силы для агрессии против Армении, ослабила Турцию в ее борьбе с империалистами" (57, т. 1, 145-146).

При этом ни слова о том, что именно Армения была действенным инструментом антироссийской политики европейских держав, их курса на ограничение влияния Советской России в закавказском регионе, союзницей Деникина в борьбе против большевиков. Еще в июне 1919 г. Микоян в докладе Ленину и Сталину отмечал, что "ни одно из правительств Закавказья не имеет тяготенья к Советской России и все правительства, кроме Армянского, стоят за то, чтобы в Закавказье не было третьей империалистической силы". "Армянское правительство, — указывал он, — имея грандиозные планы расширения Армении и пользуясь сочувствием и поддержкой Деникина, всемерно поддерживает их, а с Деникиным находится в тесном военном союзе" (10, оп.3, д.596, л.7).

Для нас в контексте рассмотрения данного вопроса интерес представляет также прозвучавшая в этом докладе характеристика внутривнутриполитической ситуации в Армении и ее национальной политики: "...внутри страны анархия, господство вооруженных шаек, голодные смерти и эпидемии, и к тому же организованное истребление мусульман, которое ежеминутно может вызвать объявление войны Азербайджаном" (там же).

На сложившийся военный союз между Арменией и Деникиным постоянно указывалось и в аналитических сводках Кавказского краевого комитета о политической ситуации в Закавказье. В частности, в сообщении Кирову от 17 августа 1919г. член Крайкома РКП(б) Гогоберидзе подчеркивал, комментируя факт начавшихся переговоров грузинского

правительства с денкикинским представителем Баратовым: "...Если принять во внимание предстоящий уход англичан, колеблющуюся политику Азербайджана в отношении Деникина и открытый военный союз Армении с последним, становится ясно, что грузинские "социалисты" торгуются с новым хозяином за сколько и на каких условиях прожать Грузию контрреволюционерам" (16, оп.22, д.4, лл.1-2).

Большевистское руководство и НКВД информировались также о том, что Армения постоянно находилась в центре антироссийских политических интриг, время от времени возникавших в регионе. Как отмечал в телеграмме Чичерину 21 сентября 1920 г. полномочный представитель России в Персии и Турции Элиава, "Армения, подкрепляемая надеждами Грузии, обеспеченная снаряжением, обмундированием выжидает удобного случая, чтобы перейти к активным действиям... Макинский сардар (Макинское ханство находилось в составе Персии — прим. авт.) в письме к нашему командованию клянется в дружбе нам, одновременно ведет переговоры с дашнаками о совместных действиях против нас" (1, оп. 39, п. 232. д. 52987. л. 36).

Следует к этому добавить, что антироссийскими настроениями были охвачены и турецкие армяне, самоопределения которых так настойчиво добивалась российская дипломатия. По данным российского телеграфного агентства (РОСТА) от 3 мая 1920 года, на территории компактного проживания армянского населения в турецкой Анатолии англичанами были сконцентрированы денкикинские войска, которые, как отмечалось в бюллетене, сохранили оружие и "во всякое время могут начать военные операции, если это понадобится англичанам, которые одновременно вооружают и армянское население с целью остановить распространение большевизма в Азии и Индии" (1, оп.39. п.232, д.52987, л.2).

Глава НКВД РСФСР, хорошо информированный о всех нюансах внешней политики Армении, трезво оценивал перспективы сотрудничества России с этой республикой. Комментируя инициативы российского полпреда в Армении Леграна, предлагавшего передать Армении Зангезур и Нахичевань с целью добиться согласия эриванских властей на транзит российского вооружения в Турцию, Чичерин откровенно обращал его внимание в телеграмме от 2 октября, в частности, на следующее: "Ваши надежды добиться через Армению транзита для вооружения все знающие Кавказ товарищи находят совершенно иллюзорным. Может быть на словах дашнаки дадут согласие, но нет сомнения, что это только ловушка. Они сумеют устроить так, что этот транзит не сможет осуществиться". И далее: "Вообще здесь имеются многочисленные сведения о присылаемом Антантой в весьма большом количестве в Армению вооружении и военном снаряжении. Антанта делает из Армении свою цитадель и возможность

добиться чего-нибудь дружественным путем от Армении несомненно уменьшится". "Надо сказать, — подчеркивал далее наркоминдел, - что при изменившейся конъюнктуре с усилившейся английской оффенсивой (наступлением - прим. авт.) на Востоке и ясно наметившейся ролью Армении как орудия Англии, заключение договора с Арменией представляется гораздо более трудным, чем раньше" (15, оп.1, д.21, л. 158).

"Дашнакское правительство превратилось в откровенное орудие Антантского наступления, - отмечал Чичерин в другой телеграмме Лиграну 9 октября 1920 г. - Антанта снабжает дашнаков снаряжением и что-то там готовит". Исходя из этого российский нарком отклонил идею "территориального умиротворения" Армении: "Мы скептически относимся к возможности добиться транзита от дашнаков. В лучшем случае они нас надуют и устроят нам западню. Конечно, надо добиваться транзита, но не недопустимой ценой" (там же, л. 173).

Стойкая антироссийская ориентация националистически ориентированной части армянских военных и политических деятелей сохранилась и после победы советской власти в Армении. Анализируя военно-политическую обстановку в регионе, Орджоникидзе 22 января 1921 г. информировал Ленина, Троцкого и Сталина о том, что "в Тавризе (административный центр Персидского Азербайджана — прим. авт.) формируются англичанами армянские части из бывшей армянской дивизии, застрявшей в Персии со времен империалистической войны". "Дашнаки создают себе базу в Зангезуре для борьбы против нас, вернее, англичане готовят там удар при помощи дашнаков через Зангезур", — отмечал автор. "У меня был Дро (первый военный министр Советской Армении и участник российско-армянского Соглашения от 2 декабря 1920 г., провозгласившего Армению советской социалистической республикой -прим. авт.), из его разговора я убедился, — сообщал Орджоникидзе, — что даже он и его единомышленники, если нам не удастся выговорить у турок для Армении границы 14 года, что едва ли удастся, будут против нас, и в таком случае Зангезур будет исходной базой против нас, поддержанный англичанами из Тавриза" (17, оп.18, д.178, лл.1-4).

Объективная характеристика подлинной роли Армении в противостоянии региональных держав и ее политики в этот период появилась лишь в современных публикациях поданной проблематике. Российский востоковед А.Ушаков в своей беллетризованной биографии Мустафы Кемала Ататюрка, словно оправдываясь за проводимую Россией политику (заметим, умеренную и дружественную) по отношению к враждебной ей Армении, делает вывод о том, что Россия не могла "в те тревожные для себя годы заботиться о привязанной к Антанте и поддерживавшей Деникина и Врангеля дашнаковской Армении", и что для нее "брак по расчету с Кемалем был куда

дороже судьбы, по сути дела, враждебной ей по тем временам Армении". Москва, отмечает автор, думала в первую очередь о себе самой, и "уж конечно, большевикам совсем не хотелось видеть у себя на границах находившуюся под американским мандатом независимую Армению" (104, 180).

В условиях, когда наступил перелом в вооруженном конфликте между Турцией и Арменией, и командующий турецкими войсками на кавказском фронте Кязым Карабекир начал наступление на Карс, российская дипломатия предприняла энергичные усилия для того, чтобы сдержать наступательный порыв турецких войск и их продвижение вглубь Армении и Закавказья. "Было условлено, — писал Чичерин 5 октября 1920 г. в своей записке в Политбюро ЦК РКП(б), — что турки не пойдут далее линии Сарыкамыш-Шахтагы. Однако, по последним сведениям от тов. Орджоникидзе, они идут на Карс и как будто предпринимают более серьезное наступление". "Необходимо, — подчеркивал нарком, — предостеречь турок против продвижения внутрь Армении и против нападения на Багум, которое поведет к вмешательству Антанты" (1, оп.39, п.232, д.52987, л.40). В этих условиях в позиции главы НКВД еще более отчетливо и акцентировано прозвучала озабоченность за судьбу и безопасность дашнакской Армении: "При обсуждении армяно-азербайджанских споров я все время указывал, что в случае поворота турецкой политики на путь завоевательных тенденций на Кавказе Армения будет против неё барьером и будет нас защищать" (там же).

Опасения российской дипломатии были связаны с тем, что дальнейшее продвижение турецкой армии за указанную линию, которая фактически совпадала с границей между Турцией и Арменией, могло вызвать серьезный политический кризис в Армении с неблагоприятными для России политическими последствиями. Для РСФСР развитие данного кризиса было невыгодно по многим причинам. Во-первых, в потерпевшей поражение Армении могло усилиться турецкое влияние (на первом этапе после смены власти в Армении так и произошло). Во-вторых, Грузия, встревоженная турецким продвижением, могла сблизиться с Антантой и занять еще более жесткую антироссийскую позицию. И, наконец, успешная военная активность Турции могла спровоцировать более серьезный конфликт во всем закавказском и даже северокавказском регионе (продвижение турецкой армии не без оснований рассматривалось Москвой как фактор, который мог вызвать подъем националистических настроений среди горцев Северного Кавказа) с вероятным вовлечением в него стран Антанты, прежде всего Англии.

Важно отметить, что политика Москвы на "армянском направлении" в данный период обуславливалась тремя важнейшими факторами.

Во-первых, налицо было несоответствие между долгосрочными интересами Советской России, требующими сохранения буржуазных республик Грузии и Армении в зоне своего влияния, и текущими военными возможностями по обеспечению этих интересов. Москва не имела в регионе достаточных силовых аргументов, так как основные силы Красной Армии были скованы на других фронтах. Отсюда закономерно вытекала следующая дипломатическая линия Москвы: рассматривая военную операцию кемалистов как несвоевременную, опасную и провокационную, она призывала их прекратить наступление, угрожая даже приостановкой поставок вооружения, предлагала свою посредничество Армении и Грузии, стремясь при этом избежать своей вовлеченности в военные действия в Армении. "Мы должны выступить как миротворцы для успокоения борющихся элементов и для предотвращения кризисов", — писал Чичерин Лерману 9 октября и сформулировал следующую тактику поведения российских представителей в регионе: "Вообще все, что может служить успокоением, должно быть нами поддерживаемо" (15, оп.1, д.21, л.174).

В этих условиях даже в таком важном для Москвы вопросе, как советизация Армении, глава НКВД вынужден был занимать очень осторожную позицию. "Сообщите немедленно, каковы внутренние перспективы в Армении, — призывал Чичерин главу российской миссии в Эривани, — и возможна ли передача власти коммунистам без давления извне, ибо мы в настоящее время должны воздерживаться от всякого давления и должны... выступать миротворцами". При этом глава НКВД не скрывал причину, которая лежала в основе такой позиции: "Имейте ввиду, что возможности ограничивать движение турок у нас нет и приходится дипломатничать во всех направлениях" (там же, л. 183).

Во-вторых, геополитические интересы сохранения и укрепления своего влияния в регионе, в том числе в Армении, вступали в противоречие с интересами стратегического антиантантовского союза с кемалистской Турцией. Поэтому даже "дипломатничая", Москва не могла определить, как далеко она сможет пойти в миротворческом направлении и какой объем посреднической ответственности может взвалить на себя. Чичерин откровенно признавался в связи с этим в телеграмме Лерману от 5 ноября: "Надо выяснить, насколько мы сильны, и надо выяснить, насколько наша общая политика и роль в ней турецких националистов может осложниться решительным выступлением против последних в случае принятия Арменией наших требований" (там же, л. 199).

И, наконец, важнейшей причиной осторожной, миротворческой политики большевиков, их курса на "успокоение" ситуации в регионе был международный фактор. Для руководства Советской России, которое пыталось вырваться из внешнеполитической изоляции и блокады, более чем

актуальным было добиться признания со стороны ведущих стран Европы, прежде всего Англии, с которой Россия продолжала переговоры по заключению торгового соглашения. Для НКВД, который находился на острие этой борьбы за международное признание Советской России, в этом контексте особенно важно было не "спугнуть" правящие круги и общественное мнение стран Антанты, а также те социальные круги на Западе, прежде всего в Англии, которые с симпатией относились к Советской России. Поэтому даже в преддверии близкой внутривластной развязки в Армении Чичерин подчеркивал (29 октября) для главы дипмиссии РСФСР в Армении особое значение осторожной тактики: "В данное время для нас особенно важно сохранение в Англии дружелюбного отношения поддерживающего нас левого общественного мнения, являющегося серьезным противовесом политике Черчилля". Исходя из этого он отмечал, что "лучше тянуть со всеми текущими вопросами в Армении, чем вызвать там кризис в отношениях с ней" (там же, л. 192).

Не снимая с повестки дня вопрос достижения транзита через Армению в Турцию, глава НКВД призывал существенно изменить акценты в этом вопросе. Вопрос о транзите рассматривался им уже в "пакете" с отказом Армении от Антанты и Севрского договора, и не в обмен на азербайджанские территории Зангезура и Нахичевани (как вплоть до конца ноября предлагал Лигран), а как условие посредничества Москвы, которого уже настойчиво добивалась склонявшаяся к союзу с Россией часть дашнакского правительства Армении: "Предлагая посредничество между Арменией и Турцией вполне целесообразно его обуславливать изменением ориентации Армении и предоставлением нам права транзита" (там же).

Что же касается упомянутых предложений об обмене по схеме "территории Азербайджана в обмен на лояльность Армении", то следует отметить, что российский полпред в Армении в своих переговорах с армянскими политиками "забежал" в этом вопросе далеко за официальную позицию НКВД. В соответствии с подписанным 24 октября в Эривани протоколом между Лиграном и правительством Армении армянская сторона, заявив о своем отказе от претензий на Карабах, в обмен потребовала от Москвы признания за ней Зангезура и Нахичевани, передачи ей 25% всех перевозимых по ее территории транзитом вооружений и снаряжений, а также ссуды в размере 2.5 миллионов золотом (там же, л. 197). На состоявшемся 5-6 ноября в Баку совместном совещании руководства XI-ой армии, Кавбюро и азербайджанского руководства эти "договоренности" были отклонены без особого обсуждения, и вместо них был взят курс на вооруженное вторжение и смену власти в Армении.

При формировании своей политики в отношении к Армении в этот период руководство РСФСР принимало во внимание также попытки

британской дипломатии по сближению с кемалистами. В НКВД считали, что Лондон идет на примирение с Анкарой не только с целью упрочения своих позиций в Турции, но и для использования успешной военной кампании турецкой армии в Закавказье для реставрации мусаватистского правительства в Азербайджане и переориентации Грузии и Армении на проантантовские, антироссийские позиции. При этом ссылка делалась на инициативу британского эмиссара в регионе Стокса, предложившего план создания в Закавказье конфедерации с участием меньшевистской Грузии, дашнакской Армении, мусаватистского Азербайджана и даже Дагестана. "По газетным сведениям, - писал Чичерин Лиграну в начале ноября, - Англия ведет переговоры с мусаватистами и отказывает армянам в Зангезуре и Нахичевани, желая подарить их мусаватистам, чтобы морально укрепить контрреволюцию в Баку. Это также внушает опасения относительно англотурецкого соглашения и восприятия кемалистами политики компенсации на Кавказе взамен жертв на Западе" (там же, л.221).

В связи с этим в письме Сталину от 5 ноября глава НКВД призвал строить отношения с Арменией и Грузией не только с учетом потенциальных изменений в политике Анкары по отношению к Антанте и России, но и в контексте возможной политической переориентации Советского Азербайджана, что выглядело странным после почти полугодового периода советизации Азербайджана и практически полного уничтожения институтов прежнего демократического, республиканского строя в Азербайджане. "В наших отношениях к Армении и Грузии не следует ни на минуту забывать, — указывал Чичерин, — что при новом повороте колеса истории эти страны могут оказаться нужными для нас барьерами против завоевательной политики переживших фронт турецких националистов. В нашей ставке на мусульманство приходится все время считаться с тем, что в один прекрасный день антибольшевистская тенденция, как это уже имело место в Афганистане, может оказаться сильнее, чем анти-английская. Я все время предостерегал и предостерегаю против односторонней ставки на одно мусульманство, представителем которой был у нас Нариманов" (1, оп.39, папка 232, д.52987, л.43).

Как нам представляется, намек на возможную реставрацию антибольшевистской тенденции в Азербайджане лишь в минимальной степени был связан с тенденциями внутривнутриполитической жизни этой закавказской республики, которая к концу 1920 г. стояла на достаточно прочном "советском фундаменте". Ключевым в данной инструкции все же был тезис о нежелательности, по мнению российского наркома, "односторонней ставки" на советский, но всё же мусульманский Азербайджан. Рассматривая развитие региональной ситуации в более долгосрочной перспективе и учитывая, что России предстоит решение целого комплекса сложных территориальных и

политических вопросов с соседней Турцией, Чичерин, имея "на руках" "козырную карту" в виде подконтрольного Москве Советского Азербайджана, не хотел далеко от себя отпускать и Армению с Грузией.

Рассматривая дашнакскую Армению как потенциального союзника России и региональный "противовес" Турции и Азербайджану, Чичерин учитывал и возможную роль Грузии в российской региональной политике "сдержек и противовесов". Подчеркивая возможность активного перехода Грузии на сторону Антанты против России, он считал возможным использовать "аджарский фактор", т.е. борьбу аджарцев против грузинского централизма как возможный козырь в сдерживании проантантовских устремлений в грузинской политике. Для меньшевистской Грузии и дашнакской Армении НКВД предлагал дипломатическую линию, основанную на умеренном давлении, мирном взаимодействии и гибком умиротворении, в основном за счет бакинской нефти. В частности, в послании Сталину от 5 ноября Чичерин предлагал пойти навстречу потребностям Грузии и разработать для нее проект российских экономических предложений, которые должны были базироваться, в частности, на поставках бакинской нефти. "Мы здесь исходим из того, - отмечал наркоминдел, - что покладистая экономическая политика с нашей стороны и даже некоторые жертвы вроде предоставления Грузии кредита за нефть, могут спасти для нас гораздо больше, ибо в таком случае Грузия останется заслоном для Баку, между тем, как доведенная до отчаяния нашим отказом сколько-нибудь помочь ей, Грузия, окончательно бросившаяся в объятия Англии, делается авангардом или воротами нападения Англии на Баку" (там же, лл. 43-44).

Учитывая продолжавшееся наступление в регионе турецкой восточной дивизии Карабекира и реальную угрозу превращения Армении в протурецки ориентированное государство, а также принимая во внимание стремление военных кругов России к силовому решению "армянского вопроса", Чичерин вынужден был дополнить свою миротворческую позицию призывами к советизации Армении. Поэтому 7 ноября в своей телеграмме Сталину, находившемуся в Баку, он предложил следующее: "В условиях продолжающегося наступления турок Армения обратилась к нашему посредничеству. Троцкий считает, что в военном отношении мы на Кавказе усилились и он не возражает против посылки войск в Армению для советизации". При этом Чичерин ее еще балансировал, предложив два варианта: максимальный, имея в виду "спасение Армении ценой ее советизации", и минимальный — посредничество России в армяно-турецких отношениях в обмен на отказ Армении от Антанты и право транзита (15, оп.1, д.21. л.205).

В этот период глава НКВД призывал российских представителей в Закавказье к проведению комбинированного курса, основанного на сочетании дипломатии с силовыми методами. "События опередили, остается только посредничество, чтобы остановить наступление турок, - инструктировал он Лейбмана 7 ноября. - Когда турки остановятся, остальное будем обсуждать исподволь... ждать нельзя. У турок надо апеллировать к нашей дружбе, которая им еще пригодится, настаиваем на приостановке наступления". При этом Чичерин определил конкретные подходы к каждому из участников закавказского регионального противостояния. Применительно к Азербайджану он подчеркивал, что вопрос о Зангезуре и Нахичевани "должен еще оставаться открытым", а Грузию предлагал успокоить сообщением о введшихся с представителями Анкары переговорах для того, чтобы Грузия "не бросилась в объятия Англии". Что касается Турции, то в отношении этой страны Чичерин предложил политику "обусловленной поддержки": "нашу будущую помощь туркам ставим в зависимость от приостановки их наступления" (там же, л. 207).

Что касается силовых подходов, то глава НКВД понимал, что на данном этапе Москва не сможет ограничиться одними лишь дипломатическими усилиями. "Передайте Сталину, - просил он в тот же день Лейбмана, - что ввиду улучшения нашего положения на других фронтах, нашего усиления на Кавказе, военные больше не возражают против большей активности на Кавказе. Обращение к нам армянского правительства заставляет нас вмешаться". При этом Чичерин вновь напоминал о своих минимальных требованиях - транзит, "откол" Армении от Антанты и ее отказ от Севрского договора. В ответ на эту телеграмму 8 ноября Сталин без всяких дипломатических уловок о т.н. "улучшении нашего положения на других фронтах" предельно четко определил задачу текущего периода: "Если Александрополь будет взят, наиболее вероятным считаю комбинацию о максимальных требованиях... одно несомненно: нужно немедленно двинуть воинские части к границам Армении и при необходимости войти с ними в Эривань, подготовительная работа в этом духе ведется" (там же, л.220).

В начале ноября дипломаты и военные представители России в регионе уже не успевали реагировать на стремительно развивавшиеся в Армении события. Военное поражение дашнакской армии вызвало в республике острый внутривластный кризис. 9 ноября был распущен армянский парламент. 11 ноября в руках турецких частей оказался александропольский вокзал, что означало установление турецкого контроля над данным городом и, учитывая его важное стратегическое положение, над всей Арменией. На призыв Армении о помощи НКВД РСФСР 11 ноября 1920 г. направил турецкому лидеру Мустафе Кемаль-паше, командующему восточным фронтом Карабекиру и армянскому правительству ноту, в

которой в очередной раз известил о готовности РСФСР взять на себя посредническую миссию. Однако данное предложение вновь было отвергнуто и турецкой, и армянской сторонами, причем последняя, "ломающая" все чичеринские прогнозы о возможности тактического союза России с дашнакской Арменией, по совету английского правительства 15 ноября приняла довольно жесткие условия турецкого перемирия, лишь бы не идти на соглашение с Советской Россией. Как отмечал в связи с этим и своем сообщении в Москву 20 ноября Лигран, "по поведению дашнаков видно, что они опасаются нашего вмешательства и стремятся путем максимальных уступок добиться самостоятельного соглашения с турками для спасения своей власти" (там же, л.242).

К моменту принятия турецких условий перемирия, как отмечал российский полпред в другой телеграмме Чичерину, армянская "армия обнаружила полное отсутствие боеспособности". Лигран сообщал, что "по признанию самого правительства, в военных действиях, приведших к сдаче Карса, и дальнейших операциях, почти не было потерь — армия отступала без боя, должностные лица бросали свои посты, командование и правительство поддались панике" (там же, л.252). В телефонограмме Ленину 23 ноября Сталин также признавал, что "у армян войск не стало, турки при желании могут занять всю Армению без труда". Со ссылкой на Мдивани и Орджоникидзе он подчеркивал, что "оккупация Армении происходит не без некоторого соглашения между кемалистами и Грузией с ведома и, может быть, согласия Антанты", и что "турки уже теперь стараются завести связь с недовольными элементами Азербайджана, принимают петиции от последних и стремятся иметь общую границу с Азербайджаном, что особенно опасно теперь". "Орджоникидзе думает, — предупреждал Сталин, — что мы стоим перед новой большой войной на юге Кавказа, организуемой Антантой при посредничестве Грузии и, может быть, при нейтрализации Турции в лучшем случае, а в худшем — при союзе с Турцией против нас и, прежде всего, против большевистского Азербайджана" (1, оп.39, п.232, д.52987, л.47). Следует отметить, что подозрения в адрес Турции усилились у Сталина после того, как 23 ноября Мдивани, который вел в Александрополе переговоры с Карабакиром, сообщил об отказе турецкой стороны от посреднической миссии России и от посылки своих представителей на переговоры по достижению соглашения о турецко-армянском перемирии. Мдивани информировал российское представительство в Эривани о том, что "Ангорское (анкарское - прим. авт.) Правительство считает наше посредничество излишним, так как армяне приняли все условия турок" (16, оп.1, д.21, л.245). В то же время Мдивани отмечал, что, по мнению турецкой стороны, отсутствие России на турецко-армянских переговорах "относительно не исключает возможности наших переговоров непосредственно с турками как

между друзьями, стремящимися к одной цели". При этом он передал и высказанное Карабекиром мнение о необходимости уничтожения меньшевистской Грузии как "империалистической базы" (там же). Как видно из вышеизложенного, турецкие военные и дипломаты не хотели делить с Россией плоды своих военных побед и стремились максимально развить свой успех накануне мирных переговоров с Россией.

Что касается руководства России, то оно, учитывая возникшую угрозу ее интересам в Советском Азербайджане, по рекомендации Сталина приняло решение укрепить контроль за границами Азербайджана при сохранении примирительной политики по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии. В то же время заняв позицию посредника-миротворца в турецко-армянских отношениях, Москва не собиралась пассивно наблюдать за развитием событий в Армении. Если на раннем этапе внутривосточного кризиса в этой республике она не без оснований рассчитывала на срыв продолжавшихся армяно-турецких переговоров о прекращении военных действий и ожидала, что дашнакское правительство, столкнувшись с неприемлемыми условиями Анкары, согласится на российское посредничество, то позже ее позиция изменилась, и она стала делать ставку на укрепление в правительстве Армении позиций пророссийски настроенных политиков.

В это время в руководстве Армении в результате ее военного поражения обозначились две группировки. Противники советизации, рассчитывавшие на союз Антанты с кемалистами с целью вытеснения России из Закавказья, стремились ценой максимально широких уступок достичь соглашения с Турцией. Их внешнеполитическая позиция была отражена Лиграном следующим образом: "они сознают ошибочность своей пропаганды захвата турецкой Армении, ориентации на Севрский договор". Это течение в итоге потерпело поражение от сторонников пророссийской ориентации. "Новое правительство, — отмечал Лигран, — фактически главой которого является Дро, считает себя русофильским, желает опираться на помощь Советской России. Оно не боится потери Арменией самостоятельности, понимая, по крайней мере на словах, что Армения может существовать только в качестве федеративной части Советской России" (15, оп.1, д.21, л.252).

25 ноября МИД Армении информировал Полномочное представительство РСФСР в Армении о новом составе Кабинета Министров. Как подытожил Лигран 26 ноября, "правительственный кризис разрешен на основе компромисса, в состав кабинета вошли сторонники русской ориентации, в т.ч. Тертерян и Дро" (главой правительства и МИД стал Врацян. Дро был назначен военным министром, а Тертерян — министром финансов — прим. авт., там же, 249). На некоторое время в Армении

сложилось турецко-российское двоевластие: в Эривани доминировали сторонники российской ориентации, в Александрополе ситуацию полностью контролировали турецкие военные через созданный ими Революционный комитет (турецкие войска покинули Александропольский район лишь в середине мая 1921 г.).

2 декабря дашнакское правительство вынуждено было уступить турецкому ультиматуму и подписало Александропольский договор, который ознаменовал окончание войны между Арменией и Турцией и определил новые границы между ними — территория Армении ограничивалась районами Еревана и озера Гейча (ныне — Севан). Нахичеванский округ передавался под протекторат Турции, а фактически протекторат устанавливался и над остальной частью Армении. Серьезные ограничения накладывались на вооруженные силы Армении — они не должны были превышать 1500 бойцов при 8 орудиях и 20 пулемётах, при этом турецкие военные власти могли "принимать военные меры" на территории Армении. Кроме того, турецкий посланник в Ереване получал право производить "инспекцию и расследование" по вопросам исполнения договора. Анкарское правительство в ответ на эти обязательства обязывалось предоставить дашнакам вооруженную помощь, "когда того потребует внешняя или внутренняя опасность, и когда Республика Армения обратится к нему с указанным ходатайством" (48, т.1, 35-36).

Важнейшими политическими положениями Договора стали согласие эриванского правительства объявить аннулированными Севрский договор (ст. 10) и другие договора, "заключенные во вред интересам Турции" (ст. 14), а также его обязательство "обеспечить права мусульманского населения на территории республики", его интересы в области религиозного и культурного развития (ст. 11). В статье 6 стороны согласились на возвращение в места своего проживания всех беженцев за исключением тех, "которые выселились в течение мировой войны и в рядах противника дрались против своего правительства и тех, которые принимали участие, в погромах", что стало косвенным признанием Арменией факта антиправительственной деятельности турецких армян (119).

РСФСР отказалась признать Александропольский договор, так как считала, что к моменту его подписания дашнакская делегация, подписывавшая соглашение в Александрополе, уже не представляла правительства Армении, сдавшего власть в Эривани 29 ноября.

В начале августа 1920 г., когда НКВД в сложных для России международных условиях вел напряженную региональную игру за влияние на буржуазные правительства Грузии и Армении, Чичерин подчеркивал, что "и Грузия, и Армения за последнее время значительно обнаглели", и что потребность в мире с Россией у этих республик уменьшилась. "Деятели этих

правительств, — отмечал глава НКВД, — люди сегодняшнего дня, не помышляющие о завтрашнем, и наша временная слабость на кавказском фронте побуждает их держаться с нами заносчиво, совершенно не думая о последствиях этого должествующего наступить завтра" (15, оп.1, д.21, л.312).

Предсказанное Чичериним "завтра" наступило 2 декабря 1920 г. — именно в этот день, когда в Александрополе было подписано турецко-армянское соглашение, полномочный представитель РСФСР в Эривани Легран от имени российского правительства, а министр обороны Дро и министр финансов Тертерян от имени пророссийской части правительства Армении заключили соглашение, в соответствии с которым Армения была объявлена независимой социалистической советской республикой (ст.1), и вся полнота власти в Армении перешла в руки Временного военно-революционного комитета (ВРК, ст.2).

Эриванское соглашение стало еще одним официальным документом, в котором армянские власти признали отсутствие притязаний на Карабах — в ст.3 российское правительство признало "бесспорно входящими в состав территории ССР Армении Эриванскую губернию со всеми входящими в ее состав уездами; часть Карсской области, обеспечивающую ее в военном отношении обладание железно-дорожной линией ст. Джаджур — ст. Аракс; Зангезурский уезд Елизаветпольской губернии, часть Казахского уезда той же губернии — в пределах Соглашения 10 августа 1920 г. и те части Тифлисской губернии, которые находились в обладании Арменией до 28 октября 1920г."

Соглашением предусматривалось также, что командный состав армянской армии не будет подвергаться никакой ответственности за действия, совершенные до провозглашения советской власти в Армении (ст.4), а члены партии "Дашнакцутюн" не будут подвергнуты никаким репрессиям (ст.5). Более того, левым дашнакам было предложено два места в составе ВРК. Важнейшее положение данного документа — российское правительство в соответствии со ст.7 получило право на принятие мер к "немедленному сосредоточению военных сил, необходимых для защиты независимости ССР Армении", или, иными словами, на ввод своих войск на территорию Армении (14, оп.3, д.8а, л.44).

Смена власти в Армении и заключение данного соглашения дало Москве и Анкаре возможность открыть транспортный коридор для оказания военной и материальной поддержки Турции. В дипломатическом плане данный документ дал РСФСР и Советской Армении основание требовать от Турции вывода ее войск из Александропольского района. Обе республики считали, что Александропольский договор ни юридически, ни фактически не вступил в силу. В этом был смысл нот Чичерина на имя российского

полпреда Мдивани в Тифлис от 5 декабря 1920 года и Бекир Сами, главе турецкой миссии, прибывшей в Россию для проведения мирных переговоров, в декабре 1920 г., 8 и 21 января 1921 г.

Установление на части территории Армении лояльного большевикам режима внесло существенные изменения в региональную политику Москвы. "Советизация Армении, — как откровенно признавал в своей телеграмме от 5 декабря Чичерин, инструктируя российскую миссию в Эривани, — заставляет в значительной мере изменить позицию. Укажите туркам, что угроза дашнакского империализма исчезла, устранены мотивы их наступления и наоборот, желательно в их же интересах оказать поддержку советской власти в Армении соблюдением умеренной и дружественной политической линии по отношению к ней" (15, оп.1, д.21, л.278). В контактах с турками Чичерин предлагал российским дипломатам делать акцент на том, что "Армения из барьера между Турцией и Россией волею армянских рабочих и крестьян превращена в дружественное звено между русским и турецким народами", и что "трудящиеся армяне не имеют вражды ни к турецкому, ни к русскому народу, точно так же, как турецкий и русский народы ничего кроме дружбы и братства не ищут на армянской территории" (1, оп.39, п.232, д.52999). В связи с этим глава НКВД предлагал на переговорах с турецкими представителями настаивать на том, чтобы турки не только не продвигались далее по территории Армении, но и отодвинули свои войска до Арпачая, отделяющего Карскую область от остальной Армении. Российская дипломатия допускала временное — вплоть до разрешения территориальных споров с Арменией — пребывание турецких войск в Карской области, и настаивала на смягчении условий мира, в частности, на отказе турок от контрибуции. В то же время, несмотря на усиление российского военного присутствия на Кавказе, по-прежнему единственным серьезным аргументом в руках НКВД против дальнейшего продвижения турок была военно-техническая и финансовая помощь Москвы кемалистам. В случае исполнения турками российских условий, а именно отказа от дальнейшего продвижения по территории Армении и Грузии, глава НКВД считал возможным возобновление оказания военно-технической и финансовой помощи. Параллельно с этим российская дипломатия все активнее заявляла о своей готовности к урегулированию спорных территориальных вопросов в отношениях между РСФСР, кавказскими республиками и Турцией. В ответ на инициативу турецкого правительства Чичерин в телеграмме Карабекиру от 9 декабря заявил о согласии правительства РСФСР на проведение в Москве конференции для разрешения территориальных вопросов.

ГЛАВА 6.

"Эта бакинская линия срывает всю нашу восточную и мировую политику": азербайджанский фактор в персидской политике Советской России.

Установление советской власти в Азербайджане позволило большевикам приступить к реализации своих планов в отношении Персии. Как отмечалось выше, на этом направлении руководство РСФСР ставило перед собой целый ряд кратко- и долгосрочных задач. К числу первых относилась задача ликвидации деникинского флота в Каспийском море и возвращение российских кораблей, уведенных в персидский порт Энзели. К числу вторых — ограничение английского присутствия и влияния в Персии, продвижение пролетарской революции через Азербайджан на территорию этой страны.

Персидская кампания начиналась как локальная, ограниченная каспийским побережьем операция. На запрос командующего Волжско-Каспийской военной флотилией Федора Раскольникова о том, что делать с белогвардейским флотом в персидском порту Энзели, председатель Реввоенсовета Республики (РВСР) и фактический руководитель Красной Армии Троцкий в записке, адресованной 28 апреля Ленину и Чичерину, предложил: "...Очищение Каспия от белого флота должно быть выполнено во что бы то ни стало. Если потребуется десант на персидской территории, он должен быть совершен с извещением об этом ближайших персидских властей о том, что десант предпринят командованием исключительно для выполнения боевого задания, которое возникло только потому, что Персия не в силах разоружить белогвардейские суда в своей гавани и что персидская территория остается для нас неприкосновенной и будет очищена немедленно по выполнении боевого задания" (цит. по: 74, 369).

Данный подход был поддержан Лениным. Как видно, основная аргументация ввода российских войск (неспособность официальных властей разоружить антибольшевистские силы) практически полностью совпала с той, которая использовалась при подготовке переворота в Баку. В результате десантная операция превратилась в длительную кампанию, получившую название "энзелийской". Для ее проведения было выделено 14 кораблей и отряд в 2 тысячи человек под общим командованием Раскольникова. В ночь на 17 мая корабли снялись с бакинского рейда и вышли в открытое море, держа курс на Энзели. Одновременно из Ленкорани азербайджано-персидскую границу перешел кавалерийский дивизион с задачей овладеть Астарой и нанести удар по Энзели с запада. Таким образом, между вводом войск в Баку и началом операции в отношении Персии прошло всего 20 дней.

Англичане капитулировали уже 18 мая и отступили сначала в г. Решт, а затем в район г. Казвина. Из Энзели в Россию были возвращены 23 корабля и судна, 50 орудий, 20 тысяч снарядов и различное военное имущество.

Однако данная операция стала лишь первым этапом в планах большевистского руководства по советизации двух персидских провинций: Хорасана и Гиляна. В начале 1920 г. по решению Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР был создан Совет интернациональной пропаганды на Востоке, на который возлагалась задача руководства революционным движением в сопредельных с Туркестаном государствах, в первую очередь в Персии, где после заключенного в августе 1919 года англо-персидского соглашения набирало силу антибританское движение, одним из лидеров которого стал популярный в персидской провинции Гилян лидер повстанческого движения Мирза Кучук-хан.

Как показали дальнейшие события, азербайджанский плацдарм стал ключевым в кампании по продвижению в Персию идеологии и практики коммунизма. 24 мая член Кавбюро ЦК РКП(б) и РВС Кавказского фронта Орджоникидзе перед выездом в Энзели запросил Москву о том, какой политики держаться в Персии: "Мусульманскими частями занят Ардебиль. Без особенного труда мы можем взорвать весь Персидский Азербайджан южнее Тавриза. Мое мнение: с помощью Кучук-хана и персидских коммунистов начать борьбу за Советскую власть и выгнать англичан. Это произведет колоссальное впечатление на весь Ближний Восток. Все будет проделано с внешней стороны как следует..." (цит. по: 74, 371).

25 мая вопрос о Персии и восточной политике рассматривался на Политбюро, которое, в целом, приняло решение одобрить политику НКВД по "поддержке освободительного движения народов Востока". Кроме того, Раскольникову по завершении оказания необходимой помощи Кучук-хану "имуществом, инструкторами и проч." было поручено следующее: "передать под власть последнего Энзели и другие пункты Персии, находящиеся в наших руках, убрать из этих пунктов флот, заявив, что это делается по распоряжению советского правительства, ввиду полного нежелания последнего вмешиваться во внутренние дела Персии". Было также решено оставить в Энзели некоторую часть судов под видом полицейской службы, но под азербайджанским флагом в "количестве, необходимом для постоянного содействия Кучук-хану" (там же, 371-372).

Более конкретные указания Раскольникову были даны в телеграмме Троцкого от 26 мая, в которой были изложены основные принципы "персидской политики" России на данном этапе:

первое: "никакого военного вмешательства под русским флагом, никаких русских экспедиционных корпусов", "всемерное подчеркивание нашего невмешательства с прямой ссылкой на требования Москвы убрать

русские войска и красный флот из Энзели, дабы не вызвать подозрения в стремлении к захвату";

второе: оказание "всемерного содействия Кучук-хану и вообще освободительному народному движению Персии инструкторами, добровольцами, деньгами и пр., сдав в руки Кучук-хана занимаемую нами ныне территорию";

третье: если для успеха дальнейшей борьбы Кучук-хана было необходимо участие военных судов, то их предлагалось оставить под флагом Азербайджанской республики и оказывать ему помощь от имени Азербайджана;

четвертое: тайная поддержка Персии широкой советской агитацией и организацией;

пятое: Троцкий призывал к тому, чтобы заставить правящую Англию понять, что "мы в Персии и вообще на востоке не собираемся (воевать) и готовы дать действительные гарантии нашего невмешательства" (74, 371-372).

В отношениях с Персией Чичерин в полном объеме смог реализовать свою формулу "дипломатическое признание еще не означает признания правительства", которую ранее — в период января-марта 1920 г. — он предлагал применить к демократическому Азербайджану 20 мая между Советской Россией и шахской Персией были установлены дипломатические отношения, но, несмотря на это, российское военно-политическое проникновение в эту страну осуществлялось полным ходом. При этом военная операция по оккупации северной Персии имела соответствующее "дипломатическое обеспечение". Пытаясь сгладить очевидные неблагоприятные последствия российского вторжения на территорию Персии, Чичерин заверял своего персидского визави 23 мая, что о событиях в Энзели советское правительство якобы было поставлено в известность лишь после того, как операция была доведена до конца, и что десантники получили приказ "очистить персидскую территорию, как только минует военная надобность и закончится восстановление свободного и безопасного плавания по Каспийскому морю".

В ответ на требование премьер-министра Персии Восуга-эд-Доуле немедленно отозвать из Энзели советские войска НКВД ответил согласием, но при этом предложил Орджоникидзе и Раскольникову продолжать оказывать Кучук-хану всестороннюю помощь, прежде всего в формировании авторитетной власти. "Строго следите, чтобы все шло под знаменем персидским Кучук-хана или революционной персидской власти, — советовал, следуя общей установке Чичерина, его заместитель Карахан. — Обратите внимание, чтобы выборы в меджлис усилили демократов, войдите с ними в связь и обещайте им помощь, постарайтесь их сплотить и

организовать для руководства революционным движением в Персии. Мы должны быть совершенно в тени, вся помощь людская должна быть оказана в порядке добровольчества" (там же, 372-373).

На дальнейший ход "энзелийской кампании" оказали влияние начавшиеся 31 мая в Лондоне переговоры о восстановлении торговых отношений между РСФСР и Англией. Несмотря на то, что переговоры были торговыми, они с самого начала приняли общеполитический характер. Английская делегация, возглавляемая Ллойд-Джорджем, обусловила снятие экономической блокады выполнением Россией следующих требований:

отказ России от поддержки враждебных Англии выступлений в Малой Азии, Персии, Афганистане, Индии и Грузии,

воздержание от пропаганды и агитации большевизма в этих регионах, прекращение поддержки кемалистов в Турции,

принятие обязательств не нападать на прибалтийские государства и не начинать военных действий на Черном море против Врангеля и на Каспийском море против Персии,

принципиальное признание правительством РСФСР царских долгов.

Сложное международное положение Советской России, геополитически более значимые для Москвы интересы по нормализации отношений с ведущими европейскими странами вынудили ее руководство внести существенные коррективы в персидскую политику. Троцкий, ранее выступавший за перенос центра тяжести перманентной мировой революции с Запада на Восток, к середине 1920 г. начал более трезво оценивать перспективы пролетарской революции на Востоке и с реалистических позиций смотреть на южное, в том числе персидское, направление российской внешней политики.

Переход от доктринальной одержимости и курса на создание "Красной Персии" к прагматичному подходу к персидским делам произошел за рекордно короткий срок. Уже 4 июня 1920 г. в телеграмме в НКВД и ЦК РКП(б) Председатель РВС Республики предупреждал, что "советский переворот" в Персии и других граничащих с РСФСР странах Востока в данный момент причинил бы России "величайшие затруднения", так как, отмечал он, "даже в Азербайджане Советская Республика не способна стоять на собственных ногах". В связи с этим Троцкий делал вывод о том, что для РСФСР "советская экспедиция на Востоке может оказаться не менее опасной, чем война на Западе" и поэтому предлагал прагматично, с оглядкой на Лондон, подойти к восточному направлению российской внешней политики. "Потенциальная советская революция на Востоке для нас сейчас выгодна главным образом как важнейший предмет дипломатического товарообмена с Англией", — признавал Троцкий. В связи с этим он отмечал, что, организуя и вооружая персидских повстанцев, надо всячески предостерегать их от таких

шагов, которые рассчитаны на то, чтобы повлечь за собой военную поддержку России, и при этом подчеркивать "по всем путям нашу готовность столкнуться с Англией относительно Востока" (74, 373).

30 июня российско-британские переговоры закончились выработкой проекта, который и послужил базой для будущего торгового соглашения. В нем был зафиксирован взаимный отказ сторон от вмешательства во внутренние дела друг друга и их готовность рассмотреть имеющиеся у них претензии на будущей мирной конференции. В результате, в итоговом соглашении, подписанном 16 марта 1921 г., обе стороны обязались воздерживаться от всяких враждебных действий и пропаганды друг против друга, причем Россия взяла на себя обязательства воздерживаться от подобных акций в Индии и Афганистане, а британское правительство — в странах, которые ранее составляли часть Российской империи. Соглашение 16 марта имело для Москвы важнейшее политическое значение — оно стало первым соглашением общего характера между РСФСР и Великобританией, которое означало признание Советской России де-факто. Кроме того, оно прорвало дипломатическую и торговую блокаду РСФСР и открыло целую серию соглашений в области политики и торговли, заключенных Советским правительством в течение 1921-1922 гг. с рядом стран Европы (Германией, Норвегией, Австрией, Италией, Швецией, Чехословакией).

Несмотря на начало российско-британских переговоров и начавшуюся смену приоритетов в политике большевистского руководства в вопросе советизации Персии, в середине 1920 г. события в этой стране по-прежнему развивались под диктовку сторонников силового подталкивания революционного процесса в этой стране. Инициатива в данном вопросе перешла от Москвы к региональным партийным и военным представителям Советской России, о чем свидетельствовала телеграмма Раскольников на имя Троцкого, Ленина и Чичерина от 6 июня 1920 г. В ней автор, далекий от хитросплетений европейской ситуации и сложного военно-политического положения Советской России, информировал ее руководство о том, что в Реште образовалось временное революционное правительство Персии, которое ввиду своей "малоопытности в государственных делах" призвало Россию оказать ей содействие и откомандировать на персидскую службу российских специалистов. "Уступая настоятельным просьбам тов. Мирза Кучук, — отмечал Раскольников, неплохо овладевший к тому времени методами дипломатического прикрытия энзелийской кампании, — наш первый десантный отряд флотилии и кавдивизион военмор вступили в Решт в качестве добровольцев, состоящих на персидской службе и получающих содержание и довольствие от Персидского Революционного Правительства. Ввиду прочности военно-политического положения в Энзели наши крейсера и миноносцы ушли из Энзели в Баку. Англичане поспешно

отступают" (74, 373-376). Далее Раскольников сообщал, что помимо инструкторов и добровольческих отрядов в распоряжение Кучук-хана были переданы горная батарея и батальон службы связи, а также планировалась поставка из Баку броневиков, аэропланов, винтовок и пулеметов: "Наряду с поддержкой Мирза Кучук, нами принимаются меры к организации (как и предлагал Троцкий в телеграмме 26 мая — прим. авт.) ячеек Персидской коммунистической партии Адалет".

Несмотря на то, что в данной телеграмме недвусмысленно сообщалось о начавшемся процессе советизации Персии, Чичерин, пытаясь скрыть истинную цель пребывания советских войск в этой стране, в выступлении на заседании ВЦИК 17 июня вновь отмечал прямо противоположное: "Мы прикоснулись к персидским массам, когда остатки деникинского флота спасались в Энзели. Мы совершили десант только для того, чтобы покончить с этими остатками деникинского флота, и мы уже очистили Энзели. Наши войска и флот покинули персидскую территорию и персидские воды" (там же, 376-377).

В руководстве большевиков были разные оценки степени готовности персов к социализму. Орджоникидзе, учитывая опыт советизации Азербайджана, не разделял оптимизма Раскольникова и сообщал 2 июня в НКИД следующее: "Ни о какой Советской власти в Персии речи и быть не может. Кучук-хан даже не согласился на поднятие земельного вопроса. Выставлен только единственный лозунг: "Долой англичан и продавшееся им тегеранское правительство!" (там же). В свою очередь Кучук-хан, нуждавшийся в российской поддержке и помощи, заявил о создании Персидской Советской Социалистической Республики и 9 июня информировал об этом Троцкого. Однако революционная эйфория "персидских социалистов" продолжалась недолго. Под давлением прибывших из Баку с жесткими инструкциями ЦК РКП Мдивани и Микояна Кучук-хан 19 июля вышел из состава правительства и покинул Решт.

Созданное 31 июля 1920 г. правительство Эхсануллы-хана начало проводить левацкую политику, чем оттолкнуло персидское население от большевиков и их политике в Персии. В данной ситуации НКИД 9 сентября предложил два варианта решения персидского вопроса: первый — направить в Персию экспедиционный корпус численностью в 8-10 тысяч человек, свергнуть шаха и создать некоммунистическое, но советского типа правительство; второй — вывести российские войска из Персии, удерживая только Энзели, и заключить дружественный договор с шахским правительством. 20 сентября 1920 г. Пленум ЦК принял решение: "Дать директиву Наркоминделу держаться второй из предложенных им линий, т.е. переговоры с шахским правительством, обеспечив непременно за нами Энзели против англичан" (там же, 378-379). В течение целого года

правительство Эхсануллы-хана, раздираемое внутренними противоречиями и взаимными обвинениями, не смогло наладить нормальную работу. Поэтому ЦК РКП(б), ввиду полной бесперспективности "персидской социалистической революции", осенью 1921 года решил прекратить всякие шаги в направлении поддержки своей персидской креатуры.

Характерно, что все эти события развивались на фоне подписанного Советской Россией с шахским правительством Персии еще 26 февраля 1921 г. дружественного договора, в соответствии с которым обе стороны обязывались "не допускать на своей территории образования или пребывания организаций или групп, как бы они не именовались, или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против Персии и России". В октябре 1921 г. Персидская (Гилянская) республика, оставшаяся без поддержки Советской России, была ликвидирована.

"Энзелийская кампания", завершившаяся безуспешной попыткой советизации Персии, с самого начала вышла за рамки российско-персидских отношений. На некоторое время она возродила у руководства Советского Азербайджана, который играл в персидской политике Москвы вспомогательную роль, интерес к самостоятельной внешней политике, и в результате привела даже к некоторому политическому кризису в российско-азербайджанских отношениях.

В основе этого кризиса было стремление официального Баку к укреплению в неоднородном антишахском движении позиций радикально настроенных, но лояльных ему сил в Северной Персии (Южном Азербайджане) в противовес умеренным и ориентированным на Москву силам. Азербайджанские коммунисты уже имели опыт "революционного взаимодействия" с членами созданной в 1916 г. на бакинских нефтяных приисках организации иранских коммунистов "Адалят", и было вполне закономерным, что они пытались перенести эту солидарность через азербайджано-персидскую границу, поддерживая в этой стране именно те политические силы и фигуры, которые выросли вместе с ними на бакинской "пролетарской почве". В итоге эта поддержка вылилась в политику прямолинейного экспорта в Персию большевистской идеологии и практики. Причем свой курс на поддержку левацких сил Баку продолжал даже тогда, когда Москва уже внесла серьезные коррективы в свою персидскую политику и приступила в ноябре 1920 г. в Москве к переговорам с персидским послом по подготовке к подписанию всеобъемлющего двустороннего договора с шахским правительством.

В результате политика Баку вызвала недовольство Москвы, так как ослабляла позиции ее креатур в персидском оппозиционном движении, порождала невыгодное для нее многовластие в Персии, и, в Целом, грозила

спровоцировать, как неоднократно отмечал глава НКВД, обострение отношений с Англией.

Однако следует отметить, что тактика военного (в июле 1921 г. был поддержан поход Эхсаноллы-хана на Тегеран) и политического (преобразование "Адалят" в Иранскую компартию в июне 1920 г. и активная поддержка ее деятельности в Северной Персии) подталкивания "чистого коммунизма" в Персии со стороны правительства Советского Азербайджана была возможна лишь постольку, поскольку вписывалась в революционно-авантюристическую идеологию и адекватные ей практические действия таких большевистских деятелей, как Орджоникидзе, Микоян. Мдивани и других партийных и военных представителей Москвы в регионе. Не случайно, что на определенном этапе Микоян и Мдивани были отстранены от "персидских дел".

22 июля 1921 г. в телеграмме заместителю председателя Реввоенсовета РСФСР Склянскому Чичерин следующим образом охарактеризовал суть разногласий в данном вопросе между Москвой и Баку: "Несмотря на российско-персидский договор, на постановления ЦК, на мои постоянные настояния, бакинские товарищи во главе с Наримановым все время срывали нашу персидскую политику и лили воду на мельницу Англии, поддерживая авантюристские банды инсургентов в Северной Персии и побуждая их идти на Тегеран. И т. Гусейнов, и т. Серго уверяли меня, что это больше не делается, однако от персидских товарищей я узнал, что т. Нариманов все еще посылает вооруженные банды в Персию. Нельзя ли через РВС этому воспрепятствовать" (здесь и далее в качестве источника были использованы архивные документы, хранящиеся в: 1, оп.51, п.322, д. 54896).

20 сентября 1921 г. Чичерин обратился непосредственно к бакинским властям, в частности к мининдел АССР Гусейнову, с призывом прекратить поддержку персидских "революционеров": "Какие-то неизвестные элементы все еще продолжают оказывать содействие инсургентам Северной Персии. Кучук-хан и Эхсанулла получают подкрепления из Баку". "Это наносит нам, — отмечал глава НКВД, — прямо-таки величайший вред и губит всю нашу восточную политику, которая теперь основывается не на восстаниях, а на нашей общей линии по отношению к восточным народам. Как раз в данный момент персидское правительство ведет весьма энергичную борьбу с ультимативными угрозами Англии с целью удаления из Южной Персии английских инструкторов и замены созданной английскими инструкторами полиции чисто персидской вооруженной силой. В то же время в Керманшахе англичане вооружают скопившихся там беглых дашнаков и другие антисоветские элементы".

По мнению российского наркома, поддерживая повстанцев, Баку оказывал помощь Англии, так как в этой ситуации центральное персидское

правительство вынуждено было отвлекать свои силы для наведения порядка в Северной Персии. В результате англичане получали возможность контролировать ситуацию на юге Персии. "Те, которые в Баку ведут такую безответственную политику и совершают эти непоправимые действия, виновны в серьезном преступлении против интересов советской власти", — предупреждал Чичерин азербайджанских коммунистов и призывал их не ограничиваться официальным прекращением помощи, а реально, на практике принять решительные меры для того, чтобы никто в Азербайджане не осмелился срывать политику советской власти.

В телеграмме Гусейнову от 27 сентября Чичерин уже прямо обвинил Баку в оказании помощи персидским "революционерам": "Таким образом, всё ещё срывается наша политика в Тегеране и оказывается Англии неоценимая услуга. Снабжение с Севера персидских инсургентов оружием означает продолжение им борьбы против тегеранского правительства, а это в свою очередь означает, что Англия будет иметь повод для вмешательства в Персии". "Политика авантюры в Персии имела бы смысл только в том случае, — отмечал нарком, — если бы могли всю Персию оккупировать и выдержать из-за неё войну против Англии. Но мы этого не можем сделать. Поэтому мы должны вести противоположную политику, то есть вести ту линию, которую ведёт Ротштейн (русский полпред в Персии — прим. авт.) и которая уже привела к уходу английских войск, английских инструкторов, значительной части английских чиновников и даже концессионеров". Чичерин предостерегал, что поддержка северо-персидских повстанцев со стороны Баку может привести к тому, что Россия потеряет влияние в Персии и своими же руками восстановит в ней английскую власть.

В начале октября вопрос об азербайджанском участии в персидских событиях был вынесен на рассмотрение Политбюро, которое 3 октября 1921 г. поручило Кирову наблюдение за точным исполнением решения о неподдержке Кучук-хана, и, в частности, о запрете контрабандного провоза оружия и других военных предметов на территорию Персии. 4 октября данное решение было сообщено наркоминдел АССР Гусейнову. Последний в ответ на обвинения Чичерина в телеграмме российскому наркому от 12 октября заверял о невмешательстве Советского Азербайджана в борьбу гилянцев с шахом, сообщал, что азербайджанские представители никаких официальных сношений с гилянами не поддерживают, а в Энзели выполняют только информационные задания: "Категорически заверяю Вас, — отмечал Гусейнов, — что мы, четко представляя себе линию политики в Персии, приняли и обещали впредь принимать все меры, чтобы политика Центра не срывалась безответственными лицами. Жесткой рукой будем душировать всякую попытку помощи гилянам с территории Азербайджана".

Расхождения в подходах к вопросу о "персидской революции" между НКВД России и руководством Советского Азербайджана, между московским Центром и его военными представителями в регионе отражали те объективные трудности, с которыми сталкивалась Москва в выработке единого курса в отношении Персии. Свертывание планов по "экспорту" революции в данную страну устраивало далеко не всех российских руководителей.

В Центре — в Политбюро и в РВС Республики, с трудом, но все же осознавали необходимость учета реалий сложного международного и регионального положения Советской России и примирения с временным, как тогда казалось большевистским "ястребам", закатом "мировой пролетарской революции". Еще более умеренную линию занимало руководство НКВД во главе с Чичериным. Реализуя стратегическую линию на вывод страны из международной изоляции, оно последовательно выступало за то, чтобы не провоцировать Лондон на антироссийские политические шаги, и призывало к строгому соблюдению русско-персидского договора от февраля 1921 г.

В то же время командование XI-ой армии и Волжско-Каспийской военной флотилии продолжало жить иллюзиями большевизации Персии и действовало на персидском направлении в течение всего периода 1920-1921 гг. в соответствии с логикой "экспорта революции на Восток", по отработанной схеме успешных операций по советизации закавказских республик.

Собственные планы вынашивали в отношении Персии и бакинские большевики. Они были убеждены в том, что "персидская революция" или, как минимум, приход к власти в Северной Персии "дружественных" Баку сил станет фактором укрепления регионального статуса азербайджанского коммунистического режима и усиления его позиций в непростых отношениях с московским руководством.

Однако стремление Баку играть самостоятельную роль на персидском направлении расходилось, как уже отмечалось выше, с новым курсом российской восточной политики и закономерно вызывало в Москве серьезную озабоченность. В НКВД действия Баку рассматривали как дискредитацию внешней политики России в ответственный период нормализации ее отношений с Западом. В телеграмме Сталину от 29 октября 1921 г. Чичерин призвал Москву к решительным мерам не только против самостоятельных действий азербайджанского руководства, но и тех военных кругов, на которые оно опиралось в проведении своей политики в отношении Персии. "Придется, видимо, снова просить Политбюро принять решительные меры против таких самостоятельных шагов кавказских советских правительств, — отмечал Чичерин. — А так как в данном случае идет речь о

военных действиях, которыми руководит РВС Кавказского фронта, то нужно бы принять какие-либо меры и по отношению к РВС".

13 декабря в телеграмме российскому полпреду в Армении Леграну Чичерин вновь указывал на то, что раздача оружия и денег в северных провинциях Персии с целью вызвать там восстания является попыткой сорвать восточную и даже мировую политику России. Он считал достаточным, что в Тегеране левая партия ведет коммунистическую работу среди рабочих и крестьян. Глава НКВД подчеркивал также, что бакинские и иранские коммунисты не имеют ни малейшего понятия о том, в чем заключается коммунистическая работа, и обвинял их в том, что они надеются устроить свои дела в Персии "при помощи русских и азербайджанских штыков". "Они находят, — отмечал глава НКВД, — что удобнее проливать кровь тульских и ставропольских крестьянских сыновей, чем вести на местах и в массах коммунистическую работу. Это все есть сплошное преступление". "Наше мировое положение, предстоящие переговоры о нашем признании, все наше положение на Востоке — все рушится, если на Кавказе и в Персии продолжается политика 1919 года и все еще ведутся нелепые авантюры, — откровенно отмечал наркоминдел. — Если кому-либо приятно въезжать на белых конях в Тегеран, то разве мы должны жертвовать всей мировой политикой и международным положением Советской Республики, чтобы доставить им удовольствие".

В начале декабря в связи с возникшими противоречиями по персидскому вопросу Чичерин отправил телеграмму генеральному консулу России в Баку А.Кузнецову (Генеральное консульство России в Баку приступило к работе в конце ноября 1921 г.), в которой следующим образом ориентировал его по актуальным вопросам отношений между Москвой и Баку в связи с персидскими событиями: "...Для нас самый больной пункт в Баку есть ведущаяся бакинским руководством и товарищами политика в Персии, резко противоречащая нашей политике и даже срывающая ее. В то время, когда мы вступили в добрососедские отношения с Персидским государством и должны были безусловно воздержаться от всякого вмешательства во внутренние дела Персии, из Баку продолжали посылать оружие и людей инсургентам северной Персии". "Думая, что они якобы поддерживают революцию, они в действительности поддерживали феодальную анархию", — отмечал Чичерин.

В этой же телеграмме российский нарком дал яркую характеристику "персидским революционерам", которые еще в мае-июне 1920 г. — в самом начале "энзелийской кампании" — рассматривались Москвой как ее основная ударная сила в борьбе за Советскую власть и укрепление "освободительного народного движения" в Персии: "Так называемые революционеры Северной Персии представляют из себя частью чисто

средневековые феодальные типы, частью тегеранских оппортунистов и карьеристов... частью просто авантюристов". "Они срывают всю нашу политику в Персии, и даже более — срывают всю нашу восточную политику и даже всю нашу мировую политику, которая основана теперь на регулярных отношениях с нынешними государствами и правительствами", — отмечал Чичерин, вновь указывая на важную смену приоритетов в восточной политике Москвы.

"Политика насильственного внесения в другие страны революции была бы возможна лишь в том случае, — подчеркивал глава НКВД, — если бы мы могли завоевать все эти государства, оккупировать их и вводить там те порядки, которые мы желаем. Так как это совершенный абсурд, то всякие авантюры вроде тех, которые исходили из Баку, приносят лишь величайший вред Советской Республике и делу революции, и они целиком на руку Англии и наступательному империализму". "Надо быть начеку и следить за тем, чтобы из Баку не производились такие авантюры", — призывал Чичерин, указывая на необходимость противодействия политике бакинских властей по оказанию финансовой и военной поддержки повстанцам в северных провинциях Персии.

Как видно, политика "экспорта революции" в принципе не отрицалась. Признавалась лишь ее бесперспективность в Персии на данном этапе в силу как внутривосточных факторов, так и необходимости нормализации отношений с европейскими странами, прежде всего с Великобританией, имевшей в данном регионе четко-выраженные интересы.

Смена приоритетов в персидской политике Москвы, обусловленная необходимостью стабилизации регионального и международного положения Советской России, до конца 1921 г. продолжала оставаться важнейшим фактором, определявшим позицию НКВД в отношениях с Азербайджаном. 26 декабря 1921 г. Чичерин вновь призвал российского генконсула в Баку Кузнецова к тому, чтобы тот в своих действиях и отношениях с местными властями исходил из принципиально новых подходов Москвы к восточному направлению ее внешней политики: "Вы уже знаете, что наша политика заключается в дружественных отношениях с восточными народами при невмешательстве в их внутренние дела. Это не мешает тому, что наш Полпред в Тегеране должен культивировать отношения с левыми демократическими группами и быть с ними в постоянном контакте, но в таких рамках, которые не опрокидывали бы политику дружественных отношений с государством". "Безусловно недопустимы, — отмечал глава НКВД, — попытки организации восстания в Северных областях и тем более отторжения от Персии каких-либо частей. Это опрокинет не только персидскую, но и всю нашу восточную и даже мировую политику".

В другой телеграмме Кузнецову (29 декабря) Чичерин вновь обращал внимание на "глубокое расхождение в персидских делах между линией бакинцев и линией нашей восточной политики и вообще нашей мировой политики". "Мы приближаемся, — отмечал он, — к моменту окончательной консолидации нашего внешнего, а потому и нашего внутреннего положения как советского государства. На Востоке наша ориентация — на отстаивающие свою независимость национальные государства. Нас не смущают мимолетные колебания интригующих или продажных верхов, кемалистов, продажных персидских вельмож, монгольских придворных...". Отмечая, что развивающиеся в борьбе против гнета империализма восточные буржуазные общества "в общем и целом держат и должны держать курс на нас", глава российской дипломатии делал вывод о том, что сейчас ни в коем случае нельзя подрывать эту новую восточную политику Москвы и впадать в "устаревшую уже теперь старую тактику на партизанщину, на вторжения и восстания".

Охарактеризовав азербайджанских руководителей как "разочарованных партизан", Чичерин подчеркивал, что в Баку продолжается сильное давление в сторону возобновления партизанщины, организации восстания в Северной Персии и вторжения в Северную Персию и предлагал непрерывно бороться против этого. Критикуя попытки возобновления курса на "партизанщину", глава НКВД отметил, что эта авантюристская тактика целиком на руку Англии, которая в результате получила бы повод для вторжения в этот регион. "Взятие Тегерана партизанами было бы для нас величайшим несчастьем и величайшим козырем для Англии, — делал вывод Чичерин. - Объективно, это было бы равносильно английской провокации".

Подводя итог рассмотрению противоречий между Москвой и Баку по "персидскому вопросу" в 1920-1921 гг., следует отметить следующее. Линия НКВД в отношении Персии опиралась на всесторонний подход российского наркома к делам мировой политики, отражала стремление Советской России к выходу из внешнеполитической изоляции, установлению взаимовыгодных отношений с влиятельными странами Запада. Что касается "бакинской линии", то она формировалась под воздействием целого ряда других факторов, прежде всего стремления азербайджанского руководства играть более самостоятельную роль в отношениях с Персией — в частности, и в выработке внешней политики Советского Азербайджана — в целом.

Политическая линия "бакинцев", идеологом и проводником которой был Нариманов, базировалась на той предпосылке, что Советский Азербайджан как первая большевистская мусульманская республика является ключевым плацдармом для продвижения социалистической революции на Восток. В развитие этого тезиса делался вывод о том, что Баку имеет свои "законные пролетарские интересы" в соседней Персии и право на

их реализацию. Здесь сказывался революционный романтизм азербайджанских коммунистов, особенно Нариманова, который был убежден в неизбежном успехе революций в соседних с Азербайджаном странах мусульманского Востока и, в частности, в скорой большевизации северной Персии. Но, повторимся, важно иметь ввиду, что эти настроения "бакинских товарищей" воплощались в практические действия по поддержке "персидских революционеров" лишь в той мере, в какой они совпадали с курсом военно-политического руководства РККА и Волжско-Каспийской флотилии на авантюристическое перенесение большевистской революции в Персию.

В своем стремлении дистанцироваться от российского НКВД в решении актуальных вопросов региональной политики своей республики, Нариманов и его сторонники по Азревкому исходили также из того, что Азербайджан, в отличие от соседних Грузии и Армении, обладает таким экономическим и политическим потенциалом, который позволяет ему претендовать на более независимую региональную политику.

Кроме того, проводя инициативную политику в отношении южного соседа, Нариманов думал, как нам представляется, не только о перспективе "персидской революции". Учитывая сложное региональное положение Азербайджана, оказываемое на него со стороны Политбюро и Кавбюро давление по нагорно-карабахскому вопросу, глава Азревкома пытался с помощью "южно-азербайджанского фактора" укрепить региональный статус Советского Азербайджана и его позиции в решении других, актуальных для безопасности республики вопросов.

Следует также отметить, что за самостоятельными действиями Баку в Северной Персии, за идеологией и практикой поддержки революционных сил в этом регионе просматривались, пусть и не декларируемые и не афишируемые официально, но зато вполне реальные паназербайджанские настроения бакинских руководителей, их надежды на объединение двух частей географического Азербайджана, которые стимулировались размахом антишахского движения в Персидском Азербайджане и Гиляне, активную ролью командования Красной армии в реализации "энзелийской кампании".

В целом, в ходе "энзелийской кампании" была сделана одна из первых (после апрельского переворота 1920 г.) "заявок" советского азербайджанского руководства на проведение независимой внешней политики. Несомненно, ставка на большевизацию северной Персии и укрепление радикальных левацких сил в этом регионе в долгосрочном плане была проигрышной, и события подтвердили, что "Гилянская Республика" в иранской истории оказалась лишь временным эпизодом. Однако с точки зрения обеспечения безопасности границ молодой республики, попытка создания буферной зоны между Персией и Советским Азербайджаном,

контролируемой лояльными Баку силами, выглядела вполне логичным шагом бакинского руководства и, прежде всего, Нариманова, который в сложных условиях большевизации Азербайджана стремился сохранить за ним атрибуты независимой республики.

Российский исследователь В.Сироткин, касаясь причин отказа Москвы от попыток советизации Персии и ссылаясь на вышеприведенный тезис Троцкого о том, что советизация Востока "выгодна главным образом как важнейший предмет дипломатического товарообмена с Англией", отмечает, что на "капитуляцию Ленина-Троцкого в "персидском вопросе"" повлияли геополитические интересы России как великой державы: "Несмотря на весь свой "р-р-революционаризм", Троцкий и, в меньшей степени, Ленин объективно вынуждены были идти по стопам царских дипломатов, для которых приграничные полукOLONиальные государства (Китай, Афганистан, Османская империя) всегда были лишь разменной дипломатической монетой в глобальной геополитической игре с другими великими державами - соперниками в Европе (с 1917 г. к ним добавились и США)" (94, 52-53).

Признавая справедливость данного утверждения, добавим, что азербайджано-персидская граница традиционно была для России предельной линией ее геополитического влияния. Военно-политическая активность России на этом направлении традиционно испытывала сильное противодействие со стороны европейских держав, прежде всего Великобритании, имевших не только собственные экономические и политические интересы в этом стратегическом регионе, но и политические возможности их отстоять в противостоянии с Россией. Поэтому события 1920-1921 гг. лежат, как нам представляется, в одном ряду геополитически схожих ситуаций более раннего (1828 г.), близкого (1917 г.) и более позднего (1941-1946 гг.) периодов, когда российская дипломатия (сначала царская, затем буржуазно-демократическая и, наконец, советская, сталинская) вынуждена была ограничивать свою активность на персидском направлении под воздействием внешних факторов.

В 1827-1828 гг. успехи России в русско-персидской войне и присоединение к ней северо-азербайджанских ханств создавали для царизма реальную возможность претендовать на весь Южный (Иранский) Азербайджан, или, как минимум, на создание на этой территории лояльных буферных государственных образований. Как уже отмечалось выше, именно в этот период русский посланник в Персии Грибоедов выступил с инициативой воспользоваться "азербайджанским фактором" для укрепления российского политического и экономического присутствия в северной Персии и в регионе в целом. Разработанное им в августе 1827 г. "Положение об управлении Азербайджаном" за непродолжительный срок своего действия привело к установлению более передового социально-экономического и

административного порядка в южно-азербайджанском регионе и рассматривалось как первый шаг на пути его присоединения к России.

Однако на том этапе имперская Россия, как и почти век спустя Советская Россия, вынуждена была отступить, учитывая позицию европейских держав и их интересы в этом регионе. Николай I не поддержал проект Грибоедова по отделению Азербайджана от Персии и присоединению его к России. "Я при самой крайней необходимости предпочитаю, - отмечал российский император, — устройство независимых ханств в Азербайджане (Иранском Азербайджане - прим. авт.) присоединению одного к России: ибо сей мерой подадим справедливую причину думать, что стремимся водворить со временем исключительно наше владычество в Азии, и тем самым охладим искренние и дружественные связи наши с первенствующими державами в Европе" (цит. по: 38, 348). Поэтому в октябре 1828 г. при получении от Паскевича сообщения о взятии Тебриза — административного центра Южного Азербайджана, император запретил своему наместнику на Кавказе обсуждать вопрос о присоединении данного региона к России и определил для него следующую крайнюю линию российского присутствия в Персии: "Считаю необходимым нам далеко не лезть в глубину Персии; но елико возможно скорее сделать экспедицию в Астрабад или Зинзили (Энзели — прим. авт.), где по-вашему удобнее, и стать там твердою ногой" (там же, 348-349).

Отсутствие возможностей для долгосрочного проникновения за линию, разделяющую Северный и Южный Азербайджан, способствовало формированию устойчивой традиции во внешнеполитической стратегии Петербурга на персидском направлении: он всегда тщательно выверял свои действия в отношении Персии, демонстрировал осторожность, оглядываясь на позиции ведущих европейских держав-конкурентов, и расчетливость, отступая, когда риск был велик, но неизменно требуя при этом "выплаты дивидендов" за уступчивость.

Другой важный элемент отмеченной стратегии — Россия не была заинтересована в сильных соседях на своих южных рубежах (прежде всего речь идет о Персии и Турции), но в то же время не стремилась и к укреплению центробежных тенденций в развитии данных стран. В беседе с русским посланником при Тегеранском дворе генералом А.О. Дюгамелем в 1837 г. Николай I признавал, "что ничто так не соответствует выгодам России, как бессилие, в котором находятся в настоящее время Турция и Персия". Но при этом во время следующей беседы (19 февраля 1842 г.) с вернувшимся из Персии Дюгамелем император отметил, что больше всего опасается анархии в Персии, "потому что такой порядок вещей непременно отразился бы на всем пространстве наших Закавказских провинций".

В контексте нежелания российского императора обострять отношения с европейскими державами следует рассматривать и его подход к вопросам военной и политической поддержки стран Востока. "Ввиду всего, что происходило в Азии в последние три года, можно было бы просто обратиться к этим народам со словами: Россия не приходит к Вам на помощь, потому что Вы сами должны быть достаточно сильны для того, чтобы отражать иноземцев, нападающих на Ваши земли", — указывал Николай I, косвенно признавая, что данные страны находятся вне зоны геополитического влияния России (там же, 337-338).

Последнее десятилетие царской России (1907-1917 гг.) ознаменовалось, как уже подчеркивалось выше, очередным всплеском интереса российской дипломатии к северной Персии. В этот период военно-политическое присутствие России в этом регионе осуществлялось в соответствии с заключенной 31 августа 1907 г. русско-английской конвенцией "по делам Персии, Афганистана и Тибета" и подтвердившим ее договором 1915 г.

После падения царизма пришедшее ему на смену Временное правительство продемонстрировало преемственность характера и, в значительной степени, целей российской внешней политики. В циркулярной телеграмме министра иностранных дел П.Н.Милюкова (2 марта — 2 мая 1917г.) дипломатическим представителям России за границей подчеркивалось, что в области внешней политики правительство будет относиться с "неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом", и что Россия будет верна договору, "неразрывными узами связующему ее со славными союзниками" (цит. по: 47, 160).

В развитие этой программной телеграммы в инструкции Временному поверенному в делах России в Тегеране В.Ф.Минорскому от 17 марта Милюков просил довести до сведения шахского правительства, что политика России в Персии "не претерпит никакого изменения", и что "Россия по-прежнему будет придерживаться полного взаимодействия с Англией в персидских делах". Но продолжив, в целом, курс царской дипломатии в отношении южного соседа, новая власть дополнила его некоторыми "демократическими элементами", подчеркивая при этом свою готовность не вступать в конфликт с персидской политикой Англии. В указанной инструкции министр отмечал, что "при новом нашем строе нам нельзя открыто выступать против либеральных веяний в Персии" и указывал в связи с этим на необходимость предоставлять инициативу в данных вопросах английскому посланнику, "оказывая ему со своей стороны поддержку в его начинаниях" (цит. по: 27, 88 и 47, 157).

Еще дальше в плане "демократизации" персидской политики России пошел сменивший Милюкова на посту главы МИД М.И.Терещенко. В

телеграмме-инструкции Минорскому он также подчеркивал преемственность политики российско-британского взаимодействия в персидских делах, но отмечал в связи с этим, что "надо по возможности сократить покровительство разным отдельным личностям и, сближаясь с местными либеральными элементами, способствовать отстаиванию прав и интересов народа" (47, 157).

Особый интерес в контексте рассмотрения данного вопроса представляют ответные письма российского дипломата на инструкции из российского МИД. В июне 1917 г. Минорский фактически "воскресил" программу Грибоедова для Южного Азербайджана и призвал Временное правительство к проведению более активной политики на данном направлении. Как и его далекий предшественник, Минорский призывал Петербург учитывать важное значение "южно-азербайджанского фактора" в формировании персидской политики России и укреплении ее влияния в этой стране. "Я указывал, — напоминал автор в письме Терещенко, ссылаясь на свои аналогичные инициативы 1908-1909 гг., — на особую историю Азербайджана, на этнографические и языковые особенности его населения и на резкое отличие характера решительных и более прямых азербайджанских турок от более тонких, но более мягких и слабых персов. Я указывал на связи Азербайджана (персидского - прим. авт.) с Закавказьем, невозможность сразу реформировать всю Персию и на предпочтительность избрать Азербайджан своего рода опытным полем реформ, откуда они могли бы распространиться и далее..." (27, 90). Предугадывая развитие центробежных тенденций в Закавказье, Минорский обосновывал незаменимую роль Южного Азербайджана не только для "реформирования Персии", но и для восстановления пошатнувшегося российского влияния в Северном Азербайджане и в Закавказье в целом. "В настоящее время лозунг "национального самоопределения" особенно силен, — подчеркивал Минорский, — и ввиду исключения мысли о завоевательных намерениях России его, вероятно, легче был бы провести в жизнь при нашем содействии. "Автономия Азербайджана" упоминалась уже не раз на мусульманских собраниях в России (например, в Елизаветполе) и, по упорным слухам, также в Тавризе. Каковы же были бы цели подобной политической тенденции? Для самих азербайджанских турок выгоды объединения и самоуправления ясны. Среди персидского государственного организма эта национальная группа составляет самое крепкое и здоровое ядро". Для России же, подчеркивал автор, "выделение Азербайджана означало бы более тесное сближение его с Закавказьем и могло бы быть использовано для проведения реформ и улучшений" (там же, 91).

Минорский, как и 90 лет до него Грибоедов, призывал свое правительство к проведению более инициативной, самостоятельной политической

линии в данном вопросе. "До настоящего времени мы о них (реформах — прим. авт.) много говорили, но фактическое осуществление их всегда отклоняли от себя и поручали то бельгийцам, то французам и т.д. Мы как будто не доверяли своим силам и боялись прямого вмешательства. Между тем нельзя же сравнивать Закавказье с положением Персии, которая еще через много лет не получит ничего подобного; при таком порядке мы могли бы дать немало добрых советов, тем более, что наибольшие аналогии для Азербайджана дает именно Закавказье, а не Алжир, Конго или Куба". "Я повторяю лишь свою старую формулу, - заключал Минорский: "Азербайджан должен быть опытным полем", на котором мы можем произвести первые опыты нашей новой политики" (там же, 91).

Однако в силу объективных внешне - и внутривнутриполитических причин буржуазно-демократическое Временное правительство России не могло перестроить свою персидскую политику в соответствии с рекомендациями своего дипломатического представителя в Тегеране. Главный внешнеполитический лозунг Временного правительства — приверженность Антанте и война до победного конца "в полном согласии с союзниками" (47, 160) — предопределял важное для России значение-союза с Англией в противостоянии с Германией и Австро-Венгрией, и, соответственно, невозможность каких-либо действий в ущерб своему британскому союзнику в Персии. Что касается ситуации внутри страны, то политическая нестабильность, частая смена кабинетов, усиление с каждым днем большевистского влияния делали в принципе невозможным формирование и реализацию вообще какой-либо долгосрочной внешнеполитической стратегии, не говоря уже о внесении изменений в свою политику на персидском направлении.

Вопрос об укреплении российского (советского) влияния в Иранском Азербайджане вновь возник в связи с началом второй мировой войны. В августе 1941 г. в целях обеспечения безопасности южных границ СССР, предотвращения возможного сближения шахского режима с гитлеровской Германией и создания транспортного коридора для военных поставок в СССР через иранскую территорию советские войска вошли в Иран (такая возможность была предусмотрена ст. 6 советско-персидского соглашения 1921 г.) и заняли его северные, азербайджанские, провинции. Позднее свои войска в Иран ввела и Великобритания, которая заняла юг страны. 29 января 1942 г. между СССР, Великобританией и Ираном был подписан "Договор о союзе", согласно которому СССР и Великобритания обязались уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана, защищать его от агрессии Германии или любой другой державы, а также оказывать ему возможную экономическую помощь. Иран взял на себя обязательство сотрудничать с государствами антигитлеровской коалиции

всеми доступными ему средствами, прежде всего в области транспортировки грузов из-за границы в СССР. Положения данного Договора были закреплены в "Декларации трех держав об Иране", подписанной в последний день работы Тегеранской конференции (проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 г.) премьер-министром Великобритании У.Черчиллем, Председателем СНК СССР И.Сталиным и президентом США Ф.Рузвельтом.

Присутствие советских войск в северных, азербайджанских провинциях Ирана создало благоприятные условия для эволюционного развития в течение 1941-1946 гг. азербайджанского национально-демократического движения в этой стране. В начале сентября 1945 г. группой известных южно-азербайджанских демократов во главе Сеидом Джафаром Пишевари была создана Демократическая партия Азербайджана (ДПА), программные принципы которой предусматривали требование о предоставлении азербайджанским провинциям административно-хозяйственной и культурной автономии в составе Ирана. В конце 1945 г. был созван Милли Меджлис (парламент) Иранского Азербайджана и сформировано национальное правительство во главе с Пишевари.

В первой половине 1946 г. в южно-азербайджанском движении наступил этап национального строительства: 6 января 1946 г. национальным парламентом был принят закон о языке, 16 февраля — аграрный закон, 12 мая — закон о труде, в июне был учрежден Тебризский университет. Но к 9 мая 1946 г. СССР вывел свои войска из северного Ирана, признав, как это сделала Советская Россия в 1920-1921 гг., а до нее Россия Николая I в начале XIX-го в., что данный регион не входит в зону его геополитического доминирования. В письме лидеру южноазербайджанских демократов Пишевари, датированном 8 мая 1946 г., Сталин откровенно признавал, объясняя причины вывода советских войск, что "международная обстановка не позволяет нам действовать свободно" (цит. по: 27, 226-227).

"Эвакуация" советского военного и политического присутствия привела к тому, что в южно-азербайджанском национально-демократическом движении наступил период спада, завершившийся его окончательным разгромом правительственными войсками Ирана в декабре 1946 г. В результате учиненного правительственной армией и частями иранской жандармерии террора погибло 14 тысяч южноазербайджанских демократов, ДПА была запрещена, ее активистов посадили в тюрьмы. Несколько тысяч ее активистов и сторонников спаслись бегством и оказались в эмиграции в Советской Азербайджане (27, 229). Показательным в плане подтверждения западного противодействия стремлению СССР усилить свое влияние в Иране было то, что частями иранской жандармерии в ходе указанной войсковой операции командовал, как указывает российский иранист Алиев, американский военный Норманн Шварцкопф, который с 1943 г. возглавлял

американскую миссию в Иране и занимался реформой иранской полиции (там же, 228).

Следует отметить, что вывод союзных, в том числе и советских войск, был предусмотрен Договором 1942 г. (устанавливался срок не позднее 6 месяцев после окончания войны). Однако союзники СССР — Великобритания и США — еще до окончания войны и наступления установленных сроков, настойчиво призывали советское руководство к досрочной эвакуации войск, давая понять, что Иран, в том числе и его северная часть, лежит за пределами сферы геополитического влияния Москвы. В частности, эти предложения были высказаны английским и американским представителями (Итоном и Стеттиниусом) на пленарном заседании министров иностранных дел трех стран 8 февраля 1945 г. в ходе Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав (96, т.4, с. 125-127). Опасаясь укрепления политических (расширение лояльного Москве южно-азербайджанского движения) и экономических (советское правительство вело активные переговоры с правительством Ирана по получению концессий на т.н. "северную нефть") позиций СССР в Северном Иране, союзники подчеркивали, что иранское правительство должно остаться "хозяином в собственном доме" (там же, 125).

ГЛАВА 7

Азербайджан в советско-турецких отношениях.

7.1. "На Турцию перенесен центр тяжести нашей восточной политики": Московский договор 1921 г. и границы Азербайджана

Установление советской власти в Азербайджане привело к заметной активизации турецкого направления во внешней политике РСФСР, позволило российскому руководству приступить к выработке конкретных инициатив по развитию отношений с кемалистским правительством. В своем письме Ленину от 16 мая 1920 г. после встречи с представителями Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ) Халил-пашой и Фуад-пашой глава НКВД Чичерин указывал на важное значение Турции в восточной политике России: "Мы не должны увлечься слишком широкими перспективами и начать авантюры, превышая свои силы, но с этой оговоркой я все же должен сказать, что сближение с Турецким Национальным Центром может привести к громадному усилению нашей политики на Востоке" (1, оп.39, п.232, д.52987, л.3). Анализируя ситуацию в Турции, глава НКВД предлагал учитывать в политике по отношению к новому турецкому руководству, что в данной стране "для коммунизма нет почвы, но большевизм чрезвычайно популярен, ненависть против западного капитала и собственных угнетателей громадна" и в связи с этим делал вывод о "полнейшей" свободе пропаганды в этой стране (там же).

Но самым важным фактором сближения двух стран стала сильная заинтересованность кемалистов в получении военной и финансовой помощи от Советской России и отвечавшая интересам последней идеологическая и внешнеполитическая ориентация нового турецкого режима: "В военном отношении Халил просит амуниции и денег, — подчеркивал Чичерин. — Они вполне признают самоопределение всех национальностей и готовы на отделения и на автономии. Программа Халила — доктрина Монро для Азии, борьба всех азиатских народов против европейского империализма. Он признаёт Советскую Россию единственным другом азиатских народов и понимает, что без нас они погибнут. В Персии он готов помогать нашей работе посылкой турецких партизан, причем борьба будет идти против шаха и феодалов, за аграрную революцию, не касающуюся пока еще городской буржуазии. Его агенты будут поддерживать нашу политику и в Афганистане, и в Индии. Таким образом, центр нашей ближневосточной политики перенесётся в Турцию". В связи с необходимостью установления непосредственной связи с Турцией, глава НКВД по-новому определял роли республик Закавказья в решении данной задачи: "...мы должны будем

использовать железные дороги Армении, а для этого мы должны заключить договор с Арменией. Надо будет пригрозить Грузии, чтобы она не дала английскому отряду захватить пункты, необходимые для нашего контакта с Турцией. Оружие можно будет посылать под фирмой Азербайджана" (там же, л.4).

3 июня 1920 г. в письме Чичерина Мустафе Кемаль-паше (там же, л.8) была выражена готовность Москвы установить дипломатические и консульские сношения с Турцией и были поддержаны принципы, провозглашенные ВНСТ в качестве основы внешней политики нового турецкого правительства:

независимость Турции,

включение в состав турецкого государства бесспорно турецких территорий,

провозглашение Аравии и Сирии независимыми государствами,

предоставление Турецкой Армении, Курдистану, Лузистану, Батумской области, Восточной Фракии и населению со смешанным турецко-арабским элементом права высказаться самим о своей собственной судьбе,

признание за национальным большинством в пределах нового турецкого государства, возглавляемого ВНСТ, всех прав, предоставляемых национальным меньшинствам государств Европы с наиболее свободным строем,

передача вопроса о проливах конференции причерноморских государств,

уничтожение капитуляций и иностранного экономического контроля, аннулирование любых сфер влияния иностранных государств.

Отдельно в послании Чичерина был затронут "армянский вопрос", который по-прежнему занимал важное место в структуре российско-турецких отношений. Поддерживая стремление ВНСТ к согласованию с Москвой своих политических и военных действий против империалистических правительств, глава НКВД выражал надежду, что дипломатические переговоры позволят Турции и Армении установить точные границы "на основах справедливости и самоопределения народов", и заявил о готовности Советской России принять на себя обязанности посредника в урегулировании данного вопроса.

Ответная позиция турецкого правительства была изложена 4 июля в письме члена Исполнительного комитета ВНСТ по иностранным делам Бекир Сами Чичерину (там же, л. 9). Указав на отсутствие у анкарского правительства агрессивных целей и империалистических устремлений и поддержав российскую инициативу о посредничестве, Бекир Сами напомнил, что правительство ВНСТ в соответствии Брест-Литовским миром и Батумской конвенцией первым признало существование армянского

правительства и определенных границ, и строго соблюдало принципы дружественных и добрососедских отношений с Арменией. В то же время он подчеркнул, что военные действия турецкой армии в регионе являются ответной реакцией на агрессивную политику армянского правительства, которое, как подчеркнул турецкий дипломат, после заключения перемирия со странами Антанты, "чувствуя за собой поддержку Англии и преследуя мысль о создании Великой Армении за наш счёт, непрерывно проводило политику уничтожения мусульманства на бесспорно турецких территориях, занятых в настоящее время его войсками". "Основной целью этих погромов и опустошений, проводимых систематически, — отмечал глава кемалистской дипломатии, — является безусловно создание фиктивного армянского большинства в этих коренных турецких областях". Он также отметил, что продолжение этих "разбойничьих и террористических мероприятий" вынудило Турцию к решительным действиям, вплоть до решения отдать приказ о мобилизации восточной армии для оккупации необходимых стратегических пунктов, но вследствие вмешательства Москвы ее руководство сочло целесообразным отложить на время такую крайнюю меру. "Мы твердо надеемся, — обращался к Чичерину Бекир Сами, - что правительство Российской Советской Республики предпримет энергичные шаги перед армянским правительством, чтобы окончательно положить предел ничем не оправдываемым нападением на незащищенное население".

В июле 1920 г. делегация ВНСТ во главе с Бекир Сами прибыла в Москву (в состав делегации входили также депутат Юсуф Кемаль и турецкий коммунист Фуад Сабит) для выработки проекта российско-турецкого договора, а осенью вернулась в Анкару с подготовленным проектом договора. К этому времени положение кемалистского правительства было критическим. Его вооруженные силы вели оборонительные бои одновременно на нескольких фронтах против более чем 100-тысячного контингента армий пяти "союзных государств" (Англии, Франции, Италии, Греции, и Армении), каждое из которых по Севрскому договору от 20 августа 1920 г. претендовало на тот или иной "кусочек" Турции.

В этих сложных военных и политических условиях, когда фактически осуществлялся раздел султанской Турции армиями стран-подписантов Севрского договора, сформированная Мустафой Кемалем новая турецкая военная и политическая элита, естественно, была сильно заинтересована в мирном договоре с Советской Россией и получении от неё военной, дипломатической и финансовой помощи. Об этом откровенно писал 10 августа глава турецкой миссии в Москве Бакир Сами Чичерину: "Вследствие постоянных нападений со стороны греческих вооруженных сил, поддерживаемых англичанами, и вследствие нашей борьбы против французов в Киликии, интриг и наущений Константинопольского

правительства, положение нашей страны становится со дня на день более трудным и ставит правительство Анатолии в чрезвычайно критическое положение. Действия, предпринимаемые армянским правительством на наших границах, постоянная систематическая резня, учиняемая над турецким элементом, делает наше положение более затруднительным, нежели когда бы то ни было, так как нельзя предвидеть тех последствий, к которым всё это может привести" (1, оп.39, п. 232, д.52999).

Российская дипломатия пыталась воспользоваться некоторым спадом напряженности в отношениях с Антантой для максимального продвижения российских интересов на Востоке. В связи с этим отношения с Турцией, особенно в свете сильной заинтересованности кемалистов в союзе с Россией, выходили на все более приоритетный уровень во внешней политике Москвы. "На нее перенесен центр тяжести нашей восточной политики, — подчеркивал Чичерин в ноябре 1920 г. и указывал в связи с этим на необходимость "приложить все усилия к тому, чтобы удовлетворить пожелания турок постольку, поскольку наше собственное положение это допускает". Идейной почвой для такой политики служила, по мнению главы НКВД, "новая вполне народная политика турецких революционеров и их демократические принципы, в частности, самоопределение народностей и предоставление независимости достаточной для турецких армян территории в Турецкой Армении" (1, оп.39, п.232, д.52987, л.35).

В целом же, Чичерин делал вывод о том, что вовлечение турецких националистов в поток демократических движений на Востоке может усилить положение России и облегчить развитие революционного процесса на всем Ближнем Востоке. А это, в свою очередь, могло усилить позиции России в процессе примирения с европейскими странами: "На Востоке следует энергично использовать период развязанных рук, чтобы потом можно было приступить к соглашению с Англией без вреда для дальнейшего развития событий на Востоке" (там же).

В то же время при формировании турецкой политики глава НКВД учитывал возможность изменения ориентации нового турецкого режима, поэтому при выработке общего курса по отношению к нему Чичерин предлагал учитывать всю массу сведений о политике кемалистов по отношению к Антанте. "Совершенно неясно, — отмечал в связи с этим Чичерин в письме Сталину 5 ноября 1920 г., комментируя сообщения об изменении политики Антанты по отношению к Турции и попытках кемалистов достичь примирения с западными странами, — есть ли это со стороны кемалистов просто компромисс с целью самосохранения, или же к этому присоединяется поворот на 180 градусов против нас. Переход в антибольшевистский лагерь мировой реакции и стремление получить компенсации за наш счет по образцу турецкой политики 1918 г. Не готовит

ли Бекир Сами в Северном Кавказе почву для наступательной политики переживших фронт турецких националистов, не победила ли политика Нури-паши, не стремится ли к тому Халил-паша в своей работе в Кашгаре — вот вопросы, с которыми нам приходится считаться, так как мы на них еще не можем дать ответа. Являются ли Бекир Сами и К. нашими друзьями, или нашими врагами, этого мы еще не знаем".

Делая вывод о двойственном характере турецкой политики, Чичерин предлагал Сталину следующую линию поведения в отношении к Турции: "В данный момент мы стоим за то, чтобы не менять еще наше отношение к кемалистам, чтобы не терять из рук того, что еще может быть в наших руках в этом отношении и не толкать колеблющихся в противоположный лагерь. Наше предложение Центральному комитету заключается в том, чтобы продолжать отправку им субсидий и даже посылать им оружие в зависимости от хода их политики, причем в последнем отношении, конечно, мы должны быть очень осторожными и осмотрительными и должны продолжать посылку оружия, лишь внимательно присматриваясь к их действиям" (там же, лл.42-44).

Подозрения Москвы в отношении "двойственного характера" турецкой политики усилились в конце ноября 1920 г., когда у нее появилась информация о попытках западных стран склонить Турцию на свою сторону в противостоянии с Россией. Достоверность этих сообщений была подтверждена позже, в феврале 1921 г., когда на переговорах в Лондоне с турецкой делегацией британский премьер-министр Ллойд Джордж заявил главе турецкой делегации Бекир Сами о готовности Англии передать под протекторат Турции все Закавказье, и прежде всего бакинские промыслы (57, т.1, 146). Азербайджан вновь оказался в центре внимания британской внешней политики — на этот раз в качестве фактора, призванного расстроить сближение между кемалистами и большевиками.

Однако анкарское правительство, заинтересованное в скорейшем подписании мирного договора с Россией, категорически отрицало приписываемое ей "заигрывание" с Западом. "Мы узнали недавно, — сообщил 2 декабря Чичерину народный комиссар по иностранным делам Правительства ВНСТ Ахмед Мухтар, — что в политических кругах Москвы родились смутные опасения по поводу сотрудничества нашего правительства с западными империалистическими державами в целях установления противобольшевистского фронта на Кавказе. По этим слухам западные государства будто бы обещали нам Азербайджан взамен нашей борьбы против Великой Советской Республики". Охарактеризовав данные слухи как "неосмысленные плоды воображения", глава турецкого НКВД отметил, что единственным желанием новых властей Турции является укрепление ее политической и экономической независимости в границах, определенных

Национальным договором в феврале 1920 г., и что Турция не имеет никакого стремления к "завоеванию или к увеличению своей территории каким бы то ни было способом". В этом контексте глава турецкой дипломатии напомнил своему российскому коллеге о направленной 8 ноября 1920 г. правительству Армении ноте с предложением мирного урегулирования конфликта и необходимости разрешения судьбы всех спорных территорий путем плебисцита (1, оп. 39, п.232, д.52987, л.58-59).

Следует отметить, что большевистское руководство, заинтересованное в усилении российского влияния в Турции, и в частности, в укреплении антиантантовских тенденций в турецкой политике, было обеспокоено стремлением Анкары распространить свое влияние на кавказский регион и сохранить те территориальные приобретения, которые были зафиксированы в Александропольском договоре 2 декабря 1920 г. 14 декабря 1920 г. в телеграмме Элиаве, полномочному представителю России в Грузии, Чичерин, указывая на противоречивый политический курс нового турецкого руководства и наличие разных политических течений в правящих турецких кругах, а также сильного настроения в пользу России со стороны турецких масс, сделал следующий вывод: "Мы знаем о громадной популярности Советской России среди турецких масс, но мы недостаточно знаем, насколько эти настроения оказывают давление на турецкие правящие круги, и насколько сами эти настроения устойчивы и не могли бы поддаться возобновлению мусульманского традиционного фанатизма в случае радикальной перемены политической линии тамошних правящих кругов. Нам ясно, что объективно, несмотря на все зазывания Антанты, длительные интересы кемалистов слишком тесно связывают их с нами, чтобы в случае ясного сознания ими собственных интересов они могли слишком далеко идти по пути, на который их зовет Франция. Но мы недостаточно знаем, насколько руководящие сферы кемалистов способны устойчиво проводить свои собственные интересы, если их манит к себе вооруженная всеми приманками Антанта".

Подчеркивая, что Россия не может пренебрегать чрезвычайно большой силой "традиционных национально-турецких пережитков у кемалистов", Чичерин предупреждал, что в силу этих пережитков у некоторой части кемалистов могут быть "завоевательные виды на Кавказе и даже стремление к поддержке мусаватистов и северо-кавказских антисоветских элементов". В связи с этим он следующим образом сформулировал цели "турецкой политики" Москвы: "политическое укрепление левых кемалистов против правых, то есть укрепление тех элементов, которым ясна необходимая ориентировка на нас в противоположность тем, у которых сильны еще националистические, религиозные и империалистические пережитки,

направленные против нас и связывающиеся со старой политикой компенсации на Кавказе" (там же, лл. 64-66).

В то же время, понимая озабоченность Анкары в связи с начавшимися в мае 1920 г. англо-российскими переговорами о заключении торгового соглашения, он призывал убеждать турецких представителей в стабильности курса Москвы на сближение с Турцией. "Надо выяснять им, — предлагал глава НКВД, — что соглашение с Англией может вести только к некоторым ограничениям активности нашей восточной политики, и что это имеет лишь относительное значение. Мы не можем идти на полную капитуляцию перед Англией и на полный отказ от всякой восточной политики, ибо это было бы простым самоубийством". Уместно здесь отметить, что правительство ВНСТ со своей стороны отвечало симметричными действиями в отношении Советской России. Мустафа Кемаль проводил еще более тонкую "дипломатию противовесов", сближаясь и с Россией, и с европейскими странами (Францией, Англией и Италией), играя на противоречиях между ними и стимулируя их к поддержке внутривнутриполитических и международных позиций своего режима.

Призывая поддерживать левые течения в турецкой политике и про-российские настроения среди национальных турецких кругов соответствующей благоприятной политикой со стороны России, глава НКВД подчеркивал при этом важную роль Армении в системе приоритетов большевистской политики на Кавказе и необходимость проведения "самой тесной дружественной политики" по отношению к Советской Армении. "В этом вопросе, — отмечал Чичерин, — мы можем быть стеснены чисто практическими реальными факторами и возможностями. В тех же пределах, в которых мы можем это делать, мы обязаны оказать полное содействие Советской Армении, спасти ее физическое существование, отстоять ее независимость, не идти ни на какие планы раздела ее с Турцией, если бы таковые нам предъявлялись, и делать все, что в наших силах для снабжения ее продовольствием". Он подчеркивал также, что роль посредника, которую Москва раньше хотела взять на себя между Турцией и дашнаками, в гораздо большей степени актуальна теперь для урегулирования отношений между турками и Советской Арменией. "Основные интересы коммунизма как мировой силы требуют того, — указывал российский наркоминдел, — чтобы мы не бросали на произвол судьбы вновь образовавшуюся Советскую Республику" (там же, л.66).

В середине декабря в связи с установлением советской власти в Армении турецкая сторона в диалоге с российской призывала Москву к проведению сдержанной политики в данном регионе, и, в частности, в вопросе определения будущих границ Армении и Азербайджана: "Мы старались не аннексировать территории с турецким населением (речь шла о

районах Армении с преимущественно азербайджанским населением — прим. авт.), несмотря на то, что этому населению угрожали известные вам жестокости дашнаков", — отмечал в своем письме Чичерину глава турецкого НКВД Ахмед Мухтар. Комментируя появившиеся сообщения о возможности пересмотра Москвой достигнутых с Турцией договоренностей и передачи Армении территорий, населенных мусульманами, Ахмед Мухтар предупреждал, что такое решение вопроса "может привести к полному их (мусульман — прим. авт.) уничтожению" (там же, лл. 69-70).

Позиция Советской России, изложенная в послании Чичерина 19 Декабря 1920 г. (там же, лл. 83-87), опиралась на тезис о необходимости установления между Турцией и Арменией мира, основанного на принципе самоопределения народов. Советское Правительство соглашалось с тем, что "правительство дашнаков допускало жестокости, которые не могли оставить равнодушными командование турецкой армией на границах Армении", но вместе с тем выражало уверенность в том, что новое Советское правительство Армении "коренным образом изменило свою политику в отношении мусульманского населения Армении и видит в них лишь своих братьев". Глава российского НКВД призвал также турецкое правительство предпринять необходимые меры для того, чтобы турецкая армия незамедлительно освободила Александропольский уезд и все другие пункты, расположенные к северу и востоку от Карсской области. В качестве политической предпосылки для выполнения данного требования было подчеркнуто, что "Турция и Россия не имеют интересов, которые когда-либо столкнутся".

Вопрос отмены Александропольского договора в конце 1920 и начале 1921 гг. года оставался одним из самых острых в отношениях между Россией, Турцией и Арменией. В своих многочисленных нотах и заявлениях главы НКВД России и Армении призывали к скорейшему выводу турецких войск из данного региона. 8 января 1921 г. глава НКВД Советской Армении Бекзаян в телеграммах главе турецкой дипломатии Ахмед Мухтару вновь поднял вопрос о необходимости эвакуации турецких войск из данного района. В письме, в частности, отмечалось, что правительство Армении не видит достаточного оправдания при изменившихся в связи с установлением советского строя в Армении условиях в дальнейшем пребывании турецких войск в Александропольском районе и смежных районах, в полосе этнического расселения армянского населения, вынужденного вследствие этого "терпеть все тяготы военной оккупации" и "лишенного возможности перейти к мирному культурному труду и воспользоваться заслуженным им правами свободной трудовой жизни в раскрепощенной от ига национализма стране". 19 января 1921 г. глава НКВД Советской Армении вновь обратил внимание на необходимость вывода турецких войск с территорий, которые

попали "под временное оккупационное владение Турции в процессе успешной для турецкого оружия войны". Он даже охарактеризовал данную ситуацию как "грозный симптом, могущий быть помехой осуществления общих для народа Советской Армении и освободившейся Турции революционных задач".

Кемалистское руководство, в свою очередь, не хотело лишать себя преимуществ, связанных с присутствием турецких войск на территории Закавказья. Напротив, оно было заинтересовано в том, чтобы в полной мере использовать их в процессе выработки мирного соглашения с Россией и закавказскими республиками, и в связи с этим призывало Москву обеспечить строгое соблюдение Советской Арменией положений Александропольского договора. "Наши военные круги совершенно справедливо ожидают, — сообщил 26 декабря 1920 г. Бекир Сами Чичерину, излагая турецкую позицию по данному вопросу, — что новому армянскому правительству будут даны советы относительно честного исполнения их обязательств, принятых по отношению к нашему правительству. Наши военные круги единодушно придерживаются мнения, что Советская Россия даст понять новой Армении, что Ангорское (анкарское — прим. авт.) национальное правительство останется искренним другом Армении, если армяне будут уважать статьи договора, и что всякие требования и притязания сверх определенных и установленных границ, указанных в этом договоре, могут послужить только к возобновлению прежних распри, и, следовательно, повредить истинным их интересам". Кроме того, фактор присутствия своих войск в Армении турецкая сторона намерена была использовать и для того, чтобы снять попытки обсуждения на двустороннем или многостороннем уровнях вопроса о создании в какой бы то ни было форме армянской автономии в восточной Турции. В письме турецкого дипломата отмечалось в связи с этим, что "изменение нынешнего положения, и в особенности образование Армении в Турции или просто уступка какой-либо части наших восточных провинций Армении ни в коем случае не может быть ни рассматриваемо, ни принято ни Ангорским правительством, ни Восточной Арменией (Советской Арменией — прим. авт.)" (4, оп.4, п.5, д. 8).

18 февраля 1921 г. Бекир Сами в своем письме Чичерину вновь высказался в том плане, что вывод турецких войск возможен лишь после ратификации данного договора армянской стороной и обеспечения гарантий того, что "под властью армян не будет больше территорий, населенных в большинстве турками". Перспектива отмены данного договора появилась лишь в ходе российско-турецких переговоров, завершившихся 16 марта 1921 г. подписанием Московского договора, установившего турецкую границу на Кавказе. Окончательно же турецкие войска покинули данный район в

середине мая 1921 г., и лишь после подписания Карского договора в октябре того же года этот вопрос был окончательно снят с обсуждения.

Одним из важнейшим в закавказской стратегии НКВД на данном этапе было также "грузинское направление". Применительно к меньшевистской Грузии российский нарком предлагал проведение осторожной политики, которая учитывала бы роль Грузии в обеспечении безопасности России, Советского Азербайджана и Армении. В этом контексте главой НКВД особое внимание уделялось необходимости сохранения Грузией контроля за Батуми и батумским портом, который он рассматривал в качестве "коммерческого выхода для Баку" и в то же время "базы для возможного наступления на Баку". Чичерин делал вывод о том, что "вопрос о Батуме есть, в сущности, вопрос о Баку и есть, в сущности, вопрос о торговых операциях в Закавказье вообще". В связи с этим он подчеркивал, что для России совершенно неприемлем как переход Батума к Антанте, так и переход его к туркам, и что "принадлежность Батума маленькой слабой Грузии есть в данный момент наиболее благоприятная для нас комбинация". Обозначив в качестве главной цель нейтрализации Грузии, глава НКВД определил и средства ее достижения: "Мы добиваемся того, чтобы буржуазное грузинское государство максимально ориентировалось на нас. Мы стараемся этого достигнуть как непосредственным давлением, так, с другой стороны, предоставляемыми в результате сближения с нами выгодами. С одной стороны, угрозы, с другой стороны — даваемая нами нефть, — вот чем мы можем влиять на буржуазную Грузию. Если последняя не будет вести враждебной нам политики, не будет вместе с Антантой готовить наступление на Баку, не будет нам мешать снабжать Армению хлебом и нефтью, то дальнейшее существование такой буржуазной Грузии, по крайней мере благожелательно пассивной по отношению к нам, является приемлемой комбинацией" (1, оп.39, п. 232, д.52987, лл. 66-68).

Однако в конце 1920 года установка на мирное сосуществование с буржуазной Грузией стала испытывать сильное давление со стороны руководителей Кавказского бюро ЦК РКП(б), которые настойчиво призывали к скорейшей советизации данной республики. 15 декабря 1920 г. Кавбюро приняло решение перейти границы Грузии под предлогом оказания помощи восставшим жителям в Борчалинском и Душетском уездах, Абхазии и Аджарии, но Москва наложила запрет на это решение. Тем не менее, уже в конце января большевики решились все же на советизацию последней в Закавказье небольшевистской республики. 26 января 1921 г. вопрос о Грузии обсуждался в Политбюро, которое приняло по данному вопросу следующее решение: "1. Поручить НКВД оттягивать разрыв с Грузией, систематически собирая точный материал по поводу нарушения ею договора и более настоятельно требуя пропуска припасов в Армению. 2. Запросить Кавфронт о

том, насколько подготовлены наши наличные военные силы на случай немедленной или близкой войны с Грузией, и поручить формулировку этого запроса с указанием на крайнее обнагление Грузии комиссии из тт. Троцкого, Чичерина и Сталина. 3. Дать директиву РВС Республики и Кавфронту готовиться на случай необходимости войны с Грузией" (цит. по: 74, 381-383).

Кавказскому фронту было предложено разработать вопрос о гарантиях, которые Россия могла бы дипломатическим путем потребовать от грузинского правительства "в целях ограждения России от помощи со стороны Грузии повстанцам Дагестана и Чечни". Во исполнение решения Политбюро 27 января 1921 г. Председатель РВСР Троцкий и главком РККА Каменев отправили руководству Кавказского фронта телеграмму, в которой ориентировали его на всестороннюю подготовку к силовому решению "грузинского вопроса". В ответной телеграмме (6 февраля) Орджоникидзе, которого не нужно было убеждать в необходимости военного похода на Грузию, сообщил: "положение на Кавказе с приближением весны становится все более и более грозным, настолько грозным, что я начинаю сомневаться, удержим ли мы Баку за собой". "Грузия окончательно превратилась в штаб мировой контрреволюции на Ближнем Востоке, - отмечал эмиссар Москвы в регионе, предупреждая о том, что "надвигающуюся на Бакинский район смертельную опасность" можно предупредить лишь "немедленным сосредоточением достаточных сил для советизации Грузии".

Дальнейшие события в этой республике развивались почти по "бакинскому" сценарию. По указанию Кавбюро в ночь на 12 февраля грузинские большевики инициировали восстание в Лорийском районе Грузии. На следующий день ЦК РКП(б) почти в прямой форме призвал XI армию к боевым действиям на территории Грузии, направив Реввоенсовету армии следующую телеграмму: "Цека склонен разрешить XI-ой армии активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены Р.В.С. XI-й после серьезного рассмотрения всех данных ручаются за успех". 15 февраля Реввоенсовету XI-ой армии "подказали" и форму пропагандистского прикрытия предстоящей вооруженной акции: "Цека рассматривает операцию Р.В.С. XI-ой как местную защиту повстанцев нейтральной зоны от грозящего им истребления со стороны белогвардейцев. Считайтесь с этим политическим характером вашей операции во всех ваших публичных выступлениях. Разумеется, мы ожидаем от Р.В.С. XI энергичных и быстрых действий, не останавливающихся перед занятием Тифлиса, если это по военным соображениям необходимо для действительной защиты нейтральной зоны от нового нападения".

Так начался последний этап советизации Южного Кавказа. 15 февраля Орджоникидзе телеграфировал из Баку в Москву о том, что "грузины начали

подтягивать силы для удара на повстанцев" и что "удар может быть нанесен в любую минуту, что потребует от нас немедленного контрудара". "По нашему убеждению, — убеждал автор, — более подходящего момента, гарантирующего успех, у нас едва ли будет. Моральное состояние грузинских войск, как показала сдача почти без боя целой бригады и взятие Садахло, где грузины превышали наших в четыре раза, говорит за успех. Промедление только ухудшит наши шансы на успех" (там же, 384-386). Утром 16 февраля две группы войск перешли в наступление на Тифлис и 25 февраля советская власть была установлена и в Грузии.

В марте 1921 г., после успешного большевистского переворота в Грузии, в Закавказье сложились предпосылки для начала мирного переговорного процесса между Анкарой и Москвой по целому ряду вопросов военного, политического и экономического характера. Турецкая сторона успешно завершила военную кампанию против дашнакской Армении, российская — восстановила свой контроль над регионом Южного Кавказа. Но Москве пришлось учитывать, что среди турецкого руководства не было единого мнения относительно того, какими должны быть требования Анкары на переговорах с Москвой, и какими должны быть границы самой Турции. Наряду с "умеренными", склонявшимися в пользу передачи Батума Грузии, признания границ советских закавказских республик и вывода турецких войск из Александропольского района в обмен на вывод российских войск из Армении, сильно было в кемалистском руководстве и влияние сторонников более жесткой линии, призывавших к территориальному расширению Турции за счет соседних Грузии, Армении и Азербайджана на базе раздела сфер влияния между Россией и Турцией.

Немало было среди кемалистов и откровенных противников политики дружбы и добрососедства с Советской Россией, считавших, что после прекращения борьбы с империалистической интервенцией и урегулирования политических разногласий с Англией и Францией Анкаре необходимо при поддержке этих же стран развернуть вектор турецкой политики против России. Да и сам лидер кемалистов не скрывал своего стремления разыграть карту российско-антантовских противоречий. Именно через группу "кемалистов-западников" Антанта пыталась в рамках Лондонской конференции, которая была созвана в феврале 1921 г. и работала почти параллельно с Московской, добиться отказа Турции от политики сближения с Россией. С 21 февраля по 14 марта 1921 г. в Лондоне по инициативе держав Антанты (Великобритании, Франции, Италии, Японии, Бельгии и Греции) проходила конференция с участием представителей стамбульского (султанского) и анкарского (кемалистского) правительств. Участие представителей последнего стало де-факто признанием правительства ВНСТ.

Лондонская конференция рассматривала два вопроса — ближневосточный и репарационный. Франция и Италия, недовольные невыгодными для них итогами Севрского договора, установили к тому времени негласные контакты с Турцией (итальянцы даже поставляли оружие кемалистам) и в противовес Англии стремились к пересмотру условий данного договора и получению экономических привилегий в Турции. В то же время они были заинтересованы в получении поддержки от Англии по вопросу репараций и вынуждены были уступать ей по турецкому вопросу. Кроме того, все страны Антанты были едины в том, чтобы вовлечь Турцию в антироссийскую коалицию и сорвать начавшиеся в Москве российско-турецкие переговоры. Эти факторы, а также противоречия между интересами стран Антанты и пыталась использовать турецкая дипломатия во главе с Бекир Сами, которого в НКВД России рассматривали как реакционера и сторонника капитуляции Турции перед империалистическими державами. Фактически же глава турецкой делегации проводил линию Мустафы Кемалю на маневрирование между европейскими державами и Россией в поисках более благоприятного решения проблем суверенитета и безопасности своей страны.

25 февраля на Лондонской конференции турецкая делегация выдвинула свои максимальные требования: восстановить Турцию в границах 1913 г. (без арабских стран), установить режим проливов, гарантирующий ее безопасность и суверенитет, разрешить Турции иметь военно-морские силы, достаточные для нужд ее обороны, уничтожить режим капитуляций. Одновременно с этим Бекир Сами втайне от англичан вел переговоры с Францией и Италией, которые завершились подписанием франко-турецкого (9 марта) и итало-турецкого (12 марта) соглашений.

Данные соглашения, предусматривавшие вывод иностранных войск из Турции, впоследствии были отвергнуты кемалистским правительством, значительно укрепившим свои позиции заключением Московского договора 1921 г., и не были ратифицированы ВНСТ. Но, несмотря на это и на то, что конференция не привела к решению поставленных перед ней задач, заключенные отдельные соглашения сыграли свою важную роль - они углубили раскол в едином фронте европейских держав, создали прецедент признания анкарского правительства, что в целом упрочило его позиции как в Европе, так и в переговорном процессе с Россией. В Лондоне была с успехом опробована новая тактика повеления Мустафы Кемалю на международной арене. Турецкий лидер выстраивал тонкую систему сдержек и противовесов, в которой он сталкивал между собой интересы Антанты и России, играл на противоречиях между Англией, Францией и Италией внутри самой Антанты, а также разыгрывал болгаро-греческие противоречия. Союзные державы он пугал сотрудничеством с Россией, а Россию стимули-

ровал к более активной политической, военно-технической и финансовой поддержке Турции сближением с европейскими странами.

Большевистское правительство понимало, что одновременное участие представителей Анкары в лондонской и московской конференциях является попыткой кемалистского руководства использовать противоречия между Москвой и западными столицами для получения дипломатических и политических дивидендов. Понимало, потому что само пыталось усидеть на двух "стульях" (на "европейском" и "восточном") и проводило почти симметричную политику: представители российского правительства также участвовали в двух параллельных переговорных процессах (Чичерин в Москве с турками, Красин - в Лондоне с англичанами). Интересы обеспечения международного признания Советской России и выхода России из европейской изоляции диктовали необходимость заключения соглашения с одной из ведущих стран-участниц Антанты.

В то же время руководство РСФСР осознавало, что решение таких актуальных для России задач, как урегулирование сложного, запутанного еще с 1878 г. узла российско-турецких территориальных споров, укрепление южных границ России и союзных с ней советских республик, а также продвижение российских интересов на Ближнем и Среднем Востоке, было возможно только через мирное соглашение с Турцией. Но при этом в Москве вынуждены были учитывать и то, что при всей важности и самостоятельном значении восточного направления, западно-европейское является более приоритетным. Не случайно в вышеупомянутом письме Элиаве 14 декабря Чичерин, ставя перед российским полпредом задачи на грузинском и восточном направлениях, призывал учитывать необходимость "принять чрезвычайно осторожную тактику на Востоке" и "в очень значительной степени считаться с тем", как Англия и Франция отнесутся к действиям России на Востоке (1, оп.39, п.232, д.52987, л.68).

Символично также, что 16 марта 1921 г. одновременно в Москве и Лондоне были подписаны два принципиально важных для Советской России договора — российско-турецкий, установивший мир и границы с Турцией, и англо-российский, означавший возобновление торговых отношений между странами и признание Англией Советской России де-факто. Несмотря на разный характер данных документов, между ними существовала незримая геополитическая связь — подписание торгового соглашения с Англией стало возможно только после того, как в его преамбуле появилось обязательство РСФСР умерить свою активность в британской "зоне влияния": не проводить военных действий в Персии и воздержаться от поддержки кемалистского правительства (94, 53).

Открывшаяся 26 февраля 1921 г. Московская конференция подтвердила общность интересов России и Турции в укреплении своих

региональных и международных позиций. Обоюдная заинтересованность в мирном и компромиссном урегулировании территориальных вопросов явно перевешивала имевшиеся у обеих стран опасения и недоверие друг к другу. Москва исходила из необходимости стабилизировать ситуацию на Кавказе с тем, чтобы избежать новой кавказской войны, обеспечить со стороны Турции признание своих границ, сохранить национально-демократическую ориентацию младотурецкой революции и не дать ей сползти на путь стратегического альянса с империалистической политикой Англии и Франции. Но главное — необходимость в соглашении была объективно связана с общностью интересов двух молодых республик в борьбе против антитурецких и антироссийских устремлений западных стран, прежде всего Англии и Франции.

Именно на эту общность интересов указал нарком Чичерин, открывая конференцию. "Дружба с народами Востока, — подчеркнул российский нарком, — составляет для нас основное условие нашей интернациональной жизни, точно также, как наша дружба для Турции должна составлять основную базу для ее политического положения. Наша моральная и политическая силы неразлучны с восточными народами, борющимися за свою независимость" (здесь и далее ссылки по Московской конференции приводятся по: 4, оп.4, п.5, д.11). Приветствуя Турцию как "естественного союзника" русского народа, Чичерин определил стержневую линию всего переговорного процесса и будущего договора — готовность признать целостность и границы новой Турецкой Республики, определенные в Национальном Турецком Пакте, в обмен на признание российских интересов в вопросе открытия проливов и "известное исправление границ" (речь шла о статусе Батума и турецко-армянских границах).

Глава турецкой делегации, нарком народного хозяйства правительства ВНСТ Юсуф Кемаль-бей в своей ответной речи при открытии конференции заявил, что "при сложившихся условиях исторический детерминизм заставил бы оба наши народа прийти к соглашению даже в том случае, если бы это противоречило желанием правителей". "Я могу убедить всех работников, крестьян, рабочих и солдат российских, что рука, протянутая Вам турецким народом, есть честная рука, — отметил турецкий представитель. — Географические, исторические, экономические и политические условия указали нам путь в Россию. Представителям новой России говорю со всей присущей турку искренностью — верьте нам. Пусть совещаются те, кто направляет мировую политику. Они бессильны изменить ход истории, и все происходящие между ними совещания не заставят нас сойти с того правильного пути, на котором мы стоим".

Конференция создала комиссии, которые работали 10, 12, 14 и 16 марта. Важнейшим вопросом первого заседания политической комиссии стал

вопрос о границах и статусе Нахичевани, который, по существу, был вопросом о границах Азербайджанской ССР. Здесь дискуссия сразу пошла в направлении, заданном турецкой делегацией. Она заявила, что в силу самого факта призыва населением Нахичевани турецких войск для защиты от нападения вооруженных формирований дашнакской Армении, Нахичевань состоит под покровительством Турции. В связи с этим она заявила, что готова уступить это покровительство Азербайджану лишь при условии получения от Баку обязательства "не переуступать этого покровительства третьему государству". Данный подход был аргументирован тем, что "турецким войскам трудно было бы оставаться безучастными, если бы это вновь произошло, как это раз уже имело место, и если бы вновь повторилось избиение населения".

Российская делегация отметила опасность принятия подобного принципа "интервенции" и предложила следующую формулировку: автономия Нахичевани под покровительством Азербайджана". Выступая против содержащегося в предложении турецкой делегации тезиса об обязательстве Азербайджана не переуступать свое покровительство над нахичеванским районом третьим государствам, она высказалась в том плане, что простое признание нахождения данной области под покровительством Азербайджана является достаточной гарантией ее безопасности и страховкой от "переуступки" какой-либо стороне. Кроме того, российские дипломаты выступили против тезиса о том, что Турция "уступает покровительство", ввиду того, что, по их мнению, Александропольский договор (который в понимании турецкой делегации служил правовым основанием для присутствия турецких войск в регионе) не был ратифицирован, а призыв турецких войск населением Нахичевани не был юридически оформлен должным образом, чтобы служить основанием для такого "покровительства".

Российские дипломаты указали также на то, что включение в договор данного обязательства представляется затруднительным и ввиду того, что Советский Азербайджан не представлен на конференции. В связи с этим они предложили следующую формулировку: "область Нахичевани будет непрерывно связана с Азербайджаном и будет пользоваться автономией под его покровительством". Но в итоге по настоянию турецкой делегации была все же принята изначально предложенная ими формулировка о том, что Нахичеванская область "образует автономную территорию под покровительством Азербайджана при условии, что Азербайджан не уступит этого протектората никакому третьему государству".

Признавая, что в "нахичеванском вопросе" турецкая сторона преследовала, прежде всего, собственные интересы, связанные с обеспечением безопасности северо-восточных границ Турции, следует отметить, что фиксация в Договоре "обусловленной" азербайджанской принадлежности

Нахичеванской области имела важное политико-правовое значение и с точки зрения обеспечения азербайджанских интересов. Известно, с какой легкостью под лозунгом "пролетарской солидарности" и "революционного единения трудящихся Азербайджана и Армении" в этот период в Москве и под ее давлением в Баку принимались решения о присоединении азербайджанских территорий к Советской Армении. В этом плане зафиксированная в Договоре формулировка "обезопасила" Нахичевань от ее возможной переуступки Армении руками самих бакинских коммунистов в порыве их "революционного братания" с Арменией.

В целом же, подтверждение азербайджанского статуса Нахичевани в международном договоре, сторонами которого были наиболее влиятельные региональные соседи Азербайджана, имело важное значение для сохранения азербайджанской принадлежности данного региона и укрепления азербайджанской государственности в целом.

12 марта политическая комиссия конференции продолжила свою работу. В начале второго заседания турецкая делегация, ссылаясь на ноту Чичерина от 19 декабря 1920 г. в НКВД ВНСТ (в ней отмечалось, что российское правительство признаёт, что правительством дашнаков были "учинены жестокости, к коим не могло оставаться равнодушным командование турецкой армией"), привела конкретные факты проводившейся армянской армией политики насилия и террора в отношении мирного турецкого населения. В частности, было отмечено, что после перемирия 1918 г. армянскими регулярными силами был занят Карсский округ, где только в январе 1920 года были уничтожены 253 мусульманские деревни, было зверски убиты 14620 мужчин, женщин, детей и стариков. В округе Сарыкамьша были уничтожены 32 мусульманские деревни и убито около 2000 их жителей. Была сделана ссылка на приказ генерал-майора дашнакской армии Тер-Сисова от 30 января 1920 года, в котором объявлялось, что в случае неподчинения турецкого населения его требованиям, "он уничтожит их дома и имущество". Российская делегация без каких-либо комментариев приняла данные заявления к сведению.

По инициативе турецкой делегации был рассмотрен также вопрос о заключении Турцией соглашений с закавказскими республиками. Актуальность этого вопроса для правительства Анкары была связана с тем, что турки, реально оценивая степень "независимости" советских республик Закавказья, стремились через заключение двусторонних соглашений с ними заручиться дополнительными гарантиями обеспечения безопасности своих границ и выполнения положений базового договора с РСФСР. По иронии судьбы своим последующим самостоятельным выходом на международно-правовой уровень и превращением в субъект международного (Карсского) договора советские республики Закавказья были обязаны не Москве, упорно

сопротивлявшейся такому повороту событий, а настойчивости турецких представителей.

Российское правительство опасалось того, что с помощью этих соглашений турки попытаются усилить свое влияние на Грузию, Армению и особенно Азербайджан. В связи с этим российская делегация заявила о том, что если Турция заключит специальные соглашения с закавказскими республиками, последние "не потерпят ограничений их суверенитета и они получают в этом полную поддержку Российского правительства". За этой формулировкой скрывалась решимость Москвы до конца отстаивать свои интересы в закавказских республиках. Указав на отсутствие препятствий к заключению отдельных договоров с закавказскими советскими республиками, российская делегация заявила, что "Россия не может допустить включения в эти договора постановлений, ограничивающих их суверенные права".

Турецкая делегация в связи с этим заявлением несколько раз ставила на конференции вопрос о том, насколько независимыми являются закавказские республики. По логике турецких дипломатов, если Россия провозгласила независимость данных республик, то в качестве независимых государств они могли заключать международные договора. Что же касается связи между этими республиками и Россией, то она Должна была выражаться, по их мнению, лишь в том, что Россия может давать им советы. "Если же российская делегация возражает против всякого договора, ограничивающего их суверенитет, то, - отметил турецкий представитель, — представляется совершенно неизбежным определить, что понимается под ним". "В противном же случае, — как было подчеркнуто, — принимая во внимание, что всякий договор является в известном смысле взаимным ограничением суверенитета, открывается возможность для конфликта между Турцией и Россией. Поэтому безусловно необходимо установить, какие именно пункты ограничивают суверенитет Закавказских Советских Республик". В целом, турецкая делегация твердо придерживалась позиции о необходимости войти в переговоры с закавказскими республиками, чтобы договориться с ними как независимыми государствами по всем неразрешенным вопросам повестки дня конференции. При этом за советскими республиками признавалось право принять или отклонить турецкие предложения. Кроме того, во время этих переговоров Турция обязалась обсуждать лишь те вопросы, которые будут установлены в соглашении с Россией.

Российская делегация не могла возражать против такой постановки вопроса, так как должна была сохранять видимость независимого статуса закавказских республик, который, кстати, она активно использовала в ходе данных переговоров для защиты своих интересов по целому ряду других

важных вопросов российско-турецких отношений. Преследуя свои интересы, Москва не могла допустить ослабления контроля за переговорным процессом между Турцией и данными республиками. Тем более она опасалась того, что Турция сможет играть на противоречиях между закавказскими республиками и Россией. Эти опасения отчетливо проявились в дипломатической переписке между главой НКВД и российскими представителями в Закавказье. Уже после заключения Московского договора Чичериным была отправлена (1 апреля) в Тифлис телеграмма, в которой руководителям Советской Грузии были даны следующие инструкции в связи с предстоящими переговорами между Турцией и закавказскими советскими республиками. "Абсолютно необходимо, — указывал глава НКВД, — чтобы кавказские республики выступали с полной сплоченностью и, во-вторых, действовали во время этих переговоров в самом тесном контакте с нами". "Вы можете видеть, — подчеркивал он далее, — что турки спекулируют на разобщенности отдельных кавказских советских правительств и надеются выжать из них больше, чем им удалось получить здесь (в Москве — прим. авт.). Постараемся выработать здесь предварительные проекты договоров... чем ближе они будут одни к другим, и чем меньше будет между ними различий, тем труднее будет гуркам спекулировать на их разобщенности" (4, оп.4, п.5, д. 10, 110/2, т.2).

4 апреля 1921 г. Чичерин в аналогичном плане инструктировал Орджоникидзе и дал ему следующие рекомендации относительно того, какой должна быть переговорная позиция официальных Баку, Тифлиса и Эривани: "Договор между Турцией и Арменией должен отличаться от Договора между Турцией и Грузией некоторыми частностями. В нем должна быть статья, по которой обе договаривающиеся стороны объявляют состояние войны между ними оконченным. Особое значение для Армении приобретает статья об аннулировании всех предыдущих договоров, чем аннулируется Александропольский договор, до сих пор признаваемый Турцией. Мы миллионы раз заявляли во время русско-турецкой конференции, что не признаем Александропольский договор, и если турки выдвинут его опять, надо самым категорическим образом заявлять, что он не имеет силы и ссылаться на наше заявление. Александропольский договор настолько чудовищен, что всякая ссылка на него должна встретить самый резкий отпор. Можно прямо заявить, что Российская Республика не остановится ни перед чем, если бы была повторена попытка заставить Армению признать это договор".

Позиция Баку вызывала особое беспокойство российского наркома. Поэтому применительно к Азербайджану его инструкции звучали в более жесткой тональности: "В договоре с Азербайджаном должна быть воспроизведена статья 3 русско-турецкого договора (статья о статусе и границах Нахичеванской области — прим. авт.). Надо обратить особое

внимание на то, чтобы в договоре с Азербайджаном не было тех невозможных, недопустимых статей, которые оказались в проекте, выработанным турками с Шахтахтинским, где Турция фактически выступала в роли протектора Азербайджана. Турки склонны присваивать себе роль протекторов над всеми мусульманами всех стран. Этому никоим образом нельзя потворствовать, и в особенности Азербайджан должен самым решительным образом отстаивать свою независимость от всяких попыток Турции брать на себя роль покровителей мусульман других стран. Турки могут выступать только в роли покровителей выходцев или уроженцев турецкой территории, ничего более" (5, оп.4, п.5, д.27, лл. 9-11).

Важнейшим на втором заседании политической комиссии Московской конференции стал вопрос о границах между Нахичеванским округом и Советской Арменией. Здесь у сторон также были разные подходы. Турция, стремившаяся укрепить безопасность своих границ с Арменией (а фактически с Советской Россией), выступала за расширение границ и территории Нахичеванской области за счет населенных преимущественно азербайджанцами и граничащих с Нахичеванским округом районов Армении, что означало также увеличение протяженности турецко-азербайджанской (нахичеванской) границы. При этом турецкие представители обосновывали свой подход тем, что именно в этой области имели место "прискорбные события (так были обозначены депортация и этническая чистка в Нахичевани и азербайджанских районах Армении - прим. авт.), вызвавшие призывание турецких войск", и что "весь этот округ населен мусульманами" (4, оп.4, п.5, д. 11).

Российская делегация, напротив, стремилась к сужению зоны соприкосновения территорий Турции и Советского Азербайджана. В ответ на турецкое предложение по вопросу о границах Нахичеванской области российская делегация заявила, что предложенная турецкими экспертами "линия превышает максимум требований Азербайджана, никогда не выражавшего желания осуществлять свое покровительство над какой-либо частью Эриванского уезда", и отметила, что было бы предпочтительным придерживаться границы Шаруро-Даралагезского округа "как наиболее соответствующего этнографическому принципу". В итоге было решено Шаруро-Даралагезский округ отнести к территории Нахичевани, тогда как в спорной части Эриванского округа (в треугольнике Кёмурлу-Дага — гора Сарай Булак — станция Арарат) граница должна была стать предметом ратификации со стороны смешанной комиссии в составе представителей Армении, Азербайджана и Турции (там же).

Российско-турецкие переговоры закончились 16 марта 1921 г. подписанием между обеими странами Договора о дружбе и братстве. При заключении Московского договора между представителями РСФСР и Турции

имел место обмен нотами, которые существенным образом его дополняли. В ноте турецкого посла от 16 марта 1921 г. была выражена готовность — в целях установления между Турцией и Россией отношений, основанных на полной искренности и взаимном доверии — "немедленно без задержек и во всех подробностях сообщать Российскому Советскому Правительству о каждом заявлении или предложении со стороны всякой державы, ведущей в Азии политику, отличную от политики России, по вопросу о сближении или соглашении этой державы с Турцией", а также информировать российское правительство о всех переговорах между Турцией и вышеуказанными державами. Турция обязалась также не заключать каких-либо договоров, которые могли касаться интересов России, без уведомления последней. В ответной ноте российского наркоминдел от 16 марта российское правительство давало аналогичное обязательство турецкому правительству (цит. по 57, т. 1, 149).

Московский договор имел огромное историческое и стратегическое значение как для стран-подписантов (кемалистской Турции и Советской России), так и для Советского Азербайджана. В соответствии со статьей 1 -ой Договора Россия признавала Турцию в территориях, включенных в Национальный Турецкий Пакт от 28 января 1920 г., а также северо-восточную границу Турции (к Турции отходили районы Карса, Ардагана и Артвина), и, соответственно, новые границы советских республик Грузии, Армении и Азербайджана. Данная статья содержала также обязательства сторон не признавать "мирные договоры или иные международные акты, к принятию которых понуждалась бы силою другая из Договаривающихся Сторон". Правительство РСФСР соглашалось также не признавать какие-либо "международные акты, касающиеся Турции и не признанные Национальным Правительством Турции, представленным ныне ее Великим Национальным Собранием".

Важнейшими статьями Договора стали статья 2-ая, в соответствии с которой Турция уступала Грузии суверенитет над портом и городом Батума при условии предоставления его населению широкой местной автономии в административном отношении, обеспечивающей каждой общине ее культурные и религиозные права. Турция получала при этом право свободного транзита для товаров, отправляемых в Турцию или из нее через батумский порт. В статье 3-ей определялся статус и границы Нахичеванской области, которые затем были подтверждены в статье 5 и Приложении III Карсского договора. В соответствии с ними Турция, Армения и Азербайджан согласились в том, что Нахичеванская область в согласованных границах "образует автономную территорию под покровительством Азербайджана".

Важной статьёй Московского договора стала также статья 4-ая, где стороны признали, что "все Договоры, до сего времени заключенные между

обеими сторонами, не соответствуют обоюдным интересам". В данной статье правительство РСФСР заявило, в частности, что оно считает Турцию свободной от всяких к нему денежных или иных обязательств, основанных на международных актах, ранее заключенных между Турцией и царским правительством. В развитие данного обязательства Россия в статье 7-ой подтвердила, что, рассматривая "режим капитуляций несовместимым со свободным национальным развитием всякой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав, считает потерявшими силу и отмененными всякого рода действия и права, имеющие какое-либо отношение к этому режиму".

Стороны пришли к согласию относительно одного из важнейших вопросов российско-турецких отношений — вопросу о черноморских проливах. В соответствии со статьей 5-ой в целях обеспечения открытия проливов и свободною осуществлению торговых международных операций через них стороны согласились передать окончательную выработку международного статуса Черного моря и Проливов особой конференции из делегатов прибрежных стран при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столицы - Константинополя (Стамбула).

Московский договор обеспечил благоприятную политическую атмосферу и необходимую правовую базу для проведения Карсской конференции. В соответствии со статьей 15-ой Россия взяла на себя перед Турцией обязательство предпринять шаги в отношении закавказских республик, необходимые для обязательного признания этими Республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей Московского договора, непосредственно их касающихся. Выполняя свои обязательства по данной статье, российское правительство приняло активное участие в подготовке Договора о дружбе и братстве между Турцией и советскими республиками Закавказья, который был подписан при участии РСФСР 13 октября 1921 г. в Карсе, и в котором Советский Азербайджан выступил, как уже отмечалось выше, в качестве самостоятельного субъекта международного права.

Договор создал также правовую базу для оказания Турции существенной материальной, финансовой и военно-технической помощи как со стороны России, так и Советского Азербайджана, что сыграло огромную роль в достижении турками победы над силами многонациональной интервенции. Уже 25 марта 1921 г. наркоминдел Советского Азербайджана М.Д. Гусейнов отправил в Карс командующему восточным фронтом турецкой армии Карабекиру телеграмму, в которой подтвердил готовность правительства Советского Азербайджана на деле доказать свои "горячие симпатии турецкому народу и оказать ему посильную помощь". Гусейнов

сообщал, что из Баку при содействии Советской Грузии турецкому народу в Карс был отправлен первый нефтяной маршрут из 32 цистерн нефти и двух цистерн бензина. Азербайджанское правительство заверяло, что эта первая помощь Советского Азербайджана турецкому народу откроет "новую эру тесного общения братских народов на исторических путях раскрепощения Востока". "Новая эра" действительно открылась, так как помощь из Азербайджана продолжала поступать в течение всего года. А 10 октября 1921 г. на одном из заседаний Карсской конференции российский представитель Ганецкий заверил турецких делегатов в долгосрочном характере этого курса: "Что касается такого важного для Турции продукта, как нефть, то турецкая делегация может быть вполне уверена, что в частности Азербайджанская Республика в этом направлении окажет всякое возможное содействие и помощь" (4, оп.4, п.6, т.2, д. 14).

Одновременно с подписанием политического договора между представителями РСФСР и Турции была достигнута договоренность о предоставлении Турции финансовой помощи в размере 10 млн. золотых рублей. Из этой суммы 5.4 млн. были переданы по частям в течение апреля-июня 1921 г. 29 декабря 1921 г. и 29 апреля 1922 г. Советское правительство передало в Новороссийске турецкому консулу минное и артиллерийское имущество, винтовки, в 1922 году Турция получила оборудование для патронного завода. 3 мая 1922 Турция были переданы 3.5 млн. рублей золотом — последний взнос в счет 10 млн. рублей.

Московский договор, заключенный в период борьбы анкарского правительства против внешней интервенции (и внутреннего сопротивления султанского правительства), укрепил позиции кемалистов внутри страны и обеспечил им возможность добиваться столь же благоприятных условий в переговорах с другими государствами, открыв дорогу успехам турецкой дипломатии на крупных международных форумах. В частности, он усилил позиции турецкого правительства в переговорах с Францией, представители которой посещали Анкару с миссиями для заключения мирного франко-турецкого договора в течение 1920-1921 гг. В июне 1921 г. в Анкару для заключения с правительством ВНСТ военного, политического и экономического соглашения был направлен председатель комиссии по иностранным делам палаты депутатов Франции Франклен-Буйон, который безуспешно пытался сохранить в качестве базы переговоров положения Севрского договора и призывал турецкое правительство к замораживанию отношений с Россией.

Однако уже осенью, когда еще более очевидными стали преимущества Московского договора и турецкая армия при помощи российской военной помощи нанесла сокрушительное поражение греческой армии в битве на реке Сакарья, Франция возобновила переговоры с Турцией. Выступая в ВНСТ с

сообщением о победе на реке Сакарья Мустафа Кемаль заявил, отдавая должное роли России и российских военных поставок в борьбе анкарского правительства против иностранной интервенции: "Мы с Россией — друзья. Ибо Россия раньше, чем кто-либо иной, признала наши национальные права и проявила к ним уважение. При этих условиях как сегодня, так и завтра, да и всегда Россия может быть уверена в дружбе Турции".

В условиях неизбежного краха интервенции и нараставшей борьбы за сферы влияния между Парижем и Лондоном, Франклен-Буйон вновь прибыл в Анкару 20 сентября, где в тот же день было подписано Анкарское соглашение, в соответствии с которым предусматривалось прекращение состояния войны между сторонами, эвакуация французских и итальянских войск из Киликии, определена линия южной границы Турции. Соглашение было одобрено французским правительством 22 октября, а 4 января эвакуация французами Аданского вилайета была закончена. Турецко-французское соглашение стало очередным дипломатическим успехом кемалистов, так как означало признание Францией де-факто правительства ВНСТ и окончательный прорыв единого антитурецкого фронта стран Антанты.

В течение 1921-1922 гг. турецкая армия готовилась к решающим сражениям с внешней интервенцией при активной поддержке Советской России. После более чем годичной подготовки в конце августа 1922 г. турецкие войска разгромили главные силы греческой армии, 9 сентября заняли Измир. 11 октября 1922 г. державы Антанты (Англия, Франция, Италия) подписали в Муданье (на Мраморном море) договор о перемирии с Турцией. Муданийское перемирие (Греция присоединилась к нему 13 октября), завершившее греко-турецкую войну 1919-1922 гг., имело огромное значение для независимости молодой турецкой республики. Оно завершило национально-освободительную войну Турции против греческой интервенции, осуществлявшейся по Решению и при поддержке Антанты, заставило Антанту отказаться от Севрского договора 1920 г. и других планов раздела Турции, привело к эвакуации греческих войск из Восточной Фракии до реки Марицы.

Военные успехи позволили турецкой дипломатии более уверенно отстаивать свои позиции на мирной конференции в Лозанне, которая открылась 20 ноября 1922 г. и длилась до 24 июля 1923 г. Ее целью устроители конференции (Англия, Франция и Италия) объявили "окончательное восстановление мира на Востоке". В работе конференции принимали участие также представители Японии, Греции, Румынии, Югославии, Турции, США (в качестве наблюдателя). В обсуждении вопроса о режиме черноморских проливов участвовали РСФСР, Украина и Грузия, представленные единой делегацией, и Болгария, а при рассмотрении

некоторых второстепенных вопросов (главным образом, экономических) — также Албания, Бельгия, Голландия, Испания, Португалия, Норвегия и Швеция. 24 июля 1923 г. в Лозанне был составлен заключительный акт, констатирующий подписание участниками конференции 17 отдельных документов, важнейшими из которых стали Мирный договор между Британской империей, Францией, Италией, Грецией, Румынией, Югославией и Японией — с одной стороны, и Турцией — с другой, и Конвенция касательно режима проливов. Данный договор, ратифицированный ВНСТ второго созыва 23 августа 1923 г., оформил юридическое признание странами Антанты суверенитета турецкого государства, его территориальной целостности и независимости.

Анализируя причины победы Турции в освободительной войне 1920-1922 гг., глава НКИД Чичерин в своей статье "Лозаннская конференция и мировое положение" (опубликована в журнале "Международная жизнь", №2, 1923г.) с полным основанием отмечал, что "победа Турции есть наша победа". "Политической и моральной базой для этой отчаянной борьбы не на жизнь, а на смерть, — подчеркивал Чичерин, — послужили Советские республики", которые "дали возможность турецкому народу с величайшим напряжением всех сил отстоять свое существование". Российский нарком указал и на важный вклад советских республик в дипломатическую победу Турции в Лозанне: "Призрак Советской России витал над этим зеленым столом (на переговорах в Лозанне — прим. авт.). Победа Турции в этой новой обстановке есть снова наша победа" (114).

Статья Чичерина интересна также тем, что в ней в новой плоскости был упомянут традиционный "армянский вопрос". "Отказ от национального очага армян" наряду с полной ликвидацией режима капитуляций и другими достижениями турецких представителей в Лозанне глава НКИД назвал не только "громчайшей дипломатической победой Турции", но и "первым невиданным до сих пор примером отступления империалистических держав перед угнетенным народом Востока", что стало символическим отражением смены приоритетов в турецкой политике Москвы (там же).

Следует также отметить, что Московский договор имел огромное значение не только для Турции, но и для Советской России. Он стал важным элементом в последовательной политике Чичерина по выводу России из внешнеполитической изоляции, символом нового курса восточной политики Москвы. Наряду с подписанными 26 и 28 февраля 1921 г. в Москве договорами соответственно с Ираном и Афганистаном, российско-турецкий договор стал важнейшим элементом международно-правовой базы дружественных отношений Москвы с ближайшими восточными соседями, укрепил безопасность России в стратегически важных для нее закавказском и средневосточном регионах, позволил руководству Советской России

переключить усилия своей дипломатии на чрезвычайно сложное европейское направление. Данный Договор сохраняет свою силу и на нынешнем этапе российско-турецких отношений. Как отметил мининдел России С.В.Лавров (статья "Российско-турецкие отношения: новый этап" от 5 декабря 2004 г.), Россия одной из первых в 1920 г. установила дипломатические отношения с Правительством ВНСТ, а в 1921 г. заключила с ним "действующий и по сей день Договор о дружбе и братстве" (116).

7.2. "Армяне в Советском Союзе чувствуют себя обиженными": попытка ревизии Московского договора и депортация азербайджанцев из Армении.

Отмечая важную роль Московского договора в процессе формирования правовой базы российско-турецких отношений, его вклад в укрепление стабильных границ и военно-политической безопасности в Закавказье, следует учитывать, что в период 1939-1953 гг. советским руководством предпринимались попытки "исправить" отдельные его положения. События данного периода выходят за временные рамки нашей монографии, но их рассмотрение представляется нам достаточно актуальным с точки зрения подтверждения некоторых общих характеристик, касающихся места и роли Азербайджана в советско-турецких отношениях.

Предпосылки для "исправления" Договора 1921 г. и возникшего в связи с этим политического кризиса в отношениях между Москвой и Анкарой стали формироваться накануне Второй мировой войны. Осенью 1939 г. Турция, напуганная германской военной угрозой, выступила с инициативой заключения турецко-советского пакта о взаимопомощи. С этой целью ее министр иностранных дел Ш. Сараджоглу прибыл в Москву и в течение трех недель (с 26 сентября до 16 октября) вел сложные, и, как оказалось, безрезультатные переговоры с советским руководством. Последнее же, готовясь к предстоящему разделу сфер влияния с Германией в Европе в соответствии с пактом от 23 августа 1939 г. (и секретными протоколами к нему) и стремясь к расширению своего влияния на Балканы и Черноморские проливы, меньше всего было заинтересовано в союзе с Турцией и предоставлении ей каких-либо гарантий. Более того, СССР в этот период вынашивал конкретные экспансионистские планы в отношении турецкой территории. Это подтвердилось в ходе ноябрьских 1940 г. переговоров Молотова в Берлине, где советский нарком призывал немцев поддержать интересы Москвы в Турции, в частности, в зоне Проливов, имея все полномочия обсуждать вопрос о разделе Турции (39, 63-66).

В результате Москва не пошла навстречу Анкаре, и 19 октября 1939 г. Турция окончательно (в мае и июне 1939 г. она подписала с Англией и

Францией соглашения о взаимопомощи в случае агрессии в районе Средиземного моря) примкнула к антигерманскому англо-французскому блоку, подписав договор о взаимопомощи с Англией и Францией. При этом по инициативе Турции был подписан Дополнительный протокол к Договору, который предотвращал любые попытки втянуть ее в войну с СССР (там же, 53). Лишь 18 июня 1941 г. в условиях очевидной угрозы гитлеровской оккупации, Турция подписала с Германией Договор о дружбе и ненападении, в который вновь была включена оговорка о том, что "этот договор будет уважать нынешние обязательства обеих стран", а 25 июня объявила о своем нейтралитете.

Таким образом, в войну Турция вступила как невоюющий союзник и Англии, и Германии, что свидетельствовало о дальновидном стремлении Анкары сохранить нейтралитет и не осложнять отношения с Москвой. Важно подчеркнуть, что Москва в этот период не возражала против нейтрального статуса Турции. 10 августа 1941 г. Советский Союз и Великобритания сделали совместное заявление, в котором обязались уважать режим проливов и территориальную целостность Турции, а также оказать помощь Турции, если она окажется жертвой агрессии (39, 78). А в декабре 1941 г. — после успеха советских войск под Москвой — Сталин в ходе переговоров с британским министром А. Иденом предложил даже вознаградить Турцию за соблюдение нейтралитета. И, наконец, в совместном англо-советском заявлении накануне подписания 26 мая 1942 г. в Лондоне союзного договора между Великобританией и СССР вновь подчеркивалось уважение суверенитета Турции и понимание стремления ее руководства избежать вовлечения в войну (там же, 81-85).

В ходе самой войны Турция сотрудничала как с Германией, поставляя ей необходимые товары и стратегическое сырье (хром, руда, медь, хлопок, шерсть, кожевенное сырье) в обмен на германские кредиты, так и с США и Англией, причем от США она получила оружие на 90 млн. долл. В период острейшего военного и политического противостояния в мире Турция сохраняла договорные отношения с Англией и Германией, сотрудничала со всеми и получала поддержку от всех, развивая экономику и обеспечивая армию новейшими вооружениями. Иными словами, турецкое руководство в условиях мировой войны проводила в жизнь формулу Ататюрка "Турция превыше всего".

Однако в 1943 г. позиция Москвы по отношению к турецкому нейтралитету стала меняться. Как подчеркивает азербайджанский ученый Дж. Гасанлы, который провел комплексное исследование советско-турецких отношений в период 1930-50-ых гг. на основе ранее не использовавшегося архивного материала, в июле 1943 г. советский посол в Анкаре Виноградов уже предлагал наркому Молотову усилить давление на Турцию, подчеркивая,

что в изменившихся международных условиях "нейтральная Турция превратилась в неблагоприятный фактор, ибо Турция стала барьером, препятствующим союзникам перенести военные действия на Балканы". При этом посол считал, что даже отказ Турции "не был бы "бесполезен" для нас, так как увеличил бы счет наших претензий у Турции, который мы в свое время сможем ей предъявить" (цит. по: 39, 100).

В рамках Московской конференции министров СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 г.) Сталин в беседе с А.Иденом в более жесткой форме призвал союзников обеспечить вступление Турции в войну. "В настоящее же время турецкий нейтралитет, который был в свое время полезен союзникам, полезен Гитлеру, ибо он прикрывает его фланг на Балканах, — заявил Сталин, добавив, что если Турция претендует на участие в мирной конференции, "нужно, чтобы она внесла свой вклад в дело победы и заслужила участие в мирной конференции" (96, т. 1, 123).

Наступивший в войне перелом и усилившееся дипломатическое давление СССР на Турцию подтолкнуло ее к активизации политических контактов с руководством США и Великобританией. В конце 1943 г. в Каире состоялись встречи Рузвельта и Черчилля с турецким президентом Исметом Инёню (находился на посту президента с 11 ноября 1938 по 22 мая 1950 г.), которые показали, что Анкара по-прежнему является важным партнером США и Великобритании в регионе Черного и Средиземного, Ближнего и Среднего Востока. Как отмечал Черчилль на Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав (4-11 февраля 1945 г.), во время войны "позиция Турции была дружественной и полезной во многих отношениях". Выступая адвокатом Анкары в ее противостоянии с Москвой, британский премьер-министр предложил союзникам дать туркам "возможность раскаться на смертном одре" (96, т.4, 137). После сильного давления союзников, прежде всего Сталина, поставившего в Ялте условием участия Турции в будущей мирной конференции объявление войны Германии до конца февраля, 23 февраля 1945 г. Турция объявила символическую войну Германии (дипотношения с ней были разорваны Анкарой 2 августа 1944 г.) и Японии, что способствовало ее постепенному выходу из внешнеполитической изоляции.

1944 г. был ознаменован дальнейшим ужесточением политики СССР по отношению к Турции. В советском МИДе стали готовиться справочные и аналитические материалы, призванные обосновать и подготовить выдвижение территориальных претензий к Турции, пересмотреть положения Конвенции Монтрё 1936 г. по режиму проливов (там же, 109-110, 121). Важно при этом отметить, что новый турецкий курс Москвы, в основе которого лежало стремление расширить советское влияние в зоне проливов и пересмотреть предусмотренные Договором 1921 г. границы, дополнялся

масштабным планом сталинского руководства по созданию безопасной этнической полосы вдоль границы между Советским Союзом и Турцией. Из Крыма, Северного Кавказа и Грузии в Среднюю Азию и Казахстан была осуществлена массовая депортация народов, подозреваемых в политической неблагонадежности в силу географической, этнической и конфессиональной близости к туркам: в феврале 1944 г. началась депортация кавказских народов, в мае 1944 г. - крымских татар, а также болгар и греков. С ноября 1944 г. по январь 1945 г. была осуществлена также депортация проживавших в Южной Грузии турок-месхетинцев, причиной которой стали, как отмечалось в докладе Л.Берии И.Сталину, их "родственные отношения с жителями Турции" (118).

Напряжение в советско-турецких отношениях достигло своего пика 19 марта 1945 г., когда Молотов в беседе с турецким послом в Москве Сарпером заявил о денонсации советско-турецкого Договора о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. как утратившего свое значение и нуждающегося в серьезных изменениях (48, т. III, 275). Аналогичный шаг был предпринят и в отношении другого союзника Германии — 5 апреля 1945 г. советское правительство заявило о денонсации советско-японского договора 1941 г. о нейтралитете. В политическом смысле демарш в отношении Турции был направлен на то, чтобы подтолкнуть Анкару к выдвижению инициативы о заключении нового договора и "встретить" ее ответными требованиями об исправлении северо-восточной границы Турции. Москва перешла в открытое дипломатическое наступление, используя фактор союзного договора как средство давления на Анкару, а заодно и на своих западных союзников.

Победа в войне привела к заметной активизации советской внешней политики и на другом — иранском направлении. Еще 6 марта 1944 г. было принято постановление СНК СССР "О мероприятиях по усилению культурной и экономической помощи населению Южного Азербайджана". А в июне-июле 1945 г. советским руководством был принят ряд важных постановлений, которые свидетельствовали о готовности Москвы включиться в борьбу за влияние в стратегически важном регионе Южного Азербайджана, в том числе: 10 июня — постановление "Об организации советских промышленных предприятий в Северном Иране", 21 июня — "О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране", 6 июля — "О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана" (39, 116 и 151).

В известном смысле действия Москвы были закономерны. Рост военного могущества и политического влияния СССР как победившей державы объективно вел к увеличению радиуса его геополитических интересов. В отношении Турции эта закономерность приобретала еще более актуальный характер — на всем протяжении от Балтийского до Черного

морей Турция была единственным государством, не попавшим в сферу влияния Кремля.

Вопрос о новом договоре с СССР и противодействии его территориальным притязаниям был в центре внимания турецкой дипломатии в течение всего периода, предшествовавшего Берлинской (Потсдамской) конференции трех союзных держав (17 июля — 2 августа 1945г.). Москва открыто давала понять, что ее позитивная позиция по данному вопросу напрямую связана с территориальными уступками Турции. В частности, 7 июня в ходе беседы с турецким послом Сарпером Молотов заявил: "Если территориальная сторона вопроса, которая была в советско-турецком договоре решена в ущерб Советскому Союзу, в том числе Армении и Грузии, нашла бы свое решение, то этот момент имел бы большое значение в укреплении дружественных отношений на долгие годы между Советским Союзом и Турцией" (цит. по: 39, 163). Жесткая позиция Москвы вынудила Анкару обратиться в конце июня за помощью к США и Англии, которые накануне конференции активизировали свои усилия по выработке согласованной линии поведения по данному вопросу.

В итоге "турецкий вопрос", за которым фактически скрывался вопрос о территориальных претензиях Москвы к Анкаре и ревизии Московского договора, стал одним из важнейших в повестке дня Берлинского (Потсдамского) саммита, на котором рассматривалось послевоенное будущее Германии и другие актуальные вопросы послевоенного миропорядка. Именно здесь советские лидеры, пользуясь существенно усилившимися международными позициями СССР после победы в Великой Отечественной войне, впервые после 1921 г. поставили перед союзниками вопрос об "исправлении" предусмотренных Московским договором советско-турецких государственных границ.

Позиция СССР по данному вопросу была сформулирована на состоявшейся 16 июля вечером — накануне открытия конференции — беседе советского народного комиссара иностранных дел Вячеслава Молотова с министром Великобритании Антони Иденом (96, т.6, 39-41). Во время этой встречи глава НКВД в ответ на затронутый по инициативе его британского собеседника вопрос о русско-турецких отношениях заявил, в частности, следующее: "в 1921 г. турки воспользовались слабостью Советского государства и отняли у него часть Советской Армении. Армяне в Советском Союзе чувствуют себя обиженными. В силу этих причин Советское правительство и подняло вопрос о возвращении законно принадлежащих Советскому Союзу территорий".

В ответ на заявление удивленного Идена о том, что "англичане никогда раньше не слышали о территориальных претензиях Советского Союза к Турции", Молотов пояснил, что вопрос о территориальных претензиях

СССР к Турции возник потому, что турки предложили советскому правительству заключить с ними договор о союзе и спросили, на каких условиях оно готово было бы это сделать. "Естественно, — отметил Молотов, — Советское правительство ответило на этот вопрос турецкого правительства изложением своих условий". На высказанное британским министром мнение о том, что "турки не согласны на удовлетворение территориальных требований Советского Союза" (о позиции Анкары Идея был проинформирован во время его встречи с турецкими представителями в Лондоне, состоявшейся незадолго до конференции), советский нарком заметил, что "территория, о которой идет речь, не принадлежит туркам", которые "поступили несправедливо, отняв ее у Советского Союза".

Далее Молотов привел довод, который сильно напоминал принцип, лежавший в основе политики Российской империи по заселению в начале XIX в. территорий, присоединенных к России азербайджанских ханств армянскими иммигрантами из Турции и Персии: "Всего в Советской Армении живет около 1 млн. армян, а вне территории Советской Армении, за границей, проживает свыше 1 млн. армян. Когда территория армян расширится, многие армяне, проживающие за границей, будут стремиться возвратиться на родину. Армяне очень способные и энергичные люди, особенно в хозяйственных вопросах. Пусть турки отдадут Советскому Союзу армян, это будет справедливо". Как видно, советское руководство не скрывало своего стремления к созданию в стратегически значимой для нее приграничной советско-турецкой зоне этнически и конфессионально "надежного", как ему казалось, слоя пограничного населения за счет турецких армян.

Рассмотрение вопроса о территориальных претензиях СССР было продолжено 22 июля на шестом заседании глав делегаций и мининдел трех стран (там же, 143-146). Черчилль по данному вопросу осторожно дал понять Сталину, что и Анкара, и Запад ждут от Москвы улучшения отношений с Турцией, а не их обострения. "Мне совершенно ясно, — подчеркивал британский премьер, — что если Турция просит у Советского правительства заключения наступательного и оборонительного союза, то Советскому правительству представляется хороший случай заявить о том, как можно улучшить отношения между Турцией и Россией. Турцию, однако, встревожили выдвинутые условия".

Разъясняя по предложению Сталина для Черчилля позицию своей страны, Молотов на этом заседании вновь пояснил, что требование СССР о пересмотре границ возникло в связи с турецкой инициативой заключить союзный договор. При заключении союзного договора мы должны, отмечал глава советской дипломатии, "урегулировать взаимные претензии". "С нашей стороны имеются два вопроса, — указывал Молотов, — которые следует

урегулировать. Заключение союзного договора означает, что мы должны совместно защищать наши границы: СССР — не только свою границу, но и турецкую, а Турция не только свою, но и советскую границу. Однако в некоторых частях мы считаем границу между СССР и Турцией несправедливой. Действительно, в 1921 году от Советской Армении и Советской Грузии Турцией была отторгнута территория — это известная территория областей Карса, Артвина и Ардагана... Поэтому мною было заявлено, что для того, чтобы заключить союзный договор, следует урегулировать вопрос об отторгнутой от Грузии и Армении территории, вернуть им эту территорию обратно". В качестве второго важного вопроса Молотов проинформировал союзников о желании СССР внести изменения в правовой режим Черноморских проливов и создать в зоне Проливов советские военные базы.

И, наконец, последний раз вопрос "О Турции" обсуждался 23 июля на седьмом заседании глав правительств трех держав, на котором Сталин недвусмысленно заявил своим союзникам о намерении СССР вернуться к границам царской России (там же, 158-159). Коснувшись своего предложения об "исправлении границы", он подчеркнул, что "речь шла о восстановлении границы, которая существовала до первой мировой войны". "Я имею в виду район Карса, — заявил глава советской делегации, — который находился до войны в составе Армении (в составе Карсской области Российской империи; Армения появилась на политической карте региона 28 мая 1918 г. — прим. авт.), и район Ардагана, который находился в составе Грузии (в составе Ардаганского округа Карсской области — прим. авт.)". Вопрос о восстановлении старой границы не возник бы, отмечал Сталин, если турки не поставили бы вопрос о союзном договоре между СССР и Турцией. "А союз, — считал он, — это значит, что мы обязуемся защищать границу Турции, как и Турция обязуется защищать нашу границу. Но мы считаем, что граница в районе Карса и Ардагана неправильна, и мы заявили Турции, что, если она хочет заключить с нами союз, нужно исправить эту границу, если же она не хочет исправлять границу, то отпадает вопрос о союзе".

Итог дискуссиям по "территориальному вопросу" был подведен на этом же заседании президентом США Трумэнном, который заявил, что данный вопрос "касается только Советского Союза и Турции и должен быть решен между ними" (там же, 161). Перенос данного вопроса с повестки дня международной конференции на двусторонний советско-турецкий уровень означал, что США и Великобритания отказываются оказать давление на Турцию и обеспечить международную поддержку советским требованиям в вопросе Карса и Ардагана.

В целом, при рассмотрении в Потсдаме "турецкого вопроса" (так же, как и в подходе к рассмотрению в 1945-1946 гг. "южно-азербайджанского

вопроса"), союзники Москвы выступили против попытки Сталина добиться расширения советской территории за счет территории соседнего государства.

Взросшие амбиции Сталина, который к этому времени довел границу геополитического влияния Москвы до Центральной Европы,

открытые призывы советского вождя к восстановлению довоенных (1914 г.) границ Российской империи, за которыми скрывалось, в том числе, его стремление избавиться от унижения Брест-Литовского мира,

попытки Москвы изменить режим Черноморских проливов, включая создание здесь советских военных баз,

и, в целом, возрождение великодержавных тенденций во внешней политике СССР, находившегося после победы 1945 г. в зените своего международного могущества, — все эти факторы вкуче с реальной военной мощью Москвы уже не просто настораживали Вашингтон и Лондон, но и звали их к активным ответным действиям, а кое-где и к жесткому противодействию.

Вторая мировая война подходила к концу, и вместе с ней завершалась история особых союзнических отношений между тремя ведущими участниками антигитлеровской коалиции. Как отмечал в связи с этим советский историк Трухановский, первая половина 1945 г. была отмечена "усилением враждебности английского правительства к СССР. Это был период военного триумфа Советского государства и нарастания социальной революции в Европе. Черчилль в это время, по его собственным словам, готов был дойти "до грани войны с Россией" (100, 259). В своих мемуарах Черчилль признавал, что "уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений" с Москвой, и что он требовал в связи с этим "немедленно создать новый фронт против стремительного продвижения СССР" (цит. по: 57, т.1, 493).

Что касается Идена, то он, по мнению Трухановского, занимал в отношении СССР в это время даже более отрицательную позицию, чем Черчилль. Ссылаясь на английского историка Дэвида Дилкса, советский ученый отмечал, что в марте 1945 г. британский министр в одной из своих записок указывал на то, что "разрыв (с Советским Союзом — прим. авт.) представляется неизбежным". А в период Берлинской (Потсдамской) конференции Иден в записке Черчиллю сформулировал свою позицию в отношении к СССР следующим образом: "Во время предыдущих встреч, таких как в Тегеране и Ялте, мы встречались, сознавая, что Россия несет в этой войне тяжкое бремя и что ее человеческие потери и разрушения были самыми тяжкими и совсем не похожими на наши или американские лишения. Но сейчас все это уже в прошлом. Россия в настоящее время не теряет ни одного человека" (100, 259).

Чем дальше, тем больше "турецкий вопрос" превращался в фактор "пробуждения" Запада, смены приоритетов в его ближнее - и средневосточной стратегии. Бескомпромиссное давление СССР на Турцию было расценено в США и Европе не только как попытка включить ее в сферу своего влияния, но и как стремление Москвы расширить с помощью "турецкого плацдарма" свое военное и политическое влияние в Средиземноморье, в регионе Ближнего и Среднего Востока. Руководящие политические элиты Запада более активно стали высказываться за необходимость формирования стратегии сдерживания Советского Союза.

22 февраля посол США в Москве Джордж Кеннан в своей "длинной телеграмме" призвал свое правительство оказать противодействие растущей экспансии СССР и рассматривать его не как союзника, а как соперника (39, 295). А Черчилль 5 марта в своей знаменитой Фултонской речи прямо заявил, что Советская Россия "хочет сорвать плоды победы и, безраздельно пользуясь своей силой, широко распространять свои теории..." (там же, 308).

В марте 1946 г. посол США в Анкаре Е. Вильсон отмечал, объясняя причины кризиса, возникшего в отношениях между Москвой и Анкарой: "В созданной СССР зоне безопасности от Балтийского до Черного морей Турция создает большую пустоту. Турция ведет независимую внешнюю политику, а за советами и помощью обращается к западным демократиям. Советский Союз не хочет закрывать на это глаза. Поэтому и ставится цель - развалить нынешнее независимое турецкое правительство и создать вассальное или "дружественное" правительство, тем самым завершить цепь безопасности из зависимых стран на западных и южных границах СССР, а также положить конец западному влиянию в Турции" (там же, 314).

В июле 1946 г. ЦРУ подготовило секретный доклад "Внешняя и военная политика СССР", в котором делался вывод о том, что регион Среднего Востока является для СССР крайне притягательным с точки зрения расширения границ и представляет для него в стратегическом отношении интерес даже больший, чем Восточная Европа, так как здесь находится жизненно важная для него бакинская нефть - возможный объект воздушного нападения в потенциальной войне. Доклад призывал к изучению советской политики в этом регионе и стал важным этапом в формировании более активной политики США по данному вопросу (там же, 334-335).

В августе 1946 г. заместитель госсекретаря США Дин Ачесон предостерегал в одной из своих телеграмм, что "если Советский Союз добьется контроля над Турцией, то будет трудно помешать Советам взять под контроль Грецию, весь Ближний и Средний Восток". Из опыта мы знаем, подчеркивал Ачесон, что если уже Советский Союз возьмет верховенство на какой-либо территории, то там немедленно сходят на нет американское, да и в целом западное влияние. Анализируя возникшие для США угрозы, он

утверждал, что "для Америки жизненно важно предотвращение любых советских планов силой или угрозой применить силу добиться своего в отношении Дарданелл и Турции" (там же, 349-350).

В октябре 1946 г. глава Управления Ближнего Востока и Африки Госдепартамента США Хендерсон в своем секретном меморандуме также указывал на то, что политические последствия установления военного контроля СССР над Турцией приведут к крайне болезненным последствиям для США в Средиземном море, регионах Ближнего и Среднего Востока. Он считал необходимым в связи с этим оказать ей дипломатическую, моральную, экономическую и военную помощь (там же, 366-367).

Рассматривая вопрос о советско-турецкой конфронтации в послевоенный период, некоторые современные российские востоковеды считают, что выдвинутая турецким руководством летом 1945 г. инициатива заключения союзного договора с СССР свидетельствовала "об определенной политической растерянности Турции, оказавшейся после разгрома Германии, политические и экономические отношения с которой она поддерживала практически до конца войны, перед необходимостью поиска новых союзников" (101, 362).

Признавая факт политического смятения в правящих кругах Турции в связи с советским демаршем, который заставил турецкое правительство более энергично искать поддержки США и Англии и, в конечном счете, определил вектор дальнейшей эволюции ее внешней политики, хотелось бы обратить внимание также и на другой важный момент. В политико-дипломатическом противостоянии с Москвой Анкара проявила политическую стойкость и мужество, смогла сохранить суверенитет над Проливами и своими северо-восточными границами, обеспечить себе более высокий уровень региональной безопасности за счет стратегического союза с США и Западом. Как признал посол США в Турции Вильсон на своей прощальной пресс-конференции в Анкаре в августе 1948 г., "Турция смело, твердо и не колеблясь сопротивлялась сильному и упорному советскому давлению, которое продолжалось в течение нескольких лет" (цит. по: 39, 470-471). Косвенно успех турецкой дипломатии признал и Сталин, который на Московской конференции союзников в октябре 1943 г. раздраженно заявил британскому министру Идену, что "сейчас у Турции слишком много дружб: она имеет дружбу и с Германией, и союз с Англией, дружбу с американцами и с Советским Союзом" (96, т.1, 123).

Таким образом, сталинской дипломатии не удалось результативно разыграть "карту союзного договора" и добиться от Турции территориальных уступок. Выдвинув неприемлемые ни для Анкары, ни для вставших за ее "спину" Вашингтона и Лондона территориальные требования, она добилась прямо противоположного результата — Анкара заметно ускорила свое

движение в сторону НАТО и Запада. В мае 1951 г. США с целью укрепления юго-восточного фланга НАТО и усиления своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке заявили о поддержке приема Турции в НАТО. На оттавской сессии Совета НАТО в сентябре того же года вопрос о приеме Турции был рассмотрен и в принципе решен, а 17 октября в Лондоне страны-члены Альянса официально пригласили Турцию присоединиться к нему. 18 февраля 1952 г. турецкий парламент принял закон о вступлении в НАТО.

Лишь после смерти Сталина в Москве в рамках начавшегося процесса переосмысления сталинской внешней и внутренней политики созрели условия для проведения более реалистичного курса на турецком направлении и отказа от территориальных требований к стране, которая к этому времени уже была полноценным членом НАТО. 30 мая 1953 г. советское правительство в своей ноте правительству Турции окончательно заявило о своем отказе от требований по пересмотру границ с Турцией. "Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности, - отмечалось в данном документе, - правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о проливах, то Советское Правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции. Таким образом, Советское правительство заявляет, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции" (96, т.6, 514).

Итоговую политическую оценку авантюрным действиям сталинской дипломатии на турецком направлении в 1939-1953 гг. дал Первый секретарь ЦК КПСС Н.Хрущев в своем выступлении на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК: "Разбили немцев. Голова пошла кругом. Турки, товарищи, друзья. Нет, давайте напишем ноту и сразу Дарданеллы отдадут. Таких дураков нет. Дарданеллы - не Турция, там сидит узел государств. Нет, взяли ноту специальную написали, что мы расторгаем договор о дружбе и плюнули в морду туркам... Это глупо. Однако мы потеряли дружескую Турцию и теперь имеем американские базы на юге, которые держат под обстрелом наш юг..." (цит. по: 39, 509).

Действительно, после войны Турция окончательно превратилась — не в последнюю очередь "благодаря" усилиям Сталина и Молотова — в важный элемент западной дипломатии сдерживания наступательной внешней политики победившего в войне Советского Союза. Возрождалась неоднократно повторявшаяся в течение XVIII - первой половины XX вв. геополитическая закономерность противостояния в данном регионе между европейскими державами (с момента зарождения Восточного вопроса и до второй мировой войны это были, в основном, Франция и Англия) и Россией,

в котором обе стороны обращались к традиционным приоритетам своей внешней политики. Европа (теперь уже во главе с США), как и раньше, сделала ставку на Турцию как на инструмент сдерживания СССР у границ, определенных в Московском договоре 1921 г.

Что же касается России (СССР), то и она вернулась к своим традиционным инструментам уравнивания давления Запада и укрепления безопасности своих закавказских границ. В этом плане следует отметить, что важнейшим элементом сталинского курса на ревизию Московского договора стал активно используемый с весны 1945 г. армянский фактор. Именно Москва - сразу после заявления Молотова от 19 марта 1945 г. о денонсации советско-турецкого договора — привела в действие армянский фактор и инициировала многочисленные обращения в адрес руководства СССР как со стороны Советской Армении, так и зарубежной армянской диаспоры. Достаточно в этом контексте упомянуть письма руководителей Армянской ССР и армянской диаспоры США от 6 и 7 апреля, 15 мая, 4, 6 и 7 июля 1945 г., многочисленные заявления и меморандумы, в которых лидеры советских и зарубежных армян на удивление синхронно и согласованно с точкой зрения Москвы "обосновывали" территориальные претензии к Турции и призывали руководство СССР обеспечить возвращение зарубежных армян в Советскую Армению и присоединение в этих целях северо-восточных земель Турции к Армении (39; 154-157,187-189). Как откровенно заявляла незадолго до окончания войны выходящая в США армянская газета "Айреник", объясняя причины масштабной антитурецкой агитации армянской диаспоры, "вся наша работа в Америке, направленная на пользу армянского дела, служит одной цели: в один прекрасный день советское правительство захочет осуществить наши требования, и вот тогда понадобится политическое обоснование территориального расширения Армении, которое готовим мы" (цит. по: 39, 156).

18 августа 1945 г. советский НКВД подготовил - на основе соответствующих исторических справок НКВД Грузии и Армении — справку "К советско-турецким отношениям", второй раздел которой носил заголовок, не оставлявший сомнений в подлинной позиции советской дипломатии: "Вопрос о территории, отторгнутой Турцией от Закавказских Советских республик". В данном программном документе наряду с констатацией возросшей тяги зарубежных армян к возвращению на свою историческую родину — в Советскую Армению, подчеркивалось, что "теперешняя Советская Армения располагает крайне ограниченными возможностями для размещения зарубежных армян". В связи с этим делался недвусмысленный вывод о том, что "нет никаких разумных доводов против возвращения этих (турецких — прим. авт.) территорий их законным владельцам — армянским и грузинским народам". "Этого требуют, -подчеркивали авторы данной

справки, — законные права народов Закавказья, внесших вместе со всеми народами Советского Союза немалую лепту в дело спасения европейской цивилизации от фашистского варварства" (39, 216-217). Обращения партийного руководства Советской Армении получили политическую поддержку 21 ноября 1945 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), а 22 февраля 1946 г. Политбюро утвердило подготовленное советским правительством совместно с НКВД постановление "О практических мероприятиях по переселению армян из-за границы в Советскую Армению" (там же, 227-228 и 300). По линии НКВД СССР и Армении, а также других советских органов началась практическая работа по обеспечению процесса переселения.

Однако к лету 1946 г. для советского руководства стала очевидной бесперспективность территориальных претензий к Турции и попыток добиться пересмотра в свою пользу режима черноморских проливов. Малоэффективным оказался и процесс репатриации зарубежных армян — в 1946-1949 гг. число переселившихся в Советскую Армению армян составило около 90 тысяч человек, и в 1949 г. репатриация армян была официально прекращена решением Совета Министров СССР (там же, 413).

Хотя против Турции продолжалась, как и предлагало советское посольство в Анкаре, "война нервов" и "война на изматывание и финансовое истощение страны" (там же, 370), острое "турецкой" политики СССР было теперь перенацелено на Советский Азербайджан. Получив солидарный отпор Запада и Турции в удовлетворении своих территориальных амбиций, сталинское руководство в конце 1947 г. решило компенсировать провал своей политики "расширения Армении" реализацией программы "очищения Армении". В результате из Армении было депортировано ее азербайджанское население, которое компактно проживало на исторически принадлежавших ему землях, и "освобожденные" территории были заселены зарубежными армянами.

В связи с тем, что руководство Советского Азербайджана во главе с М.Дж. Багировым первоначально не поддержало планы Москвы и Еревана по улучшению жилищных и социально-экономических условий жизни армянских репатриантов за счет азербайджанского населения Армении, советское руководство прибегло к наиболее эффективному методу "убеждения" и "наведения порядка" в собственных партийных рядах — 21 ноября 1945 г. состоялось заседание Политбюро, на котором был обсужден вопрос "О ЦК КП(б) Азербайджана". Результатом оказанного на Азербайджан давления стало подписанное 3 декабря Багировым совместно с партийным руководителем Советской Армении письмо на имя Сталина с предложением переселить 130 тысяч азербайджанцев из Армении в Азербайджан (там же, 401-403). А 23 декабря 1947 г. Совет Министров СССР

за подписью Сталина принял Постановление № 4083 "О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР", дополнив его 10 марта 1948 г. Постановлением № 754 "О мероприятиях по переселению...", в соответствии с которыми в течение 1948-1950 гг. планировалось переселить из Армении в Азербайджан "на добровольных началах" 100 тысяч азербайджанцев. В данных правительственных документах была ясно обозначена и цель депортации — статья 11 постановления 1947 г. предписывала "разрешить Совету Министров Армянской ССР освобожденные азербайджанским населением постройки и жилые дома в связи с переселением их в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР использовать для расселения зарубежных армян, прибывающих в Армянскую ССР" (117).

Символичным в плане характеристики антиазербайджанской изнанки сталинской стратегии в Закавказье является тот факт, что армянские репатрианты, находившиеся в диаспорах своих стран под влиянием националистической, реваншистской и антисоветской идеологии, рассматривались кремлевским руководством как более надежный элемент (в политическом и этническом отношениях), чем советские азербайджанцы, с которыми и при активном вкладе которых Советский Союз только что победоносно завершил войну. Как показала практика, это был еще один ошибочный шаг в закавказской политике СССР. Репатрианты привнесли в Закавказье "вирус" армянского национал-шовинизма и антисоветизма, что очень скоро привело к изменению отношения к ним со стороны советского руководства. 4 апреля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление "О выселении дашнаков, проживающих в Армянской и Азербайджанской ССР", а 11 апреля аналогичное решение было принято в отношении армяндашнаков, проживавших в Грузии. В соответствии с данными постановлениями с июня 1949 г. в Алтайский край были высланы 12 тысяч неблагонадежных армян, среди которых было много недавних репатриантов (39, 413-415). Что же касается депортации азербайджанского населения из Армении, то в рамках реализации указанных постановлений, в 1948-1950 гг. из Армении было переселено 34382, а к концу 1951 г. — 37387 человек.

В целом, за период 1948-1953 гг. было переселено 53 тысячи человек (там же, 407-408). Данный процесс сопровождался трагической гибелью сотен переселенцев, масштабным уничтожением символов азербайджанской принадлежности покидаемых земель — переименованием прежних азербайджанских названий населенных пунктов Советской Армении, пик которого пришелся на 1945-1946 гг., уничтожением памятников древней азербайджанской архитектуры и культуры. Характерно, но до сих пор российская наука и историография предпочитает "не замечать" факт

насильственной депортации азербайджанцев из Армении. В изданном в 2005 г. под общей редакцией акад. А.Н.Яковлева сборнике "Сталинские депортации. 1928-1953" — капитальном труде на 904 страницах, который редактировали 15 российских академиков и который содержит, возможно, самый полный перечень всех этнических депортационных кампаний и операций в сталинский период, не нашлось места даже для косвенного упоминания об этой трагедии азербайджанского народа (97а).

Таким образом, судьба азербайджанского населения в этом регионе Закавказья в очередной раз была драматическим образом предопределена его географическим нахождением рядом с Турцией и этно-конфессиональной близостью к туркам. Этот фактор в условиях возрождавшегося советско-турецкого соперничества в регионе и в контексте укрепления советским руководством закавказских границ СССР диктовал, в соответствии со сталинской стратегией, необходимость укрепления этнически однородного обкома территории Советской Армении путем массового переселения проживавших в ней азербайджанцев в соседний Азербайджан.

Иными словами, после Великой Победы 1945 г. в очередной раз повторилась геополитическая закономерность антиазербайджанской конечной направленности всякого противостояния России с ее южными соседями — Турцией и Персией. Как и после русско-персидских и русско-турецких войн XIX-XX вв. и советизации Закавказья в 1920-1922 гг., политика 1947-1953 п. привела к вытеснению азербайджанского населения с мест его исторического проживания, сужению этнографических границ азербайджанского народа. Ни общность исторической судьбы, символом которой было более чем двухвековое соучастие азербайджанцев в создании и укреплении российского и советского государств, ни героическое участие (вместе с другими народами СССР) в Отечественной войне азербайджанского народа, потери которого (почти 300 тысяч человек) были сопоставимы с потерями основных союзников России — США (294 тысячи погибших в боях) и Великобритании (265 тысяч), не могли поменять этого традиционного взгляда советского руководства на них как на представителей чуждого (тюркского и мусульманского) геополитического проекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение всего XIX в. и начала XX в. закавказский регион играл важнейшую роль в российской геополитике. Его значение определялось уникальным географическим расположением на стратегическом перекрестке между Севером и Югом, Европой и Азией, Черным и Каспийским морями, христианской и мусульманской цивилизациями. Близость Закавказья к границам геополитических конкурентов России - Османской и Персидской империй - привела к включению расположенных здесь феодально-государственных образований с их населением в сферу внешней (а затем и внутренней) политики России, сделав их предметом "большой закавказской игры", призом которой был контроль над этим стратегически важным регионом. Эту борьбу Петербург вел сначала со своими традиционными соперниками - Стамбулом и Тегераном, а затем и с европейскими столицами - Лондоном, Берлином и, в меньшей степени, Парижем. Россия пыталась сохранить за собой и укрепить свои военно-политические позиции на этом плацдарме, а конкурирующие европейские и кавказские державы - превратить южную часть Кавказа в антироссийский буфер. В этом противостоянии северо-азербайджанские территории (сначала феодальные владения - ханства, а затем уезды и губернии) приобретали для России ключевое значение. Они "открывали" для нее проходы в Персию и Османскую империю, служили надежным тылом и барьером для сдерживания их антироссийских устремлений. Не будет преувеличением утверждение и о том, что в немалой степени российская геополитика в указанный период была закавказски интерпретированной политикой. На протяжении двух веков усиление позиций России в этом регионе символизировало рост ее международного авторитета и влияния, а их ослабление всегда было фактором военно-политического отступления России не только на Кавказе, но и в Европе.

С падением самодержавного режима в феврале-марте 1917 г. постепенно стали складываться предпосылки для самостоятельного развития Азербайджана. Первоначально его ведущие политические силы придерживались сформулированной ими еще в начале XX в. ориентации на обеспечение территориальной автономии Азербайджана в рамках демократической федеративной российской республики. Задачей-максимум азербайджанского национально-демократического движения была независимость Азербайджана во внутренних вопросах (административных, законодательных, культурных, финансово-хозяйственных и судебных) при сохранении за центральной российской властью полномочий в области обороны, внешней, финансовой и таможенной политики (89, 91). Однако российская история дала закавказским народам, в том числе и

азербайджанскому, шанс для реализации более смелых политических проектов и осуществления, как подчеркивал один из лидеров АДР, "выстраданного ими политико-культурного идеала будущего устройства, соответствующего их устремлениям, религиозным и историческим традициям" (81, 16-17). В результате, процесс "суверенизации" Закавказья, оторванного от российских политических центров (Москвы и Петрограда) и предоставленного самому себе, в своем развитии последовательно прошел несколько этапов и завершился провозглашением в апреле 1918 г. независимости Закавказской федеративной республики, а спустя месяц, в мае 1918 г., образованием трех де-факто самостоятельных государственных образований - Грузии (26 мая), Армении и Азербайджана (28 мая).

Период 1918-1920 гг., в течение которого Азербайджан развивался в качестве независимой парламентской республики, завершив вековую эволюцию от положения объекта регионального соперничества между Россией, Турцией и Персией к статусу самостоятельного, хотя и неравноправного субъекта международных отношений, зависимо от внешней политической и военной поддержки, представляет особый интерес для тех, кто интересуется азербайджано-российскими отношениями. Данный период не ознаменовался установлением равноправных межгосударственных отношений между двумя молодыми республиками, что лишь подчеркнуло центральное положение Азербайджана в закавказской стратегии России. Признавая возможность временного компромисса в отношении буржуазно-демократических Грузии и Армении, который в итоге привел к заключению мирных соглашений с этими республиками, большевистские лидеры Советской России исключали даже теоретически вариант дипломатического признания АДР. Богатый сырьевыми ресурсами, которые были особенно ценны для ослабленной в мировой и гражданской войнах российской экономики, и занимавший уникальное геостратегическое положение - такой Азербайджан был для Советской России неизмеримо более значимой, чем Грузия и Армения, "мишенью".

В результате, 23-месячный период жизнедеятельности АДР был отмечен действием двух противоположных тенденций. С одной - азербайджанской - стороны, последовательно реализовывался курс на установление равноправных отношений с Советской Россией, который отражал объективную заинтересованность национального правительства в решении трех важнейших задач на "северном" направлении: обеспечение дипломатического признания со стороны самого крупного и влиятельного соседа; установление с ним равноправных межгосударственных отношений, гарантирующих безопасность АДР; восстановление торгово-экономического обмена с Россией и традиционных российских рынков сбыта для бакинской нефти и других экспортных продуктов.

С другой - российской - стороны проводилась политика дипломатического непризнания АДР и военно-политического давления на нее, ослабления ее позиций на международной арене, целенаправленного расшатывания устоев азербайджанской государственности изнутри, усилиями региональной кавказской и бакинской большевистских организаций, представители которых легально действовали в Баку и были даже представлены в национальном парламенте. Эта политика была частью грандиозного по своим масштабам процесса, охватившего бывшую Российскую империю в 1917-1921 гг. В хаосе внешней интервенции, гражданской войны и "красного террора", своим острием ударившего, прежде всего, по русскому народу, рождалась новая, советская разновидность имперского государства. Оно строилось на иной социальной, политической и идеологической базе, но неизменной оставалась геополитическая цель его лидеров - собирание территорий бывших "окраин" и формирование традиционных для любой империи форм взаимодействия между "центром" и "периферией". В результате, в политике большевистской Москвы по отношению к АДР с самого начала стали формироваться подходы, поставившие ее в один преемственный ряд с самодержавным курсом Петербургского кабинета.

Стратегия Советской России в отношении АДР была predetermined не только стремлением большевистской власти обеспечить экономическое выживание "первой коммунистической республики" - хотя это и было приоритетной задачей. Оккупация Азербайджана, занимающего удобное положение на подступах к Турции и Ирану (важное с точки зрения эффективной реализации геополитических целей большевистской России в отношении этих стран) и располагающего морским портом, обеспечивающим кратчайший путь доступа к региону Средней Азии, позволяла решить целый ряд других стратегических задач нового советско-российского руководства.

Во-первых, она обеспечивала создание в регионе удобного плацдарма для последующей советизации меньшевистской Грузии и дашнакской Армении, и, в итоге, возвращения всего Закавказья в сферу российского влияния.

Во-вторых, важна была в плане решения чисто оборонительной задачи по блокированию для держав-конкурентов доступа к Закавказью, Каспийскому морю и региону Средней Азии.

В-третьих, создавала благоприятные условия для поддержки национально-освободительного движения в Турции, которое в силу своего антиантантовского, антиимпериалистического характера становилось на данном этапе единственным региональным союзником Советской России. Символичным в этом плане было то, что письмо Мустафы Кемаля - лидера данного движения и главы анкарского правительства, направленное 26

апреля 1920 г. в Москву на имя Ленина, в котором он предлагал установить дипломатические отношения и просил оказать Турции помощь в борьбе против внешней интервенции, совпало по времени с оккупацией АДР.

В-четвертых, установление советского режима в Азербайджане в апреле-мае 1920 г. имело важнейшее идейно-политическое значение для большевистских ортодоксов, выступавших за продвижение коммунизма за пределы Советской России. Оно придало поддерживающий импульс пошедшему на спад процессу "мировой революции", перспективы которой подверглись серьезной переоценке в связи с очевидным провалом попыток создания "советских республик" в Европе - в Баварии, Берлине, Венгрии, Словакии, странах Балтии. Еще 5 августа 1919 г. председатель Реввоенсовета Республики Троцкий в своем программном письме в ЦК РКП(б) вынужден был сделать вывод о том, что "инкубационный, подготовительный период революции на Западе может длиться еще весьма значительное время", и что "на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейских". Предлагая для советской внешней политики новые приоритеты ("операции на Востоке", "дорога в Индию"), главный идеолог и "министр обороны" Советской России отмечал, что международная обстановка складывается таким образом, что "путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии" (74, 360-362). Переворот в Баку позволил большевистскому Политбюро приступить к реализации этой задачи на соседнем направлении, открыв перспективу "экспорта советской революции" в Персию. Именно в Персии, через территорию Азербайджана, в середине мая 1920 г. началась (и осенью 1921 г. бесславно завершилась) кампания по организации антиправительственного переворота при поддержке левых персидских сил.

И, наконец, со сменой власти в Азербайджане открывалась Уникальная возможность для превращения пролетарского Баку в региональный центр пропаганды идей коммунизма и консолидации всех национально-освободительных движений Востока в качестве союзников Советской России в ее "революционной борьбе против капиталистов и империалистов". 29 июня 1920 г., едва завершив подавление прокатившихся по всему Азербайджану антисоветских выступлений (в Гяндже - 25-31 мая, в Карабахе - начало-середина июня, в Закаталах - 6-18 июня) и усмирение стратегически важных городов республики, Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о созыве в ее столице форума "родственных" антиимпериалистических сил. 1-7 сентября 1920 г. в Баку состоялся Первый съезд народов Востока, в котором приняло участие почти 1900 делегатов, представлявших 37 национальностей, стран и регионов. Замысел данного форума недвусмысленно отразился в принятых на нем документах, и, в

частности, "Тезисах о советской власти на Востоке", в которых отмечалась необходимость использования восточными народами опыта советского строительства в России (36, 303-304). Подчеркивая важное значение съезда, В.И. Ленин 15 октября 1920 г. прямо указывал на то, что "это есть такая сила, которая при любом конфликте, при любом кризисе проявит себя за Советскую Россию" (там же, 178).

Независимая идеология и внешнеполитическая ориентация "Первой Республики" не имели точек пересечения с вышеперечисленными геополитическими интересами Советской России. При этом последняя, даже в условиях охвативших ее хаоса и разрухи, продолжавшейся гражданской войны, внешней интервенции и экономической блокады со стороны стран Антанты, оставалась ведущим фактором влияния на закавказскую ситуацию и процесс национально-государственного строительства в АДР. Закономерно поэтому, что, возникнув на руинах Российской империи, в атмосфере царившего в ней многовластия, "Первая Республика" завершила свой исторический путь в момент окончания этой анархии и консолидации большевистским "центром" своей единоличной власти в стране.

Важно в связи с этим отметить, что абсолютно непримиримое отношение к идее независимости Азербайджана было характерно не только для большевиков, но и для оппозиционных им российских движений и партий самого широкого политического спектра - от Деникина до кадетов, меньшевиков и эсеров. Кроме того, фактическое отрицание за азербайджанцами Закавказья (или, как их еще называли, "закавказскими татарами" или "мусульманами") права на самоопределение и создание независимого государства сближало все эти силы с региональными (в России, Турции, Европе и самом Азербайджане) армянскими движениями. Курс на непризнание независимой АДР закономерно вытекал из идеологической и практической программы большевизма, но наибольший отклик и поддержку он нашел именно в армянских политических организациях (мартовский террор 1918 г. против мирного азербайджанского населения и летняя военная кампания Баксовета против правительства АДР). Независимо от своих индивидуальных партийных ориентации и программных целей, они претендовали на значительную часть территории АДР и рассматривали советско-российское (конец 1917 г. - август 1918 г.), а затем и британское (декабрь 1918г. — сентябрь 1919г.) военно-политическое присутствие в Баку и других регионах Азербайджана как удобный инструмент реализации своих аннексионистских целей. В наиболее открытой, агрессивной форме эта линия воплотилась в политике правительства дашнакской Армении, которая в течение всего периода жизнедеятельности "Первой Республики" вела боевые действия против АДР и поддерживала армянский сепаратизм в ее карабахском, зангезурском и нахичеванском регионах. Все эти факторы

подрывали внутривнутриполитическую стабильность в Азербайджане и ослабляли позиции его руководства в напряженных взаимоотношениях с большевистской Россией, и, в итоге, способствовали падению АДР.

Апрельский переворот 1920 г. и последующая большевизация Азербайджана привели к установлению принципиально новых, по форме и содержанию, взаимоотношений между Москвой и Баку. Подписанные в 1920-1921 гг. соглашения де-юре оформили потерю Азербайджаном своей независимости и заложили правовые предпосылки для его превращения сначала в своеобразную автономию в составе РСФСР, а затем и советскую союзную республику, вошедшую в СССР в составе ЗСФСР. По сути, Азербайджан стал одной из первых республик на пространстве бывшей царской России, на которой началось апробирование новых принципов взаимодействия между "центром" и "окраинами" в военной, политической и экономической областях. Новая модель возродила многие элементы (как негативные, так и позитивные) прежней самодержавно-имперской конструкции и спустя два года легла в основу союзного советского государства.

Сравнение различных этапов азербайджано-российских отношений позволяет сделать вывод о наличии в них целого ряда преемственных факторов и о своеобразной цикличности их истории. В этом контексте следует выделить, прежде всего, фактор внутривнутрироссийского цивилизационного развития, сыгравший применительно к Азербайджану позитивную роль. Трансформация феодально-государственных азербайджанских образований (ханств) в парламентскую республику, первую на мусульманском Востоке, стала возможной благодаря столетнему периоду их политического, экономического и социально-культурного развития в составе Российской империи. Иными словами, азербайджанская независимость 1918-1920 гг. "выросла" из колониальной зависимости 1812-1917 гг., вобрав в себя все плюсы и минусы данного периода при его бесспорном созидательном конструктивном значении для азербайджанской государственности. В этом плане уместно указать на:

территориальную консолидацию ранее раздробленных и нередко конфликтовавших между собой северо-азербайджанских ханств;

социально-экономическое и культурное развитие их коренного населения, которое ускорило процесс превращения "закавказских татар" в азербайджанскую этно-политическую общность;

формирование национально-государственного самосознания, азербайджанской интеллигенции и языка, который претерпел эволюцию от "татарского" наречия до "тюркско-азербайджанского" и, наконец, "азербайджанского" языка, а также другие позитивные последствия внутривнутрироссийского развития.

Проводя аналогии с положением азербайджанских тюрок в соседних империях - Османской и Персидской, можно сделать исторически очевидный вывод о том, что только внутрироссийский вариант их развития открывал перспективу для появления азербайджанской государственности. И только на этом "пути" они были защищены от национально-культурной ассимиляции, как это произошло с ними в этнически (турецком) и конфессионально (персидском) родственных социумах. Этот тезис легко подтверждается при рассмотрении положения азербайджанцев в современном Иране. Нельзя не заметить, что руководство этой страны, которое всегда опасалось потенциального сепаратизма среди иранских азербайджанцев и их увлеченности идеей объединения "Северного" и "Южного" Азербайджана, и сегодня обеспокоено возможным влиянием независимости Азербайджана на целостность и безопасность иранского государства.

В указанном преемственном ряду следует выделить также армянский фактор, который оказывал деструктивное воздействие на эволюцию азербайджано-российских отношений. В рамках стратегического соперничества с соседними иноверными державами (Турцией и Персией) Петербург (а затем и Москва) рассматривали армянскую иммиграцию как удобный инструмент выравнивания исторически сложившегося в этом регионе (и невыгодного для российской власти) демографического доминирования автохтонного тюркоязычно-мусульманского населения и укрепления южных границ российского государства. В результате в российско-имперский период данных отношений (1805-1917) на присоединенных к России азербайджанских территориях произошло радикальное изменение демографической, а вслед за ней социально-экономической и культурной ситуации. Несмотря на относительную этно - и веротерпимость российской имперской власти (Петербургского кабинета и Кавказского наместничества), ее избирательно-покровительственная политика по отношению к "своим", игравшим роль важного этнического инструмента колонизации (причем в ущерб изначально планировавшейся русской колонизации края), в противовес "чужим", которые воспринимались преимущественно как потенциальные "агенты влияния" этнически и конфессионально родственных Турции и Персии, пролегла по всем сферам региональной жизнедеятельности азербайджанцев. Эта стратегия наглядно проявилась, в частности, в создании неравных возможностей в области социально-экономического и культурного развития, школьного образования, создания национальной печати, религиозных и благотворительных учреждений, службы в армии и формирования национальной офицерской элиты, доступа в административные структуры Кавказского наместничества и империи в целом.

В советско-российский период (1917-1920) данный фактор использовался уже большевистским "центром" как союзный в борьбе с азербайджанским национально-демократическим движением и АДР. После насильственной смены власти в Азербайджане в апреле-мае 1920 г. его действие проявилось в создании нагорно-карабахской (армянской) автономии в составе Советского Азербайджана при игнорировании дискриминационного положения азербайджанского населения в Советской Армении, а также в присоединении к этой республике новых азербайджанских территорий из состава Зангезурского и Нахичеванского районов.

Крайне актуальным в проблематике азербайджано-российских отношений периода 1918-1921 гг. является вопрос о роли внешнего (регионального и международного) фактора. Зажатая в геополитическом "треугольнике" (Россия-Турция-Персия), каждая "вершина" которого преследовала цели, не совместимые с интересами независимой азербайджанской государственности, АДР не получила ожидаемой поддержки от влиятельных мировых держав в укреплении своего суверенитета и независимости. Ведущие державы-победительницы в Первой мировой войне (Англия, Франция, США и Италия) не располагали такими возможностями, а, главное - они изначально рассматривали "Первую Республику" прежде всего как удобный "полигон" для решения собственных прагматичных задач и интересов, а ее независимость (от большевистского влияния) - как необходимое условие их реализации. Показательной в этом плане была позиция лондонского правительства. Оно было заинтересовано в превращении АДР в антироссийский буфер, препятствующий проникновению Советской России в сферу влияния Британской империи, в использовании ресурсов и территории Азербайджана для укрепления антибольшевистского, прежде всего денкинского, движения, а также в стабильном функционировании нефтяного коридора Баку-Батуми. Таким образом, проблема безопасности АДР (в ее военном, политическом и экономическом аспектах), с которой столкнулись ее власти с первых дней существования республики, не имела "внероссийского" решения. В то же время, "российское" решение исключало вариант независимого существования молодой республики. В результате период самостоятельной жизнедеятельности АДР продлился ровно столько времени, сколько его потребовалось руководству Советской России для мобилизации своих военных, политических и иных ресурсов для свержения "Первой Республики", роспуска ее правительства и парламента.

Интересным представляется рассмотрение вопроса о роли вышеуказанных преемственных факторов в развитии современного Азербайджана - "Третьей Республики" (если принять за "Вторую

Республику" Советский Азербайджан периода 1920-1991 гг.) и современных азербайджано-российских отношений. Нынешняя Азербайджанская Республика, как и АДР в 1918 г., возникла в результате распада крупного государства, в состав которого она входила, и её независимость также была подготовлена длительным (70-летним) периодом всестороннего формационного развития Советского Азербайджана в составе СССР. На новом историческом витке фактор внутримперского (в его советской версии) развития вновь сыграл свою позитивную, созидательную роль, обеспечив возрождение и укрепление республиканско-государственных институтов Азербайджана, дальнейшее развитие национальной культуры и науки, образования и литературы, государственного самосознания азербайджанского народа.

Сохранил свою функцию и другой преемственный фактор - армянский, который в новых исторических условиях по-прежнему занимает, как нам представляется, одно из самых "почетных" мест в иерархии региональных приоритетов России, играет роль важного этнополитического инструмента сохранения и укрепления российского влияния в Закавказье, эффективного противовеса усилению позиций Азербайджана и стоящих за ним (или рядом с ним) третьих стран в этом регионе. Показательной в плане характеристики преемственной роли данного фактора является нынешняя позиция Москвы по межгосударственному армяно-азербайджанскому конфликту вокруг Нагорного Карабаха. Анализ ее официальных подходов к проблематике суверенитета, территориальной целостности и самоопределения, прежде всего тех, которые прозвучали с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, приводит к выводу о том, что они в максимальной степени совпадают с подходами и интересами Азербайджана. Во всех своих декларациях на международных форумах российские представители подчеркивают важность соблюдения именно тех принципов и норм права, признания которых применительно к нагорно-карабахскому конфликту добивается азербайджанская дипломатия. В качестве наиболее яркого примера в данном плане можно привести выступление российского представителя в третьем комитете 56-ой сессии ГА ООН по вопросу "Право наций на самоопределение" (1 ноября 2001 г.), в котором, в частности, была зафиксирована предельно четкая позиция России по данному вопросу: "право на самоопределение, при всей своей важности, не может и не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств". "Иной подход, - как было справедливо подчеркнуто в этом выступлении, - чреват деградацией сути самоопределения до уровня сепаратизма, который, особенно в своей агрессивной форме, превратился

сегодня в один из главных источников внутригосударственных конфликтов и региональной нестабильности. Убеждены в том, что мировое сообщество обязано решительно пресекать любые сепаратистские проявления, жестко и последовательно защищать принципы суверенитета, территориальной целостности государств и нерушимости их границ. При этом необходимо полностью искоренить случаи поощрения и поддержку сепаратистских сил извне" (47а, 98).

Однако, декларируя эти общепризнанные нормы и принципы и требуя их безусловного соблюдения применительно к самой себе, Россия, как видно из ее официальных заявлений, воздерживается от признания территориальной целостности Азербайджана, включая Нагорный Карабах, и его суверенитета над этим регионом. Данная позиция маскируется конструктивно-двусмысленными тезисами о том, что Россия "не признает Нагорный Карабах в качестве независимого государства" (120), и что "основная ответственность за урегулирование конфликтов на территории СНГ принадлежит вовлеченным в них сторонам, а сама Россия готова оказывать добрые услуги по достижению компромиссных и взаимоустраивающих решений" (121). Важно при этом подчеркнуть, что позиция Москвы (как, впрочем, Вашингтона и Парижа) в отношении нагорно-карабахского урегулирования отчетливо контрастирует с ее подходами к абхазскому и южно-осетинскому, а также приднестровскому конфликтам. В основе последних лежит, несмотря на все нюансы и особенности российской политики по отношению к Грузии и Молдове, безусловное признание Москвой территориальной целостности данных стран. Хотя нельзя исключать и того, что и здесь позиция России может претерпеть изменения, в том числе и под влиянием процессов косовского, а возможно, и нагорно-карабахского урегулирования, которые приобретают сегодня все большее значение как в контексте обеспечения европейской и южнокавказской безопасности, так и в плане эволюции международного права. Во всяком случае, тезис о необходимости придания универсального характера принципам решения косовской проблемы, прежде всего в привязке к неурегулированным конфликтам постсоветского пространства, уже прозвучал в России на самом высоком - президентском - уровне (122).

Еще одним существенным моментом, позволяющем реально оценить роль и место вышеуказанного фактора в российской политике, является беспрецедентный - не имеющий аналогов в СНГ - уровень военно-политических и военно-технических отношений России с Арменией. В частности, речь идет о сотрудничестве по таким направлениям, как совместное использование объектов военной инфраструктуры, совместная боевая подготовка подразделений, функционирование в рамках ОДКБ Кавказской (объединенной российско-армянской) войсковой группировки,

вывод имущества и военной техники с российских военных баз в Грузии в Армению. Понятно, что официально данные формы сотрудничества не направлены против Азербайджана. Но очевидно и другое - они существенно укрепляют военные и политические позиции одной из сторон армяно-азербайджанского противостояния в ущерб другой, усиливают бескомпромиссность переговорной линии официального Еревана.

Что касается международного фактора, то и здесь в значительной мере проявляются законы преемственности и цикличности. В современных, радикально изменившихся международных отношениях, как и в период 1918-1920 гг., нефтяные ресурсы "Третьей Республики", ее уникальное стратегическое положение между Севером и Югом, Западом и Востоком, Черным и Каспийским морями, делает ее желанным объектом межгосударственной конкурентной борьбы. Причем не только в рамках традиционного "кавказского треугольника", но, в гораздо большей степени, между ведущими игроками на закавказском пространстве - Россией, США и, отчасти, Европой. Вашингтон в своей южно-кавказской политике преследует стратегическую цель диверсифицировать поставки энергоносителей на мировые рынки, которая в том числе призвана лишить Москву экономических, транспортно-энергетических и политических рычагов воздействия на страны региона и, таким образом, вывести их из сферы влияния России. Кроме того, высокоприоритетными в структуре американских интересов в Азербайджане являются такие соображения, как контроль за процессами, происходящими в каспийском бассейне и центрально-азиатском регионе, а также оказание стратегического давления на иранский режим. Иными словами, территория Азербайджана является важной и удобной "площадкой" для реализации внешнеполитической и энергетической стратегий Вашингтона, его стремления создать здесь для себя на долгосрочную перспективу каналы для управления геополитическими процессами на всем евразийском пространстве.

Что касается России, то в ее региональной стратегии на данном этапе в целом превалируют, как нам представляется, не наступательные, а консервативно-охранительные подходы. Она признает интересы "некавказских" держав в Закавказье, и в частности, в Азербайджане, и призывает их к прозрачной деятельности в этом регионе, но в то же время делает акцент на том, что эти интересы не сопоставимы с российскими по качеству. Иными словами, Москва по-прежнему рассматривает это пространство как зону своих жизненных интересов и своего традиционного присутствия, хотя и демонстрирует заинтересованность в превращении данного региона в зону согласованной активности между ведущими державами. "Всем понятно, - подчеркивает в связи с этим минидел России С.В.Лавров, - что то, что мы называем постсоветским пространством, не

может быть обустроено без России и вопреки России. Мы готовы к поиску *modus operandi* с другими партнерами, но только на условиях транспарентности, взаимного уважения и учета интересов" (123). В этом контексте Россия особое внимание уделяет Азербайджану, который уже занял важное место в стратегии энергетической безопасности США и Запада. Москва, как нам представляется, готова допустить прозападную ориентацию Баку и некоторые элементы его военного сотрудничества с США и НАТО, но исключает при этом интеграцию своего южного соседа в глобальные военно-политические механизмы и дипломатические комбинации США и Запада, прямо или косвенно направленные против России.

Однако, несмотря на разновекторность глобальных и региональных интересов Москвы и Вашингтона, на данном этапе они сходятся как минимум в одной точке. Обе мировые столицы заинтересованы в реализации такой стратегии, которая максимально снижала бы вероятность армяно-азербайджанской конфронтации. В этом контексте они рассматривают любые попытки дестабилизации статус-кво, сложившегося в Азербайджане и в нагорно-карабахском урегулировании, как угрозу своим интересам. Отмеченное совпадение интересов конкурирующих великих держав при отсутствии международного дипломатического давления на страну-агрессор затрудняет для азербайджанской стороны достижение приемлемой для нее развязки нагорно-карабахского "узла". Добавим — затрудняет, но не делает невозможным. Многое здесь зависит в том числе и от того, как дальше будет развиваться российская стратегия Азербайджана, какие приоритеты в ней будут расставлены, а главное — как они будут на практике реализованы политической элитой республики, которая сегодня стоит перед серьезным и ответственным выбором. Или смириться с этно-конфессиональной избирательностью региональной политики России, ее конструктивно-двусмысленной позицией по армяно-азербайджанскому конфликту, и, как следствие, дистанцироваться от серьезного партнерства с РФ (речь, разумеется, идет о наиболее "чувствительных", стратегических сферах сотрудничества), или же, напротив, использовать имеющиеся различия во взглядах как отправные точки для целенаправленной работы с Москвой по поиску путей сближения с ней, нахождения сфер пересечения интересов и выравнивания, в итоге, сложившегося в ее закавказской политике странового дисбаланса.

Как нам представляется, интересам безопасного и устойчивого развития "Третьей Республики" отвечает именно второй вариант, который, и это важно подчеркнуть, не исключает возможностей продвижения ее национальных интересов через многообразные, в том числе ориентированные на США и Европу, альянсы. Следует отметить, что для движения в данном направлении руководством Азербайджана в течение последних десяти лет, и

особенно начиная с 2000 г., были созданы самые благоприятные предпосылки. К их числу можно отнести доверительный и конструктивный диалог на высшем уровне, развитую нормативно-правовую базу сотрудничества, активное взаимодействие в политической, экономической и гуманитарной сферах, совместное участие в каспийских энергетических проектах и использовании международных транспортных инфраструктур. Важную роль в этом плане может сыграть Бакинский саммит президентов Азербайджана и России (21-22 февраля 2006 г.), по итогам которого, как отмечается в Совместном заявлении глав двух государств, было выражено намерение поднять двусторонние отношения "на качественно новый уровень". Обращает на себя внимание более акцентированный подход лидеров двух стран, И.Алиева и В.Путина, к вопросу о двустороннем военном и военно-техническом сотрудничестве. Исходя из интересов национальной безопасности своих стран, они подтвердили готовность "активизировать расширение и укрепление" данного сотрудничества, рассматривая его в качестве "важной составляющей стратегического партнерства" (124).

Следует подчеркнуть, что предлагаемое продвижение Азербайджана к созданию более эффективной модели двустороннего сотрудничества может быть поддержано самой Россией, которая учитывает и стремится с выгодой для себя использовать важную роль Азербайджана в обеспечении стабильности и безопасности на Южном Кавказе, его растущий политический вес, усиливающийся экономический потенциал и связующую позицию в функционировании региональных транспортно-энергетических коридоров. Кроме того, Москва понимает, что односторонняя ориентация на своего традиционного, к тому же не самого влиятельного (и зачастую завышающего "цену" своих союзнических "услуг") регионального союзника становится фактором ослабления, а не усиления ее позиций в Закавказье.

В соответствии с одним из своих многочисленных определений геополитика является "географическим разумом государства". В современных условиях этот "разум" требует, как нам представляется, дальнейшего повышения роли и места российского фактора в структуре внешнеполитических приоритетов Азербайджана. По сути, речь идет о реализации в новых условиях стратегического курса азербайджанского лидера Гейдара Алиева в отношении России, в основе которого лежало стремление усилить роль прагматического императива закавказской политики Москвы (через многоплановое азербайджано-российское сотрудничество с акцентом на нефтяные проекты) с тем, чтобы максимально нейтрализовать влияние ее исторически непоколебимых конфессионального и этнического императивов. Дальнейшее развитие указанной стратегии представляется крайне важным в силу следующих факторов.

Во-первых, по степени своего возможного, позитивного или негативного, влияния на безопасность Азербайджана ни одна из соседних с ним стран не может составить конкуренцию России, что надолго определяет ее приоритетное место как минимум в региональной, южно-кавказской политике Азербайджана. В развитие этого тезиса хотелось бы отметить, что пассивность в отношениях со столь важным партнером может ослабить позиции Азербайджана в регионе, и, прежде всего, в противостоянии со страной-агрессором. В связи с этим было бы крайне невыгодным, как представляется, использование такой внешнеполитической схемы, при которой роль России оценивалась бы лишь в жесткой увязке с ее страновыми симпатиями, т.е. в контексте российско-армянских отношений. Тем самым была бы неоправданно принижена самостоятельная ценность России как партнера, и, что более важно, был бы потерян шанс подтолкнуть ее к тому, чтобы и она, в свою очередь, перестала (пусть не сразу и не полностью симметрично, но поэтапно и соразмерно) рассматривать Азербайджан сквозь призму американо-азербайджанского партнерства, как "агента влияния" в некоей антироссийской стратегической комбинации и форпост усиления западного (натовского) влияния в регионе.

Во-вторых, невысокое (относительно потенциальных возможностей двустороннего партнерства) качество отношений с Россией делает Азербайджан уязвимым и в международном плане - в диалоге и взаимодействии с теми партнерами, которых он, возможно, считает своими более приоритетными союзниками. И, напротив, развитые отношения с Россией важны с точки зрения усиления экономических и политических позиций Азербайджана во взаимодействии с США, странами Европы, Турцией и Ираном, расширения его возможностей для успешного политического маневрирования и комбинирования в отношениях с данными странами. Ведь очевидно, что высокие уровень и качество партнерства между Баку и Москвой могли бы подтолкнуть эти страны к более внимательному отношению к Азербайджану, более серьезному учету азербайджанского фактора в своей региональной политике. Иными словами, чем эффективнее Азербайджан будет на российском векторе, тем лучше будут его перспективы на других векторах, и, в итоге, тем результативнее будет его внешняя политика.

В-третьих, динамичные, насыщенные активным взаимодействием отношения с Россией по всему спектру межгосударственного сотрудничества, в том числе в области безопасности, полезны и важны сами по себе. Ни с одной другой страной мира у Азербайджана нет столь широкой и глубокой (более чем двухвековой) общности исторических судеб, столь высокой степени свободы в области передвижения товаров, капиталов, знаний и людей. Поэтому необходимо, на наш взгляд, стремиться к более

заинтересованному сотрудничеству с Россией по всем основным темам - экономической (торговля, инвестиции), гуманитарной (культура и наука, образование и др.), миграционной, которая превратилась в важный "скрепляющий" фактор двусторонних отношений, а также в области безопасности (включая военно-политические и военно-технические аспекты), которая, к сожалению, в целом остается *tabula rasa* - чистым листом в азербайджано-российском сотрудничестве. Актуальность последнего направления многократно возрастает в связи с тем, что в настоящее время складывается тенденция в пользу превращения южно-кавказского пространства в поле совместной ответственности и согласованного взаимодействия внутри нового "силового треугольника" - между Россией и США - прежде всего, а также ЕС. При этом не исключено, что в процессе урегулирования региональных конфликтов, прежде всего, нагорно-карабахского, США и Запад передадут Москве, как минимум, немалую часть ответственности в процессе обеспечения безопасности на Южном Кавказе.

В силу всего вышеперечисленного стратегия Азербайджана на российском направлении должна, как нам представляется, строиться на основе сохранения и дальнейшего развития позитивного опыта двухвекового взаимодействия и минимизации влияния негативных прецедентных факторов. Курс на всестороннее развитие отношений с великим северным соседом - при безусловном сохранении собственных интересов и национально-государственного достоинства - может и должен стать фактором увеличения геополитического веса "Третьей Республики", укрепления ее суверенитета и территориального единства, безопасности и устойчивого развития в современном многополярном мире.

**Список использованных архивных фондов, документов,
литературы и периодических изданий**

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), фонд 04 "Секретариат Чичерина. 1919-1930".
2. АВП, фонд 566 "Отдел печати (обзоры прессы, досье ТАСС, вырезки из газет). 1917-1976".
3. АВП, фонд 094 "Референтура по Ирану".
4. АВП, фонд 0132 "Референтура по Турции".
5. АВП, фонд 0148 "Референтура по Закавказью".
6. АВП, фонд 0323 "Дипагентство НКВД СССР в Баку".
7. АВП, фонд 207 "Полпредство РСФСР в Армении".
8. АВП, фонд 0331 "Дипагентство НКВД в Ереване".
9. АВП, фонд 0416 "Советская делегация на Карсской конференции".
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), фонд 130 "Совет Народных Комиссаров РСФСР".
11. ГАРФ, фонд 1235 "ВЦИК Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918-1938".
12. ГАРФ, фонд 3316 "Центральный Исполнительный Комитет СССР. 1922-1940".
13. ГАРФ, фонд 5297 "Управление Шушинского уездного воинского начальника Азербайджанской Республики (секретный отдел). 1919".
14. ГАРФ, фонд 5677 "Административная комиссия при Президиуме ВЦИК. 1918-1933".
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), фонд 64 "Кавказское бюро ЦК РКП(б)".
16. РГАСПИ, фонд 80 "Киров С.М.".
17. РГАСПИ, фонд 85 "Орджоникидзе Г.К.".
18. РГАСПИ, фонд 558, опись 11 "Сталин И.В.".
19. Авторханов А. Империя Кремля (журнальный вариант). Серия "Экспресс-книга". Минск-Москва, 1991.
20. "Азербайджан", 5 ноября 1989 г.
21. "Азербайджан", 8 ноября 1989 г.
22. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Армия (документы и материалы). Баку, 1998.
23. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Внешняя политика (документы и материалы). Баку, 1998.
24. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Парламент (стенографические отчеты). Баку, 1998.
25. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Законодательные акты (сборник документов). Баку, 1998.

26. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Архив Главного управления наместника Кавказского, т. II-VII, под ред. А.П. Берже, Тифлис, 1867-1878.
27. Алиев М.С. История Ирана. XX век. М., 2004.
28. Аскеров-Кенгерлинский А.М. Трагедия Азербайджана (Предисловие и публикация А. Рустамова). Журнал "Хазар", №1, 1990, с. 68-87.
29. "Бакинский рабочий", 21 апреля 1918 г.
30. Бакиханов А. Сочинения. Записки. Письма. Баку, 1983.
31. Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917). М., 2004.
32. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917-1918 гг. Б., 1957.
33. Бондаревский Г.Л. Трагедия Кавказа. Факты из истории на основе документов Public Record office, Лондон. Архив автора.
34. Буниятов З.М. Мифы и мифотворцы. "Азербайджан", 6.11.1989.
- 34а. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Части 1-3. СПб., 1869.
35. Величко В.Л. Кавказ: русское дело и междуплеменные вопросы (факсимильное издание). Б., 1990.
36. В.И. Ленин об Азербайджане. Баку, 1970.
37. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII - начало XIX вв.). М., 1978.
38. Выскочков Л.В. Николай I. ЖЗЛ. Серия биографий. М., 2003.
39. Гасанлы Джамиль. СССР-Турция: полигон холодной войны. Баку, 2005.
40. Глинка С.Н. Описание переселения армян Адербиджанских в пределы России. М., 1831.
41. Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. в 2-х т., Изд-во "Правда", М. 1971.
- 41а. "Гуммет", 5 апреля 1920 г.
42. Гусейнов Г. Краткий обзор исторических аспектов армяно-азербайджанского противостояния. "Diplomatiya Aleml", Б., № 4, 2003.
43. Дарабади Парвин. Военные проблемы политической истории Азербайджана начала XX века. Баку, 1991.
44. Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности. Кавказский сборник. Т.1 (33), М., 2004, с. 28-48.
45. Дегоев В.В. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX века). Кавказский сборник. Т.2 (34), М., 2005, с. 90-109.
46. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920., Минск, 2002.
47. Дипломатический вестник МИД РФ, № 1, 2002.

- 47а. Дипломатический вестник МИД РФ, № 12, 2001.
48. Дипломатический словарь в трех томах. Под ред. А.А.Громыко, С.А. Голунского, В.М. Хвостова. М., 1960.
49. Дневник П.Н. Милукова. 1918-1921. М., 2004.
50. Донесения Председателя делегации Азербайджанской Демократической Республики на Версальской конференции АДР (март-декабрь 1919 г.). "Хазар", Баку, 1989 г., №1.
51. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т.1 "Очерк Кавказа и народов, его населяющих", книга II "Закавказье". С.-Пб., 1871.
52. Записка "О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного преуспения населения кавказского края" (Предисловие и публикация Л.И. Цвижбы). Кавказский сборник. Т.2 (34), М., 2005, с. 145-168.
53. Зелинский С.П. Экономический быт государственных крестьян Зангезурского уезда Елизаветпольской губернии. Тифлис, 1886.
54. Ибрагимбеги Х.М. Россия и Азербайджана в первой трети XIX в. (из военно-политической истории). М., 1969.
55. "Известия", 17.09.2004., № 172.
56. История Азербайджана по документам и публикациям. Под ред. академика З.М. Бунятова. Баку, 1990.
57. История внешней политики СССР в двух томах (1917-1976). Под ред. А.А. Громыко и Б.Н.Пономарева. М., 1976.
58. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг., С.-Пб., 1836.
59. История дипломатии в двух томах. Под ред. В.П.Потемкина. М., 1941.
60. Ишханян Б. Народности Кавказа. Петроград, 1916.
61. Кавказские мусульмане по материалам особого отдела канцелярии наместника Кавказа. 1912 г. (Публикация Д.Ю. Арапова). Кавказский сборник. Т.2 (34), М., 2005, с. 168-189.
62. "Кавказский календарь на 1846г. Издание Канцелярии Кавказского наместника". Отделение третье. Народонаселение. Тифлис, 1845.
63. "Кавказский календарь на 1850 г.", Тифлис, 1849.
64. "Кавказский календарь на 1901 г. Под ред. Е.Кондратенко". Тифлис, 1900.
65. "Кавказский календарь на 1903 г. Под ред. Е.Кондратенко". Тифлис, 1902.
66. "Кавказский календарь на 1908 г.", Тифлис, 1907.
67. "Кавказский календарь на 1913 г. Под ред. Эльзенгера и Стельмашука". Тифлис, 1912.
68. "Кавказский календарь на 1914 г.", Тифлис, 1913.

69. "Кавказский календарь на 1917 г. Под ред. Стельмашука. Отдел статистический. Пространство и население Кавказского края к 1 января 1916г. поданным уездной администрации". Тифлис, 1916.
70. Канадпев И.К. Очерки закавказской жизни. Отдельные главы. Баку, 1990.
71. Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. Под ред. М.С. Мейера. М., 1999.
72. Киров С.М. Статьи, речи, документы. М., 1936.
73. К истории образования Нагорно-Карабахской Автономной области Азербайджанской ССР. 1918-1925. Документы и материалы. Баку, 1989.
74. Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт (документы, мнения, размышления). М., 2000.
75. Кулиев Э. Возродится ли Албанская церковь? НПО "Право выбора", № 4, апрель 2004.
76. "Красный архив", №1 (26), М., 1928.
77. Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996.
78. Ленин В.И. Избранные произведения в трех томах. М., 1980.
79. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М., 1976.
80. Любин Д.М. Российское присутствие в Иране в первой половине XX в. (военно-исторический аспект). Иран и СНГ (сборник статей). М., 2003.
81. Меморандум, предъявленный находящимся в Константинополе Почетным представителям держав Антанты членом Правительства Азербайджанской Республики, Чрезвычайным Министром-Посланником при Правительствах Блистательной Порты, Армении и Грузии Али Марданбеком Топчибашевым (ноябрь 1918). Баку, 1993.
82. Минасян С.М. "Самурский лев" (князь М.З. Аргутинский-Долгорукий). Исторический портрет. Кавказский сборник. Т. 1 (33). Под редакцией Н.Ю. Силаева. М., 2004.
83. Мустафаева Н.Ч. Ханства Южного Азербайджана в конце XVIII — первой четверти XIX вв. (на азерб. языке). Баку, 1995.
84. Несмачная С. Первое издание архивных документов на Кавказе. Кавказский сборник. Т.2 (34), М., 2005, с. 350-362.
85. Никоноров (иеромонах Алексей). История христианства в Кавказской Албании. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. <http://baku.eparhia.ru/history/albania>
86. "Описание Карабахской провинции, составленное на 1823г. по распоряжению главноуправляющего в Грузии Ермолова действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-м.". Тифлис, 1866.
87. "Отечественные записки", 1828, № 93
88. Присоединение Восточной Армении к России, Ереван, 1972.
- 88а. Присоединение Кавказа к России. XIX век. СПб., 2005.

- 89.** Программа Тюркской партии федералистов (Мусават). "Хазар", № 1, 1989.
- 90.** Расул-заде М.Э. Азербайджанская Республика (на азерб. языке). Баку, 1990.
- 91.** Расул-заде М.Э. О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой (с предисловием Н.Жордания). Париж. 1930.
- 92.** Сахиб Джамал. Карабахская хроника. Журнал "ИРС-Наследие", М., №№ 7-9, 2004.
- 93.** Свиетоховский Тадеуш. Русский Азербайджан. Журнал "Хазар", Баку, №№ 1-3, 1990. Оригинальная публикация — Swietohowski Tadeusz. Russian Azerbaijan. 1905-1920. The shaping of National identity in a Muslim community Cambridge University Press. Cambridge, 1985.
- 93а.** Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. Баку, 1991.
- 94.** Сироткин В.Г. Почему Троцкий проиграл Сталину? М., 2004.
- 95.** Скибицкий М.А. Карабагские казенные летние пастбища. — В кн.: Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе, Тифлис, 1898, т.4.
- 96.** Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг., Сборник документов, гг. 1-6, М., 1984 (том 6-ой - в издании 1980 г.).
- 96а.** Советский Азербайджан: мифы и действительность. Баку, 1987.
- 97.** Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Партиздат ЦК ВКП(б). М., 1935.
- 97а.** Сталинские депортации. 1928-1953. Под общей ред. акад. А.Н. Яковлева; составители Н.Л.Поболь, П.М. Полян. М., 2005.
- 98.** Топчибашев А.М. Дипломатические беседы в Стамбуле (1918-1919). Под редакцией Г. Гасанова. Баку, 1994.
- 99.** Трухановский В.Т. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1968.
- 100.** Трухановский В.Г. Антони Иден. Страницы английской дипломатии, 30-50-е годы. М., 1974.
- 101.** Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 2001.
- 102.** "Утверждение русского владычества на Кавказе", т. I-IV, Тифлис, 1901-1906.
- 103.** Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004.
- 104.** Ушаков А.Г. Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М., 2002.
- 105.** Фадеева И.Л. От империи к национальному государству. Идеи турецкого социолога Зии Гёк Алпа в ретроспективе XX века. М., 2001.

106. Файгл Эрих. Правда о терроре. Армянский терроризм — истоки и причины. Баку, 2000.
107. Шавров Н.Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье. Предстоящая распродажа Мугани инородцам. С.-Пб., 1911.
108. Шаумян С. Избранные произведения в двух томах. М., 1958.
109. Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.
110. Цимбаева Е.Н. Грибоедов. ЖЗЛ. Серия биографий. М., 2003.
111. Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
112. Эльчинбекян А.М. Установление Советской власти в Армении. Ереван, 1954.
113. <http://www.karabakh-doc.gen.az/ru/istoch/is020.htm>.
114. <http://www.mid.ru>. Архивная служба. ИДД. Информационные материалы ИДД. Бюллетени. Неизвестный Чичерин.
115. <http://www.arax.ru/tom/314.html>. Декрет Совета Народных Комиссаров о "Турецкой Армении"
116. <http://www.mid.ru>. Статья Министра иностранных дел России С.В.Лаврова "Российско-турецкие отношения: новый этап", опубликованная в турецкой газете "Туркиш Дэйли Ньюз" 5 декабря 2004 года.
117. <http://www.azeri-info.com/postan4083.htm>,
<http://www.azeri-info.com/postan754.htm>.
118. <http://www.day.ua/127019>. Малиновская Е. Судьба "наказанного" народа. К 60-летию депортации турок-месхетинцев.
119. <http://genocide.ru>. Документы. Договоры 1813-1997 гг.
120. <http://www.mid.ru>. Ответ заместителя официального представителя МИД России Б.Н.Малахова на вопрос российских СМИ в связи с предстоящими т.н. "президентскими выборами" в Нагорном Карабахе. 7 августа 2002 г.
121. <http://www.mid.ru>. Статья Министра иностранных дел России С.В.Лаврова для "Дипломатического ежегодника-2005" "Внешне-политические итоги 2005 года: размышления и выводы". 12 декабря 2005 г.
122. <http://www.kremlin.ru/sdocs/appears.shtml> Стенографический отчет о совещании с членами Правительства. 30 января 2006 г.
123. <http://www.mid.ru>. Тезисы выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в Стэнфордском университете, Сан-Франциско, 20 сентября 2005 г.
124. <http://www.mid.ru>. Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В.Путина и Президента Азербайджанской Республики И.Г.Алиева, 26 февраля 2006 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Азербайджано-российские отношения в 1918-1920 гг.	12
1.1. "Мы хотим как можно более крупного государства": вопрос о самоопределении "окраин" в идеологии большевиков	12
1.2. "Их победа в Баку привела бы к потере Закавказья для России": провал попыток военного разгрома АДР (апрель-сентябрь 1918г.).....	21
1.3. "Мы отвергаем эти шутовские республики": политика и дипломатия Советской России по отношению к АДР в 1918-1920 гг.	42
1.4. "Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это": подготовка и осуществление апрельского переворота	86
Глава 2. "Мы обязываемся заставить Азербайджанскую Республику войти в круг Советских государств": о некоторых причинах падения АДР	105
Глава 3. "Азербайджан, живший своим хлебом, теперь сидит без хлеба, а голодные Грузия и Армения теперь имеют хлеб в избытке": двусторонние отношения после установления советской власти в Азербайджане (1920-1922 гг.)	143
Глава 4. Карабах: от "мусульманского владения" до армянской автономии	159
4.1. "Стараться всячески призывать армян, а басурман зело тихим образом, чтобы не узнали, сколь возможно убавлять": исторические корни карабахской проблемы.....	159
4.2. "Считаем себя временно в пределах Азербайджана": попытка мирного урегулирования карабахского конфликта в период АДР	200
4.3. "Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджанской ССР": создание армянской автономии в Азербайджане в "советский" период.....	209
Глава 5. Армянский фактор в региональной политике России и российско-азербайджанских отношениях	237
5.1. "Кавказские власти готовы жертвовать русскими интересами во имя армянских": "армянский вопрос" в дипломатии царизма.....	237

5.2. "Я все время предостерегал и предостерегаю против односторонней ставки на одно мусульманство": Армения в региональной политике Советской России	253
Глава 6. "Эта бакинская линия срывает всю нашу восточную и мировую политику": азербайджанский фактор в персидской политике Советской России	277
Глава 7. Азербайджан в советско-турецких отношениях	298
7.1. "На Турцию перенесен центр тяжести нашей восточной политики": Московский договор 1921 г. и границы Азербайджана	298
7.2. "Армяне в Советском Союзе чувствуют себя обиженными": попытка ревизии Московского договора и депортация азербайджанцев из Армении.	323
Заключение	338
Библиография	353